

Уровень жизни населения регионов России

Издается с 1992 года
Выходит 4 раза в год
DOI 10.12737/ISSN.1999-9836

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ОАО «ВСЕРОССИЙСКИЙ ЦЕНТР УРОВНЯ ЖИЗНИ»

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
от 2 декабря 1996 г. № 015476

Перерегистрирован 26 августа 2013 года ПИ №ФС77-55146

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Бобков В.Н. — д-р экон. наук, проф., засл. деятель науки Российской Федерации, ген. директор ОАО «Всероссийский центр уровня жизни»

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Волгин Н.А. — д-р экон. наук, проф., засл. деятель науки Российской Федерации, первый заместитель ген. директора Всероссийского центра уровня жизни

Калмыков С.Б. — канд. социол. наук, руководитель Центра подготовки кадров высшей квалификации и дополнительного профессионального образования ОАО «Всероссийский центр уровня жизни»

Артамонов Г.Н. — канд. филос. наук, доцент, заместитель главного редактора журнала «Уровень жизни населения регионов России»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бобков В.Н. — д-р экон. наук, проф., засл. деятель науки Российской Федерации, генеральный директор ОАО «Всероссийский центр уровня жизни»

Бурак П.И. — д-р экон. наук, проф., директор Института региональных экономических исследований

Герций Ю.В. — канд. социол. наук, зам. директора Учебного центра «Профессионал», Московское государственное образовательное учреждение

Гонтмахер Е.Ш. — д-р экон. наук, проф., зам. директора Института мировой экономики и международных отношений РАН

Григорьев С.И. — д-р социол. наук, проф., чл.-кор. РАН, зам. ген. директора ОАО «Всероссийский центр уровня жизни»

Калашников С.В. — д-р экон. наук, канд. психол. наук, проф., заслуженный экономист России, председатель комитета по охране здоровья Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации

Субетто А.И. — д-р филос. наук, д-р экон. наук, проф., засл. деятель науки Российской Федерации, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, вице-президент Петровской академии наук и искусств, президент Ноосферной общественной академии наук

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Бабосов Е.М. — д-р филос. наук, проф., акад. Национальной академии наук Беларуси, почетный директор Института социологии Национальной академии наук Беларуси

Городяненко В.Г. — д-р социол. наук, проф., зав. кафедрой социологии социально-гуманитарного факультета Днепродзержинского национального университета им. О. Гончара

Риччери М. — проф., генеральный секретарь Римского института политических, экономических и социальных исследований

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА 5

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА: НЕУСТОЙЧИВОСТЬ ЗАНЯТОСТИ

Решетников Е.Н.
Проблема неустойчивости занятости собирает международный форум в Москве
(на русском языке) 7

Решетников Е.Н.
Проблема неустойчивости занятости собирает международный форум в Москве
(на английском языке) 9

Херрманн П.
Прекаризация — вызов к пересмотру политики повышения благосостояния
(на русском языке) 11

Херрманн П.
Прекаризация — вызов к пересмотру политики повышения благосостояния
(на английском языке) 17

Бобков В.Н., Черных Е.А.
Влияние неустойчивой занятости на переходы молодежи на рынке труда
(на русском языке) 23

Бобков В.Н., Черных Е.А.
Влияние неустойчивой занятости на переходы молодежи на рынке труда
(на английском языке) 39

Матвеева Т.А.
Влияние неустойчивости занятости на трудовые доходы российских работников и на их удовлетворенность трудом 56

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Коулман Дэвид А.
Международная миграция в Европе в XXI веке: настоящее и будущее 69

Ионцев В.А., Прохорова Ю.А.
Международная миграция населения в контексте демографической теории 83

Хепп Р-Д — д-р социол. наук, проф. Свободного университета, г. Берлин, ФРГ

Хусаинов Б.Д. — д-р экон. наук, зав. отделом исследований глобализации и региональной интеграции Института экономики Министерства образования и науки Республики Казахстан

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Демьяненко В.А. — канд. филос. наук, доцент, отв. секретарь журнала «Уровень жизни населения регионов России»

Гулюгина А.А. — канд. экон. наук, заместитель руководителя Научно-образовательного центра проблем доходов и потребительских бюджетов населения ОАО «Всероссийский центр уровня жизни»

Евсеев В.О. — д-р экон. наук, главный научный сотрудник-консультант научно-образовательного центра проблем доходов и потребительских бюджетов населения ОАО «Всероссийский центр уровня жизни»

Колбанов В.Ф. — засл. экономист Российской Федерации, директор Департамента комплексного анализа и прогнозирования Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации

Литвинов В.А. — д-р экон. наук, проф. кафедры «Безопасность жизнедеятельности» ГБОУ ВПО «Московский городской педагогический университет»

Мацуляк И.Д. — д-р экон. наук, профессор кафедры экономической теории Государственного университета управления, заслуженный деятель РФ

Меньшикова О.И. — д-р экон. наук, проф., гл. научный сотрудник Научно-образовательного центра проблем регулирования социально-трудовых отношений и социального развития ОАО «Всероссийский центр уровня жизни»

Павлюченко В.Г. — д-р экон. наук, проф., зав. кафедрой экономики и финансового права филиала Российского государственного социального университета

Пашин Н.П. — д-р экон. наук, проф., первый заместитель генерального директора ОАО «Всероссийский центр уровня жизни»

Прокудин В.А. — д-р экон. наук, гл. научный сотрудник Научно-образовательного центра проблем регулирования социально-трудовых отношений и социального развития ОАО «Всероссийский центр уровня жизни»

Смирнова Н.А. — д-р экон. наук, проф. кафедры государственных и муниципальных финансов финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Фролова Е.Б. — канд. экон. наук, начальник Управления статистики уровня жизни и обследований домашних хозяйств Федеральной службы государственной статистики

Яковлев И.Г. — д-р социол. наук, президент научно-издательской компании «Контент-Пресс», главный редактор журнала «Управление мегаполисом»

Издатель:

ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М»
127282, Москва, ул. Поляная, д. 31В, стр. 1
Тел.: (495) 280-15-96,
Факс: (495) 280-36-29
E-mail: books@infra-m.ru
http://www.infra-m.ru

При перепечатке ссылка на журнал «Уровень жизни населения регионов России» обязательна.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции

Все поступившие в редакцию материалы подлежат рецензированию

Выходит ежеквартально. Подписной индекс 71187

Подписано в печать 10.09.-2014
Формат 60×84/8, тираж 700 экз. Заказ № 490.
Адрес редакции:
105043 Москва, 4-я Парковая улица, дом 29.
Телефон/факс: +7499 164 9761
Электронный адрес: info@vcug.ru
Веб-адрес: http://www.vcug.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Красинец Е.С., Шевцова Т.В.
Миграция как фактор и следствие развития рынка труда. 92

УРОВЕНЬ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ

Бобков В.Н., Гулюгина А.А.
Мониторинг доходов и уровня жизни (II кв. 2014 г.). 100

Радченко О.А.
Уровень и качество жизни в Канаде: языковые и социальные аспекты 108

ПЕНСИОННАЯ РЕФОРМА

Павлюченко В.Г.
Новые условия пенсионного обеспечения и порядок исчисления страховой пенсии с 2015 г. 115

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ ЖИЗНИ

Новоселов Е.И.
Российско-итальянский симпозиум «Вклад св. Фомы Аквинского в развитие общественных наук в Европе» 123

Артамонов Г.Н., Бобков В.Н.
Духовные и социокультурные проблемы современности в диалоге с наследием св. Фомы Аквинского 129

Кроствейт А.
Социальное учение св. Томмазо (Фомы) Аквинского 139

Гельвановский М.И.
Тенденции экономического развития в современном мире: христианский взгляд. 145

Артамонова М.Г.
Социокультурные проблемы возрождения современного казачества 152

ЛОГИКА И МЕТОДОЛОГИЯ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Артамонов Г.Н.
Законы и свойства системы: естественно-научная интерпретация новой методологии (продолжение) 165

Правила по комплектности рукописей и их оформлению для журнала «Уровень жизни населения регионов России» . . . 191

Living Standards of the Population in the Regions of Russia

№ 3 (193) / 2014

Issued since 1992
On a quarterly basis

DOI 10.12737/issn.1999-9836

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

FOUNDER:

All-Russian Centre of Living Standard PLC

Registration mass-media license № 015476, December 2, 1996
Reregistered PI No. FS77-55146, August 26, 2013

EDITOR-IN-CHIEF

Bobkov V.N. — Director General of the All-Russian Centre of Living Standard PLC, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor.

DEPUTY EDITORS-IN-CHIEF

Volgin N.A. — First Deputy Director General of the All-Russian Centre of Living Standard PLC, Doctor of Economics, Professor, Head of the Assembly of Experts on Labour and Social Policy.

Kalmykov S.B. — Head of the Centre of Postgraduate and Additional Professional Training, PhD in Sociology.

Artamonov G.N. — PhD in Philosophy, Associate Professor

EDITORIAL COUNCIL

Bobkov V.N. — Director General of the All-Russian Centre of Living Standard PLC, Doctor of Economics, Professor.

Burak P.I. — Director of the Institute of Regional Economic Research, Doctor of Economics, Professor.

Gertsiy Yu.V. — Head of the Federal Service for Labour and Employment, PhD in Sociology, Professor.

Gontmakher Ye.Sh. — Deputy Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Doctor of Economics, Professor.

Grigor'yeV S.I. — Deputy Director General of the All-Russian Centre of Living Standard PLC, Doctor of Sociology, Professor, Correspondent Member of the RAE.

Kalashnikov S.V. — Chairman of the Health Committee of the State Duma of the Russian Federation, Doctor of Economics, PhD in Psychology, Professor, Honored Economist of Russia

Subetto A.I. — President of the Noosphere Public Academy of Sciences, Vice President of Petrovskaya Academy of Sciences and Arts, Vice President of the St Petersburg Branch of the Academy of Quality Problems, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Doctor of Economics, Professor.

FOREIGN MEMBERS OF EDITORIAL COUNCIL

Babosov Ye.M. — Honorary Director of the Institute of Sociology at the National Academy of Sciences of Belarus, Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Doctor of Philosophy, Professor.

Gorodyanenko V.G. — Head of the Chair of Sociology of the Social-Humanitarian Faculty at the Dnepropetrovsk National University named after O Gonchar, Doctor of Sociology, Professor, Correspondent Member of the RAS.

Ricceri M. — Secretary General of the Roman Institute for Political, Economic and Social Studies, Professor.

Hepp R.D. — Doctor of Sociology, Professor, Berlin Free University, Germany

CONTENTS

CHIEF EDITOR'S COLUMN 5

TODAY'S TOPIC: INSTABILITY OF EMPLOYMENT

Reshetnikov Ye.N.
The Problem of Employment Precarity Summonsan International Forum in Moscow (*in Russian*) 7

Reshetnikov Ye.N.
The Problem of Employment Precarity Summonsan International Forum in Moscow (*in English*) 9

Herrmann P.
Precarity – Challenge towards Rethinking Welfare Policies (*in Russian*) 11

Herrmann P.
Precarity – Challenge towards Rethinking Welfare Policies (*in English*) 17

Bobkov V.N., Chernykh Ye.A.
The Influence of Youth Employment Precarity on Labour Market Transitions (*in Russian*) 23

Bobkov V.N., Chernykh Ye.A.
The Influence of Youth Employment Precarity on Labour Market Transitions (*in English*) 39

Matveeva T.A.
Influence of Instability of Employment on Labor Income of Russian Workers and Their Job Satisfaction 56

MIGRATION PROCESSES

Coleman David A.
International Migration in Europe in the 21st Century: Present and Future 69

Iontsev V.A., Prokhorova Yu.A.
International Migration of Population in the Context of Demographic Theory 83

Krasinets Ye.S., Shevtsova T.V.
Migration as a Factor and a Consequence of Labour Market Development 92

STANDARD AND QUALITY OF LIVING

Bobkov V.N., Gulygina A.A.
Monitoring of Income and Living Standards (2nd 2014) 100

Khusainov B.D. — Head of the Globalization and Integration Department at the Institute of Economics of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Economics.

EDITORIAL BOARD MEMBERS

Dem'yanenko V.A. — Executive Secretary of the Editorial Staff of Scientific Journals and Publishing, «All-Russia Centre of Living Standard» PLC, PhD, Associate Professor.

Gulyugina A.A. — Deputy Head of the Scientific and Educational Centre of the Problems of Income and Consumer Budgets of Population (All-Russian Centre of Living Standard PLC), PhD in Economics.

Yevseyev V.O. — Head of the Scientific and Educational Centre of the Problems of Income and Consumer Budgets Population (All-Russian Centre of Living Standard PLC), Doctor of Economics.

Kolbanov V.F. — Director of the Department of Complex Analysis and Forecasting at the Ministry of Labour and Social Security of the Russian Federation, Honoured Economist of the Russian Federation.

Litvinov V.A. — Professor of the Safety and Vital Activity Chair at the Moscow City Pedagogical University, Doctor of Economics.

Matskulyak I.D. — Professor of the Departments of Economics, State University of Management, Doctor of Economics, Honored Worker of Science

Men'shikova O.I. — Chief Researcher of the Scientific and Educational Centre of the Problems of Regulating Social Labour Relations and Social Development (All-Russian Centre of Living Standard PLC), Doctor of Economics, Professor.

Pavlyuchenko V.G. — Head of the Chair of Economics and Financial Law at the Russian State Social University Branch, Doctor of Economics, Professor.

Pashin N.P. — First Deputy Director General of the Russian Centre of Living Standard PLC, Doctor of Economics, Professor.

Prokudin V.A. — Chief Researcher of the Scientific and Educational Centre of the Problems of Regulating Social Labour Relations and Social Development (All-Russian Centre of Living Standard PLC), Doctor of Economics.

Smirnova N.A. — Professor of the Chair of Public and Municipal Finance at the Finance University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Economics.

Frolova Ye.B. — Head of the Department of Living Standards Statistics and Survey Households at the Federal Service of State Statistics, PhD in Economics.

Yakovlev I.G. — President of the Content-Press Scientific Publishing Company, Doctor of Sociology, Editor in Chief, of The Megapolopolis Management Journal

Publishing office:

Scientific and Publishing Center "INFRA-M"
31B Building 1 Polyarnaya st., Moscow, 127282
Tel.: (495) 280-15-96;
Fax: (495) 280-36-29
e-mail: books@infra-m.ru
<http://www.infra-m.ru>

While quoting the reference to the journal «Level of Life of the Population of Regions of Russia» is required.

The opinion of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the authors of publications.

All received by the editorial materials are subject to review

Issued quarterly. Subscription index 71187

Signed for publication 10.09.2014
Format 60x84/8, circulation 700 copies

Editor office:

29 4-ya Parkovaya St., Moscow 105043 Russia
Tel., fax: (499) 164 9761
e-mail: info@vcug.ru
<http://www.vcug.ru>

CONTENTS

Radchenko O.A.
The Level and Quality of Life in Canada: Language and Social Aspects 108

PENSION REFORM

Pavlyuchenko V.G.
New Conditions and Pensions
Procedure for the Calculation of Pension
from 2015 115

SOCIO-CULTURAL AND SPIRITUAL AND MORAL BASIS LIFE

Novoselov E.I.
Russian-Italian Symposium on "The Contribution of Communication. Thomas Aquinas in the Development of Social Sciences in Europe" .. 123

Artamonov G.N., Bobkov V.N.
Spiritual and Socio-cultural Issues of the Day in Dialogue with the Legacy of St. Aquinas 129

Crosthwaite A.
The Social Doctrine of St. Tommaso (Thomas) Aquinas 139

Gelvanovsky M.I.
Economic Trends in the Modern World: Christian View 145

Artamonova M.G.
Social and Cultural Problems of the Modern Revival of the Cossacks 152

LOGIC AND METHODOLOGY OF SCIENTIFIC RESEARCH

Artamonov G.N.
Laws and Properties of the System: a New Interpretation of the Natural Science Methodology (continued) 165

Terms of Manuscripts and Completeness of Their Registration for the Journal "Living Standards in the Regions of Russia" 191

Уважаемые читатели!

Тема выпуска журнала 3/(193) 2014 года: «Качество жизни».

Рубрика «**Актуальная тема: неустойчивость занятости**» целиком посвящена предстоящей *международной научно-практической конференции «Неустойчивая занятость (прекаризация): особенное и общее с учетом интеграционных усилий государства и общества»*, которая пройдет 17–19 сентября 2014 года в Москве. Ожидается, что в работе Конференции примут участие ученые из Европы и США, из регионов России, из академических и других исследовательских центров страны. Результатом работы Конференции станут рекомендации по совместным практическим шагам ее участников, направленным на минимизацию отрицательных социальных последствий неустойчивости занятости. Материалы Конференции будут изданы отдельным сборником.

Открывается рубрика статьей заведующего отделом международных научных связей Всероссийского центра уровня жизни Е.Н. Решетникова «Проблема неустойчивости занятости собирает международный форум в Москве». Статья публикуется на русском и английском языках.

Проблемно-тематическим вступлением рубрики является статья доктора экономических наук, профессора В.Н. Бобкова и доцента экономического ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидата экономических наук Е.А. Черных «Влияние неустойчивой занятости молодежи на переходы на рынке труда». Статья переведена на английский язык: «The influence of youth employment precarity on labour market transitions».

Обобщение международного научно-практического опыта по данной проблеме представлено в статье почетного профессора, академического директора Европейской обсерватории по социальному качеству «EURISPES» (Рим) П. Херрманна «Прекаризация – вызов к пересмотру политики благосостояния». Текст публикуется на русском и английском языках: «Precarity – Challenge towards Rethinking Welfare Policies».

Магистр экономического факультета МГУ Т.А. Матвеева представила статью «Влияние неустойчивости занятости на трудовые доходы российских работников и на их удовлетворенность трудом».

Рубрика «**Миграционные процессы**» открывается статьей профессора демографии департамента социальной политики и интервенции Оксфордского университета Дэвида А. Коулмана «International Migration in Europe in the 21st Century: Present and Future».

Актуальные проблемы и современные социально-демографические концепции миграции раскрыты в совместной статье заведующего кафедрой народонаселения экономического факультета МГУ, доктора экономических наук, профессора В.А. Ионцева и аспирантки кафедры народонаселения Ю.А. Прохоровой «Международная миграция населения в контексте демографической теории».

В этой же парадигме написана статья «Миграция как фактор и следствие развития рынка труда» заведующего лабораторией миграционных исследований Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, кандидата экономических наук Е.С. Красинца и старшего научного сотрудника, кандидата экономических наук Т.В. Шевцовой.

В рубрике «**Уровень и качество жизни**» доктор экономических наук В.Н. Бобков и кандидат экономических наук А.А. Гулюгина представили статью «Мониторинг доходов и уровня жизни (II кв. 2014 г.)». Всероссийский центр уровня жизни уже более 15 лет ведет мониторинг доходов и уровня жизни населения России. Условия получения полной версии мониторинга можно найти на нашем сайте.

В этой же рубрике помещена статья проректора Московского государственного лингвистического университета, доктора филологических наук, профессора О.А. Радченко «Уровень и качество жизни в Канаде: языковые и социальные аспекты». Статья знакомит читателей с социально-экономической

статистикой Канады и социологическими опросами (2011–2013) по уровню и качеству жизни населения. Анализируются ситуации в сфере труда, повседневной жизни и проблемы социокультурных коммуникаций иммигрантов.

В рубрике «**Пенсионная реформа**» публикуется статья доктора экономических наук, профессора Российского государственного социального университета В.Г. Павлюченко «Новые условия пенсионного обеспечения и порядок исчисления страховой пенсии с 2015 г.». В статье излагается актуальный материал об изменении порядка установления и исчисления размера страховых пенсий по старости, инвалидности и потере кормильца; о повышении роли страхового стажа; о принципах дифференциации в пенсионном обеспечении; о расчете индивидуального пенсионного коэффициента.

В рубрике «**Социокультурные и духовно-нравственные основы жизни**» представлены материалы российско-итальянского симпозиума «Вклад св. Фомы Аквинского в развитие общественных наук в Европе. К 740-летию со дня кончины выдающегося итальянского христианского мыслителя», проходившего в Москве 10 июня 2014 г. Симпозиум организовали Итальянский институт культуры (Москва), Институт политических, экономических и социальных исследований (Рим), Всероссийский центр уровня жизни (ВЦУЖ, Москва), Научный совет по религиозно-социальным исследованиям РАН, Культурный центр «Покровские ворота».

Обзорная статья о российско-итальянском симпозиуме «Вклад св. Фомы Аквинского в развитие общественных наук в Европе» подготовлена кандидатом исторических наук Е.И. Новоселовым.

Тема «Духовные и социокультурные проблемы современности в диалоге с наследием св. Фомы Аквинского» раскрывается в совместной статье доктора экономических наук, профессора В.Н. Бобкова и кандидата философских наук Г.Н. Артамонова.

Статья «Социальное учение св. Томмазо (Фомы) Аквинского» подготовлена профессором Папского университета им. св. Томмазо Аквинского А. Кроствейтом.

Сопредседатель Научного совета по религиозно-социальным исследованиям Института экономики РАН, доктор экономических наук, профессор М.И. Гельвановский представил статью «Тенденции экономического развития в современном мире: христианский взгляд».

В этой же рубрике представлена статья аспирантки кафедры социологии управления РАНХиГС при Президенте РФ М.Г. Артамоновой «Социокультурные проблемы возрождения современного казачества».

В рубрике «**Логика и методология научного исследования**» опубликована статья кандидата философских наук Г.Н. Артамонова «Законы и свойства системы: естественно-научная интерпретация новой методологии» (продолжение статьи, опубликованной в предыдущем выпуске). В статье предлагается абстрактная модель и формула системной симметрии (по классификации Шёнфлиса). Утверждается, что топология системы представляет собой двутороидальную модель. Класс симметрии, в которую попадает системная симметрия, – новый тип гексагональной симметрии. В обобщенном виде установленный тип симметрии и сформулированные законы и свойства системы вообще, по мнению автора, могут служить общеметодологическим целям как инструментализация системного метода анализа в любой теоретической области знания.

Главный редактор
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор экономических наук,
профессор В.Н. Бобков

К международной научно-практической конференции «Неустойчивая занятость (прекаризация): особенное и общее с учетом интеграционных усилий государства и общества»
г. Москва, 17–19 сентября 2014 года

Проблема неустойчивости занятости собирает международный форум в Москве

The Problem of Employment Precarity Summons an International Forum in Moscow

Получено 16.04.2014 Одобрено 02.07.2014 Опубликовано 10.09.2014

УДК 331.526

DOI: 10.12737/5642

РЕШЕТНИКОВ Е.Н.

канд. экон. наук, доц., заведующий отделом международных научных связей ОАО «ВЦУЖ»
105043, Москва, 4-я Парковая ул., д. 29

E-mail: info@vcug.ru

RESHETNIKOV Ye.N.

PhD in Economics, Associate Professor, Head of International Scientific Relations, All-Russia Centre of Living Standard PLC
29 4ya Parkovaya St., Moscow, 105043, Russia

E-mail: info@vcug.ru

Аннотация

В публикуемом материале дается разъяснение понятия неустойчивости занятости или, как ее сейчас именуют, «прекаризация», и отмечены основные негативные аспекты этого общественного явления, сказывающегося на социально-трудовых отношениях и мировой экономике в целом. Поиски путей минимизации этих негативных последствий побудили видных ученых и специалистов сферы социально-трудовых отношений собраться в Москве на международную научно-практическую конференцию.

Ключевые слова: безработица, неустойчивость занятости (прекаризация), социальное неравенство, экономическая нестабильность, интеграционные усилия.

Abstract

The conception of «employment precarity» is interpreted. The major negative aspects of this social phenomenon affecting the socio-labour relations and the world economy as a whole are pointed out. Searching the ways of minimizing those negative consequences have made the outstanding scientists and specialists of the sphere of socio-labour relations in 20 countries of the world to assemble at the international scientific and practical conference in Moscow. The programme (agenda) of the conference is presented.

Keywords: unemployment, employment instability (precarisation), social inequality, economic instability, integration efforts.

Проблемы неустойчивости занятости, социальной неуверенности и экономического неравенства появились в мире не вчера. Они зародились давно, но к 1980-м годам проявили себя настолько мощно, что вызвали заметную озабоченность общества. Ряд ученых, исследующих социально-трудовые отношения в Европе и США, занялись изучением данного феномена и его социальных последствий.

Неустойчивость занятости (прекаризация) — весьма распространенное социальное явление, порождающее неопределенность и нестабильность в обществе. Назовем ее основные формы: неполная занятость, в том числе сокращенная рабочая неделя, принудительные отпуска, гибкие графики работы; неформальная (неофициальная) занятость; временная занятость; дистанционная занятость; заемный труд — лизинг персонала (аренда персонала); самозанятость; работа в личном подсоб-

ном хозяйстве, а также безработица как высшая степень неустойчивости занятости.

В настоящее время это явление охватило практически все страны мира, в том числе и экономически развитые. Так, в странах — членах ОЭСР неустойчивости подвержены от 15 до 25% работающих (Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 11, с. 95). В Российской Федерации в состоянии неустойчивой занятости находится, по оценкам экспертов, более 20 млн человек, или примерно 30% экономически активного населения страны. Всего в мире десятки миллионов людей работают на рабочих местах, находящихся вне сектора постоянной занятости. Среди них немало людей, имеющих высшее образование, которое не является в нынешних экономических условиях гарантией стабильного социального положения.

В многочисленных исследованиях в области рынка труда и занятости показано, что примене-

ние нестандартных форм занятости все больше приобретает не добровольный, а вынужденный характер, что вызвано дефицитом рабочих мест и сокращением возможности работать на условиях стандартного трудового договора.

Для объединения усилий ученых по данной тематике ученые Свободного университета Берлина и Римского института экономических и социальных исследований (Eurispes) образовали в 2006 г. общественную научно-исследовательскую группу, трансформировавшуюся затем в Европейскую сетевую организацию под названием СУПИ (по заглавным буквам английских слов Social Uncertainty — социальная неустойчивость (SU), Precarity — прекаризация (P), Inequality — неравенство (I)). В настоящее время в мероприятиях СУПИ принимают участие ученые из научных и учебных заведений 18 стран, причем не только европейских. Большой интерес к тематике, разрабатываемой СУПИ, проявляют ученые из США, Турции, Шри-Ланки, Индии.

Естественно, ведущая роль в этой сетевой организации принадлежит ученым из Германии и Италии. С их непосредственным участием СУПИ провела семь международных конференций, последняя из которых состоялась в г. Граце (Австрия) 4–6 апреля 2013 г.

В октябре 2011 г. по инициативе СУПИ Международная организация труда (МОТ) провела специальный симпозиум на тему «Политика и законодательное регулирование в борьбе с неустойчивой занятостью». На Всемирном саммите «Рио + 20» в Бразилии (июль 2012 г.) принята Концепция устойчивого развития, где особое внимание обращено на разрабатываемые СУПИ проблемы неустойчивости занятости в сфере социально-трудовых отношений.

Организация имеет официальный статус при исполнительных органах Европейского союза. Российскую Федерацию в мероприятиях СУПИ представляет ОАО «Всероссийский центр уровня жизни» (ОАО «ВЦУЖ»). Именно к нему на конференции в Граце обратились координаторы СУПИ с предложением провести 8-ю международную конференцию в Москве. Рассмотрев это обращение, ОАО «ВЦУЖ» решило принять его и провести 8-ю Международную научно-практическую конференцию в Москве 17–19 сентября 2014 г. на тему «Неустойчивость занятости (прекаризация): особенное и общее с учетом интеграционных усилий государства и общества». Инициатива нашла понимание и поддержку Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации. Помощь Всероссийскому центру в подготовке и проведении конференции предложили Ин-

ститут социологии РАН и Фонд им. Фридриха Эберта (Московский филиал). ВЦУЖ согласовывает с ними и координаторами СУПИ концептуальные, организационные, финансовые, технические и другие вопросы организации предстоящего мероприятия.

Конференция в Москве вызывает интерес за рубежом — о своем желании участвовать в ней заявили 30 представителей научного сообщества из 12 государств. Ожидается также участие ученых и специалистов из стран СНГ и из 12 регионов Российской Федерации. В списке приглашенных — представители Государственной Думы, Роструда, Росстата, Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП), Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР), МОТ, видные российские ученые в области экономики, права, статистики, психологии, труда и занятости. В общей сложности число участников форума может достигать 100 человек.

Предполагается, что Конференция будет работать в формате пленарных заседаний и двух тематических секций. На пленарные заседания выносятся три основных доклада — от СУПИ, ОАО «ВЦУЖ» и Института социологии РАН, а также выступления ведущих ученых из Германии, США, Италии, Великобритании, Франции, Испании, России и других стран. Работа тематических секций планируется на второй день форума. На секциях будут рассмотрены экономические последствия неустойчивой занятости и социальные последствия этого явления.

Важно учитывать, что, несмотря на усилия, предпринимаемые СУПИ и отдельными учеными в разных странах, проблемы неустойчивости занятости, особенно ее социальные аспекты и последствия, еще недостаточно основательно изучены научным сообществом. Не нашли они комплексного отражения и в российской социально-экономической политике, законодательстве, статистике; не имеют выверенного механизма регулирования на государственном уровне. Поэтому логично, что одной из основных задач предстоящего форума будет поиск адекватных ответов на эти вопросы.

Результатом работы Конференции станут принятые ею рекомендации (заключительный документ) о перспективах сотрудничества по данной тематике, а также о совместных практических шагах, направленных на минимизацию отрицательных социальных последствий неустойчивости занятости.

Материалы конференции будут опубликованы в наших печатных органах и изданы отдельным сборником.

The Problem of Employment Precarity Summons an International Forum in Moscow

The volatility of employment, social insecurity and economic inequality have appeared in the world not yesterday. They were born a long time ago, but 80 years of the last century have proved so powerful that caused significant public concern, and a number of scientists who study social and labor relations in Europe and the United States undertook a study of this phenomenon and its social consequences.

Subject of employment instability (precarisation) - is a very common social phenomenon, generating uncertainty and instability in society. Let us try to call the basic shapes of it. This is - underemployment, including shorter working week, forced leave, flexible work schedules; informal (unofficial) employment; temporary employment; remote employment; agency work, staff leasing (hire staff); self-employment; work in private farms, as well as a high degree of unemployment, employment instability. Currently this phenomenon swept almost all countries, including those with developed economics. Thus, in countries - OECD infected with the disease, according to various estimates, from 15 to 25% of employees. (See the magazine "Living standards in the regions of Russia" № 11/2013, p.95) In the Russian Federation in a state of precarious work is, according to experts, more than 20 million people, or about 30% of the economically active population. Globally, tens of millions of people work at jobs outside the sector of permanent employment. Among them are many people with higher education, which is not in the current economic conditions guarantee a stable social situation.

Numerous studies in the field of labor market and employment convince us that the use of non-standard forms of employment are increasingly gaining not voluntary but forced nature, which is caused by deficiency of jobs and the opportunity to work on the terms of a standard employment contract.

In order to bring together scientists named above topics, several scholars and enthusiasts of the Free University of Berlin and the Rome Institute of Economic and Social Research (Eurispes) formed in 2006, a public research group, soon transformed into the European network organization called SUPI (initial letters of the English words: Social Uncertainty - Social instability (SU), Precarity - precarisation (P), Inequality - inequality (I).

Currently, the activities of SUPI involved scientists from research and educational institutions from 18 countries, not only in Europe. Great interest in the subjects, developed SUPI exhibit scientists of United States, Turkey, Sri - Lanka, India.

Naturally, the leading role in this network organization belongs to scientists in Germany and Italy. With their direct participation SUPI held seven international conferences, the last of which was held in Graz (Austria) 4 - 6 April, 2013

In October 2011, on the initiative of SUPI International Labour Organization (ILO) held a special symposium on "Policy and legislative regulation issues in the fight against precarious work", and at the World Summit "Rio + 20" in Brazil (July 2012) adopted the concept of sustainable development, with special attention paid to the problem of instability developed SUPI employment in social and labor relations.

The organization also has official status in the executive bodies of the European Union. Russian Federation in activities of SUPI is presented by "The All Russia Center of Living Standard" PLC ("VTSUZH" PLC). It is for him at the Conference in Graz turned coordinators of SUPI to consider the possibility to hold another, the 8th International conference in Moscow. Having considered the appeal the Centre decided to take it out and hold the 8th International scientific-practical conference in Moscow on 17 - 19 September 2014 The theme: "The instability of employment (precarisation): special and general, taking into account the integrating efforts of the state and society". Initiative has the understanding and support of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation. Help to the Russian Center for the preparation and holding of the Conference offered Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences and Friedrich Ebert Foundation (Moscow branch). The Centre agrees with them and SUPI coordinators conceptual, organizational, financial, technical and other matters relating to the organization of the upcoming event.

Conference in Moscow is of interest abroad, what may indicate the fact that the desire to participate in it claimed more than 30 representatives of the scientific community of 12 countries from abroad. It is expected the participation of scientists and experts from CIS countries and 12 regions of the Russian Federation. The list of invitees - the Russian Parliament (Council of Federation and State Duma), Rosstrud, Rosstat, the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs (RSPP), the Federation of Independent Trade Unions of Russia (FITUR), ILO, prominent Russian scientists in the field of economics, law, statistics, psychology, labor and employment. So the total number of the participants could reach up to 100 persons.

The Conference is expected to work in plenary sessions and two thematic sections. Submitted to the

plenary five major reports from SUPI, the All Russia Centre, the Institute of Sociology the Russian Labour Ministry and Economic Department of the MSU, as well as performances by leading scientists in Germany, USA, Italy, UK, France, Spain, the host country and other countries. Work planned thematic sessions on the second day of the Forum. Sections will consider the economic consequences of precarious employment and social implications, respectively,

It is important to bear in mind that, despite the efforts of SUPI and individual scientists worldwide, the problems of instability of employment, especially its social aspects and implications that have not yet been studied thoroughly enough by scientific community.

They did not find a comprehensive reflection in the Russian socio-economic policies, legislation, statistics; do not have, unfortunately, calibrated regulatory mechanism at the state level. Therefore it is logical that one of the main tasks of the upcoming forum will be to search for adequate answers to these questions.

The final outcome of the Conference will be taken by her recommendations (final document) on the prospects for cooperation on this subject, as well as on joint practical steps aimed at minimizing the negative social consequences of the instability of employment.

Proceedings of the Conference will be published in our print media and published in a separate collection.

Прекаризация — вызов к пересмотру политики повышения благосостояния

Precarity — Challenge towards Rethinking Welfare Policies

Получено 17.06.2014 Одобрено 02.07.2014 Опубликовано 10.09.2014

УДК 331.526

DOI: 10.12737/5643

ХЕРРМАНН П.

Академический директор Европейской обсерватории по социальному качеству в EURISPES в Риме, адъюнкт-профессор Университета Восточной Финляндии (UEF) факультета социальных наук (Куопио, Финляндия), почетный доцент факультета экономики отделения мировой экономики Будапештского университета им. Матвея Корвина

E-mail: hermann@esosoc.ru

HERRMANN P.

Academic Director at the European Observatory for Social Quality at EURISPES in Rome, Adjunct Professor at the University of Eastern Finland (UEF), Department of Social Sciences (Kuopio, Finland), Honorary Associate Professor at Corvinus University in Budapest, Faculty of Economics, Department of World Economy

E-mail: hermann@esosoc.ru

Мы страдаем не от старческого ревматизма, а от болезни роста при чрезвычайно быстрых изменениях, от ощущения боли при перестройке одного экономического периода в другой.

Кейнс Джон М.

Экономические перспективы для наших внуков // Очерки по убеждению. Нью-Йорк, 2012. С. 358

1. Введение

В некоторых отношениях проблема кажется ясной, и хотя можно было бы сослаться на многие явления, следующего вполне достаточно: не только имеет место увеличение безработицы, но все более очевидным становится тот факт, что ухудшается качество занятости и маловероятно, чтобы вновь представилась возможность создать условия для «достойной работы для всех». Даже те экономики, которые относительно не затронуты глобальным кризисом или смогли в некоторой степени оправиться от него, не могут обещать прочного и длительного выздоровления, достижения объемов и качества, которые обеспечили бы достаточный и устойчивый рост.

В любом случае стоит упомянуть основы государства всеобщего благоденствия (или любого его подобия): а) национальное государство; б) занятость в течение полного рабочего дня и «пожизненный наем»; в) семья и родство как краеугольный камень комплексной системы материального обеспечения и социальной встроенности,

г) сочетание декоммодификации и благотворительности как особых форм неполной социализации, присущих частным рынкам.

В дополнение к этому и в более общем плане концепция социального государства с развитой системой социального обеспечения со структурной точки зрения отражает капиталистический способ производства, представляя собой одно из его дополнений. Таким образом, обсуждение проблемы прекаризации в аналитическом и политическом отношении нужно вести в различных аспектах. В частности, следует выяснить:

- должна и может ли ориентация на полную по всем показателям занятость быть приоритетом, и если да, то в какой интерпретации;
- является ли тема прекаризации в первую очередь вопросом занятости или социальной обеспеченности;
- можно ли в рамках данной темы обнаружить реальные перспективы вновь обретенной занятости и/или социального обеспечения;
- позволяет ли глубокое политико-экономическое ориентирование вооружиться новой перспективой.

Эти вопросы освещены в работах многих ученых. Например, см.: Herrmann, Peter/Kalaycioglu, Sibel: Precarity: Fundamental System Change of Only a New Form of Poverty? – An Introduction // Herrmann, Peter / Kalaycioglu, Sibel / Herrmann, Peter (eds.): Precarity – More than a Challenge of Social Security or: Cynicism of EU’s Concept of Economic Freedom; Bremen: Europäische Hochschulschriften; 2011: 3–15, Herrmann, Peter, 2006: Precarity – Logical Consequence of Societies that Lost the Social; Munich: Munich Personal RePEc Archive; MPRA Paper 10063; posted 16th of August 2008; http://mpra.ub.uni-muenchen.de/10063/1/MPRA_paper_10063.pdf, Herrmann, Peter, 2007: Rethinking Precarity in a global world; presentation in Vienna; William Thompson Working Paper 9, old series; http://www.wvfs.at/wt-wp_old/WT_WP-9_Rethinking-Precarity-in-a-global-world_Vienna-12-2007.pdf

2. Должна ли и может ли ориентация на полную по всем показателям занятость быть приоритетом, и если да, то в какой интерпретации?

При обсуждении прекаризации обычно возникает вопрос о неустойчивой занятости, связанной с отсутствием социального обеспечения. Хотя другие моменты тесно связаны с прекаризацией концептуально (их можно рассматривать под единой рубрикой дестабилизации образа жизни, см.: Hepp, Rolf (ed.): The Fragilisation of Socio-structural Components / Die Fragilisierung soziostruktureller Komponenten; Bremen: Europäische Hochschulschriften, 2009), суть видна в такой последовательности: отсутствие стабильной нормальной занятости ведет к ненадежности, вызванной отсутствием достаточного и надежного социально-экономического обеспечения. Впоследствии мы обнаруживаем также дестабилизацию как явление, характеризующееся отсутствием социального начала, социального

согласия и социальной поддержки. Такая точка зрения в полной мере совпадает с концепцией, в основе которой лежит подход социального качества, включающий три группы факторов с показателями (измерителями), учитывающими наличие или отсутствие социального качества (табл. 1).

Утверждение, что господствующий взгляд на прекаризацию совпадает с этим подходом и не полностью объясняется тем фактом, что оно исключительно сводится к социально-экономическому обеспечению, основано на нормальной занятости и заимствует прочие аспекты из нее. Это, конечно, в основном правильно, однако исключает любые альтернативные экономические подходы. Оно начинается с сомнительного предположения, что наемный труд является единственным разумным и реальным методом, гарантирующим социально-экономическое обеспечение. Оно отрицает, что наемный труд представляет собой концепцию, которая со структурной точки зрения устанавливает неравенство. Важно, что это неравенство не просто вопрос о несбалансированном распределении; в данном случае мы имеем дело со структурным неравенством, так как эксплуатация на деле базируется на договорном равенстве неравных сторон, заключающих контракт. Контракты о наемном труде — это не договоры о том, что люди вкладывают в производственный процесс; они изначально обеспечивают воспроизводство рабочей силы. Точнее, эта «классическая функция» трудовых контрактов всегда дополнялась другими средствами:

- семейный труд, в частности особый вклад женщин в воспроизводство рабочей силы;
- благотворительный труд, который традиционно покрывал часть общественно необходимых затрат на воспроизводство промышленной резервной армии;
- государственные и общественные системы страхования как механизмы частичного обоб-

Таблица 1

Параметры оценки социального качества*

	Факторы условий	Структурные факторы	Нормативные факторы
ПРОЯВЛЕНИЕ	Возможности и непредвиденные обстоятельства	Процессы	Ориентация
ФАКТОРЫ	Социально-экономическое обеспечение Социальное согласие Социальное начало Социальная поддержка	Личная гарантия Социальное признание Социальная отзывчивость Личные способности	Социальная справедливость Солидарность Одинаковая оценка Человеческое достоинство
ОЦЕНКА	Применение показателей социального качества	Квалификация по профессии	Допустимое здравомыслие

* См.: Laurent J.G. van der Maesen / Alan Walker (eds.), 2012: Social Quality. From Theory to Indicators; Houndsmills/New York: Palgrave MacMillan.

ществления (в различных формах и объемах) затрат на производство (воспроизводство) общественной рабочей силы.

Если мы примем это в принципе, то должны признать, что фундаментальные строительные блоки этой системы станут более жизнеспособными. Это справедливо по отношению к каждому из четырех факторов в отдельности. И это справедливо для всей связи между ними.

Однако существует по крайней мере два фактора, которые достойны упоминания.

Первый касается благотворительности: светское развитие характеризуется в некоторой степени противоречивой динамикой — возрастающей массой «свободных денег», отсутствием общей светской нормативной системы, которая способна претендовать хотя бы на некоторое общее понимание, и появлением некоторых новых форм «общего интереса», поставленных на коммерческую основу и ориентированных на прибыль, но рассматривающих долгосрочные и прежние внешние эффекты (глобальное развитие, проблемы окружающей среды и т.д.). Это означает, что хотя старые благотворительные системы расформированы, мы тем не менее находим новые модели благотворительности (см.: Herrmann, Peter, 2010/2012: Prolegomena. *Encore Citizenship – Revisiting or Redefining?*; in: Herrmann, Peter (ed.): *World's New Princedoms. Critical Remarks on Claimed; Alternatives by New Life*; Amsterdam: Rozenberg Publishers, 2010; Bremen/Oxford: Academicpress, 2012: 17-76).

Второй фактор связан с характером труда. Он разделен на две части: обобществление и широкая интеграция, с одной стороны, в тесной взаимосвязи с «полной индивидуализацией», — с другой. Последняя метафорически показана немецким термином и концепцией Ich-AG, что переводится как «Я — акционерная компания». В действительности этот термин справедливо опозорен как лишенный смысла (см. <http://www.unwortdesjahres.net/index.php?id=20-12/07/2014>).

Для настоящего контекста следующий абзац из сообщения комиссии для ответов о будущем (Commission for Questions of the Future, Kommission für Zukunftsfragen Bayern – Sachsen) имеет особое значение:

«Руководящих принципов общества, в котором индивидуум принимает на себя повышенную степень личной ответственности за свою занятость и общественные службы...»

(Kommission für Zukunftsfragen Bayern – Sachsen [eds.]: *Erwerbstätigkeit und Arbeitslosigkeit in Deutschland Entwicklung, Ursachen und Maßnahmen. Teil III: Maßnahmen zur Verbesserung der Beschäftigungslage*; Bonn: November 1997: 1; <http://>

www.bayern.de/Anlage4500338/Bericht%20der%20Kommission%20für%20Zukunftsfragen%20der%20Freistaaten%20Bayern%20und%20Sachsen%20-%20Teil%203.pdf — 12.07.14; translation P.H.)

Очевидно, это лежит далеко за пределами простых механизмов индивидуализации. Фактически мы сталкиваемся с соединением социального и индивидуального измерения существования под эгидой индивидуума. Иными словами: индивидуум является индивидуумом, понимаемым как общественное по сути и само по себе (social per se and in itself), даже выразить словами подобное предложение представляется затруднительным. Концепции, традиционно обсуждаемые как предметы социального обеспечения благосостояния, рассматриваемые в качестве стержня социальной политики, становятся таким образом структурно нарушенными: в действительности имеет место заранее запрограммированное условие, что не существует такой вещи, как общество. Всегда можно критиковать толкование сторонников политики Тэтчер, в которой отсутствуют моральные «обязательства по отношению к другим», представляемая версия следует дальше эксплицитно урезая общество по составу до уровня общества предпринимателей-работников (см.: Pongratz, H.J./Voß, G.G. [2003]: *From employee to 'entployee': Towards a 'self-entrepreneurial' work force? Concepts and Transformation*, Volume 8, Number 3, 2003, pp. 239-254 [16]).

Возвращаясь к проблеме полной занятости в контексте всех норм и предметов выбора, мы должны рассмотреть ряд различных отношений. Во-первых, полная занятость всегда была исключением, более того, предполагаемая роль занятости как обеспечивающей воспроизводство рабочей силы была ограниченной, хотя использование экономической терминологии при утверждении, что заработная плата определяется затратами на производство (воспроизводство) рабочей силы, следует подчеркнуть, что в действительности расчеты включали различные элементы «остаточного механизма» — деятельность государства, благотворительная работа и «семейная поддержка». На современной стадии развития общества упомянутые механизмы не являются очевидными: мы обнаруживаем прогрессирующую коммодификацию (превращение в деньги, товар всей человеческой деятельности — товарный фетишизм) и декоммодификацию (ослабление зависимости индивидуального и группового благосостояния от действия рыночных сил), которая является лишь превращенной формой коммодификации (частное социальное страхование). С другой стороны, механизмы благотворительности, прежде

рассматривавшиеся как в некотором роде предметы общественной деятельности, сейчас во всё возрастающей мере приватизируются: частные фонды, деятельность так называемой корпоративной социальной ответственности и т.п. заполняют эту брешь, обеспечивая некое экс-постобобществление, позволяющее избыточному капиталу находить новые сферы для инвестирования¹. В то же время мы видим, что политико-экономические условия развивались таким образом, что они не благоприятствовали установлению нормальных рабочих структур. Процесс производства сам (включая прибыльную продукцию) благоприятствует индивидуализированному производителю — даже внутри многих предприятий сегодня работодатели полагаются только на собственные силы, ответственность и индивидуализм. Необязывающие соглашения между работодателями и работниками вместо коллективных государственных, региональных и секторальных договоров, индивидуализированные системы управления рабочими местами, гибкие рабочие условия не являются изначально свидетельством отсутствия моральных чувств, они представляют собой отражение изменившихся условий производства, прибыльности и покрытия затрат на производство (воспроизводство рабочей силы). Последнее представляет собой сложный процесс, отражающий сдвиги в структуре глобализации, новые модели опоры на собственные силы и примирение с бедностью работников². В своей совокупности это делает возврат к полной занятости по всем показателям маловероятным, а по двум причинам также в некоторой мере нежелательным в прогрессивном понимании (1). Такая занятость всегда зависела от отрицательных внешних факторов (неоплаченная работа на дому, остаточное фондирование и т.д.), и, строго говоря, она никогда в действительности не существовала; (2) она

также основывалась на ограниченном понимании того, что собой представляет общественно полезная деятельность, сводя ее лишь к занятости, которая прибыльна для частных предприятий. Это также означало структурное ограничение «благополучия». Мы можем также сказать, что утилитарный подход к занятости как условию, гарантирующему социально-экономическую обеспеченность, невозможен и реально всегда был иллюзией, основанной на внешних факторах.

3. Является ли тема прекаризации в первую очередь вопросом занятости или социальной обеспеченности?

Предыдущие замечания уже сделали очевидным тот факт, что прекаризация в действительности не означает неосуществленную полную занятость. Не означает она и отсутствие социального обеспечения как такового. В равной степени важно следующее³. Принимая во внимание более общую перспективу, первым пунктом, о котором шла речь, является основная связь: системы социального обеспечения спаяны с социальной тканью, которая неизбежно заложена в занятости, понимаемой как наемный труд, поскольку социальный прогресс измеряется ростом ВВП. Следовательно, проблема в том, что эта модель нормальности действительно сокращает всю социальную ткань как относительную структуру под эгидой утилитарно-индивидуалистического понимания общества. В данном случае следует выделить несколько пунктов:

- методологический индивидуализм — следствие индивидуалистической ориентации западного просвещения;
- это ни в коей мере не означает, что способы производства и соответствующие экономические системы основаны на режиме и образе жизни и связанным с этим индивидуализмом, и наоборот.

Трудности социальной экономики — как на микроуровне (поиск людей, особенно тех, которые рассматривают социальную экономику не как заменитель), так и на макроуровне («дополнительные затраты» рассматриваются не как дополнительное бремя, а как проблема обобществления и интернализации, и таким образом как часть установления справедливой и честной экономики) — глубокое проявление этого превалирования;

³ Выражение «в равной степени важно» означает, что нормальная полная занятость важна и останется по-прежнему важной, как и долговременные системы социального обеспечения и политика, направленная на повышение благосостояния, однако имеет значение неоднозначной идентичности.

¹ Позволяя обеспечить переассигнование, например путем освобождения от уплаты налогов, списания долгов и т.д.

² Это в некоторой степени часть процесса глобализации — свертывание производства, пренебрежение противоречиями сложного процесса. Прежде распространившаяся из внутренних районов на окраины нищета проявилась вновь в центрально-периферийном регионе и в настоящее время в некоторой степени переформирована, формируя богатство и бедность в прежнем центре и в тех странах, которые часто именуют развивающимися экономикami. Цинично, но можно сказать, что эта форма бедности представляет собой часть новой глобальной справедливости, реально следует отметить, что новая бедность является доказательством того факта, что социальное государство и государство всеобщего благоденствия были значительным исключением, обязанным своим существованием осуществлявшейся эксплуатации так называемых слаборазвитых стран.

- социальный контракт понимается как договор обеспечения индивидов — также (и не в последнюю очередь) как и обеспечения самой системы социального страхования — это еще одна печать Каина в «просвещенном капитализме»;
- многие люди предпочитают «гибкую приспособляемость», нежели страх необеспеченности, они легче переносят смятения от индивидуальных неудач (это типично для «либерального мышления» в рыночных обществах на различных стадиях развития).

Подобный фундаментальный индивидуализм является одним пунктом, о котором шла речь. Другой состоит в том, что социальное обеспечение остается слитым с системой занятости, хотя условия изменились. Ввиду того что по крайней мере во время фазы подъема и раннего стабилизированного капитализма занятость действительно была сердцевинной системы производства (воспроизводства) рабочей силы, мы видим теперь сдвиг в сторону этой модели. Однако формирование политики по-прежнему следует преимущественно традиционной парадигме. Это была очень четко выраженная стратегия в Южной Корее, где все правительства отдавали приоритет экономическому развитию по отношению ко всему остальному, часто продвигая концепцию «сначала рост, а перераспределение позже». С приближением полного опустошения сокращение нищеты стало доминантной целью. Все же бедность, благосостояние индивидов и социальная политика были впоследствии представлены как второстепенные по сравнению с более выдающимся дискурсом роста (Yongmie, Nicola Jo/Walker, Robert, 2014: Self-Sufficiency, Social Assistance and the Shaming of Poverty in South Korea; in: Gubrium, Erika K. et altera [eds.]: The Shame of It. Global Perspectives on Anti-Poverty Policies; Bristol/Chicago: Policy Press: 61-84; here: 71). Модель, конечно, не уникальна для Южной Кореи, и она, несомненно, пренебрегает фактом, что не существует автоматизма между ростом ВВП и преобладающим отсутствием социально-экономической обеспеченности (см. The Human Development Programme [<http://hdr.undp.org/en>]) и дискуссии о способностях, развернувшейся в связи с концепцией «социального качества», т.е. такой парадигмы экономики, которая исходит не только из признания индивидуалистической и утилитарной перспективы, но также и из воспроизводства отдельных лиц как социальных существ.

Иными словами, четыре главные проблемы следующие: 1) отсутствие нормальной занятости;

2) отсутствие социального обеспечения, независимого от занятости; 3) неприятие общественно значимой деятельности и продукции с потребительской стоимостью в широком понимании как свидетельство социального обеспечения и 4) движение в направлении подлинных гражданских прав. Последнее, признаться, является главным вызовом, так как требует возвращения как к вопросам благосостояния, так и к принципу национальности. То обстоятельство, что об этом сегодня мало думают, вовсе не означает, что мы не должны предпринять попытки осмыслить этот важный вывод.

4. Можно ли в рамках данной темы обнаружить реальные перспективы вновь обретенной занятости и/или социального обеспечения?

В некотором смысле вопрос кажется более туманным, чем он есть на самом деле. Сосредоточение внимания исключительно на занятости отвлекает от действительного и многообразного значения работы/труда. Последнее привносит следующие аспекты:

- производство потребительной стоимости;
- освобождающий характер роста производительности;
- как часть производства общественных отношений, нацеленная на производство (общественность);
- трудом создает идентичность общества и личность как социальный индивидум.

Мы можем обратиться к множеству высказываний представителей разных направлений политической экономии. Маркс заявлял об «экономии времени, до которой вся экономика в конечном счете доводит себя», Милль представляет «неподвижное общество», Кейнс предсказывал огромное сокращение времени, занятого наемным трудом.

Не следует расширять проблему. В двух словах, однако, ответом на вопрос, содержащийся в заголовке данного раздела, служит следующее: нам не нужно возвращаться к полной занятости. И в некотором смысле мы не можем — и не должны — возвращаться к реализации идеи и достижения социальной обеспеченности традиционным путем. Социальное обеспечение или политика повышения благосостояния традиционно в огромной степени основываются на идее распределения путем корректировки недостатков, вытекающих из данного способа производства. Изменение, которое необходимо на этой стадии, заключается в использовании производительных сил с целью добиться сокращения занятости, разъединения

наемного труда и социально-экономического обеспечения, обеспечить общественный характер производства (воспроизводства) и признание произведенной стоимости вне рамок отношений наемного труда. Таким образом, мы можем полностью отказаться от парадигмы «сначала рост, а перераспределение потом», утверждая, что производство осуществляется в соответствии с потребностями людей, и признать рост производства одним из средств, учитывающим разнообразие потребностей. Речь идет конкретно о разнообразных вопросах — базовая прибыль, полное признание добровольного труда и гражданской занятости, социальная экономика, допущение диверсификации деятельности («работа в разных областях и на различных должностях»), подлинное признание пожизненной учебы и т.д. Важно исследовать возможности, которые предоставляет само производство.

5. Позволяет ли нам глубокое политико-экономическое ориентирование вооружиться новой перспективой?

Приближаясь с этим разделом к вопросу политических рекомендаций, мы должны нацелиться на различные уровни. Один из них касается фундаментального вопроса поиска способов производства, который:

- ослабляет привязанность к экономическому росту как к одному единственному стандарту экономического прогресса;
- устанавливает по крайней мере относительную независимость от социально-экономической обеспеченности, не связывая ее с занятостью как единственной характеристикой;
- преодолевает национальное предубеждение против экономического развития и социальной обеспеченности;
- включает такие формы социального признания в связи с общественно значимой деятельностью, которые не связаны с занятостью;
- использует производительные силы не менее интенсивно, чем их возросшее применение в период эры индустриализации.

Таким образом, существует место для новой перспективы, возникающей из изменений внутри производительной системы, а не в результате поиска новых форм распределения.

Целый ряд мер может быть предложен для реализации на различных уровнях и нацеленных на различные временные перспективы.

6. Политические рекомендации

Столь же важен, как адаптация, которая может быть консервативной и прогрессивной при иско-

ренении социального зла и бедствий, поиск реальных и фундаментальных, радикальных изменений. Они могут быть ориентированы на различные политические сферы.

1. Занятость/работа/труд.

Работа должна быть переоценена в производственном исчислении: общественно значимая продукция и услуги должны стать главным характеризующим показателем вместо меновой стоимости.

Это должно быть осуществлено для всех форм производства, не в последнюю очередь путем усиления общественной экономики или в более общем смысле — кооперативных форм производства.

2. Доход.

Определенная форма гарантированного и безусловного дохода — это первостепенный вопрос. Минимальный доход не должен рассматриваться как доход, обеспечивающий простое существование. Вместо него должен быть доход, достаточный для обеспечения достойной жизни, включая расходы на образование, участие в общественной и культурной жизни и т.д.

Налогообложение должно четко руководствоваться следующими двумя принципами:

- перераспределение под эгидой поддержки социально устойчивого массового потребления;
- создание устойчивой государственной социальной инфраструктуры, направленной на обеспечение общего базового снабжения социально полезными товарами и услугами.

3. Социальное обеспечение.

Расходы на общественные нужды и льготы должны быть в централизованном порядке включены в новую государственную (национальную) систему расчетов.

Социальные льготы/трансферты должны быть независимыми от статуса занятости, гарантированными и полностью «индивидуализированными»⁴.

Важно изыскать возможности для преодоления «контрактизации» (contractualisation) политики социального обеспечения, включенной в систему занятости.

Э. Аткинсон (Edward Atkinson) наряду со многими другими подчеркнул, что тенденция как

⁴ Широко применяемый термин «индивидуализированный» вводит в заблуждение, так как социальные льготы предоставляются индивидуумам независимо от их занятости и семейного положения, однако они не предоставляются лицам как таковым, а только гражданам. Конечно, вызывает вопрос, кого считать гражданином (и кто получает такое определение). Предлагается принять наиболее широкое из всех возможных определение, считая гражданином каждого проживающего определенное время в стране. Этот вопрос пока остается открытым, так как нам действительно предстоит продумать возможные шаги в направлении определения универсальных принципов для предоставления гражданства.

законодательства, так и практики в современный период состоит в том, чтобы освободить всех людей от обязательств, возложенных на них императивным правом, и подчинить наши общественные отношения все более и более просто власти контракта.

(Atkinson, Edward, 1867: On the Collection of Revenue. Annual Report of the Amalgamated Society of Engineers, Machinists, Milrights, Smiths, and Pattern-Makers for 1866; in: The North American Review, Vol. 105, No. 216 (Jul. 1867): 177-213; Published by University of Northern Iowa; Stable Link: <http://www.jstor.org/stable/25108075>; Accessed: 15/06/2012: 01:04: 183.) Исторически это было большим прогрессом, однако это также было фиксированием принципа индивидуализма и соответствующей уязвимости. Мы можем рассматривать это в качестве возникающего парадокса социальных прав для индивидуумов (см., например: Herrmann, Peter, 2012: Policy Making as Economic Process – A Provocative Perspective; in: Rights – Developing Ownership by Linking Control over Space and Time [Writings on Philosophy and Economy of Power, 3]; Bremen/Oxford: ENH Academic press).

Желательно работать в направлении подлинно социальных прав, принимая во внимание два основополагающих момента:

1) разъединение труда и (базового) дохода;
2) определение ставок налогообложения на национальный доход, рассчитанных на основе общественных потребностей.

4. Социальная политика и инфраструктура.

а) Расходы на общественные нужды и льготы должны быть в централизованном порядке включены в новую государственную (национальную) систему расчетов.

б) Такая национальная система расчетов должна функционировать под воздействием деятельности компаний, делающей экстернализацию расходов (затрат) для индивидуальных предприятий по крайней мере чрезвычайно затруднительной и непривлекательной.

в) Технология и индустриальная политика должны осуществляться централизованно, учитывая не только количественные, но и качественные характеристики для государственного пересмотра.

г) Конверсионная политика должна быть поставлена в повестку дня индустриальной политики.

д) Важно, что ссылка на общественные территории (места для публики) (4.d.) должна быть расшифрована также как ссылка на дебаты о правах на совместное пользование, значение социальной экономики и т.д.

Precarity — Challenge towards Rethinking Welfare Policies

We are suffering, not from the rheumatics of old age, but from the growing-pains of over-rapid changes, from the painfulness of readjustment between one economic period and another.

(Keynes, John Maynard, 1930:
Economic Possibilities for our Grandchildren;
in: Essays in Persuasion; New York: Mansfield Centre: Martino
Publishing; 2012: 358-373: 358)

1. Introduction

In some respect, the challenge appears to be clear — and though more things could be mentioned, the following may do suffice: not only is unemployment on the raise, it is also increasingly obvious that the quality of employment is deteriorating and conditions for «decent work for all» are unlikely to reoccur. Even economies that remained relatively unaffected by the global crisis or could recover to some degree, cannot

promise a sound and durable recovery, reaching a quantity and quality that would allow sufficient and sustainable growth.

In any case it is worthwhile to name briefly the foundations on which the welfare state (or any of its equivalents) had been established. These are (a) the nation state, (b) fulltime and 'lifetime' employment, (c) family and kinship as cornerstone of a complex system of material provision and social embeddedness and (d) a mix of decommmodification and charitybili-

sation as specific forms of incomplete socialisation, accompanying the private markets. Furthermore and more in general, the concept of the welfare- and social state is structurally reflecting a capitalist mode of production, being one of its complements. Thus, discussing precarity has to address in analytical and policy terms different levels. These are in particular the following:

Should and can the orientation on full-time standard employment be a priority, and if so in which understanding

Is the topic of precarity primarily a matter of employment or of social securitisation?

Can we find within the given framework realist perspectives of regaining employment and/or social security?

Does an in-depth political-economic orientation allow us taking a new perspective?

These four issues will be guiding the following brief contribution (see already Herrmann, Peter/Kalaycioglu, Sibel: Precarity: Fundamental System Change of Only a New Form of Poverty? – An Introduction; in: Herrmann, Peter/Kalaycioglu, Sibel/Herrmann, Peter (eds.): Precarity – More than a Challenge of Social Security or: Cynicism of EU’s Concept of Economic Freedom; Bremen: Europäische Hochschulschriften; 2011: 3-15, Herrmann, Peter, 2006: Precarity – Logical Consequence of Societies that Lost the Social; Munich: Munich Personal RePEc Archive; MPRA Paper 10063; posted 16th of August 2008; http://mpira.ub.uni-muenchen.de/10063/1/MPRA_paper_10063.pdf, Herrmann, Peter, 2007: Rethinking Precarity in a global world; presentation in Vienna; William Thompson Working Paper 9, old series; http://www.wvfs.at/wt-wp_old/WT_WP-9_Rethinking-Precarity-in-a-global-world_Vienna-12-2007.pdf).

2. Should and can the orientation on full-time standard employment be a priority, and if so in which understanding

Talking about precarity, brings usually the issue of instable employment up, linked to a lack of social security. Although other moments are closely related in the conceptual views on precarity (by and large they can be taken under the heading of destabilisation of life[styles]; see e.g. Hepp, Rolf (ed.): The Fragilisation of Socio-structural Components/Die Fragilisierung soziostruktureller Komponenten; Bremen: Europäische Hochschulschriften; 2009), the core is seen in the following causal sequence: the lack of stable «standard employment» leads to insecurity, due to the lack of sufficient and reliable socio-economic security. Subsequently we find as well a destabilisation as matter

of lacking social inclusion, social cohesion and social empowerment. Such view coincides to a large extent with the concept which had been proposed by the social quality approach which suggests three by four dimensions for assessing social quality or the lack thereof:

	Conditional Factors	Constitutional Factors	Normative Factors
Showing	Opportunities & Contingencies	Processes	Orientation
Factors	Socio-Economic Security Social Cohesion Social Inclusion Social Empowerment	Personal (Human) Security Social Recognition Social Responsiveness Personal (Human) Capacity	Social Justice (Equity) Solidarity Equal Valuation Human Dignity
Assessment	Use of Social Quality Indicators	Qualified by Profiles	Allowing Judgement

Overview 1: Dimensions for the Assessment of Social Quality¹

Saying that the dominant view on precarity coincides to a large extent with this approach and not completely is due to the fact that that it focuses solely on socio-economic security, based in standard employment and derives other aspects by and large from there. This is surely in a very basic way correct, however it cuts-off any alternative economic perspectives. It starts from the questionable assumption that wage labour is the only reasonable and feasible approach guaranteeing socio-economic security. It neglects however, that wage labour itself is a concept that is structurally establishing inequality. Importantly, this inequality is not simply a matter of imbalanced distribution; instead we are dealing with structural inequality as exploitation actually is based in contractual equality of unequal parties entering the contract. Contracts about wage labour are not about what people contribute to the productive process; instead those contracts are originally about securing the (re-)production of the labour power. To be precise, this «classical function» of labour contracts had always been complemented by other means:

- family labour, in particular the contribution made especially by women to the (re-)production of labour,
- charitable work that traditionally covered some of the social costs, i.e. costs of the (re-)production of part of the industrial reserve army,
- state and social insurance schemes that emerged as mechanism of part-socialising – in different forms and to different extent – the cost of (re-) production of the societal workforce.

¹ See for this paradigm: Laurent J.G. van der Maesen/Alan Walker (eds.), 2012: Social Quality. From Theory to Indicators; Houndsmills/New York: Palgrave MacMillan

If we accept this in principle, we have to acknowledge that the fundamental building blocks of this system are not viable anymore. This is true for each of the four factors independently. And it is also true for the link between them.

However, there are at least two factors that deserve mentioning:

The first is about charitabilisation: the secular development is characterised by somewhat contradictory movements, namely the increasing vast amount of «free money»; the lack of a general secular normative system that can claim at least some general appreciation; and nevertheless the emergence of some new forms of «general interest», highly commercialised and profit-oriented, but also in some way considering long term and previously external effects (as global developments, environmental issues etc.). This means that, though the old charitable systems are to a large extent disbanded, we find nevertheless new patterns of benevolence (see Herrmann, Peter, 2010/2012: Prolegomena. Encore Citizenship – Revisiting or Redefining?; in: Herrmann, Peter (ed.): World's New Princedoms. Critical Remarks on Claimed; Alternatives by New Life; Amsterdam: Rozenberg Publishers, 2010; Bremen/Oxford: academicpress, 2012: 17-76).

The second point is about the character of labour – again torn between two sides: socialisation and far-reaching integration on the one side going hand in hand with «complete individualisation» on the other side. The latter is metaphorically and prominently shown by the German term and concept of the Ich-AG – it translates into an awkward term as «Me – Joint-Stock Company». Actually the term had been rightly shamed as no-word (see <http://www.unwort-desjahres.net/index.php?id=20-12/07/2014>).

For the present context the following paragraph from the Commission for Questions of the Future (Kommission für Zukunftsfragen Bayern – Sachsen) is particularly significant, suggesting the need of

Gudelines of a society in which the individual assumes a higher degree of personal responsibility for his employment and public services ...

(Kommission für Zukunftsfragen Bayern – Sachsen [eds.]: *Erwerbstätigkeit und Arbeitslosigkeit in Deutschland Entwicklung, Ursachen und Maßnahmen. Teil III: Maßnahmen zur Verbesserung der Beschäftigungslage*; Bonn: November 1997: 1; <http://www.bayern.de/Anlage4500338/Bericht%20der%20Kommission%20für%20Zukunftsfragen%20der%20Freistaaten%20Bayern%20und%20Sachsen%20-%20Teil%203.pdf> - 12.07.14; translation P.H.)

Obviously this goes far beyond simple mechanisms of individualisation. In fact we are facing the conflation of the social and individual dimension of existence under the aegis of the individual. In other words: The

individual is as individual understood as social *per se* and in itself – even a proper reflection of such proposal in words is difficult. The concepts, traditionally discussed as matters of social security and welfare, being seen as core of social policy, are thus structurally undermined: Indeed it is the programmatic proviso that there is no such thing as society. Whereas the Thatcherite reading could always be criticised as lacking a moral «commitment for the other», the presented version goes further by explicitly reducing society on the «entreplooyee» (see for the latter Pongratz, H.J./Voß, G.G. [2003]: From employee to 'entreplooyee': Towards a 'self-entrepreneurial' work force? Concepts and Transformation, Volume 8, Number 3, 2003, pp. 239-254 [16]).

Coming back to the question if the orientation on full-time standard employment is an option, we have to question this in different respects. First, (near-to) full-time employment had always been an exception, and moreover the supposed role of employment as covering the (re-)production of the labour power had been limited. Although it is in economic terms correct, to say that wages are determined by the cost of the (re-)production of labour power, it has to be emphasised that the actual calculation included various «residual mechanism» as state activities, charitable work and «family support». For the current stage of societal development it is obvious that these mechanisms cannot be taken for granted: we find a further commodification instead of decommodification not least as the mechanisms of decommodification are themselves grounded in new forms of commodification (the «private social insurance» – sic!). On the other hand, mechanisms of charitability, previously in some way seen as matters of social activities, are now increasingly privatised: private foundations, activities of so-called corporate social responsibility and the like are filling this gap, providing a kind of ex-post socialisation, allowing redundant capital finding new spheres for investment². At the same time we see that the political-economic conditions developed in a way that do not favour establishing standard working patterns. The process of production itself (including the character of profitable products) is favouring the individualised producer – even within many enterprises today employers are self-reliant, self-responsible and individualised. Non-binding agreements between employers and workers instead of collective national/regional and sector agreements, individualised «post-Taylorist» workplace management systems, «flexible working conditions» are not (primarily) a matter of a lack of moral sentiments, they are a reflection of the changed conditions of

² And at the very same time allowing a re-appropriation for instance by way of tax-exemptions, writing off and the like.

production, profitability and covering the cost of the (re-)production of labour power, i.e. the workforce. The latter is a complex process, reflecting shifts in the patterns of globalisation, new patterns of self-reliance and the acceptance of working-poor³. Taken together, this makes re «return» to full-time standard employment unlikely and for two reasons in some way also undesirable in a progressive understanding. (i) Such full-time standard employment had always been depending on negative externalities (unpaid housework, residual securitisation etc.) and thus, strictly speaking it never really existed; (ii) it had been also established on limiting the understanding of what societally useful activities are, namely reducing it on employment that is profitable for private enterprises. This also meant to structurally limit social security, and furthermore to limit «well-being». We may also say that a utilitarian approach to employment as condition for guaranteeing socio-economic security is simply not possible and actually always had been an illusion, established on the foundation of various externalities.

3. Is the topic of precarity primarily a matter of employment or of social securitisation?

The previous remarks have already given evidence to the fact that precarity is not really primarily a matter of failed full-time employment. Nor is it simply a matter of failing security systems as such. Instead, the following is equally important⁴. Taking a more general perspective, the first point in question is the ultimate link, namely that social security systems are strictly welded into the social fabric which is inescapably founded in employment, understood as wage labour – as much as soci(et)al progress is seen as measurable in growth of GDP.

Subsequently, the problem is that this pattern of normality is actually reducing the entire social fabric

as relational structure under the aegis of the utilitarian-individualist understanding of society. At least a few points have to be highlighted on the present occasion:

Methodological individualism is not least consequence of the individualist orientation of Western enlightenment.

This means not least that the entire mode of production and the relevant economic systems are based in this individualist life regime and mode of living, and vice versa. The difficulties of social economy – both on the micro level (finding people, especially those who are not seeing the social economy not as substitute) and the macro level (seeing the «additional costs» not as additional burden but instead as matter of socialisation and internalisation, and in this way as part of establishing a just and fair economy) – are pronounced expression of this prevalence.

The social contract – understood as contract of securing individuals – also and not least the systems of social insurance – are a further expression of the mark of Cain of the «enlightened capitalism».

The fact that many people feel more content with moves into «flexibility» than fearing the lack of security, easily accepting the impeachment of individual failure is typical for «liberal thinking» in market societies on different stages of development.

Although such fundamental individualism is one point in question, another is that the most fundamental point at this stage can be seen in the fact that social security remains welded into the employment system, although the conditions changed. Whereas at least during the phase of the emerging and early stabilised capitalism employment had been indeed the core of the system of (re-)producing the labour power, we see now a shift away from this pattern. However, policymaking is still following predominantly the traditional paradigm. This had been a very pronounced strategy in South Korea where «consecutive governments since the very beginning of South Korea's modern history have prioritised economic development above all else, frequently promoting the concept of 'growth first and redistribution later'. In the aftermath of near total devastation poverty reduction was a dominant objective. Yet poverty, individual welfare and social policies were subsequently framed as secondary to a more prominent growth discourse.» (Yongmie, Nicola Jo/Walker, Robert, 2014: *Self-Sufficiency, Social Assistance and the Shaming of Poverty in South Korea*; in: Gubrium, Erika K. et alera [eds.]: *The Shame of It. Global Perspectives on Anti-Poverty Policies*; Bristol/Chicago: Policy Press: 61-84; here: 71) – The pattern is surely not unique for South Korea – and it is surely disregarding the fact that there is no automatism between GDP-growth and overcoming lack socio-

³ It should be mentioned that this is to some extent part of the process of globalisation – the following capturing this with some curtailment, neglecting the contradictions of a complex process: previously externalised poverty, reflected in the centre-periphery divide, is now in some way internalised, i.e. the centre-periphery divide is to some extent perforated, producing now wealth and poverty in the former centre and in those countries that are frequently called emerging economies. Cynically one may say, this form of poverty is part of a new global justice; realistically one has to say this new poverty is proof of the fact that the social and welfare state had been very much an exception, only made possible by the exploitation of the so-called underdeveloped countries.

⁴ Saying «equally important» means to acknowledge that standard, full-time employment is and will still remain important as far and as long social security systems and welfare policies, but to a large part also social identity building are based referring to this standard.

economic security (see the Human Development Programme [<http://hdr.undp.org/en>] and discussions about the capability approach and the issues that had been raised by the social quality approach, namely the need to look at the economy not by way of recognising the individualist and utilitarian perspective but the (re-)production of individuals as soci(et)al beings.

In short, the four central problems are (i) lack of standard employment, (ii) lack of social security independent of employment, (iii) lack of acceptance of soci(et)ally meaningful activity and the production of use value in the wider understanding as reference of social security and (iv) move towards true citizens rights. The latter is admittedly a major challenge as it requires both, revisiting welfare issues and revisiting the principle of nationality. That this is currently barely thinkable does not mean that we do not have to start trying to think about this major challenge.

4. Can we find within the given framework realist perspective of regaining fulltime employment and/or social security?

In some way the question is veiling more than it reveals. The sole focus of employment distracts from the actual and multiple meaning of work/labour. This is characterised by the following:

Production of use value

The liberating character of increasing productivity.

As part of and aiming on the production of soci(et)al relations («societability»).

With this the production of identity of society and persons as societal beings.

We may remind ourselves at the many references made in the different camps of political economy, Marx contending «Economy of time, to this all economy ultimately reduces itself» (Marx, *passim*); Mills envisaging the «stationary society» (e.g. Mill, John Stuart, 1848: *Principles of Political Economy with some of their Applications to Social Philosophy*; London et alera: Longmans, Green, and Co., 1920 [based on the 6th edition from 1865]: 748 f.) and Keynes predicting a massive shortening of the time occupied by wage labour (see Keynes, John Maynard, 1930: *Economic Possibilities for our Grandchildren*; in: *Essays in Persuasion*; New York: Mansfield Centre: Martino Publishing; 2012: 358-373).

This cannot be expanded. In a nutshell, however, the answer to the question posed in the title of this section is: we do not need to return to fulltime employment. And in some way we cannot – and do not have to – return to regain social security in the traditional way. Social security or welfare policies are

traditionally very much based on the idea of distribution, i.e. the ex-post correction of flaws arising from the mode of production. The change needed at this stage is about utilising the productive forces in order to allow reduction of employment, decoupling of wage labour and socio-economic security, securing the social character of (re-)production and finally allowing for acknowledging value production outside of wage labour relationships. In this way we may turn the «growth first and redistribution later»-paradigm around, saying producing according to people's needs and acknowledging growth as one of the means, amongst others, respecting the variety of needs. – In question are, concrete, issues as diverse as basic income, full acknowledgement of voluntary work and civic engagement, social economy, acceptance of diversification of activities («working in different fields and positions»), true recognition of life long learning and others. Important is to investigate the opportunities given within the process of production itself.

5. Does an in-depth political-economic orientation allow us taking a new perspective?

Coming with this question to the point of policy recommendations, we have to focus on different levels. One is concerned with the very fundamental question of searching for a mode of production that is

- loosening the link between economic growth as the one and only standard of economic progress;
- establishes at least a relative independence of socio-economic security, disjoining it from employment as the one and only reference;
- overcomes the national bias of both, economic development and social securitisation;
- subsequently opens for acknowledgement of non-employment related forms of societally meaningful activities that had been massively increased during the era of industrialisation.

In this way, there is indeed space for a new perspective, emerging from a shift within the productive system rather than looking for new forms of distribution.

A variety of measures can be proposed, tackling different levels and aiming on different time perspectives.

6. Policy Recommendations

As important as adaptations – which can be conservative or progressive – are in answering concrete «social wrongs» and distress, as important is the quest for real and fundamental, i.e. radical changes. These have to be oriented towards different policy areas.

Employment/Work/Labour

Work has to be re-valued in terms of output – socially valuable production and services have to be point of reference – instead of taking exchange value as point of reference.

This has to be translated into different forms of production, not least by strengthening the social economy or more in general: cooperative forms of producing.

Income

Some form of guaranteed and unconditional income is a first point in question. The minimum should not be understood as income securing mere existence – instead, it has to be an income that is sufficient to secure a «decent life» which includes maintenance of education, participation in social and cultural life etc.

Taxation has to be clearly designed by following two guiding principles:

- redistribution under the aegis of supporting socially sustainable mass consumption;
- establishing a sustainable public social infrastructure, aiming at providing a general basic supply of socially useful goods and services.

Social Security

Social costs and benefits have to be centrally included in a new national account system.

Social benefits/transfers should be independent of employment status, guaranteed and completely «individualised»⁵.

It is important to elaborate a perspective to overcome «contractualisation» social security politics welded into the employment system.

Edward Atkinson, amongst many others, highlighted that the tendency, both of legislation and of usage, in modern times, is to release all human beings from obligations imposed by imperative law, and to submit our social relations more and more to the dominion of contract simply.

(Atkinson, Edward, 1867: On the Collection of Revenue. Annual Report of the Amalgamated Society of Engineers, Machinists, Milrights, Smiths, and Pattern-Makers for 1866; in: The North American Review, Vol. 105, No. 216 (Jul. 1867): 177-213; Published by University of Northern Iowa; Stable Link: <http://www.jstor.org/stable/25108075>; Accessed: 15/06/2012: 01:04: 183)

Historically this had been a major progress – however, it had been also the fixation of the principle of individualism and corresponding vulnerability – we may see it as the emerging paradox of the social rights for individuals (see e.g. Herrmann, Peter, 2012: Policy Making as Economic Process – A Provocative Perspective; in: Rights – Developing Ownership by Linking Control over Space and Time [Writings on Philosophy and Economy of Power, 3]; Bremen/Oxford: EHV Academic press). The plea is to work towards truly social rights, two main pillars being:

- decoupling of labour and (basic) income;
- defining rates of taxes towards a national income, calculated on the basis of societal needs.

Societal Policy and Infrastructure

Social costs and benefits have to be centrally included in a new national account system.

Also, such national account system has to be forced upon company-based action, making externalisation of costs for individual enterprises at least extremely difficult and unattractive.

Technology and industrial policies have to be centre staged, considering not least the qualitative aspects and the references to (a) public spaces and (b) a qualitatively guided re-consideration.

Referring back to point 1.a., conversion policies have to be put back on the agenda of industrial policies.

Not least the reference to public spaces (4.d.) has to be spelled out also by making reference to debates on commons, the meaning of the social economy etc.

⁵ The commonly used term «individualised» is misleading as security is granted to individuals, independent of their employment and marital status; however, it is not granted to individuals as such but to citizens – of course raising the question of who is defined as citizen (and who is providing this definition). It is suggested to take the widest possible definition, considering every person living with some permanency of residence in a country being a citizen. – This leaves for the time being the question open that we actually have to think about possible moves towards truly universal principles.

Влияние неустойчивой занятости на переходы молодежи на рынке труда

The Influence of Youth Employment Precarity on Labour Market Transitions

Получено 17.06.2014 Одобрено 02.07.2014 Опубликовано 10.09.2014

УДК 331.526

DOI: 10.12737/5644

БОБКОВ В.Н.

д-р экон. наук, проф., засл. деятель науки Российской Федерации, генеральный директор ОАО «Всероссийский центр уровня жизни»

105043, Москва, 4-я Парковая улица, д. 29
E-mail: info@vcug.ru

ЧЕРНЫХ Е.А.

канд. экон. наук, доцент экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

E-mail: chernykh.ekaterina108@gmail.com

BOBKOV V.N.

Doctor of Economics, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Director General of the All-Russia Centre of Living Standard PLC

29 4ya Parkovaya St., Moscow, 105043, Russia
E-mail: info@vcug.ru

CHERNYKH Ye.A.

PhD in Economics, Assistant Professor, Economic Faculty, Lomonosov Moscow State University

E-mail: chernykh.ekaterina108@gmail.com

Аннотация

Актуальность. В статье рассматривается концепция переходов на рынке труда, дано определение перехода «учеба–работа» Всемирного банка, Международной организации труда, Организации экономического сотрудничества и развития и др. Анализируется понятие неустойчивости (прекаризации) занятости и ее составляющих, акцент делается на нестабильности занятости и неформальной занятости в контексте молодежной занятости. Приведены результаты эмпирического исследования переходов «учеба–работа» в России, проведенного авторами по заказу МОТ в 2013 г. Даны рекомендации по регулированию молодежного рынка труда.

Объект. Молодые люди (15–29 лет), находящиеся в процессе перехода «учеба–работа», подпадающие под категории прекаризации занятости.

Предмет исследования. Устойчивость развития экономики и устойчивость занятости. Феномен торможения «социального лифта» при переходе молодежи от учебы к трудоустройству, вплоть до социальной эксклюзии. Критический период социально-экономической жизни человека. Концепция переходов на рынке труда. Новый элемент качества в стандартных определениях переходов на рынке труда (МОТ): параметр удовлетворения занятостью, траектория занятости, измерители успешности перехода. Классификации МОТ для измерения продолжительности периода переходов от учебы к работе.

Теоретическая часть. Причины неустойчивости занятости: недостаточный уровень развития навыков, неактивность поиска работы, недостаточное профессиональное соответствие. Субъективная концепция удовлетворительной занятости. Характерные признаки достойной занятости. Этапы перехода: 1) не начался; 2) процесс перехода; 3) завершение перехода. Формы прекаризации: нестабильность занятости, неформальная занятость, безработица. Прекаризация как ненадежность существования в связи с трудовыми отношениями. Неустойчивость занятости в связи с неопределенностью и риском в трудовых отношениях. Критериальные понятия: волатильность, дискретность дохода, плохие условия работы, отсутствие формального контракта.

Эмпирическая часть. Эмпирическое исследование проблемы прекаризации занятости молодежи в РФ. Нерегулярная занятость молодежи: 15,0% – мужчины, 8,7% – женщины. Неформальная занятость: 51,9% – мужчины, 49,7% – женщины. Мужчины: завершившие переход – 54,1%, не начинали – 28,4%. Женщины: завершившие переход – 45,8%, не начинали – 30,7%. Среди 15–19-летних не начали переход – 66,1%. Среди 20–24-летних в процессе перехода 48,6%.

Abstract

Relevance. The article deals with the concept of transitions in the labour market, the definition of the transition "study-work" given by the World Bank, International Labour Organization, the Organization for Economic Cooperation and Development, etc. The notion of employment precarity and its components is analyzed, the emphasis is laid on the youth employment precarity and informal employment in context of youth employment. The results of an empirical study of transitions "study-work" in Russia are given in the third part of the article, carried out by the authors on request of the ILO in 2013. Recommendations on the youth labour market regulation have been presented.

Object. Young people (15-29) in the process of transition "study-work" falling under the category of precarity.

Subject. Sustainable economic development requires stability of employment, the phenomenon braking "social elevator" in the transition of young people from school to employment, up to social exclusion are studied: critical period of social and economic life. The concept of the transition to the labour market is analyzed, new elements in standard defining quality transitions in the labour market (ILO): option to meet employment, employment trajectory, measuring the success of the transition, in particular. The ILO classification for measuring the duration of the transitional period is considered.

The Theoretical Aspect. Signs that objectively influence the emergence precariousness: underdeveloped skills, inactive job search, insufficient meeting professional requirements. Subjective concept of satisfactory employment. Typical signs of decent employment. Stages of transition: 1) it has not started, 2) the transition in process, 3) completion of the transition. Precarity forms: the instability of employment, informal employment and unemployment. Precarity as uncertainties due to the existence of employment relations. Instability of employment in connection with uncertainty and risk in labour relations. Criterial concepts: volatility, discrete income, poor working conditions, lack of a formal contract.

The Empirical Aspect. Empirical study on youth precarity in Russia has been undertaken. Irregular youth employment: 15.0% - men, 8.7% - women. Informal employment: 51.9% - men, 49.7% - women. Men: post-transition - 54.1%; have not started - 28.4%. Women: completed the transition - 45.8%, did not start - 30.7%. Among 15-19-year olds: not started moving - 66.1%. Among 20-24-year olds: in the process of transition - 48.6%. Among 25-29-year olds: completed the transition - 58.1%. Among the completed transition: with higher education - 32.3%, with specialized secondary education - 23.8%. In the process of transition: urban - 61.2%, villagers - 38.8%. Among those not started the transition: men - 47.8%, women - 52.2%; town-dwellers - 73.6%, villagers - 26.4%. Only 7.4% of unemployed girls and 8.6% of the boys went to the stable employment. One-third of

Среди 25–29-летних завершили переход 58,1%. Среди завершивших переход: с высшим образованием – 32,3%, со средним специальным – 23,8%. В процессе перехода: горожан – 61,2%, селян – 38,8%. Среди не начавших переход: мужчин – 47,8%, женщин – 52,2%; горожан – 73,6%, селян – 26,4%. Лишь 7,4% девушек и 8,6% юношей перешли к стабильной занятости из безработицы, 1/3 молодых людей, завершивших переход, испытывает трудности. Среднестатистический молодой человек в процессе перехода лишь один раз был безработным, но средняя длительность периода – 16,5 месяца.

Цель. Формирование комплексной теоретико-эмпирической картины прекаризации занятости по демографическим, социокультурным и экономическим категориям молодежи в возрасте 15–29 лет.

Ключевые слова: переход «учеба–работа», прекаризация занятости, неформальная занятость, молодежная занятость, стабильная занятость, достойная занятость.

those completed the transition are experiencing difficulties. The average young person in the transition only once was unemployed, but the average duration of the period is 16.5 months.

Purpose. Development of a comprehensive theoretical and empirical picture of precarity among different demographic, sociocultural and economic categories of youth in the age of 15–29.

Keywords: school-to-work transition, precarity, informal employment, youth employment, regular employment, decent work.

1. Определения и концепции перехода «учеба–работа»

Определения

Концепция перехода от учебы к работе является относительно новой тематикой, часто ассоциирующейся с изменениями, ожиданиями и неопределенностью. Переход от учебы к трудоустройству часто описывается в современной литературе как долгий и опасный, в отличие от коротких и прямых маршрутов, считавшихся доступными для предыдущих поколений. Некоторые европейские страны действительно испытывают сейчас большие трудности. В США экономисты обычно видят меньше проблем и ухудшений, но тем не менее многие молодые люди так никогда и не завершают это «путешествие». В контексте политики США вопросы перехода «учеба–работа», как правило, рассматриваются более узко и затрагивают обучение в процессе работы в системе среднего образования и чрезмерные инвестиции в высшее образование [OECD, 1999, 31].

Организация экономического сотрудничества и развития определяет переход от школы к работе как период между окончанием обязательного школьного образования и достижением полной (на полный рабочий день) стабильной занятости [OECD, 1996, 33; OECD, 1998, 30]. Согласно определению Всемирного банка, переход от учебы к работе в целом относится к критическому периоду социально-экономической жизни человека между 15 и 24 годами. В этот период молодые люди развивают навыки, полученные в зависимости от их первоначального образования и профессиональной подготовки, что помогает им стать полноценными членами общества. Проблематика, возникающая в этот период в жизни молодого

человека, включает вопросы, связанные с образованием и развитием навыков, безработицей и неактивностью, поиском работы, выходом на рынок труда и сегментацией, профессиональным соответствием, стабильной занятостью и достаточным доходом. Анализировать переход от учебы к работе довольно сложно, потому что многие молодые люди начинают работать во время учебы, меняют место жительства, выполняют случайную или неоплачиваемую работу и быстро разочаровываются в поиске работы [World Bank, 15].

В большинстве исследований переход «учеба–работа» определен как отрезок времени между окончанием образования (или после получения диплома, или раннее окончание учебы без формального завершения) до получения первой постоянной работы. Определение срока и последующая оценка перехода варьируются от одного исследования к другому и от страны к стране. В некоторых исследованиях в качестве конечной точки перехода берется первый момент занятости на любой работе [L. Guarcello и др., 2005, 12], другие применяют качественные параметры, например регулярность работы (измеряется по типу контракта) [A. Fetsi, J. Johansen и др., 2006, 8]. Если мы поднимаем вопрос контракта, то из рассмотрения автоматически исключаются занятые не по найму, там, где трудовые отношения не определены договором [Ryan, 2006, 26].

Подход МОТ к переходу молодых людей на рынке труда измеряет не только продолжительность периода между окончанием образования (либо завершение учебы и получение диплома, либо раннее окончание учебы без получения диплома) и началом любой работы, но включает качественные измерители, например, является ли эта работа стабильной (измеряется по типу кон-

тракта). МОТ применяет в своих исследованиях более строгое определение постоянной (регулярной) занятости, чем обычно используется в литературе. Начиная с предпосылки, что человек не завершил переход, пока не нашел работу, которая отвечает основным критериям стабильности, как это определяется продолжительностью контракта, МОТ вводит новый элемент качества в дополнение к стандартным определениям переходов на рынке труда. Однако только мизерная доля молодежи во многих развивающихся странах, особенно в странах с низким уровнем дохода, когда-либо достигнет стабильной занятости, что может свидетельствовать о том, что статистические исследования, вероятно, имеют недостаточный охват. По этой причине МОТ приняла решение измерить параметр удовлетворения занятостью и встроить его в концепцию перехода на рынке труда. Исследователи МОТ переход на рынке труда определяют как переход молодого человека (от 15 до 29 лет) от обучения (или от первой экономической деятельности) к первой *стабильной* или *удовлетворительной* работе.

Стабильная занятость определяется с точки зрения договора найма (письменный или устный) и продолжительности контракта (более 12 месяцев). Как уже указывалось ранее, включение в рассмотрение вопроса договора автоматически исключает: 1) самозанятых, для которых трудовые отношения не определяется письменным контрактом; 2) ситуацию с временной занятостью или работой за заработную плату, ограниченной по продолжительности. Удовлетворительная занятость является субъективной концепцией, основанной на самостоятельной оценке работника. Она подразумевает работу, которую работник рассматривает как «вписывающуюся» в его желаемую траекторию занятости на данный момент времени. И наоборот, неудовлетворительная занятость подразумевает чувство неудовлетворенности текущей работой.

МОТ предлагает, используя концепцию достойного труда, добавить в теорию переходов элементы, выходящие за рамки природы трудового договора. Молодой человек может иметь работу с постоянным контрактом, но получать заработную плату ниже уровня бедности, работать значительно большее количество часов, не иметь социальной защиты и права голоса на работе. МОТ предлагает дополнительное, более строгое определение перехода к достойному труду. Основное различие этих двух подходов лежит в точности приложенного определения достойного труда. Первый подход основан на предположении, что постоянный контракт по своей сути подра-

зумевает применение остальных элементов «достойности» (доступа к социальным пособиям и неплохого дохода), а второй подход требует соблюдения всего списка переменных «достойного труда» [МОТ, 2009, 17].

Выбор МОТ «стабильной» (регулярной) или «удовлетворительной» занятости в качестве конечной точки перехода на рынке труда смещает акценты в традиционных измерителях успешности перехода, которые сосредоточивались на самом факте наличия первой занятости независимо от ее качества. МОТ выступает против утверждения, что молодой человек завершил свой переход к занятости, когда эта работа неудовлетворительная или неустойчивая и не идет ему на пользу. Другими словами, молодой человек не завершил переход, если работа не использует его потенциал в качестве производительного работника; не повышает его чувство собственного достоинства; не соответствует желаемой траектории карьеры; не обеспечивает возможность для социальной интеграции; не дает возможность приносить домой справедливый доход для поддержания семьи. Переход может быть завершен, когда молодой человек нашел работу, которая отвечает основным критериям достойности, а именно регулярность занятости, которая дает работнику чувство безопасности, или работа, на которой работник чувствует себя лично удовлетворенным,

Достойная занятость отвечает следующим критериям [ILO, 2009, 17]:

- работник имеет договорные отношения, которые отвечают ожиданиям молодого рабочего;
- отсутствие сверхзанятости или неполной занятости;
- оплата на уровне или выше среднемесячного уровня заработной платы молодых работников;
- удовлетворительная безопасность работы;
- возможность участия трудящихся в профсоюзных или ассоциациях организаций работодателей;
- есть пособия, среди которых оплачиваемый больничный и ежегодный отпуск.

В спектр вопросов, связанных с переходом от учебы к работе, входят касающиеся обучения, занятости и повышения квалификации:

- наносит ли безработица ущерб молодым людям (мотивация, стремления, надежды и т.д.);
- повышает ли субминимальная заработная плата занятость молодежи и вовлечение их в программы подготовки кадров;
- является ли профессиональное образование экономически выгодным для молодых работников;
- являются ли внутренние рынки труда преградой для молодых людей в поиске работы

[Freeman, Richard, David, Wise, 1982, 9; Garonna, 1991, 10; Rees 1986, 25; Ryan, Paul, Garonna, Richard, 1991, 27].

Успешный переход от учебы к занятости становится все более сложной задачей во всем мире. Исследования показывают, что студенты, которые рано оставляют учебу, с большей вероятностью будут длительно безработными [James, Leger, 2003, 20; Taylor, 2002, 28]. Эти «ранние» выпускники школ и вузов имеют гораздо меньше шансов найти работу с профессиональным и карьерным потенциалом и долгосрочными перспективами [Crowson, Wong, Аурау, 2009, 6]. Молодые люди чаще, чем любая другая группа, имеют низкий доход; случайную или временную работу, а также работу на неполный рабочий день и/или низкоквалифицированную работу [Riele, Crump, 2002, 29]. Crowson и другие (2000) пишут, что неполная занятость широко распространена среди людей, только что закончивших среднюю школу, и проблема безработицы экспоненциально возрастает для тех, кто не в состоянии закончить среднюю школу. Таким образом, становится все более важным обеспечить молодежь соответствующим образовательным опытом, который будет готовить их к жизни за пределами школы [Ryan, 2001, 26].

Стадии перехода¹

Переход на рынке труда определяется как переход молодого человека (15–29 лет) от обучения (или от первой экономической деятельности) к первой стабильной или удовлетворительной работе. Стадии перехода определяются в соответствии с Модуль 1 (раздел 1.2) из «методического рекомендаций МОТ обзор переходов от школы к работе» [2009, 17].

Завершивший переход — молодой человек в настоящее время работает на:

- стабильной работе, удовлетворительной или неудовлетворительной; *или*
- удовлетворительной, но временной работе; *или*
- удовлетворительной самостоятельной занятости.

В процессе перехода — молодой человек, если он имеет один из следующих статусов:

- в настоящее время безработный (расширенное определение²); *или*
- в настоящее время работает на временной и неудовлетворительной работе; *или*
- в настоящее время на неудовлетворительной самостоятельной занятости; *или*

¹ Используются материалы «A methodological guide of ILO school-to-work transition survey» [ILO, 2009, 17].

² Безработные в широком смысле — кто не имеет работы, готов работать, но в настоящий момент не ищет активно работу (трактовка МОТ).

- в настоящее время неактивен, не в школе, но имеет цель искать работу позднее.

Переход еще не начался — молодой человек, который:

- еще в школе и неактивный (неактивные учащиеся); *или*
- в настоящее время неактивен и не в школе (неактивные не студенты), без намерения искать работу.

Отметим, что этапы перехода проходят через границы стадий экономической деятельности, как это определено в рамках традиционной теории. Категория завершивших переход включает подкатегорию молодежи, классифицируемую в качестве занятых; остальные работающие попадают в категорию «в процессе перехода», которая включает также безработных в строгом смысле и часть неактивных (не имеющих работы, доступных для работы, но не занятых активным поиском работы, а также неактивных не студентов, которые имеют намерение присоединиться к рабочей силе на более позднем этапе); и наконец, категория, у которой переход еще не начался, представляет собой остальное неактивное население. Кроме того, этапы перехода не ограничиваются нормативными рамками.

Из-за включения лиц в удовлетворительной самостоятельной занятости и удовлетворительной временной занятости нельзя сказать, что вся молодежь в категории «завершившие переход» перешла на работу хорошего качества. В самом деле, большинство людей в самостоятельной занятости — самозанятых и неоплачиваемых семейных работников — оказываются среди плохо оплачиваемых работников в неформальной экономике. Они составляют основную часть нерегулярно работающих в стране. Тем не менее они показывают некоторую степень удовлетворенности своей работой, и они, скорее всего, завершили свой переход, оставшись в самозанятых до конца трудовой жизни. Таким образом, классификация этапов перехода является скорее концепцией потока, а не нормативной концепцией. Человек находится в процессе перехода до тех пор, пока он не достигнет точки стабильности на рынке труда, — вне зависимости от того, хорошая эта работа или плохая.

Пути перехода определяются согласно следующим четырем исключаящим друг друга возможностям.

Прямой переход — сразу после окончания школы молодого человека нанимают на удовлетворительную или стабильную работу.

Периоды занятости без периодов безработицы или неактивности:

- стабильное или удовлетворительное трудоустройство;
- неудовлетворительная временная занятость;
- неудовлетворительная самозанятость.

Периоды безработицы с или без периодов занятости и неактивности.

Другое — не предпринимал никакой экономической деятельности до занятия нынешней должности, например, занимался домашними обязанностями или путешествовал.

МОТ также разработала систему классификации для измерения продолжительности переходного периода молодых людей, которые завершили переход. Переходы классифицируются как «короткие», «средние» и «длительные»³.

Короткий переход классифицируется как переход, в котором до получения текущей удовлетворительной/стабильной (достойной) работы молодой человек прошел:

- прямой переход (1);
- или период (или накопленный период) стабильной или удовлетворительной занятости (2a) без периодов безработицы или неактивности;
- период (или накопленный период) занятости не более одного года без периодов безработицы или неактивности, где работа(ы) классифицируется как временная и неудовлетворительная занятость (2b) или неудовлетворительная самостоятельная занятость (2c);
- период безработицы с или без периодов занятости или неактивности (3) не более трех месяцев;
- или период неактивности (4) не более одного года.

Переход средней длительности классифицируется как переход, в котором до получения удовлетворительной (достойной)/стабильной работы молодой человек прошел:

- период (или накопленный период) неудовлетворительной временной занятости (2b) или неудовлетворительной самостоятельной занятости (2c) от одного до двух лет без периодов безработицы или неактивности;
- или период безработицы с или без периодов занятости или неактивности (3) от трех месяцев до одного года;
- или период неактивности (4) больше года.

Длительный переход классифицируется как переход, в котором до получения удовлетворительной (достойной)/стабильной работы молодой человек прошел:

- период (или накопленный период) неудовлетворительной временной занятости (2b) или

неудовлетворительной самостоятельной занятости (2c) два года или более без периодов безработицы или неактивности;

- или период безработицы с или без периодов занятости или неактивности (3) на один год или более.

2. Неустойчивость (прекаризация) занятости

Нестабильность занятости

Характерной чертой современного российского капитализма является переход от полной занятости к ее неустойчивой форме, подчас носящий драматический характер. Колебания между этими двумя состояниями характеризуют переход экономики от устойчивой системы с полной занятостью к возмущенной системе с неустойчивой занятостью.

Работа (занятость) является материальной основой развития человеческого потенциала. Каким образом этот компонент (занятость, работа) учитывается в существующих показателях устойчивости? Из наиболее известных 33 международных индексов компонент, связанный с использованием рабочей силы и безработицей, а также с доходами населения, присутствует в 23, в 8 из них эти компоненты рассматриваются одновременно [Bobkov, Veredyuk, 2013, 5].

Подход Комиссии по устойчивому развитию ООН, основанный на построении системы индикаторов (а не на интегральном индикаторе), включает занятость в группу индикаторов экономического развития в виде таких показателей, как уровень занятости (включая незащищенную занятость, vulnerable employment); производительность труда и затраты на единицу труда; доля женской занятости в несельскохозяйственном секторе. В документе «Цели развития тысячелетия» (Millennium Development Goals) достижение полной и продуктивной занятости и достойной работы для всех, включая женщин и молодых людей, является подцелью (target) одной из восьми основных целей (goals) — ликвидации крайней бедности и голода. К соответствующим индикаторам относятся уровень занятости, доля занятых с доходами ниже 1,25 долл. в день.

Устойчивость развития экономики предполагает устойчивость занятости. В этом смысле достижение устойчивости занятости рассматривается как желаемый вектор развития трудовых отношений [Bobkov, Veredyuk, 2013, 3; Bobkov, Veredyuk, 2013, 4]

Мы поддерживаем идею МОТ о введении критерия «достойности» занятости, который обеспе-

³ ILO school-to-work transition survey: «A methodological guide MODULE 4 Key indicators of youth labour markets: Concepts, definitions and tabulations».

чивает для работника чувство стабильности (постоянный контракт) или дает чувство персональной удовлетворенности работой. Наш критерий устойчивой занятости в качестве финальной точки перехода «учеба–работа» очень важен в контексте российской ситуации.

Наиболее полно в литературе проанализированы следующие формы формальной неустойчивости занятости:

1) регламентированной срочными трудовыми договорами, заключаемыми с работниками предприятием;

2) в режиме неполного рабочего времени;

3) договоры лизинга (аутстаффинга), заключаемые с работниками агентствами занятости;

4) на основании трудовых договоров с условием работы вне места нахождения работодателя.

Неформальная занятость

Огромные масштабы приобрела неформальная неустойчивость занятости. По разным оценкам, неформальные формы занятости⁴ составляли в пореформенной экономике России 20–25% общего числа занятых [Karyushnikov, 2004, 21].

Понятие неформального сектора было введено Хартом [Hart, 1973, 13], в литературе приведено много попыток изложить природу, истоки и причины неформальной занятости. Все большее число исследователей поддерживают необходимость тщательно проанализировать размер, динамику и формы неформального сектора, давно считающегося маргинальным явлением. В большом количестве ранних работ делались попытки дать определение неформального сектора, но путаница существует даже при формулировании рабочего определения, а термин иногда неправильно используется в качестве синонима уклонения от уплаты налогов или незаконности [Shehu, Nilsson, 2014, 19]. Многочисленные определения были предложены, начиная от самозанятых работников и незащищенных работников, или владельцев малого бизнеса.

Концепция с тех пор была прояснена и согласована [OECD, 2009, 7], опираясь на понятие производственных единиц, работающих в небольших масштабах на низком уровне организации, практически без разделения между трудом и капиталом.

⁴ К неформальной занятости обычно относят работу в личном сельском хозяйстве для собственного потребления и/или для реализации продуктов и услуг с целью получения денежного дохода; нерегистрируемые индивидуальные платные услуги и мелкую розничную самостоятельную торговлю; незарегистрированные производства типа кооперативов и т.п. Мы не относим к неформальной занятости работу в ЛПХ в СССР, так как это была дополнительная занятость.

Рабочее определение, с целью улучшения сбора данных и, следовательно, сопоставимости, берет свое начало на 14-й и 15-й международных конференциях статистиков труда. Постановлением 15-й Конференции установлены отличительные критерии размера и/или отсутствия регистрации, определяющие производственную единицу (по найму или работодателя), принадлежащую к неформальному сектору (1993). Дополнительное понятие неформальной занятости, как это определено на 17-й Международной конференции статистиков труда, берет рабочее место в качестве единицы наблюдения и включает два основных компонента: занятость в неформальном секторе и незащищенные рабочие места в формальном секторе. Для последних можно рассматривать различные характеристики работы: социальная защита, медицинское страхование, существование письменного договора и оплачиваемый отпуск. Два аспекта неформального сектора и неформальной занятости, взятые вместе, образуют неформальную экономику. Гибкость, встроенная в концепции неформального сектора и неформальной занятости, приносит преимущества при адаптации к потребностям ситуации в стране, но имеет недостатки, связанные с ограниченной сопоставимостью между странами [Tonin, 2013, 32].

Неформальную занятость трудно измерить статистически, отчасти из-за неоднозначности понятия и трудности в применении определения международного стандарта. В соответствии с определением, согласованным на 15-й Международной конференции статистиков труда, «занятость в неформальном секторе» зависит от характера производственной единицы, т.е. лицо учитывается в качестве занятого в неформальном секторе, если оно работает на предприятии неформального сектора, независимо от статуса занятости (самозанятости и т.д.). На 17-й Международной конференции статистиков труда были опубликованы руководящие принципы по измерению неформальной занятости, в качестве дополнения к измерению занятости в неформальном секторе. Различие между этими двумя понятиями заключается в выборе единицы наблюдения. Предприятия неформального сектора и занятость в неформальном секторе измеряются, как это определено на 15-й Международной конференции статистиков труда, по производственным единицам (неофициальные предприятия) в качестве основы измерения. «Неформальная занятость» основана на рабочих местах как единицах наблюдения и, таким образом, определяется как общее количество неформальных рабочих мест, существуют они на предприятиях формального и неформального секторов или в домохозяйствах.

В целом страны и/или исследователи основываются на определениях неформальности относительно характеристик работы, так что на практике широкий спектр определений в настоящее время применяется в соответствии с целью исследования. Некоторые исследователи определяют неформальную занятость как занятость в отсутствие контракта; одни говорят, что все самозанятые лица — неформально занятые; другие по-прежнему смотрят на размер предприятия и включают как неформально занятых тех, кто работает на предприятиях с численностью менее чем пять сотрудников. Ни одно из этих определений само по себе не является абсолютно точным. Тем не менее МОТ рекомендует измерять неформальную занятость согласно руководящим принципам, предложенным 17-й Международной конференцией трудовых статистиков.

Неформальная занятость включает следующие подкатегории работников [2009, 17]: а) оплачиваемые работники на «неофициальных рабочих местах», т.е. рабочих местах либо без права на социальное обеспечение, ежегодного оплачиваемого отпуска, или оплачиваемого отпуска по болезни; б) оплачиваемые работники на незарегистрированных предприятиях, имеющих меньше пяти сотрудников; в) самозанятые на незарегистрированных предприятиях, имеющих меньше пяти сотрудников; г) работодатели на незарегистрированных предприятиях, имеющих меньше пяти сотрудников; е) члены семьи. Таким образом, мы можем сделать вывод, что неформальная занятость состоит из двух подкатегорий: работников в неформальном секторе (незарегистрированных) и оплачиваемых работников, имеющих неофициальные рабочие места в формальном секторе (см. табл. 1). Последняя категория получает зарплату, но не получает другие преимущества (взносы на социальное обеспечение или оплачиваемый ежегодный отпуск или больничный лист), которые обычно предполагаются на официальной работе.

Согласно данным Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП), 20% населения в трудоспособном возрасте — почти

13 млн человек — не платят налоги. Распространение занятости в неформальном секторе имеет негативное влияние на перспективы экономического развития страны, уменьшая налоговые доходы государственного бюджета. Одновременно неформально занятые работники не могут рассчитывать даже на небольшую пенсию, страховку и другие социальные гарантии.

В российском варианте капиталистических трансформаций широкое распространение получили следующие формы прекаризации занятости:

1) наем собственниками индивидуальных предпринимателей, не имеющих возможности осуществлять собственный бизнес;

2) наемный труд без оформления отношений с работодателями или с оформлением, нарушающим трудовые права работников. Их можно назвать «работниками-невидимками»;

3) наем работников в посреднические фирмы, созданные в интересах распорядителей финансовых средств.

В формальной и неформальной формах неустойчивости занятости в настоящее время в экономике России пребывают более 20 млн человек. Огромные масштабы неустойчивости занятости, когда трудовые отношения между работодателями и работниками строятся на срочной основе, не соответствуют их формальному содержанию или не оформляются, обрекают работников на ущемление их трудовых и социальных прав.

Значительная часть *трудовой миграции* подпадает под особые формы неустойчивости занятости. Это обусловлено тем, что у работников-иммигрантов изначально возникает необходимость прервать трудовые отношения в своем регионе проживания (в силу недостаточной заработной платы, плохих условий труда или невозможности найти подходящую работу и др.), а потом искать возможность установления новых трудовых отношений на новом месте в своей стране или за рубежом [Bobkov, Veredyuk, 2013, 5].

Безработицу можно назвать особой вынужденной формой прекаризации занятости, когда трудо-

Таблица 1

Неформальная занятость

Неформальная занятость вне неформального сектора	Неформальный сектор
Помогающий член семьи на фирме или на предприятии, которое официально зарегистрировано или состоит из более чем 5 человек Неформальные работники на предприятии формального сектора	Самозанятые на незарегистрированных предприятиях Оплачиваемые работники на незарегистрированных предприятиях, имеющих меньше пяти сотрудников Помогающие члены семьи на незарегистрированных предприятиях, имеющих меньше пяти сотрудников Работодатели на незарегистрированных предприятиях, имеющих меньше пяти сотрудников Члены неформальных производственных кооперативов (members of informal producers' cooperatives (незарегистрированные и имеющие меньше пяти сотрудников))

вые отношения работодателя с работником временно расторгнуты, а материальные источники жизни последнего чрезвычайно ограничены. Что касается безработицы в России, то в 2012 г. ее уровень составил 5,7% экономически активного населения⁵. Согласно Прогнозу долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года, в России будет наблюдаться устойчивая тенденция к уменьшению численности населения в трудоспособном возрасте и, как следствие, сокращение численности экономически активного населения (с 72,6 млн в 2012 г. до 65,84–66,1 млн человек в 2030 г.). При этом будет снижаться и численность занятых: с 68,3 млн в 2012 г. до 65,6–63,0 млн человек в 2030 г. Уровень безработицы изменится при этом с 5,9% экономически активного населения в 2012 г. до 4,7–4,1% в 2030 г.⁶

Оказавшиеся в ситуации нестабильности занятости не могут предусмотреть перспективы своей жизнедеятельности, другими словами, снижается возможность для долговременного планирования. Очевидно, что такое положение негативно отражается не только на качестве жизни индивида, но и на устойчивости развития общества в целом. Примерами таких последствий, в частности, являются: сокращение потребительского спроса на товары, требующие длительных финансовых выплат; недоинвестирование в человеческий капитал (образование, здравоохранение); снижение возможности накапливать профессиональный опыт; ограничение доступности кредитования (в том числе ипотечного) и пр. [Bobkov V.N., Veredyuk O.V., 5].

Если феномен безработицы активно исследуется и для ее характеристики широко представлена релевантная статистика, то феномен неустойчивости занятости пока не нашел должного исследовательского интереса (особенно со стороны экономистов) и комплексного отражения в социально-экономической статистике. Широкое распространение получил специальный термин «прекаризация» (*precarity*). Любопытно отметить, что, по одной из версий, термин получил широкое распространение благодаря политическим дискуссиям во Франции конца 1970-х гг., где для обозначения социального феномена, связанного с нищетой, использовался термин «*précarité*», который впоследствии стал применяться при характеристике занятости. В контексте трудовых отношений (отношений занятости) данный термин может обозначать наивысшую степень их вынуж-

денной небезопасности, неустойчивости. Однако если в Европе исследования феномена неустойчивости занятости ведутся активно, в первую очередь социологами Германии, Франции, Италии, то в России данной проблеме уделяется недостаточно внимания.

В существующих в научной литературе (как правило, социологической) подходах к определению термина «прекаризация» обнаруживается общее понимание. Прекаризация трактуется как исчезновение (вплоть до полной потери) чувства уверенности относительно возможности выполнения индивидом социальных, семейных и иных обязательств, а также обеспечения его прав. В целом прекаризация рассматривается как *ощущение (sense)* ненадежности (необеспеченности) существования (*existential in security*) вследствие определенного состояния трудовых отношений. Последнее сопряжено главным образом со срочностью (ограничением по времени) трудового договора, что может быть причиной нерегулярного участия работника в трудовых отношениях и нестабильного дохода, необходимого индивиду для планирования жизни на средне- и долгосрочную перспективу [Herp, 2012:14, с. 315]. В этом смысле безработица может рассматриваться как наивысшая степень прекаризации. Отметим, что неофициальная занятость также является частью феномена неустойчивости занятости. Так называемая «общая прекаризация» (*general precarity*) в своей основе имеет прекаризацию занятости (*employment precarity*).

К факторам неустойчивости занятости следует относить:

- срочность действия оформленного трудового контракта (или отсутствие официального оформления);
- низкую и нестабильную оплату труда;
- плохие условия труда.

Неустойчивость занятости может быть определена как состояние, при котором на рынке труда повышается уровень неопределенности и риска трудовых отношений, а работа перестает служить источником средне- и долгосрочного планирования и улучшения качества жизни экономически активного населения и индивида. *Сущность неустойчивости занятости*: в процессе трудовых отношений происходит вынужденное перераспределение риска, связанного с трудовыми отношениями, на самого работника. К такого рода рискам следует отнести: риски сокращения размера и снижения частоты получения дохода; риски ухудшения условий труда; риски понижения уровня социальной защищенности, неопределенности продолжительности трудовых отношений и пр.

⁵ Министерство экономического развития. «Результаты социально-экономического развития Российской Федерации в 2012 году». www.economy.gov.ru.

⁶ Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года.

К анализу неустойчивости занятости можно подходить с разных позиций, в том числе с экономической, социальной, экологической, политической, психологической и др. Возможность столь широкого подхода связана с тем, что неустойчивость занятости, с одной стороны, тесно связана с происходящими процессами во всех сферах жизнедеятельности общества, с другой, — оказывает влияние на эти процессы. В исследованиях неустойчивости занятости необходимо развивать экономический подход, основанный на объективных данных, к оценке ее масштабов, структуры, форм, динамики, причин и последствий. Одной из первых международных публикаций российских авторов по проблеме неустойчивости занятости была статья авторов В. Бобкова, Е Черных и У. Алиева [Bobkov, 20 Chernykh, Alijev, 11, 1].

Говоря о прекаризации занятости в контексте переходов «учеба–работа», мы используем индикаторы, максимально объективно характеризующие повышенный уровень риска, связанного с трудовыми отношениями, на рынке труда, а именно:

- волатильность (разброс относительно средней величины) дохода, связанного с работой (заработной платой);
- дискретность (нерегулярность) получения дохода, связанного с работой;
- плохие условия работы;
- отсутствие письменного (формального) контракта.

Концепция неустойчивости занятости в настоящее время проходит этап становления, но среди ключевых факторов, повышающих риск оказаться в этом состоянии, как правило, выделяют следующие (рис. 1).

3. Неформальная и нестабильная занятость российской молодежи

Мы использовали результаты исследования МОТ перехода от учебы к работе (SWTS), выполненного авторами для России. Основной целью данного исследования было получить большой объем информации о проблемах молодых мужчин и женщин на рынке труда. SWTS дает важную дополнительную информацию по сравнению с традиционными обследованиями рабочей силы. Во-первых, оно предоставляет редкую возможность получить показатели о переходах на рынке труда путем включения в анкеты вопросов по истории экономической деятельности молодых респондентов. До настоящего времени индикаторы рынка труда, которые могут продемонстрировать, как выглядят переходы, отсутствовали или были слабо развиты. Вторым достоинством обследования является применение нормативных показателей, касающихся «хороших» рабочих мест, в рамках аналитического исследования. Концепция этапов перехода, примененная к результатам SWTS, основана на различных комбинациях двух переменных — стабильности и удовлетворенности. SWTS — это обследование домохозяйств молодых людей в возрасте от 15 до 29 лет. Обследование было проведено как часть партнерства Work4Youth (работа для молодежи), которое направлено на получение большого объема информации о рынке труда молодежи и на работу с представителями органов власти по интерпретации этих данных, включая переходы на рынке труда, для разработки и мониторинга программ и политик в области занятости молодежи. Это партнерство поддержи-

Фактор риска		Характеристика фактора
Тип контракта / трудового договора	⇒	Оформленный официально срочный (заключаемый на определенный срок) трудовой договор или отсутствие официально оформленного трудового договора
Форма занятости	⇒	Нестандартная занятость, к которой относят организационно-правовые способы и условия использования труда, отличные от традиционного трудового правоотношения с одним работодателем: бессрочным трудовым договором, в режиме полного рабочего дня, а также защитой от увольнений. Примерами могут служить дистанционная, агентская занятость и др.
Оплата труда	⇒	Низкий уровень и нерегулярность выплат заработной платы
Условия труда	⇒	Неблагоприятные условия труда, к которым относят занятость в условиях: - действия хотя бы одного вредного фактора; - превышающей нормы физической и психоэмоциональной нагрузки; - работы на оборудовании, не отвечающем требованиям стандартов безопасности труда и экологическим стандартам

Рис. 1. Факторы риска неустойчивости занятости

Источник: Нерп 2012: 14, 342.

вает SWTS в 28 странах, данные из первого раунда доступны в течение 2013 г. Второй раунд SWTS будет проходить в каждой из 28 стран в 2014–2015 гг.

Федеральная служба государственной статистики в связи с обращением Международной организации труда провела в июле 2012 г. выборочное обследование перехода от учебы к работе лиц в возрасте 15–29 лет. Координацию и проведение исследования осуществлял Информационно-издательский центр «Статистика России» за счет средств Международной организации труда. Обследование перехода от учебы к работе проводилось одновременно с выборочным обследованием населения по проблемам занятости по тем же адресам домашних хозяйств. Лица в возрасте 15–29 лет опрашивались по двум анкетам. Обследуемая неделя — с 9 по 15 июля 2012 г., обход интервьюерами домашних хозяйств проводился с 16 по 22 июля (см. табл. 2).

Временные контакты и случайный характер самозанятости с большой долей вероятности влияют на чувство безопасности и благополучие молодых людей. Неформальная занятость также представляет собой проблему. По оценкам SWTS, неформальная занятость среди молодежи составляет 50,9% всех занятых, при этом занятость в неформальном секторе — 26,9% всех занятых, а занятость на неформальных работах в формальном секторе — 24% всех занятых, т.е. эти два типа неформальной занятости примерно в равных долях представлены в общей неформальной занятости.

Вывод: включенность молодежи в неформальный сектор значительно выше, чем более взрослых работников. Молодежь более склонна к неформальной занятости, так как сказываются отсутствие или недостаточность образования, невозможность устроиться без опыта работы, сложно совмещать учебу и иную деятельность. Молодые люди легче соглашаются работать на непрестижных рабочих

местах, непривлекательных для работников на официально предлагаемых условиях занятости и особенно — оплаты.

Под категорию работников с нерегулярной занятостью подпадают 12,1% всех занятых. К этой категории относятся временные работники, самозанятые и неоплачиваемые работники семейных предприятий. По письменному трудовому договору работает 89,5% работающей молодежи, а 8,1% — по устному соглашению (не имеют никакого контракта), 2,3% имеют гражданско-правовой контракт.

По данным опроса, у 7,5% занятых, имеющих заключенный договор с работодателем, этот договор срочный, а у 92,5% — бессрочный. В целом это достаточно хорошие показатели стабильности занятости у молодежи.

4. Переходы «учеба–работа» российской молодежи

Среди всей молодежи 49,9% завершили переход от учебы к работе, 14,1% находятся в стадии перехода и 29,6% еще не начинали переход (рис. 2).

Если рассматривать отдельно мужчин и женщин, то 54,1% всех молодых мужчин завершили переход и 28,4% еще его не начинали, а среди женщин 45,8% завершили переход и 30,7% еще не начинали. Среди факторов, влияющих на некоторое запаздывание женщин, можно назвать выход замуж (доход мужа, согласно теоретическим основам экономики труда, является для женщины ее нетрудовым доходом и не стимулирует ее к выходу на рынок труда) и рождение детей, а также отсутствие для женщин такого фактора, как служба в армии, который обычно стимулирует юношей сразу после школы поступать в вуз (дающий отсрочку от армии) и, следовательно, ранее выходить на работу.

Таблица 2

Неформальная и нерегулярная занятость молодежи

Форма занятости	Итого	Муж.	Жен.	Итого, %	Муж., %	Жен., %
Регулярная занятость (занятые по найму + работодатели)	3 445 717	1 810 097	1 635 621	87,9	85,0	91,3
Нерегулярная занятость (временная занятость + самозанятые + неоплачиваемые работники семейных предприятий)	474 617	318 486	156 130	12,1	15,0	8,7
Неформальная занятость, из которой:	1 994 462	1 104 209	890 253	50,9	51,9	49,7
занятость в неформальном секторе	105 630	605 743	447 887	26,9	28,5	25,
неформальная работа в формальном секторе	940 832	498 466	442 366	24,0	23,4	24,7

Источник: SWTS-Russia, 2012.

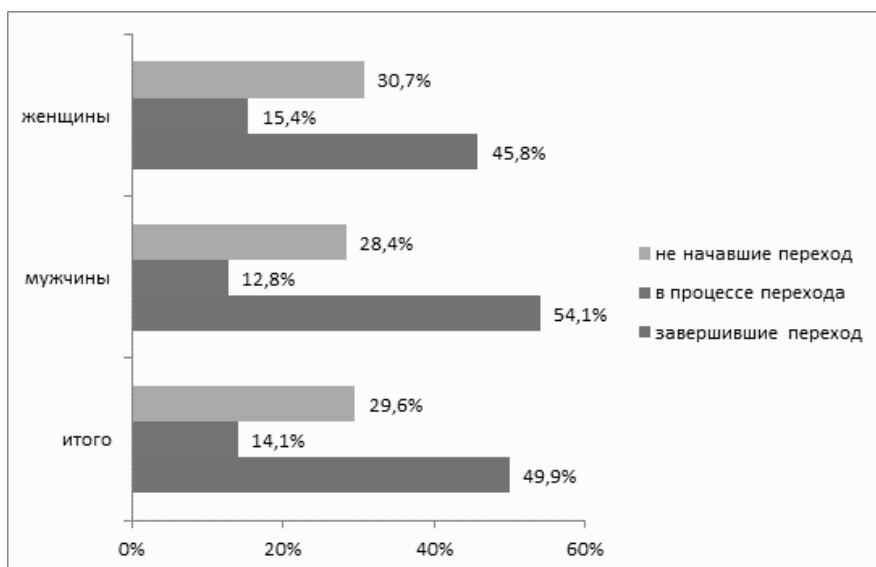

Рис. 2. Распределение молодежи по стадиям перехода и полу

Источник: SWTS-Russia, 2012

На рис. 3 приведены основные характеристики молодежи по стадиям перехода.

Как мы видим, возраст коррелирует со стадией перехода: среди 15–19-летних 66,1% еще не начали переход, так как еще учатся, среди 20–24-летних 48,6% уже в процессе перехода и среди 25–29-летних 58,1% завершили переход. Городские

жители преобладают среди всех трех категорий, но это явно связано со смещенностью выборки, а следовательно, и генеральной совокупности, где городское население составляет 70,5%, а сельское — 29,5%. Можно предположить, что проживание в городе увеличивает шансы на завершение перехода.

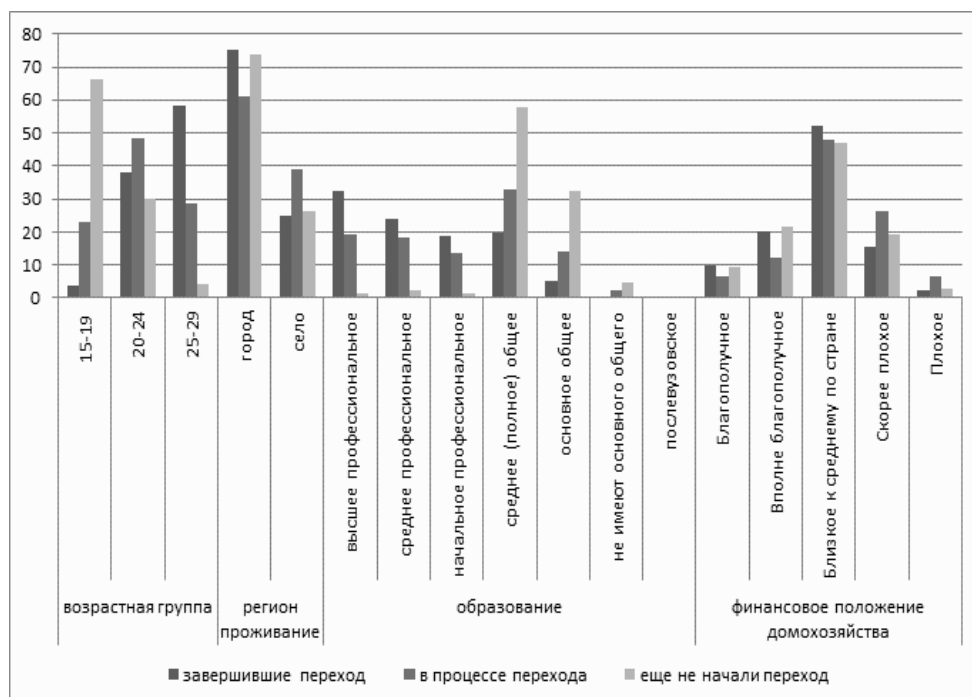

Рис. 3. Стадии перехода по полу, возрасту, месту проживания, уровню образования и уровню дохода домохозяйства, %

Источник: SWTS-Russia, 2012

Уровень образования имеет значение: среди завершивших переход преобладают люди с высшим, средним профессиональным и начальным профессиональным образованием. Среди находящихся в процессе перехода и не начавших переход преобладают люди со средним полным общим и основным общим образованием.

Уровень дохода домохозяйства имеет более сложную связь с переходом. Удельный вес завершивших переход растет с ростом доходов домохозяйств, достигает максимума в домохозяйствах со средними доходами и вновь снижается у домохозяйств с высокими доходами. Можно предположить, что в домохозяйствах с высокими доходами у неактивных меньше мотивации к поиску работы, а в домохозяйствах с низкими доходами ниже конкурентоспособность на рынке труда, что затрудняет завершение переходов.

Молодежь, завершившая переход

Среди молодежи, завершившей переход, 53,8% составляют мужчины, 46,2% — женщины; 75,1% проживают в городе, а 24,9% — в селе (рис. 4).

Среди завершивших переход 52,1% считают финансовое положение своего домохозяйства таким же, как в целом по стране, более 30% — благополучным или достаточно благополучным. Вместе эти категории составляют более 82,3% молодежи, 17,6% считают материальное положение домохозяйства плохим или скорее плохим.

Среди завершивших переход наиболее высока доля молодежи с высшим профессиональным образованием — 32,3%, молодежь со средним специальным — 23,8% и начальным профессиональным образованием — 18,7%. Примерно столько же (19,9%) завершивших переход среди молодежи имеют полное среднее образование.

Вывод. Уровни доходов домохозяйств и профессионального образования молодежи являются важными факторами завершения переходов и

свидетельствуют о более высокой конкурентоспособности указанных групп молодежи.

Как мы видим, 94,3% всей молодежи, завершившей переход, находятся в стабильной занятости по найму (см. табл. 3). В разбивке по полу: 97% всех девушек, завершивших переход, находятся в стабильной занятости по найму и 91,9% юношей. Традиционно среди молодых людей больше количество самозанятых, поэтому 5,7% завершивших переход юношей самозаняты в удовлетворительных условиях.

Таблица 3

Молодежь, завершившая переход, %

Завершившие переход	Россия, 11 регионов		
	итого	мужчины	женщины
Стабильная работа в качестве наемного работника	94,3	91,9	97,0
Временная работа в качестве наемного работника (удовлетворительная)	2,0	2,4	1,5
Удовлетворительная самостоятельная занятость	3,7	5,7	1,4
Всего	100	100	100

Источник: SWTS-Russia, 2012.

Молодежь в процессе перехода

Среди молодежи, находящейся в процессе перехода, 61,2% проживают в городе и 38,8% — в селе, 44,9% молодежи, находящейся в процессе перехода, составляют мужчины и 55,1% — женщины.

Почти половина молодежи, находящейся в процессе перехода, имеет доход домохозяйства на уровне среднего по стране, почти 20% имеют высокий или достаточно высокий доход в семье. Вместе эти категории молодежи составляют 67,7% молодежи, 31% считают уровень доходов своего домохозяйства плохим или скорее плохим (рис. 5). По уровню образования в данной группе моло-

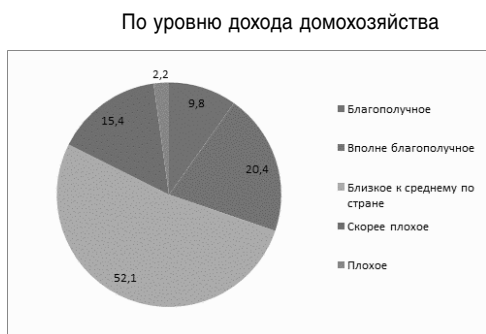

Рис. 4. Молодежь, завершившая переход по уровню дохода домохозяйства и уровню образования

Источник: SWTS-Russia, 2012

Рис. 5. Молодежь в процессе перехода по уровню дохода домохозяйства и уровню образования
 Источник: SWTS-Russia, 2012

дежи преобладают люди со средним полным общим образованием (32,7%), 19,4% имеют высшее и 18,1% — среднее профессиональное образование.

Вывод. Среди молодежи в процессе перехода по сравнению с завершившими переход более широко представлены домохозяйства с плохим и скорее плохим доходом, а также молодежь не с профессиональным, а со средним полным образованием.

Среди молодежи, находящейся в процессе перехода (см. табл. 4), 71,5% являются безработными в широком смысле, т.е. они не имеют работы и другого оплачиваемого занятия, могут начать работать, но не обязательно активно ищут работу, 24,5% находящихся в процессе перехода являются неактивными не-студентами, имеющими планы по поиску работы. В разбивке по полу: только 64,3% девушек относятся к безработным в широком смысле; среди юношей таких гораздо больше — 80,2%.

Таблица 4

Молодежь в процессе перехода, %

В процессе перехода	Итого	Мужчины	Женщины
Безработный (расширенное определение)	71,5	80,2	64,3
Временная и не удовлетворительная работа	2,0	1,9	2,0
Не удовлетворительная самостоятельная занятость	2,1	4,3	0,3
Неактивны, не в школе, но имеют цель искать работу позднее	24,5	13,7	33,3
Всего	100	100	100

Источник: SWTS-Russia, 2012.

При этом 33,3% девушек относятся к категории неактивных не-студентов, имеющих планы по поиску работы.

Вывод. Состав молодежи, находящейся в процессе перехода, качественно иной, чем молодежи, завершившей переход. Среди них преобладают безработные в широком смысле, а также высока доля неактивных не-студентов, имеющих планы по поиску работы. Последняя категория среди женской молодежи представлена более широко, чем среди юношей, и достигает $\frac{1}{3}$ числа девушек, находящихся в процессе перехода к работе.

Молодежь, которая еще не начала переход

Среди молодежи, не начавшей переход, 47,8% составляют мужчины, 52,2% — женщины; 73,6% проживают в городе, а 26,4% — в сельской местности.

Более 30% молодежи, не начавшей переход, указали, что материальное (финансовое) положение их домохозяйства благополучное или достаточно благополучное, а 46,8% — соответствующее среднему по стране. Вместе эти группы молодежи составили 78%; 22% молодежи из этой категории отметили, что материальное положение домохозяйств плохое или скорее плохое. Среднее общее образование имеют 57,9% тех, кто еще не начал переход, а 32,3% — общее (базовое) образование.

Вывод. Среди не начавших переход более широко, чем среди находящихся в переходе, представлены домохозяйства со средними и выше среднего доходами и молодежь со средним общим (базовым) образованием. Высокий удельный вес домохозяйств с относительно высокими доходами позволяет им обучать своих детей в очных профессиональных образовательных заведениях и в

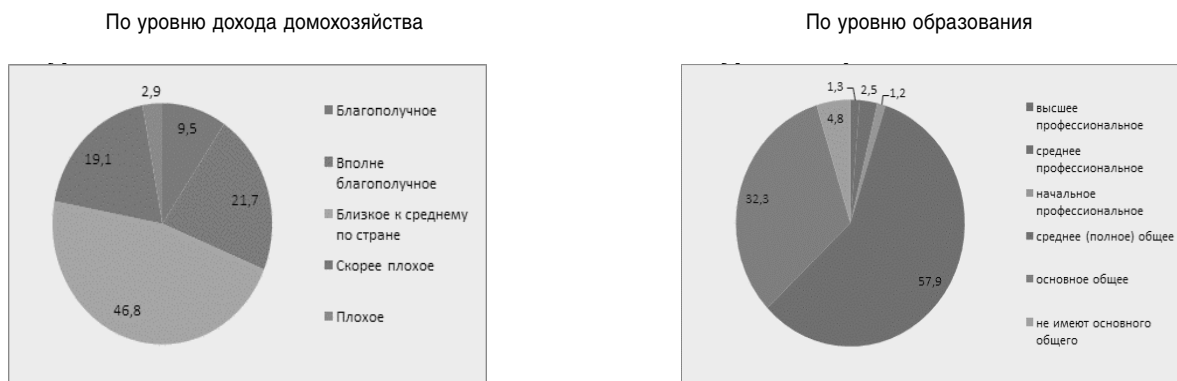

Рис. 6. Молодежь, не начавшая переход, по уровню дохода домохозяйства и уровню образования
 Источник: SWTS-Russia, 2012

общеобразовательных школах. Эти категории молодежи на этот период относятся к неактивному населению. Эта категория молодежи также имеет в своем составе неактивных, которые не имеют планов по поиску работы.

Таблица 5

Молодежь, еще не начавшая переход, %

Переход еще не начался	Итого	Мужчины	Женщины
Неактивные студенты (расширенное определение)	94,1	96,7	91,8
Неактивные не-студенты, без намерения искать работу	5,9	3,3	8,2
Всего	100	100	100

Источник: SWTS-Russia, 2012.

Среди молодежи, не начавшей переход, 94,1% являются неактивными студентами, а 5,9% — не-студенты, не имеющие планов работать. Среди женщин, естественно, большая доля относится к последней категории — 8,2%, а среди мужчин, не начавших переход, таких всего 3,3%.

Характеристики успешного перехода

Можно сделать вывод, что мужчины больше представлены среди молодежи, завершившей переход (53,8% против 46,2%), т.е. принадлежность к сильному полу немного увеличивает вероятность успешного перехода. Проживание в городе, вероятно, также в целом увеличивает шансы на успешный переход, хотя надо заметить, что среди не начавших переход преобладает городское население.

Наличие высшего или иного профессионального образования увеличивает вероятность успешного перехода. Люди с более высоким уровнем образования вероятнее перейдут к стабильной занятости, а люди с более низким уровнем образования (среднее полное общее и общее основ-

ное) — к удовлетворительной самозанятости и временной занятости.

У мужчин и женщин примерно равные шансы добиться стабильной занятости, но у мужчин больше вероятность достигнуть удовлетворительной самозанятости или временной занятости. Городские жители с большей вероятностью достигнут стабильной занятости, а сельские жители — удовлетворительной временной занятости или самозанятости. Молодые люди из семей с более низким доходом более вероятно перейдут в удовлетворительную временную занятость, а молодые люди из более обеспеченных семей — к стабильной занятости. Успешность перехода коррелирует с возрастом: по мере перехода в старшие возрастные группы возрастает удельный вес тех, кто имеет стабильную занятость. И наоборот: чем моложе юноши и девушки, тем большая их доля работает в условиях самозанятости и временной занятости. Среди тех, кто завершил переход в удовлетворительную временную занятость или самозанятость, 47,1% составляют молодые люди 25–29 лет. Среди тех, кто перешел в стабильную занятость, 58,7% составляют люди 25–29 лет (рис. 7).

Пути и длительность перехода

Еще одним способом анализа переходов является анализ потоков, определяющих категорию на рынке труда, в которой находился человек до перехода к стабильной или удовлетворительной занятости (рис. 8).

В категорию «другие» отнесена разница между суммой потоков и общей суммой осуществивших переход и не являющихся студентами, согласно данным по генеральной совокупности.

Как мы видим, около половины молодых людей (как юношей, так и девушек) осуществили прямой

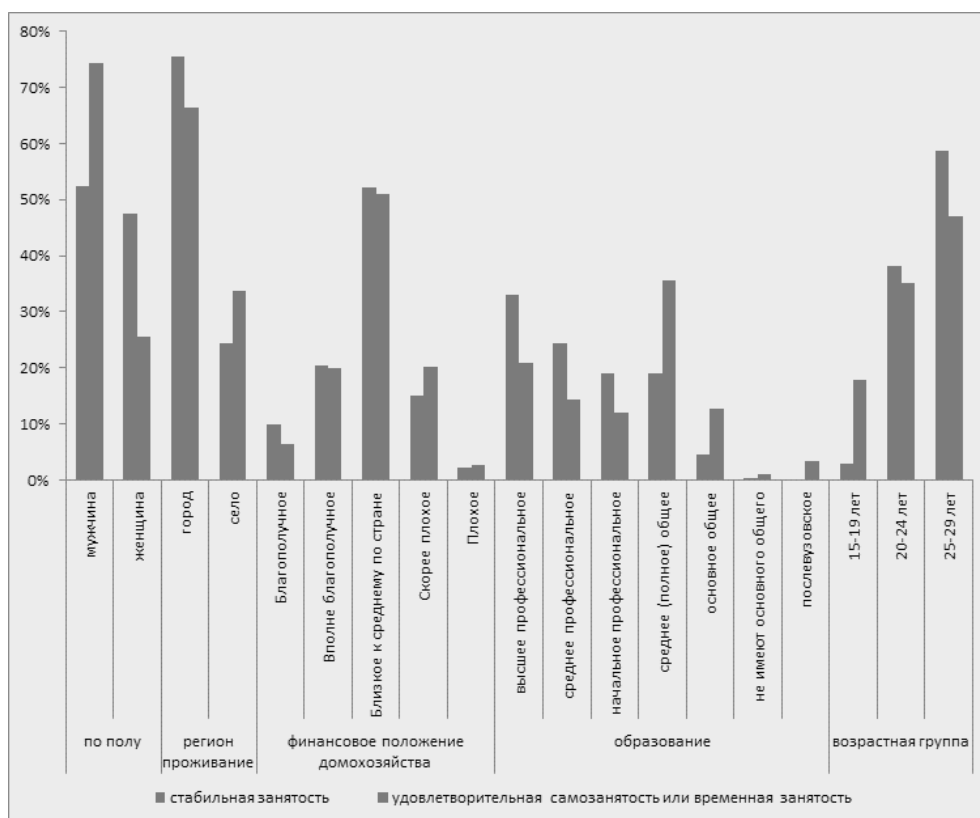

Рис. 7. Завершившая переход молодежь, %
 Источник: SWTS-Russia, 2012

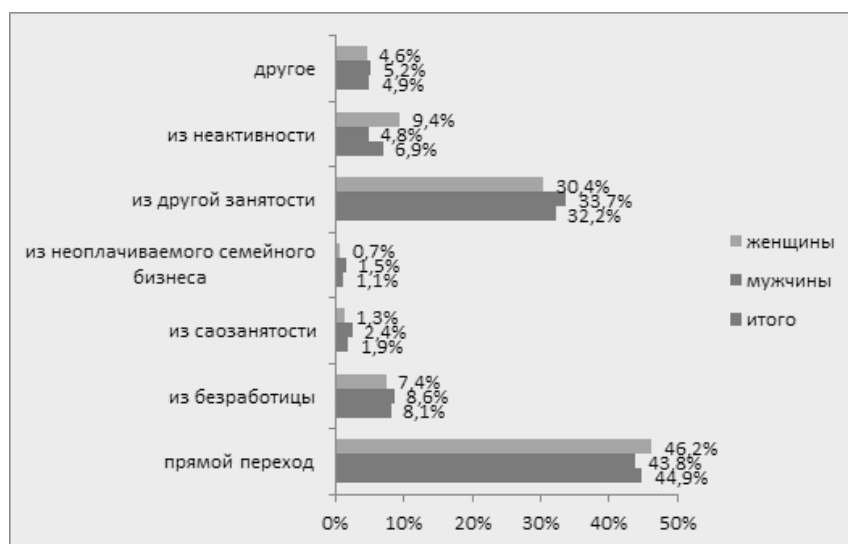

Рис. 8. Потоки в стабильную и/или удовлетворительную занятость (для завершивших переход), %
 Источник: SWTS-Russia, 2012

переход от учебы к стабильной или удовлетворительной занятости. Прямой переход означает, что у них не было промежуточных состояний (переходов) при получении текущей работы (либо ста-

бильной работы по найму, либо удовлетворительной самозанятости, либо временной удовлетворительной занятости). Переход к стабильной занятости от других видов неудовлетворительной работы по

найму или неудовлетворительной временной работы осуществили около 30% закончивших переход (33,7% мужчин и 30,4% женщин). Данная информация несет в себе позитивную нагрузку, так как говорит о том, что молодым людям удалось улучшить свой статус в занятости. Это свидетельствует о том, что у значительной части молодежи, завершившей переход к стабильной или удовлетворительной занятости, он произошел не сразу, а через негативный опыт неудовлетворительной работы по найму или неудовлетворительной временной работы.

Тем не менее достаточно тревожно, что лишь 7,4% девушек и 8,6% юношей перешли к стабильной занятости из состояния безработицы и еще меньше (0,7 и 1,5% соответственно) — из неоплачиваемого семейного бизнеса. Доля перешедших из состояния неактивности также невелика: 9,4% девушек и 4,8% юношей.

Вывод. Успешный переход к стабильной или удовлетворительной занятости примерно только у половины молодежи осуществляется непосредственно после учебы. В то же время примерно 40% молодежи переходят к стабильной занятости через негативный опыт неудовлетворительной работы по найму или неудовлетворительной временной работы, а также через неоплачиваемую работу на семейных предприятиях и из состояния безработицы. Это свидетельствует о значительных проблемах несоответствия спроса и предложения на молодежном рынке труда.

Как мы уже писали выше, МОТ разработала систему классификации для измерения продолжительности переходного периода молодых людей, которые завершили переход. Выбор каждой занимаемой работы согласно типу контракта и уровню удовлетворенности работой будет определять

ее положение среди возможных путей перехода. Переходы классифицируются как «короткие», «средние» или «длинные» (рис. 9).

Короткие переходы характерны как для девушек, так и для юношей — 76,2 и 76,5% соответственно. Большая доля юношей, чем девушек, испытывала длительные переходы — 14,2 и 9,9% соответственно.

Вывод. Одна треть молодежи, завершившей переход от учебы к занятости, испытывает трудности (11,4%) или значительные трудности (12,2%) в осуществлении успешного перехода. Это означает, что разбалансированность спроса и предложения на молодежном рынке труда является крупной проблемой, а ее решение требует скоординированных усилий как от молодежи, так и от учебных заведений, работодателей и государства.

В табл. 7 показаны некоторые важные индикаторы перехода для молодежи, завершившей переход, в разбивке по полу.

Если мы включаем в рассмотрение лиц, осуществивших прямой переход к стабильной или удовлетворительной занятости, то средняя продолжительность перехода составляет 25,5 месяца для мужчин и 21,5 месяца — для женщин, т.е. чуть больше 2 лет. Если же исключить данную категорию, тогда длительность возрастает почти в 2 раза и составляет 47,7 месяца для мужчин и 42,1 месяца — для девушек. Таким образом, те, кому не удалось сразу получить стабильную или удовлетворительную работу, провели в поиске (меняли место работы по причине ее неудовлетворительности или временности, или были безработными, или работали помощниками на семейном предприятии, или вынужденно оставались неактивными) в среднем

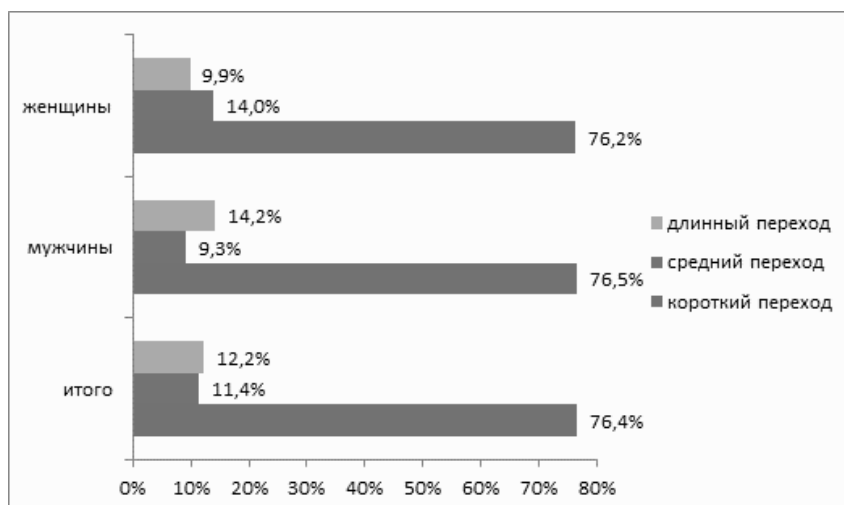

Рис. 9. Классификация по длинам переходов молодежи, завершившей переход, %

Источник: SWTS-Russia, 2012

Индикаторы длительности переходов для молодежи, завершившей переход

Путь и длительность переходов (завершившие переход, не-студенты)	Итого	Мужчины	Женщины
Средняя длина перехода (месяцы) — исключая прямые переходы	45.2	47.7	42.1
Средняя длина перехода (месяцы) — включая прямые переходы	23.6	25.5	21.5
Средняя длина перехода к стабильной занятости (месяцы) — включая прямые переходы	23.4	25.3	21.3
Средняя длина перехода к удовлетворительной самозанятости или временной занятости занятости (месяцы) — включая прямые переходы	28.0	27.9	28.3
Среднее количество промежуточных активностей	1,56	1,62	1,49
Среднее количество периодов безработицы	1,02	1,03	1,02
Средняя длина периодов безработицы (месяцы)	16.5	19.2	12.7
Среднее количество эпизодов временной занятости	1,02	*	*
Средняя длина эпизодов временной занятости (месяцы)	15.4	*	*
Среднее количество эпизодов самозанятости	1,07	*	*
Средняя длина эпизодов самозанятости (месяцев)	35.4	*	*
Средняя длина перехода для молодежи, остающейся в процессе перехода (месяцев)	50.7	45.7	54.6

* Незначительное количество наблюдений.

Источник: SWTS-Russia, 2012.

почти 4 года. Причем для мужчин этот срок почти на полгода больше, чем для девушек.

Среднестатистический молодой человек в процессе перехода лишь один раз побывал безработным, но этот период длился достаточно долго — 16,5 месяца (19,2 месяца для мужчин и 12,7 — для женщин). Девушки быстрее находили желаемую работу (либо предъявляли меньше требований в желаемой позиции).

Средняя длительность периодов безработицы составила 16,5 месяца. Для женщин чуть меньше — 12,7 месяца, а для мужчин — 19,2 месяца, т.е. более 1,5 года.

Среднестатистический молодой человек в процессе перехода до получения стабильной или удовлетворительной работы как минимум один

раз был вовлечен во временную занятость или самозанятость. Временной работой среднестатистический молодой человек занимался 15,4 месяца, а был самозанятым гораздо больше — 35,4 месяца, т.е. почти 3 года.

Вывод. Части молодежи, которая прямо не перешла от учебы к работе, необходимо примерно 4 года для успешного завершения перехода. Эта отправная точка, количественно характеризующая высокую разбалансированность спроса и предложения на молодежном рынке труда. Этот и другие индикаторы для отдельных видов занятости необходимо применять при оценке успешности политики повышения сбалансированности спроса и предложения на молодежном рынке труда.

The Influence of Youth Employment Precarity on Labour Market Transitions

1. Definitions and concepts of school-to-work transitions

Definitions

The concept of the school-to-work transition is a relatively recent issue, frequently associated with change, waiting and uncertainty. The passage from

school to employment is often described in modern literature as long and perilous, unlike the short and direct routes presumed available to previous generations. Some European countries have indeed seen great difficulties. In the USA, economists typically see fewer problems and less deterioration, but nevertheless

many young people never complete this “trip”. In the US policy context, ‘school-to-work’ issues are typically constructed more narrowly, as concerning work-based learning in secondary education and over-investment in college education [OECD, 1999, 31].

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) defines the school-to-work transition as the period between the end of compulsory schooling and the attainment of full-time, stable employment [OECD 1996, 1998, 33, 30].

According to World Bank definition, the school-to-work transition generally refers to the critical socio-economic life changing period between approximately 15 to 24 years of age – a period when young individuals develop and build skills, based on their initial education and training that helps them become productive members of the society. Some of the most immediate economic considerations of this period in a young person’s life include issues related to education and skills development, unemployment and inactivity, job search, labor market entry and segmentation, occupational matches, stable employment and adequate income. Analyzing the transition from school to work is quite intricate because many young people begin employment while in school, migrate out of their communities, perform casual or unpaid work, or are easily discouraged from job searching. In addition there are multiple pathways for acquiring skills and furthering education including different institutional set ups, such as age of compulsory education, tracking into general and technical streams and formal and informal mechanisms of skills development [World Bank, 15].

So, most studies define the transition as the length of time between the exit from education (either upon graduation or early exit without completion) to the first entry into regular employment. The definition of the term and the subsequent measurement of the transition vary from study to study and from country to country. Some studies take as the end point the first moment of employment in any job [L. Guarcello, et al, 2005, 12] and others apply qualitative elements such as first regular job (measured by contract type) [A. Fetsi, J. Johansen, et al, 2006, 8]. Introducing the issue of a contract automatically excludes the employment status of self-employed, where the employment relationship is not defined by a contract [Ryan, 2006, 26].

By ILO researchers the school-to-work transition is defined as the passage of a young person (aged 15 to 29 years)¹ from the end of schooling to the first regular or satisfactory job.

The ILO applies to its surveys and studies a stricter definition of “regular employment” than is typically used in the literature. By starting from the premise that a person has not “transited” until settled in a job that meets a very basic criteria of “decency”, only a permanency that can provide the worker with a sense of security (a permanent contract), or a job that the worker feels personally satisfied with, the ILO is introducing a new quality element to the standard definition of school-to-work transition.

According to ILO, we can take the application of the decent work concept even further and add in elements that extend beyond the nature of the employment contract. A young respondent might have a job with a permanent contract but still earn below-poverty level wages, work excessively long hours with no social protection and have no voice at work. ILO proposes a supplementary, stricter definition of what constitutes the transition to decent work. The main difference in the two approaches rests with the accuracy of the applied definition of “decent work”. The first is based on the assumption that holding a permanent contract inherently implies application of other elements of decency (i.e. access to social benefits and a decent income) while the second approach requires adherence to a list of “decent work” variables. The choice of transition definition is left to the scientists to decide [ILO, 2009, 17].

Regular employment is defined in terms of duration of contract or expected length of tenure. The contrary is temporary employment, or employment of limited duration.

Satisfactory employment is a subjective concept, based on the self-assessment of the job-holder². It implies a job that the respondent considers to “fit” to his desired employment path at that moment in time. Non-satisfactory employment implies a sense of dissatisfaction about the job. The ILO choice of “regular” or “satisfactory” employment as its end point adds at wit to traditional measures of transition that focus on the first entry point of employment regardless of qualification. ILO is against claiming that a young person has completed his/her transition to employment when s/he is engaged in work that, by its precarious or non-satisfactory nature, does not benefit the youth on a higher level. In other words, a young person has not completed the transition when the work engaged in does not fulfil his/her potential as a productive actor; does not bring with it a heightened sense of

¹ While in most other contexts, a young person is defined as a person aged 15 to 24 years, for the purpose of the ILO SWTS, the end year is extended to 29 years. This is done in recognition of the fact that some young people remain in education beyond the age of 24 years and in the hopes of capturing more information on the postgraduation employment experience of young people.

² Self-assessed “satisfactory” work should not be automatically equated to “decent” work might claim satisfaction with their employment situation even though s/he may work under poor conditions (defined by low wages, long hours, a lack of social dialogue, among others), with the reason for doing so stemming from a sense of hopelessness concerning the existence of better alternatives.

self-worth; does not add value to a desired career path; does not provide an opportunity for social integration; and does not lead to the possibility to bring home a fair income in support of him/herself and his/her family. It is not until a young person has attained work that meets a very basic criteria of “decency”, namely a permanency that can provide the worker with a sense of security (regular employment), or a job that the worker feels personally satisfied with (satisfactory employment) that we claim the transition has been completed.

Decent employment is defined as one that meets the following criteria:

- has contractual arrangements that meet the expectations of the young worker;
- qualifies as neither over employment nor underemployment;
- pays at or above the average monthly wage rate of young workers;
- offers satisfactory job security;
- offers the possibility for worker participation in labour unions or association of employer organizations; and
- offers entitlements, among which are paid sick and annual leave.

The school-to-work agenda embraces many long-standing issues concerning schooling, employment and training:

Does unemployment damage young people (motivation, aspirations, hopes etc)?

Do sub-minimum wages increase youth employment and training?

Is vocational education economically beneficial for young workers?

Do internal labour markets make it hard for young people to find work [Richard B. Freeman and David A. Wise 1982; Albert Rees 1986; Paolo Garonna and Paul Ryan 1991].

The successful transition from school to employment is becoming increasingly challenging worldwide, with research showing that students who leave school early are far more likely to be long-term unemployed [James & St Leger, 2003; A. Taylor, 2002]. These early school leavers are far less likely to find employment with career potential and long-term prospects [Crowson, Wong, & Aypay, 2000] and young people more than any other group, are exposed to falling earnings; casual, part-time or temporary work; and low-skilled job offers [teRiele & Crump, 2002]. Crowson and others (2000) reported that employment and underemployment is prominent among people just out of secondary school, and problems of unemployment increase exponentially for those who fail to complete secondary school. So, it becomes increasingly important to

ensure the nation's youth are provided with appropriate educational experiences that will engage them and prepare them for their lives beyond school [Ryan, 2006].

The stages of transition³

The transition stages are defined in Module 1 (section 1.2) of “A methodological guide of ILO school-to-work transition survey” [ILO, 2009, 17].

Transited – A young person who has “transited” is employed in:

- a stable and satisfactory job;
- a stable but non-satisfactory job; or
- a satisfactory but temporary job; or
- in satisfactory self-employment.

In transition – A young person is still “in transition” if s/he has one of the following statuses:

- currently unemployed; or
- currently employed (wage & salaried worker) in a temporary and non-satisfactory job; or
- currently self-employed and unsatisfied; or
- currently inactive and not in school, with an aim to look for work later.

For young people identified as still in transition, it is important to estimate the length of time in each of the five sub-categories of the “in transition” stage. The aspirations of youth in each sub-category may be an important analysis factor as well.

Transition not yet started – A young person who has “not transited” is one who is either of the following: still in school, studying; or currently inactive and not in school, with no intention of looking for work.

For not transited young people, the aspirations of young people in the sub-categories will be the most important element of analyses.

Classification of the path of transition (for those who have transited)

For a young person who has transited, the important question is did s/he have an easy or difficult time in getting the satisfactory/regular job. The question introduces an element of retrospective analysis, that is, the analysis must look at the period of time between the exit from school to the time of entry to satisfactory/regular employment. The transition period could have consisted of the following (exclusive) phases:

1. Direct transition – A young person's first experience after leaving school is being hired at a satisfactory or regular job.

2. Spells of temporary/self-employed and non-satisfactory employment or no contract employment with no spells of unemployment or inactivity.

³ This section is written using «A methodological guide of ILO school-to-work transition survey» [ILO, 2009].

3. Spells of unemployment with or without spells of employment or inactivity.

4. Other – A young person may fall into the “other” category if after leaving school s/he undertook a period of travel or was engaged in home duties. Adding time variables to the four possible phases of transition, allows for the classification of the transition into “short”, “middling” and “lengthy”.

A **short transition** is classified as one in which, before obtaining the current satisfactory/regular job, the young person underwent either:

- a direct transition;
- a spell of temporary/self-employed/no contract and non-satisfactory employment of less than one year with no spell of unemployment or inactivity;
- a spell of unemployment of less than three months (with or without spells of employment or inactivity); or
- a spell of inactivity of less than one year. A middling transition is classified as one in which, before obtaining the current satisfactory/regular job, the young person underwent either:
  - a spell of temporary/self-employed/no contract and non-satisfactory employment of between one and two years with no spell of unemployment or inactivity;
  - a spell of unemployment of between three months and one year (with or without spells of employment or inactivity); or
  - a spell of inactivity of one year or longer. A lengthy transition is classified as one in which, before obtaining the current satisfactory/regular job, the young person underwent either:
    - a spell of temporary/self-employed/no contract and non-satisfactory employment of two years or over with no spell of unemployment or inactivity;
    - a spell of unemployment of one year or over (with or without spells of employment or inactivity).

2. Precarity of employment

Instability of employment

A distinctive characteristic of modern Russian situation is the transition from full-time employment to its unstable form with dramatic features sometimes. Fluctuations between these forms of employment characterize the economy transition from a stable system with full-time employment to the perturbed system with employment instability [Bobkov, V.N., Veredyuk, O.V., 2013a, 2013b, ,]

Twenty three out of thirty three best known international indexes include the component associated with the use of the labour force and unemployment, as well as the income of the population. Eight of them

consider these components simultaneously (namely in the General Index of the United Nations Institute for Social Development (GID), «American Demographics» Index of Well-Being (ADIWB), Index of Social Health (ISH), Consumer Confidence Index (CCI), Index of Human Suffering (HIS), Quality Grade of Life, Johnston's Quality of Life Index (JQOLI) and Gender Empowerment Measure (GEM).

The approach of the Commission on Sustainable Development of the UN, based on the construction of a system of indicators (and not on the integral one), includes employment in the group of indicators of economic development in the form of such indicators as: the level of employment (including vulnerable employment); labour productivity and costs per unit of labour, the proportion of female employment in non-agricultural sector. In the document “The Millennium Development Goals» achievements of full and productive employment and decent work for all, including women and young people, are the target of one of the eight main goals - eradicate extreme poverty and hunger. Relevant indicators include: employment-to-population ratio, proportion of own-account and contributing family workers in total employment, proportion of employed people living below \$1.25 a day [Bobkov, V.N., Veredyuk, O.V., 5].

Sustainable development of economy requires sustainable employment. The sustainability of employment can be understood as a condition in which the work acts as a stable source of medium-and long-term maintenance of the quality of life of the economically active population. In this frame, sustainability of employment is seen as a desirable vector of labour relations. We support the ILO idea of a criteria of “decency”, or a permanency that can provide the worker with a sense of security (e.g. a permanent contract), or a job that the worker feels personally satisfied with. Our criteria of sustainable employment as a final “destination” of the school-to-work transition can be of major significance in the context of Russia.

In the literature among most fully analyzed (and widely spread in Russia) are such forms of formal employment instability as the following:

- 1) Employment on fixed-term contract;
- 2) Part-time employment;
- 3) Employment based on leasing (outstaffing) contracts between employee and employment agency;
- 4) Employment based on contracts with the condition to work outside of the place of employer.

Informal employment

Informal unstable employment is also widespread in Russia. By informal employment we usually mean employment in a personal farming for own consumption and / or for the sale of products and services in order to obtain cash income; non registered indi-

vidual paid services and small retail trade; non-registered production like cooperatives, etc. According to various sources informal forms of employment before reforms varied in the Russian economy from 20% to 25% of total employment [Kapelyushnikov 2004, 21].

Long ago the concept of an informal sector was introduced by Hart [Hart, 1973, 13], a large and growing literature has tried to set out the nature, origins and causes of informal employment. Long considered as a marginal phenomenon, the size, dynamics and shape of the informal sector have since become apparent and the subsequent need to thoroughly analyze it has mobilized a growing number of researchers. A considerable portion of the early papers looked at the definition of the informal sector. Confusion has long prevailed on the concept as well as its operational definition, and the term has sometimes been improperly used as a synonym for tax evasion or illegality [Shehu, Nilsson, 2014, 19]. Numerous definitions have been suggested, ranging from self-employed workers to unprotected employees or small business owners.

The concept has since been clarified and harmonized [OECD, 24, World Bank, 7], referring to production units operating on a small scale at a low level of organization, with little or no division between labour and capital. The operational definition, aiming at improving the data collection and hence comparability, originates in the 14th and 15th International Conferences of Labour Statisticians (ICLS). The Resolution of the 15th ICLS established the distinctive criteria of size and/or nonregistration that define a production unit (self-employed or employer) belonging to the informal sector (ICLS, 1993). The complementary concept of *informal employment*, as defined in the 17th ICLS, takes jobs as the observation units and comprises two main components: employment in the informal sector and unprotected jobs in the formal sector. Different characteristics of the job can be considered for the latter, such as social protection, health insurance, existence of a written contract, pay slip and paid leave. The two aspects of informal sector and informal employment taken together form the *informal economy*. The flexibility built into the concepts of informal sector and informal employment brings advantages in adapting to country situations and needs but has drawbacks in limiting the comparability across countries [Tonin, 2013, 32].

Informal employment is difficult to capture statistically, in part due to the ambiguity of the concept and to the difficulty in application of the international standard definition. According to the definition agreed upon by the 15th International Conference of Labour Statisticians (ICLS), "employment in the informal sector" is dependent on the nature of the production

unit, i.e. a person is counted as employed in the informal sector if s/he is employed in what constitutes as an informal sector enterprise, regardless of employment status (self-employment, etc.)⁴. In the 17th ICLS, guidelines were issued on the measurement of informal employment, as a complement to the measurement of employment in the informal sector. The difference between the two concepts derives from the observation unit used. Informal sector enterprises and employment in the informal sector remain as defined in the 15th ICLS with the production unit (informal enterprise) as the basis for measurement. "Informal employment" is based on the observation unit of the job and is thus defined as the total number of informal jobs, whether carried out in formal sector enterprises, informal sector enterprises or households.

In general, countries and/or researchers are already basing definitions of informality around the characteristics of the job so that, in practice, a broad array of definitions is currently applied in accordance with the purpose of the study. As examples, some studies define informal employment as employment in the absence of a contract; others say all self-employed persons are informally employed; and others still look at the size-class of the enterprise and include as informally employed those who work in enterprises with fewer than, for example, five employees. None of these definitions, in themselves, are completely accurate.

The 17th ICLS recommends for inclusion in informal employment [ILO, 2009, 17]:

Own-account workers (self-employed with no employees) in their own informal sector enterprises.

Employers (self-employed with employees) in their own informal sector enterprises.

Contributing family workers, irrespective of type of enterprise.

Members of informal producers' cooperatives (not established as legal entities).

Employees holding informal jobs as defined according to the employment relationship (in law or in practice, jobs not subject to national labour legislation, income taxation, social protection or entitlement to certain employment benefits (paid annual or sick leave, etc.)).

So we may conclude that informal employment is made up of two sub-categories: workers in the informal (unregistered) sector and paid employees holding informal jobs in the formal sector. The latter category do earn a salary but do not receive other benefits, such as social security contributions or paid annual or sick leave, that would normally come with a formal job.

⁴ For full details see R. Hussmanns; "Measuring the informal economy: From employment in the informal sector to informal employment", Working Paper No. 53 (Geneva, ILO, 2005); www.ilo.org/public/libdoc/ilo/2005/105B09_37_engl.pdf.

Table 1

Informal employment

Informal employment outside the informal sector	The informal sector
Contributing family workers in a farm or business that is officially registered or employs more than 5 employees Informal employee in a formal sector enterprise	Own-account workers (self-employed with no employees) in an enterprise not registered: Employer in an enterprise of less than 5 employees and not registered Contributing family workers in an enterprise of less than 5 employees and not registered: Employee in an enterprise of less than 5 employees and not registered Members of informal producers' cooperatives (not established as legal entities and of less than 5 employees)

Informal employment in total includes all the categories above.

According to the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs (RSPP) 20% of the labour age population that is nearly thirteen million people, do not pay taxes. The expansion of employment in the informal sector has a negative impact on economic perspectives of the development of the country by reducing tax revenues in the state budget. At the same time being informally employed a worker can't even count on a relatively small pension, insurance and other social guarantees and benefits.

In the Russian model of the economic transformation such forms of employment instability are represented:

- 1) Hiring of individual entrepreneurs who are unable to carry out their own business;
- 2) Hiring without legal registration of relations or with registration but violating the labour rights of workers. Among those "invisible workers" there is a considerable part of young and inexperienced workers.
- 3) The recruitment of employees by intermediaries, created for the benefit of financial funds manager.

To sum up, there are more than 20 million workers both in formal and informal forms of employment instability in Russia now. The great scope of employment instability, when the employment relationship between employers and employees is built on a fixed-term contract, does not reflect its formal content or is not contracted at all, dooms workers to violations of their labour and social rights.

A significant part of unstable employment is labour migration. This is due to the fact that from the very beginning immigrant worker has a need to stop labour relations in the region of residence (due to low wages, poor working conditions, or the inability to find a job, etc.), and search for an opportunity to establish new labour relations at new location in the country or abroad.

Unemployment can be considered as extreme form of employment instability, when labour relations are temporarily terminated, and the sources for material life are extremely limited. With regard to unemployment in Russia, according to preliminary estimations, the level of unemployment was 5.9% of the economically active population in 2012. According to some outlooks, in the medium term, Russia will experience a steady decline in population of working age and, as a consequence, reduction in the number of economically active population (about one million over three years, from 72.6 mln in 2012 to 71.7 mln in 2015). This will also decrease the number of employees from 68.3 mln in 2012 to 67.4 mln in 2015. The unemployment rate in this case will remain at 5.9% of the economically active population.

In a situation of employment instability people hardly have good life perspectives, in other words, the possibility of long-term planning is being limited. Such situation can definitely influence aspirations and motivations of young workers that start their working life. Obviously, such situation has a negative impact not only on the life quality of an individual, but also on the stability of society as a whole.

Such effects can be seen in:

- a reduction in consumer demand for products that require prolonged financial payments;
- an insufficient investment in human capital (education, health);
- a reduced ability to accumulate work experience;
- a limitation of credit (including mortgage) availability and so forth.

While the phenomenon of unemployment has been actively studied and relevant statistics is widely presented, the phenomenon of employment instability was not in the focus of research interest (especially by economists) and comprehensive reflection in socio-economic statistics.

While in Europe, the study of the phenomenon of employment instability is a common thing, especially by sociologists from Germany, France and Italy, in Russia we have not paid enough attention to this problem.

There is a special term «precarity» used mainly to characterize the instability. It is worth to note that, according to one source, this term was widely used in political debates in France at the end of the 1970s. To refer to a social phenomenon of poverty, they used the term «precarity», which later began to be used in describing employment (Hepp 2012, 315). In the context of labour relations the term can refer to the highest degree of their forced insecurity and instability.

Existing approaches to the definition of the term «precarity» have a common understanding, according to which precarity is treated as the disappearance (up

to a complete loss) of a sense of confidence with respect to the individual social, family and other abilities and rights.

In general, precarity is described as a sense of existential insecurity deriving from an employment situation. The latter is characterized by contractual temporariness which is associated with an irregular participation in the labour market and with a lack of a stable income, suitable to plan one's life over a medium-long period. (Hepp 2012, 315). In this respect, unemployment can be considered as the highest degree of precarity. We should also note that informal employment is also part of the phenomenon of instability of employment.

Thus, the so-called «general precarity» has employment as its bases.

Such factors of precarity employment can be considered: a) the terms of labour contract (or the absence of legal registration); b) lower and unstable payments and c) bad working conditions.

The precarity of employment can be defined as a condition in which an increase in the level of uncertainty and risk in the labour market and employment no longer serves as a source of medium-and long-term planning and quality of life improvement for economically active population. When precarity of employment takes place risks associated with the employment relations are forcedly redistributed from an employer to an employee. Among such risks are: the risks of reduction in size and reducing of the frequency of wage income; the risk of worsening of working conditions; the risk of lowering the level of social protection; the uncertainty of duration of employment relations and so on.

Detailed analysis of the precarity of employment can be given from different perspectives, including economic, social, environmental, political, psychological and other. Variety of approaches is linked to the fact that the precarity of employment, on the one hand, is closely connected with the ongoing activities in all spheres of social life, on the other, the precarity of employment influences all these activities. One of the first international publications of Russian authors on the precarity of employment was the article by Bobkov et al. [Bobkov et al 2011 (a), [1]].

Speaking about precarity in the context of school-to-work transition we use indicators which objectively characterize the increased level of risk associated with transitions. In particular we use such indicators as:

- Volatility of income related to the job (wage);
- Discreteness (irregularity) of income associated with the job;
- Poor working conditions;
- Absence of formal (written) contract.

Despite the fact that the concept of the precarity of employment is in the stage of formation, among the key factors that increase the risk of being in this state, the following ones can be considered (see a scheme).

Risk factor	Factor characteristics
Type of labour contract	Legally registered fixed-term labour contract or the absence of legally registered labour contract
Form of employment	Non-standard employment, which includes the legal and organizational methods and conditions of employment which are different from traditional employment relations with the one and the same employer. The traditional employment relations assume: permanent labour contract, full-time employment, protection against layoffs
Payment system	Low level and irregular wage payments
Work conditions	Poor working conditions

Figure 1. Risk factors of the precarity of employment

Source: [Hepp 2012, 342].

3. Informal and unstable employment of Russian youth

The further information is based on the results of School-to-Work Transition Survey. The SWTS is a household survey of young people aged 15 to 29 years. The survey was introduced as part of the Work4Youth partnership with The MasterCard Foundation that aims to strengthen the production of labour market information specific to youth and to work with policy-makers on the interpretation of data, including on transitions to the labour market, for the design or monitoring of youth employment policies and programmes. The partnership supports the SWTS in 28 target countries, with data from the first round made available throughout 2013. A second round of SWTS will take place in each of the 28 countries in 2014/15.

In July 2012, the Federal State Statistics Service, in response to the request of the International Labour Organization, conducted the school-to-work transition sampling survey for 15-29 aged persons. Coordination and survey were carried out by “Russian Statistics” Information-Publishing Centre with the ILO financial support. The school-to-work transition survey was conducted simultaneously with a sampling survey of population on the employment problems by the same addresses of households. 15-20 aged persons were polled by two questionnaires. The observed week is July 9-15, 2012, households were visited by the interviewers since July 16 up to July 22.

According to the SWTS assessment, informal employment among the Russian youth makes 50.9% of all the employed, while informal sector employment makes 26.9% of all the employed, and employment in informal jobs within the formal sector – 24% of all the employed; thus, these two types of informal employment are roughly equally represented in informal employment as a whole.

Youth inclusion in the informal sector is much higher than for older workers. Young people tend to be more predisposed for informal employment due to factors such as lack of education or its insufficiency, difficulty of finding an entry-level job where no experience would be required, difficulty in combining studies with other activities. Young people tend to more easily accept unpopular job offers that would be unattractive for older workers. Temporary and incidental character of self-employment is highly likely to affect young people's sense of safety and well-being.

Table 2

Informal and irregular employment of youth, %

	Total, %	Male, %	Female, %
Regular employed (Employers + Stable wage employment)	87,9	85,0	91,3
Irregular employed (Temporal employment + Own-Account Workers + Unpaid Family Workers)	12,1	15,0	8,7
Informal employment of which	50,9	51,9	49,7
Informal sector employment	26,9	28,5	25,
Informal job in formal sector	24,0	23,4	24,7

Source: SWTS-Russia, 2012

Irregular workers make 12.1% of all the employed. This category comprises temporary workers, self-employed persons and unpaid family workers.

89.5% of employed youth work on a basis of a written employment contract, while 8.1% work on a basis of an oral agreement (i.e. without contract), and 2.3% work on a basis of a civil contract.

The survey shows that 7.5% of employed young people who have a contract with the employer, are employed on a fixed-term basis, while 92,5% work on a permanent basis. Overall, this is a good indicator of employment stability for young people.

4. School-to-work transitions of Russian youth

According to the SWTS results, among all youth, 39.9% completed their transition from studies to work, 14.1% are still transitioning and 29.6% have not yet started transition.

Disaggregated findings for men and women show that 54.1% of all young men completed their transition and 28.4% have not started it yet, while among young women 45.8% completed transition and 30.7% have not yet started. The factors affecting the lesser rate of transition of women include marriage (husband's income is, according to theoretical principles of labor economics, a woman's non-labor revenue and as such does not motivate women to seek employment) and the birth of children, as well as non-applicability of factors such as military draft, which ordinarily encourages young men to seek college admission immediately after high school (provided the college carries the entitlement to suspended draft) and, consequently, to earlier embark on a career.

On the chart below the main characteristics of youth by stages of transition are given

As we can see, age correlates with the stage of transition: among 15-19 year olds, 66.1% have not yet started their transition due to student status, among 20-24 year olds 48.6% are already transitioning, while among 25-29 year olds 58.1% have already completed transition. Urban residents dominate in all the three categories, however, this is clearly due to a shift in sampling and, as a consequence, in the total population: in the total population urban residents make 70.5% and rural residents make 29.5%. Urban resident status presumably increases chances for completed transition.

The level of educational attainment matters: those who completed their transition are predominantly people with university, secondary vocational or basic vocational degrees, while those who are still transitioning or have not yet started largely have full secondary general or basic general education.

Household incomes correlation with transition is somewhat complicated. The share of those who completed transition rises as household income increases; however, the share of transitioned youth peaks in middle-income households and decreases in households with higher incomes. Presumably, higher-income households provide less motivation for inactive youth to seek employment, while low-income households are less competitive in the labor market, which makes transition more difficult.

Transited Youth

Men make 53.8% of all transitioned youth, while women make 46.2%. 75.1% live in urban areas and 24.9 live in rural areas.

52.1% of transitioned youth believe their household incomes are average for the nation, while 30% think of their households as affluent or relatively affluent. These three categories combined make up for over

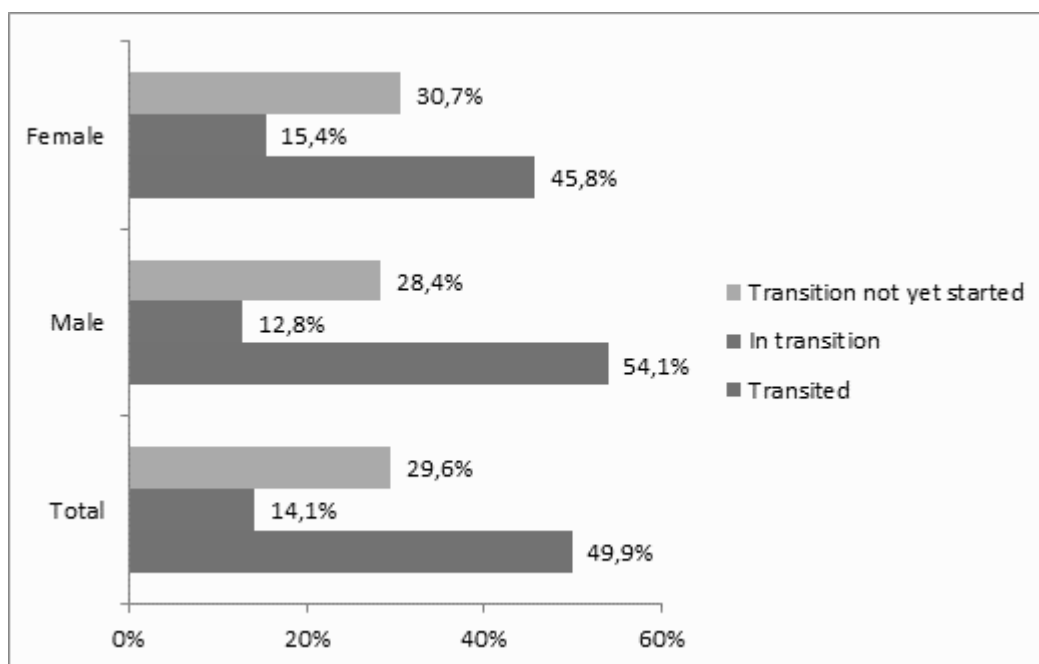

Figure 2. Distribution of youth population by stage of transition and sex
Source: SWTS-Russia, 2012

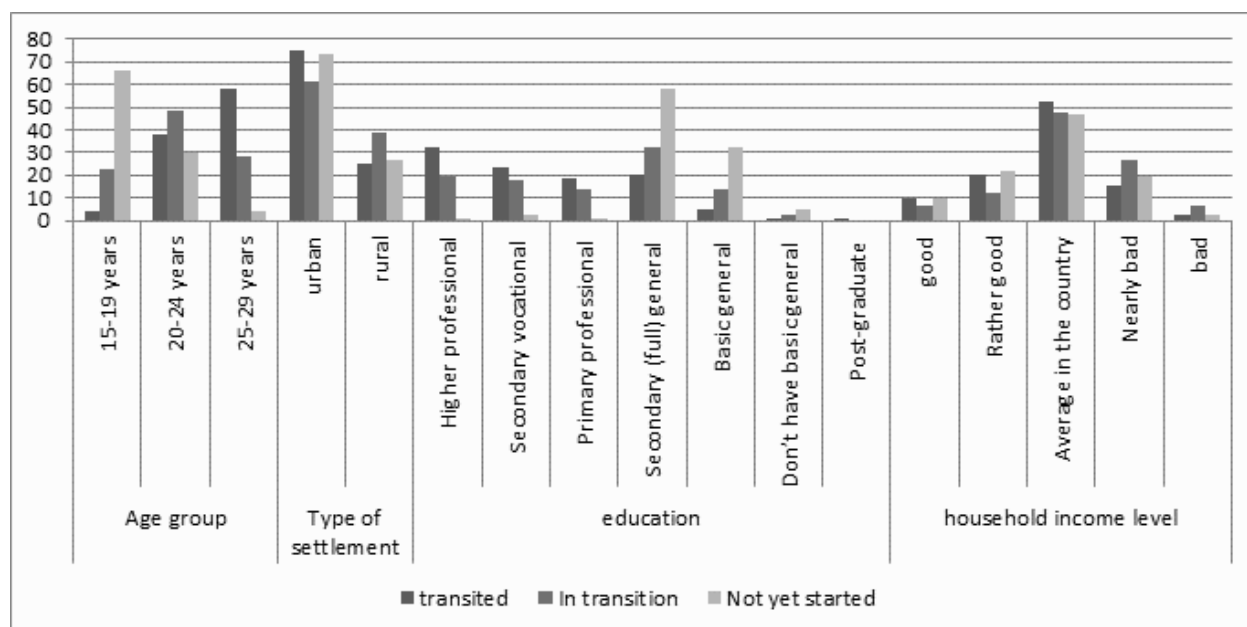

Figure 3. Distribution of stages of transition by sex, age group, geographic residence, household income and level of completed education, %
Source: SWTS-Russia, 2012

82.3% of all youth. 17.6% of respondents consider their household incomes low or relatively low.

Among transited youth, the share of those with university degrees is the highest at 32.3%, followed by youth with secondary vocational (23.8%) and basic vocational (18.7%) degrees. The share of young people

with full secondary education is approximately equal (19.9%).

So we establish that household incomes and educational attainment levels are important factors in transition and contribute to higher competitiveness of these groups.

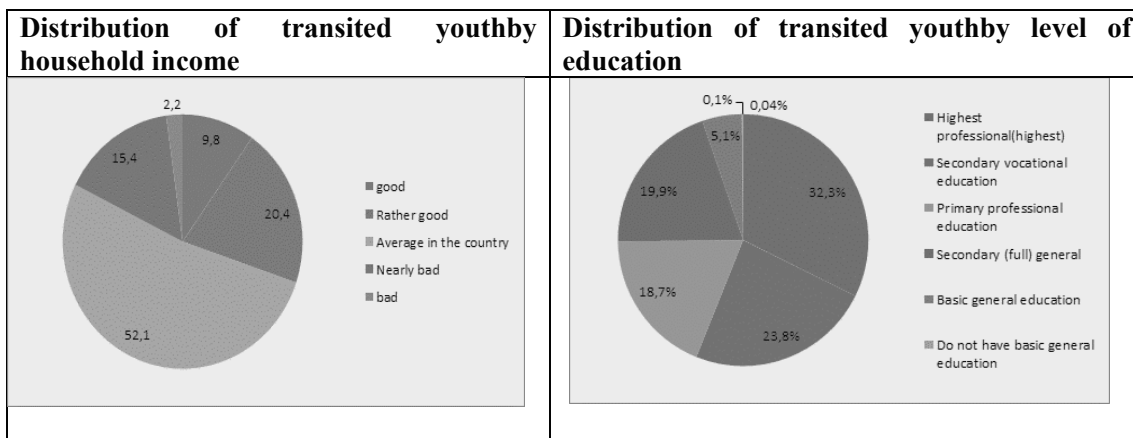

Figure 4. Distribution of transited youth by household income and level of education
 Source: SWTS-Russia, 2012

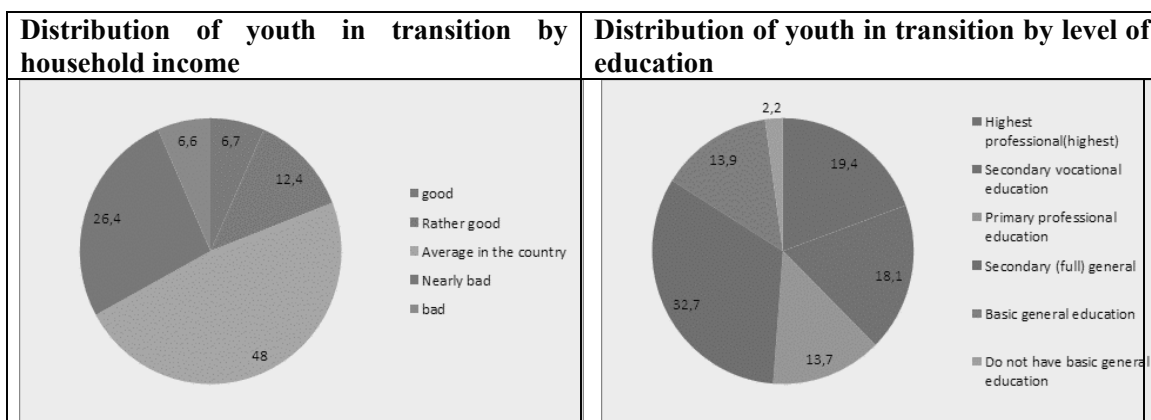

Figure 5. Distribution of youth in transition by household income and level of education
 Source: SWTS-Russia, 2012

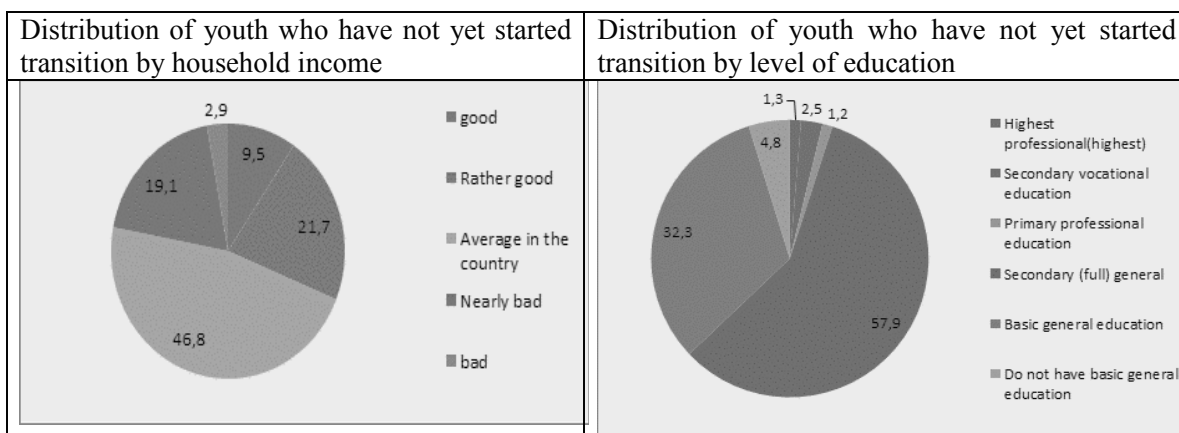

Figure 6. Distribution of youth who have not yet started transition by household income and level of education
 Source: SWTS-Russia, 2012

Table 3

Transited Youth

Transited Youth	Russia - 11 regions		
	Total	Male	Female
Instable wage employment	94,3%	91,9%	97,0%
In temporary wage employment (satisfactory)	2,0%	2,4%	1,5%
In self-employment (satisfactory)	3,7%	5,7%	1,4%
%	100	100	100

Source: SWTS-Russia, 2012

As we can see, 94.3% of all transited youth are in stable wage employment situation. Gender-disaggregated findings show that 97% of all women and 91.9% of men are in stable wage employment. Traditionally, young men tend to lean towards self-employment, therefore 5.7% of transited young men are self-employed in satisfactory conditions.

Youth in transition

Among transitioning youth, 61.2% live in urban and 38.8% - in rural areas. 44.9% of transitioning youth are men and 55.1% are women.

Almost half of all young people in transition belong to middle-income households, while 20% belong to affluent or relatively affluent households. These three categories combined make up for 67.7% of all young people. 31% consider their household incomes low or relatively low. The largest share (32.7%) within this group by the level of educational attainment make young people with full secondary general education, while 19.4% have university education and 18.1% have secondary vocational education.

As compared to transited youth, young people in transition include a larger share of households with low and relatively low income levels, as well as youth with full secondary, rather than vocational, education.

Table 4

Youth in transition

Youth in transition	Total	Male	Female
Unemployed (relaxed)	71,5%	80,2%	64,3%
In temporary wage employment (non-satisfactory)	2,0%	1,9%	2,0%
In self-employment (non-satisfactory)	2,1%	4,3%	0,3%
Inactive non-students with plans to work	24,5%	13,7%	33,3%
%	100%	100%	100%

Source: SWTS-Russia, 2012

Among transitioning youth, 71.5% are unemployed in the wider sense, i.e. they do not work or perform other remunerated activity, are employable, but do not necessarily actively look for employment. 24.5%

of all youth in transit are inactive non-students intending to find work.

Our findings show that only 64.3% of young women are unemployed, while among young men their share is much higher, making 80.2%. 33.3% of young women are inactive non-students intending to find work.

The composition of the youth in transition group is qualitatively different from that of transited youth. Young people in transition have a much larger share of unemployed in the wider sense, as well as inactive non-students intending to find work. The latter category is more predominant among young women, making up to one third of all young women in transition.

Youth who have not yet started transition

Men make 47.8% of young people who have not yet started transition, while women make 52.2%. 73.6% are resident in urban and 26.4% - in rural areas.

Over 30% of young people who have not yet started transition indicated that their households belong to the affluent or relatively affluent categories, while 46.8% come from middle-income households. These three groups combined make 78%. 22% of youth within this category noted their household income levels are low or relatively low. 57.9% of young people who have not yet started transition have secondary general and 32.3% have basic secondary education.

Middle and above-middle-income households and youth with secondary general (basic) education form larger segments within the category of youth who have not yet started transition. High proportion of households with relatively high income levels allows parents to ensure their children are educated in daytime professional educational institutions and secondary schools. In this period, the above categories of youth are inactive, also including inactive young people who do not intend to find work.

Table 5

Transition not yet started

Transition not yet started	Total	Male	Female
Inactive students (Relaxed)	94,1%	96,7%	91,8%
Inactive non-students with no plans to work	5,9%	3,3%	8,2%
%	100	100	100

Source: SWTS-Russia, 2012

Among young people who have not yet started transition 94.1% are inactive students and 5.9% are non-students not intending to find employment. The latter category, obviously, forms a larger share of the female segment (8.2%), while in men who have not yet started transition it makes only 3.3%.

Characteristics of a successful transition

Findings show that men dominate among successfully transitioned young people (53.8% v. 46,2%), i.e. male gender implies a somewhat higher likelihood of a successful transition. Status of an urban resident also generally contributes to better chances for a successful transition, although city dwellers also dominate among pre-transition young people.

A university or vocational degree also increases chances for a successful transition. People with higher levels of educational attainment are more likely to transition into stable employment, while lower levels of educational attainment (full secondary general or basic general) are associated with satisfactory self-employment and temporary employment.

Men and women face roughly equal chances of achieving stable employment status, however, men are more likely to transition into satisfactory self-employment or temporary employment. Urban residents are more likely to achieve stable employment, while rural residents will transition to satisfactory temporary or self-employment. The likelihood is higher that young people from lower-income families will transition into satisfactory temporary employment, while those from more affluent households have better chances of achieving stable employment. The success of a transition correlates with age: the share of those in stable employment rises with age and, vice versa, younger men and women tend to be more involved in self-employment or temporary employment. In those who have transitioned into satisfactory temporary or self-employment, 47.1% are young men of ages 25-29. In those who have transitioned into stable employment, 58.7% are in the age group of 25-29.

Transition paths and durations of transition

An additional methodology of analyzing transition is through the analysis of flows that determine the labor market category the person belonged to before transitioning to stable or satisfactory employment.

The paths of transition are defined according to the ILO «A methodological guide MODULE 4 Key indicators of youth labour markets: Concepts, definitions and tabulations» in the first section of this article.

As we may see that approximately a half of all young people (men and women alike) have directly transitioned from studies to stable or satisfactory employment. A direct transition implies no intermediate statuses (transitions) on the path to achieving the current employment status (which may either be wage employment or satisfactory self-employment or else satisfactory temporary employment). 30% of transitioned youth (33.7% of men and 30.4% of women)

transitioned to stable employment from other types of non-satisfactory wage employment or non-satisfactory temporary employment. This finding is positive, as it means that young people succeeded in improving their employment status. However, it also implies that a significant share of young people who eventually transition to stable or satisfactory employment do not do so directly, but rather after a negative experience of non-satisfactory wage employment or non-satisfactory temporary employment.

However, the fact that only 7.4% of young women and 8.6% of young men transitioned to stable employment from unemployment and still fewer (0.7% and 1.5%, respectively) from being unpaid family workers raises concern. The share of those who transitioned from inactivity is comparably low: 9.4% for young women and 4.8% for young men.

A successful transition to stable or satisfactory employment occurs immediately after the graduation in only a half of all cases. At the same time, approximately 40% of young people transit to stable employment after having been exposed to a negative experience of non-satisfactory wage or temporary employment, being an unpaid family worker or prior unemployment. This indicates that the supply/demand mismatch in the youth labor market is a serious problem.

The ILO has also developed a classification system for the duration of the transition period of youth who have completed the transition⁵.

The qualification of each job held according to its contract type and rating of job satisfaction will determine its placement in the following mapping of possible paths of transition. The history of transition is classified as “short”, “middling” or “lengthy”.

A *short transition* is classified as one in which, before obtaining the current satisfactory/stable (decent) job, the young person underwent either:

a direct transition (1); or

a spell (or cumulative spells) of stable or satisfactory employment (2a) with no spell of unemployment or inactivity;

a spell (or cumulative spells) of employment of less than or equal to one year with no spell of unemployment or inactivity where the job(s) held is classified as temporary and non-satisfactory employment (2b) or non-satisfactory self-employment (2c)

a spell of unemployment with or without spells of employment or inactivity (3) of less than or equal to three months; or

a spell of inactivity (4) of less than or equal to one year.

⁵ ILO school-to-work transition survey: «A methodological guide MODULE 4 Key indicators of youth labour markets: Concepts, definitions and tabulations»

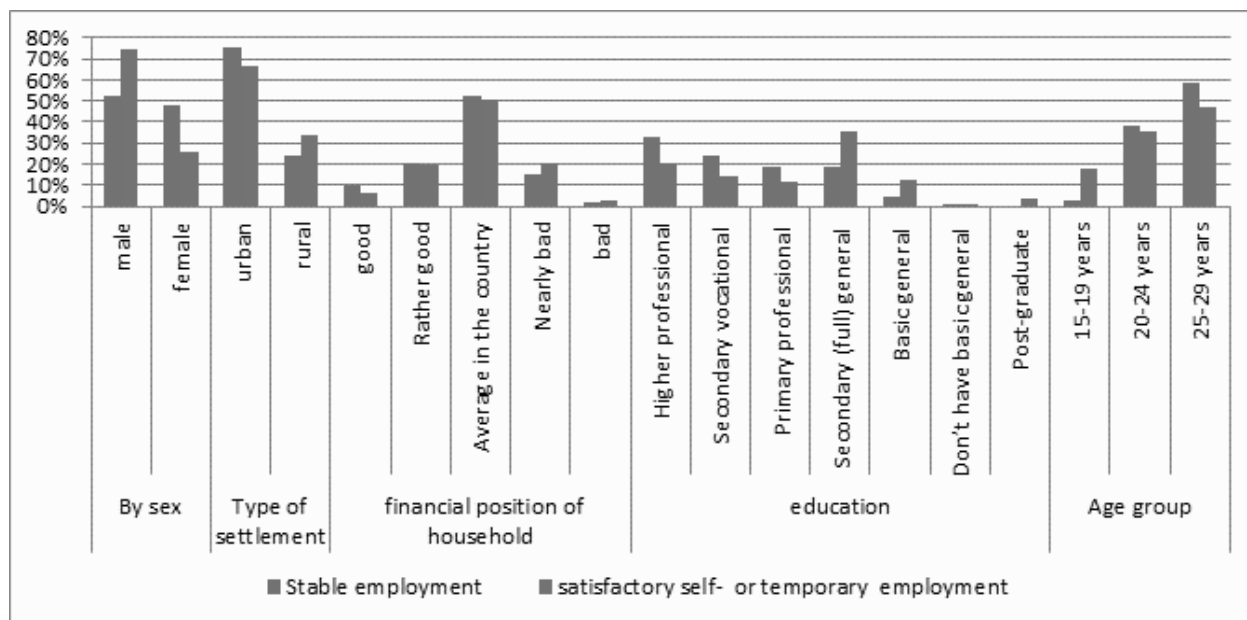

Figure 7. Transited youth by sub-category and by sex, urban/rural geography, household income level and level of educational attainment, %

Source: SWTS-Russia, 2012

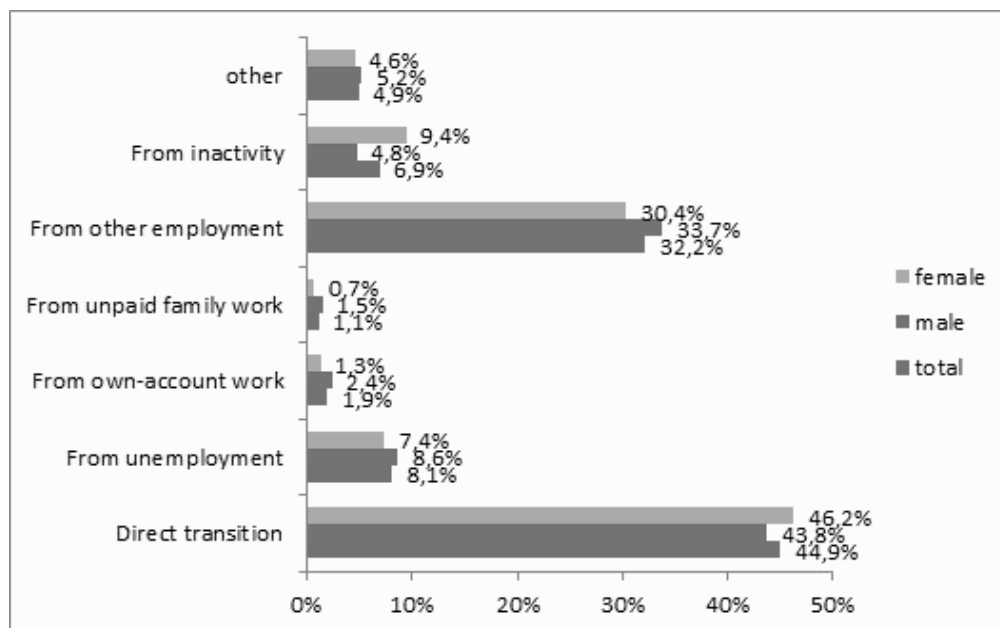

Figure 8. Flows to stable and/or satisfactory employment ("transited" category), %
In the "other" category is the difference between the total amount off low and the total transitioned are attributed and non-students, according to data on the entire population.

Source: SWTS-Russia, 2012

A *middling transition* is classified as one in which, before obtaining the current satisfactory (decent)/stable job, the young person underwent either:

a spell (or cumulative spells) of non-satisfactory temporary employment (2b) or non-satisfactory self-employment (2c) of between one and two years with no spell of unemployment or inactivity; or

a spell of unemployment with or without spells of employment or inactivity (3) of between three months and one year; or

a spell of inactivity (4) longer than one year.

A *lengthy transition* is classified as one in which, before obtaining the current satisfactory (decent)/stable job, the young person underwent either:

a spell (or cumulative spells) of non-satisfactory temporary employment (2b) or non-satisfactory self-employment (2c) of two years or over with no spell of unemployment or inactivity; or

a spell of unemployment with or without spells of employment or inactivity (3) of one year or over.

Short transition is characteristic for both young women (76.2%) and young men (76.5%). A larger share of young men than young women experienced lengthy transition: 14.2% and 9.9%, respectively.

One third of all transitioned youth is facing obstacles (11.4%) or serious obstacles (12.2%) to successful transition. This points to the seriousness of the supply/demand mismatch problem in the youth labor market, which may only be addressed through a coordinated effort by both young people themselves and educational institutions, employers and the state.

Table 7 shows some important indicators of transition for transitioned youth, disaggregated by gender.

If young people who directly transitioned to stable or satisfactory employment are considered, then the median transition length will be 25.5 months for men and 21.5 months for women, i.e. slightly longer than 2 years. Exclusion of the above category will result in increase of the median transition length to 47.7% months for men and 42.1 months for women. This said, those who were unable to directly transition to a stable or satisfactory job spent almost 4 years on average looking for work (changed jobs due to lack of satisfaction or temporary character of employment, were unemployed, unpaid family workers, or were forced into inactivity); the transition length is longer for men than for women by almost half a year.

An average young person in the course of transition was unemployed only once, but his unemployment lasted fairly long (16.5 months; 19.2 months for men and 12.7 months for women). Thus, young women were able to find work within shorter timespans (or were less demanding).

Median unemployment length was 16.5 months. This period was somewhat shorter for women (12.7%), while for men it was 19.2% months, i.e. over 1.5 years.

Before finding stable or satisfactory employment, an average young person in the course of transition had at least one spell doing temporary work or being self-employed. Temporary employment duration was 15.4 on the average, while self-employment duration was much longer: 35.4 months, i.e. almost 3 years.

Table 6

Indicators on path of transition for “transitioned” youth by sex

Path and length of transition (for transitioned, non-students)	Total	Male	Female
Average length of transition (months) - Excluding direct Transition	45.2 months	47.7 months	42.1 months
Average length of transition (months) - Including direct Transition	23.6 months	25.5 months	21.5 months
Average length of transition to stable employment (months) - Including direct	23.4 months	25.3 months	21.3 months
Average length of transition to satisfactory self-emp or temporary employment (months) - Including direct	28.0 months	27.9 months	28.3 months
Average number of intermediary activities	1,56	1,62	1,49
Average number of unemployment spells	1,02	1,03	1,02
Average length of unemployment spells (months)	16.5 months	19.2 months	12.7 months
Average number of temporary employment spells	1,02	*	*
Average length of temporary employment spells (months)	15.4 months	*	*
Average number of spells of self-employment	1,07	*	*
Average length of spells of self-employment (months)	35.4 months	*	*
Average length of transition for youth remaining in transition (months)	50.7 months	45.7 months	54.6 months

*Insignificant number of job servations.

Source: SWTS-Russia, 2012.

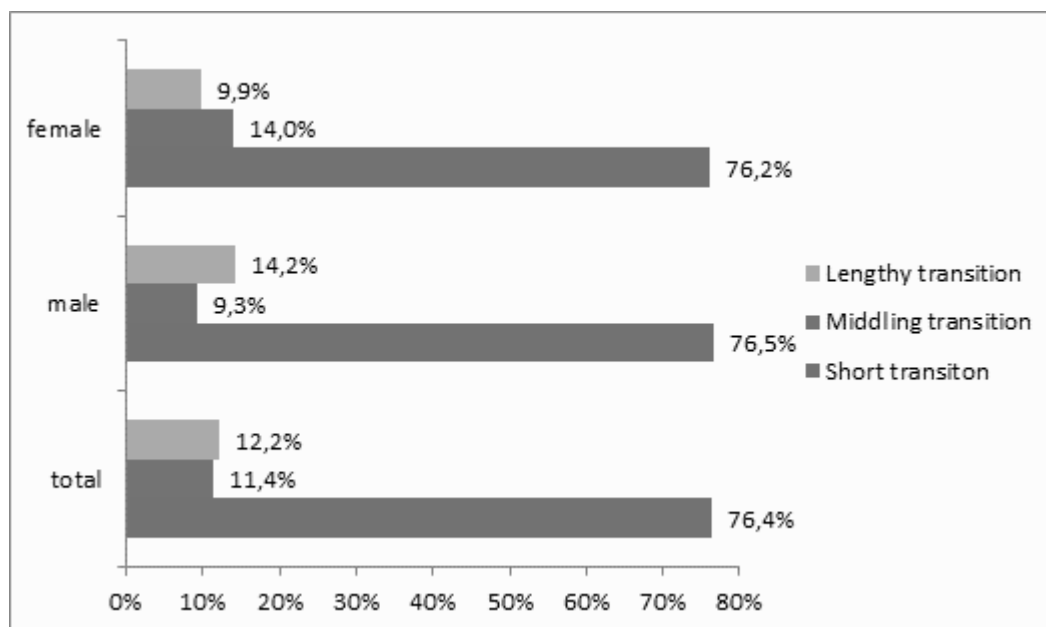

Figure 9. Classification of duration of transition of youth who have completed the transition by sex (%)

Source: SWTS-Russia, 2012

Those of young people who did not directly transit from studies to work needs about 4 years to successfully complete transition. This is the reference point that qualitatively describes the supply/demand mismatch

in the youth labor market. This and other indicators for specific types of activity should be applied to assess the effectiveness of policies aimed to match supply and demand in the youth labor market.

Список литературы

1. Bobkov V., Chernykh E., Alijev U. (2011a). Precarity in Russia and Labour and Employment Markets Transformation // Precarity — More than a Challenge of Social Security Or: Cynicism of EU's Concept of Economic Freedom / Ed. P. Herrmann, S. Kalaycioglu. Bremen: Europaischer Hochschulverlag GmbH AND Co, KG.
2. Бобков В., Черняк Е., Алиев У., Курильченко Е. Неустойчивость занятости: негативные стороны современных социально-трудовых отношений // Уровень жизни населения регионов России. 2011. № 5. С. 13–26.
3. Bobkov V.N., Veredyuk O.V. (2013a) Impact of employment instability on socio-economic position of employees // Economy of Region. № 4. P. 35–43.
4. Bobkov V.N., Veredyuk O.V. (2013b) Inequality of living standards in Russia: Internal and international context (the early 1990s and the 2000s) // Economy of Region. № 3. P. 62–70.
5. Bobkov V.N., Veredyuk O.V., Alijev U. Risks of Society Stability and Precarity of Employment: A Look at Russia // International Journal on Social Quality. Volume 3. Issue 1, 2013.
6. Crowson R. L., Wong K. K., Aypay A. (2000). The quiet reform in American education: Policy issues and concep-

References

1. Bobkov V., Chernykh E., Alijev U. (2011a). Precarity in Russia and Labour and Employment Markets Transformation."pp. 160-180. Precarity — More than a Challenge of Social Security Or: Cynicism of EU's Concept of Economic Freedom, ed. Herrmann P. Kalaycioglu S. Bremen, Europaischer Hochschulverlag GmbH AND Co, KG.
2. Bobkov V., Chernykh E., Alijev U., Kuril'chenko E. (2011). Neustoychivost' zanyatosti: negativnye storony sovremennykh sotsial'no-trudovykh otnosheniy [Instability of employment: the negative aspects of modern social and labor relations]. Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [Living standards in the regions of Russia]. 2011. I. 5, pp. 13-26.
3. Bobkov V.N., Veredyuk O.V. (2013a) Impact of employment instability on socio-economic position of employees. Economy of Region, (4), pp. 35-43.
4. Bobkov V.N., Veredyuk O.V. (2013b) Inequality of living standards in Russia: Internal and international context (the early 1990s and the 2000s). Economy of Region, (3), pp. 62-70.
5. Bobkov V.N., Veredyuk O.V., Alijev U. Risks of Society Stability and Precarity of Employment: A Look at Russia. International Journal on Social Quality, V. 3, I. 1, 2013.

- tual Challenges in the school-to-work transition // Educational Policy № 14 (2). P. 241–258.
7. European Communities; International Monetary Fund / Organisation for Economic Cooperation and Development; United Nations; World Bank. 2009 // System of National Accounts. New York. 2008.
  8. Fetsi A., Johansen J. et al. Transition from education to work in EU neighbouring countries. Torino: ETF, 2008.
  9. Freeman R.B., Wise D. A. (eds). (1982). The Youth Labour Market Problem: its Nature, Causes and Consequences. Chicago: U. of Chicago/NBER.
  10. Garonna P., Ryan P. The Regulation and Deregulation of Youth Economic Activity // The Problem of Youth: the Regulation of Youth Employment and Training in Advanced Economies, 1991.
  11. Gërxfhani K. The informal sector in developed and less developed countries: a literature survey // Public Choice, 2004. 120. P. 267–300.
  12. Guarcello L. et al. (2005). School-to-Work Transition in Sub-Saharan Africa: An overview // UCW Working Paper (Understanding Children's Work Project), Florence, 7 November.
  13. Hart, K. Informal income opportunities and urban employment in Ghana. *The Journal of Modern African Studies*, 1973. Vol. 11, No. 1, pp. 61–89).
  14. Hepp R.-D. (ed). (2012). Prekarisierung und Flexibilisierung [Precarity and Flexibilisation]. WESTFALISCHES DAMPFBOOT.
  15. <http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/TOPICS/EXTEDUCATION/0,,contentMDK:21725024~menuPK:4995933~pagePK:148956~piPK:216618~theSitePK:282386,00.html>
  16. Hussmanns R. Measuring the informal economy: From employment in the informal sector to informal employment // Working Paper No. 53. Geneva, ILO, 2005; URL: www.ilo.org/public/libdoc/ilo/2005/105B09_37_engl.pdf.
  17. ILO school-to-work transition survey: A methodological guide International Labour Office. Geneva: ILO, 2009.
  18. Informal employment among youth: evidence from 20 school-to-work transition surveys / Erin Shehu and Björn Nilsson; International
  19. Informal employment among youth: evidence from 20 school-to-work transition surveys / Erin Shehu and Björn Nilsson; International Labour Office. Youth Employment Programme, Employment Policy Department. Geneva: ILO, 2014.
  20. James P., Leger St.P. Crossing school-community boundaries for vocational education: enabling learning for potential early school leavers // International Journal of Training Research, 2003. № 1 (1). P. 1–22.
  21. Kapelyushnikov R. Nonstandard Types of Employment and Unemployment: the Case of Russia // Working paper WP4/2004/06. Moscow: State University — Higher School of Economics, 2004.
  22. Labour Office. Youth Employment Programme, Employment Policy Department. Geneva: ILO: 2014.
  23. NCVER. Issues affecting skill demand and supply in Australia's education and training sector. Adelaide: NCVER, 2002.
  24. Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD); International Monetary Fund
  6. Crowson R. L., Wong K. K., Aypay A. (2000). The quiet reform in American education: Policy issues and conceptual Challenges in the school-to-work transition. Educational Policy. I. 14(2), pp. 241–258.
  7. European Communities; International Monetary Fund. Organisation for Economic Cooperation and Development; United Nations; World Bank. 2009. System of National Accounts 2008 (New York).
  8. Fetsi A., Johansen J. et al. Transition from education to work in EU neighbouring countries. Torino, ETF, 2008.
  9. Freeman R.B., Wise D. A. (eds). (1982). The Youth Labour Market Problem: its Nature, Causes and Consequences. Chicago: U. of Chicago/NBER.
  10. Garonna P., Ryan P. (1991). The Regulation and Deregulation of Youth Economic Activity. The Problem of Youth: the Regulation of Youth Employment and Training in Advanced Economies.
  11. Gërxfhani K. (2004). The informal sector in developed and less developed countries: a literature survey. Public Choice, 120, pp. 267–300.
  12. Guarcello L. et al. (2005). School-to-Work Transition in Sub-Saharan Africa: An overview. UCW Working Paper (Understanding Children's Work Project), Florence, 7 November.
  13. Hart, K. 1973. “Informal income opportunities and urban employment in Ghana”, in *The Journal of Modern African Studies*, Vol. 11, No. 1, pp. 61–89.
  14. Hepp R.-D. (ed). (2012). Prekarisierung und Flexibilisierung [Precarity and Flexibilisation]. WESTFALISCHES DAMPFBOOT.
  15. Available at: <http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/TOPICS/EXTEDUCATION/0,,contentMDK:21725024~menuPK:4995933~pagePK:148956~piPK:216618~theSitePK:282386,00.html>.
  16. Hussmanns R. Measuring the informal economy: From employment in the informal sector to informal employment. Working Paper No. 53 (Geneva, ILO, 2005). Available at: www.ilo.org/public/libdoc/ilo/2005/105B09_37_engl.pdf.
  17. ILO school-to-work transition survey: A methodological guide International Labour Office. Geneva: ILO, 2009.
  18. Informal employment among youth: evidence from 20 school-to-work transition surveys. Erin Shehu and Björn Nilsson; International.
  19. Informal employment among youth: evidence from 20 school-to-work transition surveys. Erin Shehu and Björn Nilsson; International Labour Office. Youth Employment Programme, Employment Policy Department. - Geneva: ILO, 2014.
  20. James P., Leger St. P. (2003). Crossing school-community boundaries for vocational education: enabling learning for potential early school leavers. International Journal of Training Research, 1(1), 1–22.
  21. Kapelyushnikov R. (2004). Nonstandard Types of Employment and Unemployment: the Case of Russia. Working paper WP4/2004/06, Moscow: State University - Higher School of Economics.
  22. Labour Office. Youth Employment Programme, Employment Policy Department. - Geneva: ILO, 2014.
  23. NCVER. (2002). Issues affecting skill demand and supply in Australia's education and training sector. Adelaide: NCVER.
  24. Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD); International Monetary Fund

- (IMF), International Labour Office (ILO); Interstate Statistical Committee of the Commonwealth of Independent States (CIS-STAT). 2002. *Measuring the non-observed economy: a handbook* (Paris).
25. Rees A. (1986). An Essay on Youth Joblessness // *Journal of Economic Literature*. № 24 (2). P. 613–18.
  26. Ryan P. (2001). The School-to-Work Transition: a Cross-national Perspective // *Journal of Economic Literature*. March. Vol. 39. No 1.
  27. Ryan P., Garonna P., Edwards R.C. (eds.) London: Macmillan. P. 25–81.
  28. Taylor A. I honestly cannot see the point: youth negotiation of the ideology of school completion // *Journal of Education Policy*, 2002. № 17 (5). P. 511–529.
  29. Riele K., Crump S. Young people, education and hope, bringing VET in from the margins. *International Journal of Inclusive Education*, 2002. № 6 (3). P. 251–266.
  30. Thematic Review of the Transition from Initial Education to Working Life: Interim Comparative Report: Document DEELSA/ED 11. Paris: OECD. 1998.
  31. Thematic Review of the Transition from Initial Education to Working Life: United States of America country note. Unpublished document. Paris: OECD, 1999.
  32. Tonin M. Informality / S. Cazes, S. Verick (eds.). *Perspectives on labour economics for development*. Geneva: ILO, 2013. P. 63–88.
  33. Transition from School to Work, in *Education at a Glance: Analysis*. Paris: OECD, 1996. P. 14–53.
25. Rees A. (1986). An Essay on Youth Joblessness. *Journal of Economic Literature*. 24:2, pp. 613–18.
  26. Ryan P. (2001). The School-to-Work Transition: a Cross-national Perspective. *Journal of Economic Literature*. March. Vol. 39. No 1.
  27. Ryan P., Garonna P., Edwards R. C. (eds.) London: Macmillan, pp. 25-81.
  28. Taylor A. (2002). I honestly cannot see the point: youth negotiation of the ideology of school completion. *Journal of Education Policy*, 17(5), 511-529.
  29. Riele K., Crump S. (2002). Young people, education and hope, bringing VET in from the margins. *International Journal of Inclusive Education*, 6(3), 251-266.
  30. Thematic Review of the Transition from Initial Education to Working Life: Interim Comparative Report. Document DEELSA/ED (1998)11. Paris: OECD.
  31. Thematic Review of the Transition from Initial Education to Working Life: United States of America country note. Unpublished document. Paris: OECD, 1999.
  32. Tonin M. (2013). Informality. S. Cazes, S. Verick (eds.). *Perspectives on labour economics for development*. Geneva, ILO, pp. 63–88.
  33. Transition from School to Work, in *Education at a Glance: Analysis*. Paris: OECD, 1996, pp.14-53.

Влияние неустойчивости занятости на трудовые доходы российских работников и на их удовлетворенность трудом

Influence of Instability of Employment on Labor Income of Russian Workers and Their Job Satisfaction

Получено 23.06.2014   Одобрено 02.07.2014   Опубликовано 10.09.2014

УДК 331.526

DOI: 10.12737/5645

МАТВЕЕВА Т.А.

магистр экономического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 3-й новый учебный корпус
E-mail: clara_m@list.ru

MATVEEVA T.A.

Master of Economics, Economic Faculty, Lomonosov Moscow State University 3rd new educational building, GSP-1, Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russia
E-mail: clara_m@list.ru

Аннотация

Объект. Объектом исследования является занятое население Российской Федерации, а предметом – влияние неустойчивых характеристик его занятости на результаты и отношение к трудовой деятельности.

Предмет. Предмет исследуется с теоретической стороны путем анализа отечественных и зарубежных источников с целью определить термин «неустойчивость занятости» и выявить теоретические и практические подходы к определению основных признаков и факторов такой неустойчивости. Выделяются подходы, применимые для дальнейшего эмпирического анализа, и подходы, использование которых невозможно или неуместно. Эмпирическое исследование предмета проводится путем статистического анализа на основе 21-й волны Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ), проведенного в ноябре-декабре 2012 г.

Цель. Основная цель исследования — оценить степень влияния различных индикаторов неустойчивости занятости на уровень среднемесячных трудовых доходов работников и их удовлетворенность трудом.

Теоретическое описание статьи. В статье рассматривается влияние неустойчивости занятости на трудовые доходы и удовлетворенность трудом работников в современной России. В ходе исследования проводится частотный анализ и t-тесты для независимых выборок, вычисляются средние значения месячного заработка и удовлетворенности трудом у неустойчиво занятых работников и работников, не имеющих рассматриваемых факторов неустойчивости, проводится их сравнение.

Результаты. На основе проведенных вычислений делаются содержательные выводы о степени влияния различных факторов неустойчивости занятости на удовлетворенность трудом и трудовые доходы. Завершается работа формулировкой ряда рекомендаций, направленных на снижение неустойчивости занятости при одновременном повышении доходов и удовлетворенности трудом.

Ключевые слова: неустойчивость занятости, прекаризация, неформальная занятость, удовлетворенность трудом, трудовые доходы населения.

Abstract

Object. The object of study is the employed population of the Russian Federation, the influence of the unstable characteristics of its employment on the results of and attitude towards work in particular.

Subject of the Research. The subject is studied theoretically by analyzing domestic and foreign sources in order to determine the term "precarious employment" and to identify theoretical and practical approaches to the definition of the main features and factors of the precarity. The author allocated approaches applicable for further empirical analysis, and approaches which might not be used. Empirical study of the subject is carried out through statistical analysis based on 21 waves of the Russian Longitudinal Monitoring health (RLMS) held in November-December 2012.

Purpose. The main objective of the study is to assess the degree of influence of various indicators on the level of precarious employment of monthly labour income of employees and their job satisfaction.

Theoretical Description of the Article. The article examines the impact of volatility on labour income, employment and job satisfaction of employees in Russia today. The frequency analysis and t-tests for independent samples are carried out, the average values of monthly earnings are calculated and job satisfaction among precarious workers and those not having considered factors of instability are compared.

Results. On the basis of calculations significant conclusions on the impact of various factors on the precarious of employment and job satisfaction and labour income are drawn. A number of recommendations aimed at reducing the volatility of employment while increasing income and job satisfaction are given.

Keywords: precarious employment, precarity, informal employment, job satisfaction, labor incomes.

Введение

В современном мире неустойчивость занятости, прекаризация (от английского *precarity* — необеспеченность, шаткость, опасность, ненадежность) становится новым вызовом, как для России, так

и для других стран. Данной проблемой озабочены не только специалисты трудовой сферы международного уровня (МОТ), но и специалисты Программы развития ООН, занимающиеся вопросами человеческого развития в целом. Известно, что проблемам занятости в докладах о развитии че-

ловека традиционно уделяется недостаточное внимание, однако то, что есть, посвящено именно неустойчивости: «Для большинства людей работа служит источником средств к существованию их самих и их семей; для многих потеря работы является важнейшим событием (вторым после смерти), которое может поставить под вопрос их развитие как человека. Статус занятости также влияет на субъективное ощущение благосостояния людей. Поэтому при любом анализе уязвимости нужно внимательно рассматривать негарантированность занятости и источники экономической нестабильности, что особенно важно сейчас, в условиях, когда мировая экономика прилагает титанические усилия, чтобы выйти из ситуации, возникшей в связи с самой глубокой за многие десятилетия рецессией и потерей миллионов рабочих мест» [17].

Ответ на вопрос о том, как влияет неустойчивость занятости на удовлетворенность трудом и доходы населения, на первый взгляд, кажется достаточно очевидным: отрицательно. Однако анализ показывает, что не все из существующих факторов неустойчивости имеют четкое отрицательное влияние на указанные показатели. Одновременно разительно отличается и сила их воздействия.

Исходя из этого цель настоящей работы заключается в изучении влияния различных показателей прекаризации на трудовые доходы и удовлетворенность трудом работников России. Для достижения указанной цели должны быть решены следующие задачи: изучены теоретические основы неустойчивости занятости, рассмотрены отечественные и зарубежные исследования по данной теме, проведено эмпирическое исследование взаимосвязи неустойчивости занятости, трудовых доходов и удовлетворенности трудом в современной России, сформулированы выводы и рекомендации для улучшения текущей ситуации.

Разработанность данной темы следует признать достаточно низкой, поскольку именно влиянием неустойчивости на удовлетворенность и доходы населения исследователи не занимаются. Неудовлетворенность трудом и низкие доходы обычно называют в качестве индикаторов внутри самой неустойчивости занятости. Таким образом, новизна настоящей работы состоит в том, что в ней сделана попытка рассмотреть удовлетворенность и доходы вне самого понятия прекаризации, разделить их и провести исследование взаимовлияния. Практическая значимость настоящего исследования состоит в том, что по его результатам могут быть сформулированы практические рекомендации по конкретизации государственной

политики в сфере занятости населения, а также в информационной и производственной сфере.

Гипотеза данной работы состоит в том, что неустойчивость занятости оказывает значимое негативное влияние на удовлетворенность трудом работников и на их трудовые доходы. При этом особый интерес представляет измерение силы этого влияния. В целом работа носит преимущественно эмпирический характер.

Теоретические подходы к влиянию неустойчивости занятости на доходы и удовлетворенность трудом и опыт предшествующих эмпирических исследований

Необходимо четко ограничить само понятие неустойчивости. Но уже на данном этапе возникают определенные сложности и расхождения. Изначально прекаризация использовалась как синоним нестандартной занятости, но так как в действительности не все формы нестандартной занятости ухудшают ситуацию работника, впоследствии этот термин был уточнен. Появляющиеся на современном рынке труда новые формы занятости (дистанционная занятость, неполная занятость, гибкая занятость и т.д.) в периоды экономического роста отражают предпочтения работников и работодателей, выгодны им и не считаются проявлением неустойчивости занятости. Например, молодая женщина с ребенком готова работать только 20 часов в неделю, поэтому столько и работает. В кризисные периоды новые формы занятости часто становятся вынужденными для работника. Например, когда работодатель урезает рабочее время основному работнику домохозяйства вследствие сокращения рынков сбыта продукции предприятия. Таким образом, именно в ситуации экономического спада новые формы занятости становятся неустойчивыми.

Международная организация труда рассматривает прекаризацию как сочетание «двух категорий контрактного трудоустройства, характеризующихся четырьмя неустойчивыми условиями труда.

Контрактные договоренности:

- 1) ограниченный срок контракта (фиксированный срок, контрактный срок, временный, сезонный, поденный и случайный труд);
- 2) природа трудового взаимоотношения (расщепленные (треугольные) и скрытые отношения найма, ложная самозанятость, контракты с субподрядчиками и агентствами занятости).

Неустойчивые условия:

- низкая заработная плата;

- низкий уровень защищенности от прекращения трудовых отношений;
- отсутствие доступа к механизмам социальной защиты, льготам и пособиям, традиционно ассоциирующимся с полной и постоянной занятостью;
- отсутствие или ограничение возможности для работников реализовывать свои права на рабочем месте» [16].

Достоинство данного определения в том, что в нем учитывается не только форма контракта с работником, но и реальные условия его труда. Однако не все из них можно легко обнаружить в имеющейся для анализа базе данных (РМЭЗ). Другое достаточно близкое определение дал в 2013 г. П.В. Бизюков: «Неустойчивая занятость — это нестандартные формы занятости с низким уровнем оплаты труда, отсутствием защиты от увольнений, отсутствием системы социальной защиты и невозможностью отстаивания работником своих прав и интересов» [13].

Существует и другая точка зрения. Так, в 2007 г. тот же Бизюков в соавторстве с Ляпиным, Нойнхедфер и Шершуковой утверждал, что неустойчивая занятость — это понятие, объединяющее аутсорсинг, аутстаффинг, заемный труд и лизинг персонала [19, с. 4].

Огромный вклад в изучение неустойчивости занятости в России внесли В.Н. Бобков, О.В. Вередюк и У.Т. Алиев. Они считают прекаризацию достаточно новым для России явлением, поскольку в СССР занятость была гарантированной, а значит, устойчивой [12, с. 1]. Прекаризацию можно рассматривать не только с экономической точки зрения, но и с политической, социальной и психологической [1, р. 21]. К причинам данного явления они относят: рост ИТ-сферы, переход от приоритетного развития промышленного сектора к развитию сферы услуг, изменения в демографической структуре занятых, повышение гибкости спроса на готовый продукт и его предложения, глобализацию [10, с. 1]. Прекаризация тесно связана с трудовой миграцией. С одной стороны, неустойчивость занятости работников-иммигрантов, особенно нелегальных, достаточно высока, с другой, — трудовая миграция приводит к конкуренции между мигрантами и местным населением и, как следствие, к падению заработной платы и повышению неустойчивости занятости уже отечественных работников [10, с. 10–11]. Безработица трактуется как крайняя форма неустойчивости занятости, при которой происходит полный разрыв трудовых отношений. Отсюда следует вывод о необходимости пересмотреть современную политику борьбы с безработицей, приводящую

к переходу индивида из состояния безработного в состояние неустойчиво занятого [10, с. 8–9]. Неустойчивость занятости приводит к повышению социальной исключенности работников и членов их домашних хозяйств, усилению сегментации рынка труда на первичный (с качественными рабочими местами) и вторичный (с рабочими местами низкого качества), к подрыву основ механизма социального страхования и как итог к повышению неустойчивости общества в целом [12, с. 9]. Но несмотря на все перечисленное выше, прекаризация может иметь и некоторые положительные последствия, например ее существование дисциплинирует и повышает лояльность к работодателю работников, которые продолжают оставаться занятыми устойчиво [10, с. 3].

Наибольшая доля неустойчиво занятых работников в России наблюдается в таких видах экономической деятельности, как обрабатывающее производство (27%), транспорт и связь (12%), торговля и ремонт (12%), строительство (12%), образование (11%) [1, р. 24]. Значительную роль в решении проблемы прекаризации в России, помимо государства, должны играть профсоюзы, однако в настоящее время степень их участия оценивается как крайне низкая [1, р. 28–29].

В докладе на VII Астанинском экономическом форуме (21–23 мая 2014 г.) В.Н. Бобков, пользуясь представленным выше определением МОТ, выделил три группы наемных работников по характеру неустойчивости занятости [11]. К первой группе относятся 6% работников с наиболее высокой неустойчивостью занятости — отсутствием официально оформленных трудовых отношений. Во второй группе сосредоточены работники с высокой неустойчивостью занятости — низким уровнем заработной платы, низкими социальными правами и гарантиями, высокой социальной исключенностью. Таких работников 50–60% от общей численности, и характеристиками их занятости часто выступают нестандартная продолжительность рабочей недели, нестандартная форма трудового договора, нестабильность и ненадежность. К третьей группе относятся до 85% работников с периферийными формами неустойчивости занятости — ограниченными возможностями планирования и инвестирования со стороны самого работника и его семьи в различные области своей жизни. Некоторые индикаторы приведены в табл. 1.

По данным таблицы можно сделать вывод, что В.Н. Бобков включает заработную плату и удовлетворенность трудом в состав индикаторов неустойчивости занятости. Для дальнейшего анализа влияния прекаризации на доходы и удовлетворенность трудом сами показатели доходов и удовлетворенности должны быть исключены из со-

Таблица 1

**Сводные оценки уровня и динамики неустойчивости занятости наемных работников
в формальном секторе в России**

Индикатор неустойчивости занятости	Доля наемных работников, % от общей численности занятых по найму	
	2002	2012
Отсутствие возможности инвестиций со стороны наемного работника и его семьи (в недвижимость)	87	84 (-)
Низкий уровень социальных прав/гарантий (низшие ступени «лестниц благополучия»)	70	60 (-)
Высокая обеспокоенность вероятностью потерять работу	52	56 (+0)
Заработная плата ниже 2/3 от средней по экономике	40	48 (+)
Неудовлетворенность работой в целом	31	14 (-)
Частая смена места работы, профессии в течение 12 мес.	19	16 (-)
Чрезмерная продолжительность рабочей недели (более 48 часов)	17	15 (-)
Вынужденное сокращение заработной платы и недостаточность часов работы	7	5 (-)
Работа на временном формальном контракте	4	5 (=)
Отсутствует официально оформленный трудовой договор/контракт	4	6 (+)

Источник: Бобков В.Н. Лекция на экономическом факультете МГУ, 2014. 15 мая.

става неустойчивости занятости. В противном случае получится попытка оценить влияние общего на его составные части, что некорректно.

В.Н. Бобков выделяет крайние формы прекаризации занятости: наем собственниками индивидуальных предпринимателей, не имеющих возможности осуществлять собственный бизнес; наемный труд без оформления отношений с работодателями или с оформлением, нарушающим права работника; наем работников в посреднические фирмы, созданные в интересах распорядителей финансовых средств [8, с. 6]. Очевидно, что большинство указанных факторов оценить в рамках РМЭЗ невозможно, поэтому данный подход не используется для дальнейшего эмпирического анализа. Помимо рассмотрения самых распространенных форм прекаризации в России, раскрываются каналы влияния неустойчивости занятости на доходы наемных работников: «Снижение уровня реальных доходов, повышение зависимости их размеров от субъективных решений работодателей, нестабильность получаемых доходов, снижение уровня социальных гарантий работников, искажение статистики доходов» [8, с. 8].

Рассмотренные выше подходы к неустойчивости занятости не могут быть в полной мере использованы для количественного анализа влияния прекаризации на доходы и удовлетворенность трудом по данным РМЭЗ. Необходимо найти подход, или скорее, практический прием, позволяющий выделить неустойчиво занятых респондентов в рамках данного мониторинга. Такой прием пред-

ложила О.В. Вередюк. Она рассматривает существующие подходы к прекаризации: на основе форм занятости, выходящих за рамки нормативных стандартов; на основе неформального сектора экономики; на основе ряда характерных признаков, «нерегулярность участия работника в трудовых отношениях, нестабильность дохода для средне- и долгосрочного планирования, низкий уровень социальной защиты, нехватка дохода в период отсутствия работы, прерывистость и краткосрочность контрактов, продолжительное нахождение в нестабильных контрактных отношениях и сложность перехода на условия стабильного контракта» [14, с. 27]. Вередюк предлагает собственный экономический подход к выделению работников, занятых неустойчиво. По ее мнению, к основным признакам, которые в наибольшей степени характеризуют повышенный риск трудовых отношений, относятся *волатильность* (разброс относительно средней) заработной платы и *дискретность* (нерегулярность) получения заработной платы. Исходя из этого Вередюк относит к неустойчиво занятым респондентов РМЭЗ, которые в течение последних 12 месяцев сталкивались с сокращением заработной платы и/или с вынужденным неоплачиваемым отпуском [14, с. 27]. Указанный подход особенно удобен для дальнейшего использования в рамках настоящего исследования, поскольку в понятие неустойчивости не входят фактический размер дохода и удовлетворенность трудом, а необходимые для него показатели представлены в РМЭЗ.

Помимо российских ученых проблемой неустойчивости занятости занимаются исследователи во многих странах. Кроме работ специалистов Международной организации труда, можно отметить статью Ш. Ли и Е. Кофман, в которой исследуются отличия неустойчивости занятости в США и Восточной и Западной Европе [2, р. 388]. Авторы делают три основных вывода из своего анализа. Во-первых, в южной части Европы неустойчивость занятости создает кризис не только качества рабочих мест, но и общественного воспроизводства. Во-вторых, неустойчивая занятость чаще всего появляется при реализации стратегий развития государств и международных финансовых институтов, а не как естественный ответ корпораций на глобальную конкуренцию. В-третьих, популистские меры государства порождают альтернативные представления о работе, правах и жизни в целом. Вивез, Амабл и Феррер тестируют взаимосвязь между неустойчивостью занятости и другими характеристиками работы и самого работника. Результаты обнаруживают сильную отрицательную корреляцию с психическим здоровьем, *удовлетворенностью работой*, социальной поддержкой, чуть более слабую — с общим здоровьем, наличием собственного влияния на работе. Позитивной оказывается корреляция с количеством обращений к психологу, небезопасностью работы. Наиболее сильная положительная корреляция наблюдается с ненадежностью занятости (имеется в виду риск потери работы) [7, р. 12]. Сравнение концепций гибкой занятости (*flexibility*) и неустойчивой занятости (*precariousness*) приведено в работе Вивез, в которой утверждается, что неустойчивая занятость является обратной стороной гибкости, а в концепции прекаризации выделяются именно нежелательные последствия гибкости современного рынка труда [6, р. 30].

Эмпирическая оценка взаимосвязи неустойчивой занятости, доходов и удовлетворенности трудом в России

Эмпирически оценить влияние неустойчивой занятости на доходы и удовлетворенность трудом работников России удобно на основе данных 21-й волны Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ за 2012 г. [21]. Используется индивидуальная репрезентативная выборка, все данные изначально взвешиваются по переменной постстратификационного веса в целях распространения дальнейших выводов на генеральную совокупность — население России в целом, все пропущенные значения исключаются. На начальном шаге ана-

лиза были отобраны респонденты, которые на момент опроса имели работу, т.е. были занятыми. При этом в выборку вошли как наемные работники, так и самозанятые, поскольку, по нашему мнению, положение вторых на рынке труда нельзя считать менее рискованным или более устойчивым, хотя, возможно, механизмы неустойчивости здесь иные.

Отбор неустойчиво занятых работников произведен по методике О.В. Вередюк. В рамках 21-й волны РМЭЗ респондентам задавались следующие вопросы:

- В течение последних 12 месяцев Вам уменьшали зарплату или сокращали часы работы не по Вашему желанию?
- В течение последних 12 месяцев Вас отправляла администрация в вынужденный неоплачиваемый отпуск?

На основе этих вопросов были получены переменные, принимавшие два значения: 1 — да, 2 — нет. Частотный анализ данных переменных показывает, что в 2012 г. с сокращением заработной платы или часов работы сталкивались 4,3% респондентов, а с вынужденным неоплачиваемым отпуском — 2%. Таким образом, по сравнению с результатами Вередюк (19-я волна РМЭЗ), доля неустойчивой занятости в России сократилась с 8 до 6,3%.

На следующем этапе исследования была рассчитана новая переменная *precarity* как сумма двух указанных выше переменных. *Precarity* принимает значение 2, если респондент за последний год сталкивался одновременно со снижением заработной платы и неоплачиваемым отпуском, 3 — если с чем-то одним из перечисленного, 4 — если ни с чем из перечисленного. Частотное распределение переменной *precarity* представлено в табл. 2.

Таблица 2

Частотное распределение переменной *precarity*

Значение	Валидный процент
2 (оба фактора уязвимости)	0,8
3 (один фактор уязвимости)	4,7
4 (ни одного фактора уязвимости)	94,5
Итого	100,0

Источник: Рассчитано автором на основе данных 21-й волны РМЭЗ.

По данным табл. 2 можно сделать вывод, что подавляющее большинство работников России не сталкивается с указанными проявлениями неустойчивости, а из тех, кто сталкивается, большинство страдает только от чего-то одного: либо от снижения заработной платы, либо от вынужденного отпуска. В крайней неустойчивости, по

методике Вередюк, находятся лишь 0,8% респондентов.

Далее в целях анализа необходимо описать переменные, отвечающие в рамках РМЭЗ за доходы и удовлетворенность трудом. Первый показатель получен на основе вопроса «*Насколько Вы удовлетворены или не удовлетворены Вашей работой в целом?*». Так как исходная переменная РМЭЗ неудобна для анализа, целесообразно перекодировать ее в новую переменную (*stf_job*), принимающую значение от 1 (совсем не удовлетворен) до 5 (полностью удовлетворен). Количественный показатель дохода формируется на основе вопроса: «*Сколько денег в течение последних 30 дней Вы получили по основному месту работы после вычета налогов и отчислений?*».

Влияние неустойчивости занятости на доходы и удовлетворенность трудом на основе сравнения средних значений можно оценить по данным табл. 3.

Таблица 3

Средние значения дохода и удовлетворенности трудом для респондентов с разной степенью устойчивости занятости

Неустойчивость (переменная <i>precarity</i>)	Среднее значение дохода за последние 30 дней	Среднее значение удовлетворенности трудом
2 (оба фактора уязвимости)	15632,4	3,37
3 (один фактор уязвимости)	16986,2	3,45
4 (ни одного фактора уязвимости)	19665,5	3,72

Источник: Рассчитано автором на основе данных 21-й волны РМЭЗ.

Как видно из табл. 3, неустойчивость занятости негативно влияет на трудовой доход и удовлетворенность трудом. Так, при наличии только одного фактора уязвимости средний доход падает на 13,6%, а средняя удовлетворенность — на 7,4%. При наличии одновременно снижения заработной платы и вынужденного неоплачиваемого отпуска падение составляет 20,5 и 9,4%. Исходя из полученных результатов можно сделать вывод, что неустойчивость занятости намного сильнее сказывается на фактических доходах индивида, нежели на его субъективной оценке работы.

Если говорить об удовлетворенности не работой в целом, а об удовлетворенности непосредственно трудовым доходом (вопрос «*Насколько Вы удовлетворены или не удовлетворены оплатой Вашего труда?*» аналогичен вопросу об удовлетворенности работой в целом), то падение ее среднего значения оказывается больше, чем падение общей удовлетворенности работой и падение

реального трудового дохода. Так, при отсутствии обоих факторов уязвимости ее среднее значение составляет 2,974, а при появлении одного из указанных факторов — 2,420, т.е. падение составляет 18,6%.

Существует формальный тест на выявление значимости наблюдаемых различий между двумя группами — *t*-критерий для независимых выборок. Для проведения теста переменная *precarity* перекодируется в бинарную переменную *precarity_t_test*, принимающую значение 1, если респондент сталкивался хотя бы с одним из двух факторов уязвимости, и 2, если не сталкивался. Результаты теста для зависимых переменных дохода и удовлетворенности трудом и группирующей переменной *precarity* представлены в табл. 4 и 5 соответственно.

Результаты теста для удовлетворенности трудом и дохода получились схожими. Изначальная нулевая гипотеза заключается в том, что различий в дисперсиях нет. Значимость (вероятность совершить ошибку первого рода — отклонить нулевую гипотезу, если она верна) составляет в случае удовлетворенности работой $0,001 < 0,01$, следовательно, нулевая гипотеза отвергается в пользу альтернативной. Дальнейший анализ проводится по второй строке табл. 4. Основная нулевая гипотеза теста предполагает, что значимых различий в удовлетворенности трудом у работников, занятых устойчиво и занятых неустойчиво, нет. Так как значимость составляет $0 < 0,01$, нулевая гипотеза отвергается, и можно утверждать, что существуют значимые различия в оценке удовлетворенности работой респондентов в зависимости от устойчивости их занятости. В случае с доходом исходная гипотеза о равенстве дисперсий не отвергается на уровне 1%, так как значимость составляет $0,014 > 0,01$. Дальнейший анализ, проводимый по первой строке табл. 5, позволяет сделать вывод, аналогичный полученному в тесте для переменной удовлетворенности работой, поскольку значимость составляет $0,002 < 0,01$. Таким образом, наблюдаемые различия в доходе и удовлетворенности работой лиц, занятых неустойчиво, лиц, не имеющих факторов неустойчивости занятости, оказываются статистически значимыми, и гипотеза о негативном влиянии неустойчивости занятости на доходы и удовлетворенность трудом находит свое подтверждение.

Далее был проведен анализ иных факторов неустойчивости занятости, предложенных В.Н. Бобковым (см. табл. 1). Результаты проведенного анализа отличаются от приведенных в табл. 1, поскольку:

- рассматривались все работники, а не только работающие по найму;

Таблица 4

Результаты *t*-критерия независимых выборок для удовлетворенности работой

		Критерий равенства дисперсий Ливиня		<i>t</i> -критерий равенства средних						
									95%-ный доверительный интервал разности средних	
		<i>F</i>	Знч.	<i>t</i>	ст.св.	Значимость (2-сторонняя)	Разность средних	Стд. ошибка разности	Нижняя граница	Верхняя граница
stf_job	Предполагается равенство дисперсий	10,28	,001	-5,858	6894	,000	-,288	,049	-,384	-,192
	Равенство дисперсий не предполагается			-5,590	417,58	,000	-,288	,052	-,389	-,187

Источник: Составлено автором на основе данных 21-й волны РМЭЗ.

Таблица 5

Результаты *t*-критерия независимых выборок для трудового дохода

		Критерий равенства дисперсий Ливиня		<i>t</i> -критерий равенства средних						
									95%-ный доверительный интервал разности средних	
		<i>F</i>	Знч.	<i>t</i>	ст.св.	Значимость (2-сторонняя)	Разность средних	Стд. ошибка разности	Нижняя граница	Верхняя граница
Сколько денег в течение последних 30 дней Вы получили по основному месту работы после вычета налогов и отчислений?	Предполагается равенство дисперсий	6,07	,014	-3,11	6411	,002	-2875,10	923,36	-4685,20	-1064,99
	Равенство дисперсий не предполагается			-3,71	409,29	,000	-2875,10	775,46	-4399,48	-1350,71

Источник: Составлено автором на основе данных 21-й волны РМЭЗ.

- все показатели были взвешены;
- в некоторых случаях по причине закрытости используемой исследователями технологии применялась авторская методика расчетов (другие пороговые значения).

При анализа учитывалось, что среднемесячный заработок российского работника составляет 19 382,61, а средняя оценка удовлетворенности работой — 3,700. В табл. 6 представлены показатели неустойчивости занятости, методика их расчета и степень их распространенности среди российских работников. Также указаны средние значения трудового дохода и удовлетворенности работой для работников, имеющих данный показатель прекаризации, и альтернативной группы работников, не имеющих данного фактора.

На основе данных табл. 6 можно сделать следующий ряд выводов.

Ядро прекаризации составляют 6,8% работников, трудовые отношения которых официально не оформлены. Их удовлетворенность трудом 8,23% — ниже, чем у работников, имеющих официальный трудовой договор. При этом их доходы ниже на 12,81%.

Подавляющее большинство работников (87,5%) не имеет возможности инвестировать в недвижимость. Этот факт снижает удовлетворенность трудом на 7,23% по сравнению с респондентами, имеющими возможности инвестирования. Доход при этом снижается на 32,72% — это самый большой разрыв в таблице. Данный показатель сам по себе нельзя считать фактором неустойчивости занятости, его нужно рассматривать в совокупности с другими инвестициями (в образование, здоровье). Косвенно он говорит о недостаточных доходах по сравнению с высокими ценами на жилье в России.

Таблица 6

**Влияние показателей прекаризации на средние значения удовлетворенности трудом и месячного
трудового дохода**

Показатель неустойчивости занятости	Доля среди работников	Среднее значение удовлетворенности трудом	Среднее значение удовлетворенности трудом у альтернативной группы	Средний заработок	Средний заработок у альтернативной группы
1. Отсутствие возможности инвестиций со стороны работника и его семьи в недвижимость. Ответ «Нет» на вопрос «Имеете ли Вы или Ваша семья возможность при желании улучшить свои жилищные условия — купить комнату, квартиру, дом?»	87,5	3,671	3,957	18 465,97	27 444,60
2. Низкий уровень социальных прав/гарантий (нижние ступени «лестниц благополучия»). Оценка 3 и менее по вопросам: Представьте себе лестницу из 9 ступеней, где на нижней ступени стоят совсем бесправные, а на высшей — те, у кого большая власть. + Представьте себе лестницу из 9 ступеней, где на нижней, первой ступени, стоят нищие, а на высшей, девятой — богатые. + Еще одна лестница из 9 ступеней, где на нижней ступени находятся люди, которых совсем не уважают, а на высшей — те, кого очень уважают. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня Вы ?	6,3	3,224	3,742	14 430,44	19 764,05
3. Высокая обеспокоенность вероятностью потерять работу. Ответ «Очень беспокоит» на вопрос «Насколько Вас беспокоит то, что Вы можете потерять работу?». Ответ «Немного беспокоит» исключен.	25,4	3,671	3,710	18 948,85	19 545,98
4. Частая смена места работы, профессии в течение 12 мес. Вопрос «Вы сменили место работы или профессию по сравнению с ноябрем 2011 г. или все осталось по-прежнему?». Отбираются респонденты, которые сменили хотя бы что-то одно.	17,4	3,638	3,718	19 202,56	19 710,83
5. Чрезмерная продолжительность рабочей недели (более 48 часов). Вопрос «Сколько часов в среднем продолжается Ваша обычная рабочая неделя?»	19,1	3,672	3,706	23 931,49	18 063,69
6. Отсутствует официально оформленный трудовой договор/контракт. Ответ «Нет» на вопрос «Вы оформлены на этой работе официально, то есть по трудовой книжке, трудовому соглашению, контракту?»	6,8	3,421	3,728	17 156,90	19 678,41

Источник: Составлено автором на основе данных 21-й волны РМЭЗ.

На трех низших ступенях одновременно всех трех лестниц дохода видят себя только 6,3% населения. Эти люди находятся в наиболее депрессивном состоянии, их удовлетворенность трудом оказывается ниже альтернативной группы на 13,84%. Доход ниже среднего по стране более чем на четверть.

Высокая обеспокоенность потерять работу и частая смена работы встречаются относительно часто, но снижая удовлетворенность работой незначительно — 1,05 и 2,15% соответственно. Средний заработок в месяц также снижается незначительно — 3,06 и 2,58%. Необходимо отметить, что боязнь потерять работу действительно можно считать признаком прекаризации, однако частая смена работы может происходить по собственному желанию и в отдельных случаях не иметь ничего общего с прекаризацией.

Чрезмерная продолжительность рабочей недели практически не оказывает влияния на удовлетворенность трудом, но повышает уровень среднемесячного дохода на 32,48% по сравнению с работниками, которые трудятся менее 48 часов. Это дает основание для постановки вопроса о правомерности использования данного фактора для описания прекаризации. Конечно, в некоторых случаях вынужденные переработки имеют место по причине боязни потерять работу, но часто они добровольные с целью повысить уровень дохода. Сравнение месячной заработной платы для лиц с разной продолжительностью рабочей недели становится некорректным, логичнее сравнивать в данном случае почасовую заработную плату.

На основе РМЭЗ можно выделить и другие признаки прекаризации (табл. 7).

Анализ таблицы показывает следующее. Во-первых, некоторые исследователи выделяют малозанятость (менее 30 часов в неделю) как одну из форм занятости, имеющих преимущественно

вынужденный характер и, соответственно, ведущих к неустойчивости [15. С. 8]. Работников с такой продолжительностью рабочей недели в современной России мало — только 5%. Малозанятость снижает удовлетворенность трудом незначительно — всего 3,24%, при этом среднемесячный доход падает на 43,64% (логичнее в данном случае сравнивать почасовой заработок). Исходя из этого можно сделать вывод: российские работники понимают, что сокращение рабочей недели ведет к резкому сокращению заработков, поэтому не оказываются разочарованными.

Во-вторых, к неустойчивой занятости можно в некоторой степени отнести дистанционную занятость. Хотя данный вид занятости существовал в России достаточно давно, закон о нем вступил в силу только 19 апреля 2013 г. [23]. Таким образом, правоприменительная практика в области дистанционной занятости еще недостаточна. О фактическом использовании в течение последнего месяца дистанционной занятости заявляют 8,3% работников. При этом их удовлетворенность трудом выше, чем у работников, занятых на стационарных рабочих местах, на 6,76%, а доходы выше на 36,58%. По нашему мнению, такие результаты объясняются тем, что дистанционные работники высоко оценивают комфортные условия своей работы, а также тем, что дистанционная занятость используется в основном работниками интеллектуального труда, чья заработная плата обычно выше, чем в других сферах.

В-третьих, помимо отсутствия трудового контракта, о неформальности трудовых отношений может говорить доля «серой» заработной платы. Но в рамках РМЭЗ оценивается доля заработной платы, проведенной официально. В современной России 12,7% работников считают, что их заработная плата «серая» более чем наполовину. Этот факт снижает удовлетворенность трудом на 5,08%,

Таблица 7

Влияние показателей прекаризации на средние значения удовлетворенности трудом и месячного трудового дохода

Показатель неустойчивости занятости	Доля среди работников	Среднее значение удовлетворенности	Среднее значение удовлетворенности трудом у альтернативной группы	Средний заработок	Средний заработок у альтернативной группы
1. Малозанятость (менее 30 часов в неделю)	5,0	3,586	3,706	11 035,74	19 582,27
2. Наличие дистанционной занятости (на дому)	8,3	3,932	3,683	25 693,52	18 811,84
3. Низкая доля заработной платы, проведенной, по мнению работника, официально (50% и менее)	12,7	3,571	3,762	19 288,77	19 737,09
4. Наличие задолженности по заработной плате	3,9	3,389	3,719	18 409,68	19 542,46
5. Вредное или опасное производство	14,5	3,752	3,702	20 752,41	19 262,07

Источник: Составлено автором на основе данных 21-й волны РМЭЗ.

а доходы — на 2,27% по сравнению с альтернативной группой.

В-четвертых, необходимо отметить наличие задолженности по заработной плате, которая, хотя и снизилась в современной России по сравнению с 1990-ми гг., все равно имеет место: с ней сталкиваются 3,9% работников. Задержки зарплат снижают удовлетворенность трудом на 8,87%, а среднемесячные трудовые доходы — на 5,80%. Примечательно, что удовлетворенность работой падает сильнее, чем доход, это говорит о том, что сам факт невыплат, пусть даже небольших, ведет к разочарованию работников.

В-пятых, показателем неустойчивости можно считать занятость на вредном и опасном производстве, где высок риск получить травму или хроническое заболевание. В таких условиях в современной России работают 14,5% занятых, что достаточно много. При этом удовлетворенность трудом и среднемесячные доходы таких работников оказываются выше, чем в альтернативной группе, — на 1,35 и 7,74% соответственно. Следовательно, работники России готовы нести повышенные риски ради более высокого заработка.

Выводы и рекомендации по улучшению текущей ситуации с неустойчивой занятостью, доходами и удовлетворенностью трудом в России

Проведенный эмпирический анализ подтвердил, что неустойчивость занятости негативно влияет на уровень доходов и удовлетворенность трудом современных работников. Исходя из этого необходимо сформулировать меры по снижению неустойчивости занятости, в результате применения которых возрастут заработки и удовлетворенность трудом. Детальное описание проблемы прекаризации и методов борьбы с ней можно найти в документах Международной организации труда. К ним относятся:

- Политика и законодательное регулирование в борьбе с неустойчивой занятостью (Policies and regulations to combat precarious employment) [5];
- Итоговый документ работников Симпозиума по вопросам политики и законодательного регулирования в борьбе с неустойчивой занятостью (Outcome Document to the Workers' Symposium on Policies and Regulations to Combat Precarious Employment) [4];
- Решение проблемы неустойчивой работы: повестка дня для работников (Meeting the challenge of precarious work: A workers' agenda) [3].

Мы считаем уместным отметить следующие меры, актуальные для современной России.

Необходимо разработать и внедрить единую концепцию и единый критерий неустойчивости занятости Федеральной службой государственной статистики. Этот показатель должен быть интегральным и рассчитываться как минимум ежегодно в целях обеспечения информационной поддержки принимаемых на высшем уровне экономических решений. Не исключено, что с развитием рынка труда и появлением новых форм прекаризации разработанная концепция будет претерпевать определенные изменения.

Поскольку работники, не имеющие формальных трудовых отношений с работодателем, составляют ядро прекаризации, устойчивое во времени, меры государственной политики должны быть направлены на борьбу с этими неформальными признаками занятости. Одновременно в фокусе должен оказаться и сам неформальный сектор. Специалисты отмечают, что неформальная занятость — это, бесспорно, вред для всей экономики, однако способы борьбы с ней непонятны [20]. Жесткое законодательное регулирование, запреты приводят к тому, что экономика еще сильнее уходит в тень. Очевидно, что метод «кнута» не может решить ситуацию, необходимо найти своеобразный «пряник», чтобы заключение формальных трудовых отношений было выгодно как работнику, так и работодателю. Следует отметить, что не все формы неформальной занятости ухудшают положение работников. Например, фрилансеры, работающие на основе устных договоров, любую попытку формализовать трудовые отношения воспринимают как ухудшение своего положения [13, с. 35]. В данной работе формальный и неформальный сектор не были разграничены, хотя, по мнению некоторых экспертов, например О.В. Синявской [22, с. 20–24] и Р.И. Капелюшника [18, с. 24–27], разграничение работников формального и неформального сектора на основе РМЭЗ имеет важное практическое значение и может быть проведено несколькими способами. Таким образом, отдельный анализ неустойчивости занятости в формальном и неформальном секторах экономики может стать предметом дальнейших исследований.

Необходимо совершенствовать законодательную базу трудовых отношений. Российское законодательство отстает от реалий рынка труда. Например, до 1 февраля 2002 г. (вступления в силу ТК РФ) в России действовал КЗОТ 1970 г. Но даже сейчас появление новых форм занятости не находит своевременного отражения в трудовом законодательстве. Помимо указанной выше дистанционной занятости можно привести пример заемного труда. Федеральный закон от 5 мая 2014 г., запрещающий заемный труд, но подтверждающий

возможность деятельности по предоставлению труда персонала через частные агентства занятости, вступит в силу только с 1 января 2016 г. [24]. Таким образом, появляющиеся в России новые формы занятости, не подпадая под государственное регулирование, автоматически становятся уязвимыми. Необходима последовательная и оперативная работа государства в области регулирования трудовых отношений.

Необходимо активизировать работу трудовых комиссий и контроль над соблюдением прав работника. Большинство трудовых споров решается в пользу работника, но существуют области, где работник абсолютно незащищен. Например, известны факты, когда увольнения по собственному желанию на деле навязаны работодателем. Кроме того, поскольку российские работники достаточно слабо информированы о рисках, связанных с их рабочим местом, не понимают своей уязвимости, государство должно предоставлять им грамотную информационную поддержку. Политика борьбы с безработицей должна быть направлена на то, чтобы вчерашние безработные получали качественные рабочие места, лишённые элементов неустойчивости, а не пополняли ряды неустойчиво занятых.

Помимо мер в области труда и занятости, необходимо реализовать ряд мер и вне сферы труда. Так как большинство современных работников не имеет возможности инвестировать в жильё, образование и здоровье, необходимо привести в соответствие зарплаты и цены на указанные социально значимые блага. В противном случае возникает вопрос о том, зачем индивидам вообще работать, если труд не обеспечивает им достойное существование. Далее снижению уязвимости занятости будет способствовать модернизация производства, ликвидация вредных и опасных рабочих мест. Кроме снижения неустойчивости, вызванной риском получить негативные последствия для здоровья работников, модернизация поможет снизить риск потери работы вследствие закрытия предприятия. Известно, что многие российские предприятия, в том числе градообразующие, находятся на грани банкротства, поэтому модернизация их производства позволит повысить конкурентоспособность выпускаемой продукции,

повысить спрос на нее и, как следствие, поддержать занятость. Наконец, как было сказано выше, различные новые формы занятости, в том числе гибкой, могут быть одновременно выгодны работнику и работодателю, если они имеют добровольный характер. Неустойчивыми они становятся, если носят вынужденный для работника характер, т.е. во время экономического спада. Таким образом, для перманентного снижения неустойчивости занятости необходимы стабильный экономический рост и развитие.

Заключение

Основные выводы, полученные на основе эмпирического исследования, говорят о том, что неустойчиво занятые респонденты (сталкивавшиеся с сокращением заработной платы или с вынужденным неоплачиваемым отпуском) получают меньшие трудовые доходы и менее удовлетворены своей работой, чем работники, не сталкивающиеся с данными факторами прекаризации. При этом наблюдаемые различия оказываются статистически значимыми. Среди других факторов неустойчивости занятости наиболее сильное негативное влияние на удовлетворенность трудом оказывают низкий уровень социальных прав/гарантий, отсутствие официально заключенного контракта и задолженности предприятия по заработной плате. Сильнее всего отрицательно влияют на трудовой доход малозанятость, низкий уровень социальных прав/гарантий и отсутствие официального контракта. Примечательно, что некоторые факторы неустойчивости положительно влияют либо на доход, либо одновременно на доход и удовлетворенность трудом: чрезмерная продолжительность рабочей недели, дистанционная занятость, вредное и опасное производство. Таким образом, в результате проведенного анализа предположение, выдвинутое в качестве рабочей гипотезы, в целом получило подтверждение, и цель исследования можно считать достигнутой.

В заключение необходимо отметить, что проведенный в анализ носит достаточно общий характер, в нем определены лишь основные тенденции и возможные направления будущих исследований.

Список литературы

1. Bobkov V., Veredyuk O., Aliyev U. Ricks of Society Stability and Precarity of Employment: A look at Russia // The International Journal of Social Quality. 2013. Vol. 3. Issue 1.

References

1. Bobkov V., Veredyuk O., Aliyev U. Ricks of Society Stability and Precarity of Employment: A look at Russia. The International Journal of Social Quality. 2013. Vol. 3. Issue 1.

2. Lee C.K., Kofman Y. The Politics of Precarity: Views Beyond the United States // *Work and Occupations*. 2012. Vol. 39. № 4. P. 388-408.
3. Meeting the challenge of precarious work: A workers' agenda / International Labour Organization. URL: http://www.ilo.org/actrav/info/WCMS_164286/lang-en/index.htm
4. Outcome Document to the Workers' Symposium on Policies and Regulations to Combat Precarious Employment / International Labour Organization. URL: http://www.ilo.org/actrav/info/WCMS_179787/lang-en/index.htm.
5. Policies and regulations to combat precarious employment / International Labour Organization. URL: http://www.ilo.org/actrav/what/pubs/international-journal-labour-research/WCMS_216282/lang-en/index.htm
6. Vives A. A multidimensional approach to precarious employment: measurement, association with poor mental health and prevalence in the Spanish workforce. Barcelona: Universitat Pompeu Fabra, 2010.
7. Vives A., Amable M., Ferrer M. et al. The Employment Precariousness Scale (EPRES): psychometric properties of a new tool for epidemiological studies among waged and salaried workers // *Occupational and Environmental Medicine*. 2010. Vol. 67. No 8. P. 548-555.
8. Бобков В.Н. 20 лет капиталистических трансформаций в России: влияние на уровень и качество жизни // *Мир России: Социология, этнология*. 2012. Т. 21. № 2. С. 3-26.
9. Бобков В.Н. Лекция на экономическом факультете МГУ. 2014. 15 мая.
10. Бобков В.Н., Черных Е.А., Алиев У.Т.О., Курильченко Е.И. Неустойчивость занятости: негативные стороны современных социально-трудовых отношений // *Уровень жизни населения регионов России*. 2011. № 5. С. 13-26.
11. Бобков В.Н. Неустойчивость занятости в России и Казахстане: сущность, масштабы, последствия / Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан. URL: <http://astanaforum.org/2014/ru/events/kazakhstan-2050-in-the-age-of-ten-global-challenges-of-xxi-century>
12. Бобков В.Н., Вередюк О.В. Неустойчивость занятости как современная проблема и исследовательская категория // *Уровень жизни населения регионов России*. 2013. № 6. С. 43-51.
13. Бизюков П.В. Практики регулирования трудовых отношений в условиях неустойчивой занятости. М.: Центр социально-трудовых прав, 2013.
14. Вередюк О.В. Неустойчивость занятости: теоретические основы и оценки масштабов в России // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. Серия 5. 2013. Вып. 1. С. 25-33.
15. Гимпельсон В., Капелюшников Р. Нестандартная занятость и российский рынок труда. Препринт WP3/2005/05. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2005.
2. Lee C. K., Kofman Y. The Politics of Precarity: Views Beyond the United States. *Work and Occupations*. 2012. Vol. 39, № 4, pp. 388-408.
3. Meeting the challenge of precarious work: A workers' agenda. International Labour Organization. Available at: http://www.ilo.org/actrav/info/WCMS_164286/lang-en/index.htm.
4. Outcome Document to the Workers' Symposium on Policies and Regulations to Combat Precarious Employment. International Labour Organization. Available at: http://www.ilo.org/actrav/info/WCMS_179787/lang-en/index.htm.
5. Policies and regulations to combat precarious employment. International Labour Organization. Available at: http://www.ilo.org/actrav/what/pubs/international-journal-labour-research/WCMS_216282/lang-en/index.htm.
6. Vives A. A multidimensional approach to precarious employment: measurement, association with poor mental health and prevalence in the Spanish workforce. Universitat Pompeu Fabra, Barcelona, 2010.
7. Vives A., Amable M., Ferrer M. et al. The Employment Precariousness Scale (EPRES): psychometric properties of a new tool for epidemiological studies among waged and salaried workers. *Occupational and Environmental Medicine*. 2010. Vol. 67, No 8, pp. 548-555.
8. Bobkov V.N. 20 let kapitalisticheskikh transformatsiy v Rossii: vliyanie na uroven' i kachestvo zhizni [20 years of capitalist transformation in Russia: the impact on the level and quality of life]. *Mir Rossii: Sotsiologiya, etnologiya* [World Russian Sociology, Ethnology]. 2012. V. 21, I. 2, pp. 3-26.
9. Bobkov V.N. *Lektsiya 15 maya 2014 na Ekonomicheskoy fakul'tete MGU* [Lecture 15 May 2014 at the Faculty of Economics of Moscow State University].
10. Bobkov V. N., Chernykh E. A., Aliiev U. T. O., Kuril'chenko E. I. Neustoychivost' zanyatosti: negativnye storony sovremennykh sotsial'no-trudovykh otnosheniy [Instability of employment: the negative aspects of modern social and labor relations]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Level of Life of the Population of Regions of Russia]. 2011, I. 5. pp. 13-26.
11. Bobkov V.N. *Neustoychivost' zanyatosti v Rossii i Kazakhstane: sushchnost', masshtaby, posledstviya. Institut ekonomiki Komiteta nauki Ministerstva obrazovaniya i nauki Respubliki Kazakhstan* [Instability of employment in Russia and Kazakhstan: the nature, extent and effect. Institute of Economics of the Committee of Science, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan]. Available at: <http://astanaforum.org/2014/ru/events/kazakhstan-2050-in-the-age-of-ten-global-challenges-of-xxi-century>.
12. Bobkov V. N., Veredyuk O. V. Neustoychivost' zanyatosti kak sovremennaya problema i issledovatel'skaya kategoriya [Precarious employment as a modern problem and research category]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Level of Life of the Population of Regions of Russia]. 2013, I. 6, pp. 43-51.
13. Bizyukov P.V. *Praktiki regulirovaniya trudovykh otnosheniy v usloviyakh neustoychivoy zanyatosti* [Practice of labor relations in an unstable employment]. Moscow, Center for Social and Labor Rights Publ., 2013.
14. Veredyuk O.V. Neustoychivost' zanyatosti: teoreticheskie osnovy i otsenki masshtabov v Rossii [Instability of

16. Доклад Бюро МОТ по деятельности в интересах трудящихся (АКТРАВ), подготовленный к проходившему в 2011 г. симпозиуму «Политика и законодательное регулирование в борьбе с неустойчивой занятостью» / МОТ, 2011.
17. Доклад о развитии человека 2010. 20-е юбилейное издание. Реальное богатство народов: пути к развитию человека / Программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН).
18. Капелюшников Р.И. Неформальная занятость в России: что говорят альтернативные определения? М.: Изд-во ВШЭ, 2012.
19. Ляпин А., Нойнхейффер Г., Шершукова Л., Бизюков П. Экономическая перспектива для работников. Неустойчивая занятость и ее последствия для работников. М.: Центр социально-трудовых прав, 2007.
20. Петрова Н. Теневые резервы. Почему растет неформальный сектор рынка труда / Портал «Коммерсант-Деньги». 11 нояб. 2013. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2331478>.
21. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. URL: <http://www.hse.ru/rlms/spss>
22. Синявская О.В. Неформальная занятость в современной России: измерение, масштабы, динамика. М.: Поматур, 2005.
23. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
24. Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 116-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/541247/>
- employment: theoretical basis and assess the extent of Russia's]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika* [Herald St. Petersburg University. Economy], 2013, I. 1, pp. 25-33.
15. Gimpel'son V., Kapelyushnikov R. *Nestandartnaya zanyatost' i rossiyskiy rynek truda. Preprint WP3/2005/05* [Precarious employment and the Russian labor market. Preprint WP3 / 2005/05]. Moscow, HSE Publ., 2005.
16. *Doklad Byuro MOT po deyatel'nosti v interesakh trudyaschikhysya (AKTRAV), podgotovlennyy k prokhodivshemu v 2011 g. simpoziumu «Politika i zakonodatel'noe regulirovanie v bor'be s neustoychivoy zanyatost'yu»* [Report of the ILO Bureau for activities in the interests of the working people (ACTRAV) prepared to the passage in 2011, the symposium "policy and regulatory issues in the fight against precarious work"]. ILO Publ., 2011.
17. Doklad o razvitiy cheloveka 2010. 20-e yubileynoe izdanie. Real'noe bogatstvo narodov: puti k razvitiyu cheloveka [Human Development Report 2010 20th anniversary edition. The Real Wealth of Nations: Pathways to Human Development]. *Programma razvitiya Organizatsii Ob'edinennykh Natsiy (PROON)* [UN Development Programme (UNDP)].
18. Kapelyushnikov R.I. *Neformal'naya zanyatost' v Rossii: chto govoryat al'ternativnye opredeleniya?* [Informal Employment in Russia: they say alternative definitions?]. Moscow, HSE Publ., 2012.
19. Lyapin A., Noynkheffer G., Shershukova L., Bizyukov P. *Ekonomicheskaya perspektiva dlya rabotnikov. Neustoychivaya zanyatost' i ee posledstviya dlya rabotnikov* [Economic outlook for workers. Precarious employment and its consequences for workers]. Moscow, Center for Social and Labor Rights Publ., 2007.
20. Petrova N. *Tenevye rezervy. Pochemu rastet neformal'nyy sektor rynka truda* [Shadow reserves. Why growing informal sector of the labor market]. *Portal «Kommersant»-Den'gi»* [Portal "Kommersant-Money"], 11 November 2013. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/2331478>.
21. *Rossiyskiy monitoring ekonomicheskogo polozheniya i zdorov'ya naseleniya NIU VShE* [Russian monitoring the economic situation and health HSE]. Available at: <http://www.hse.ru/rlms/spss>.
22. Sinyavskaya O.V. *Neformal'naya zanyatost' v sovremennoy Rossii: izmerenie, masshtaby, dinamika* [Informal employment in modern Russia: the measurement scale, the dynamics]. Moscow, Pomatur Publ., 2005.
23. *Federal'nyy Zakon ot 05.04.2013g. № 60-FZ «O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye акты Rossiyskoy Federatsii»* [Federal Law of 05.04.2013g. Number 60-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation"]. (in Russian)
24. *Federal'nyy Zakon ot 5 maya 2014 g. № 116-FZ «O vneseanii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye акты Rossiyskoy Federatsii»* [Federal Law of May 5, 2014 № 116-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation."]. Available at: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/541247/>. (in Russian)

International Migration in Europe in the 21st Century: Present and Future

Международная миграция в Европе в XXI веке: настоящее и будущее

Получено 23.06.2014 Одобрено 02.07.2014 Опубликовано 10.09.2014

УДК 331.526

DOI: 10.12737/5646

ДЭВИД А. КОУЛМАН

Профессор демографии департамента социальной политики и интервенции Оксфордского университета
E-mail: david.coleman@spi.ox.ac.uk

DAVID A. COLEMAN

Professor of Demography at the Department of Social Policy and Intervention, University of Oxford
E-mail: david.coleman@spi.ox.ac.uk

Аннотация

В статье рассматриваются современные тенденции в области миграции в странах Европейского союза, с акцентом на развитие страны. Данная статья определяет различные категории мигрантов и меры регулирования их приема. Также в статье дается прогноз на будущее миграции в эти страны, что позволит обеспечить надлежащие меры в миграционной политике ЕС.

Ключевые слова: международная миграция населения, трудовая миграция, иммигранты, ищущие убежище, иностранные граждане, миграционная политика.

Abstract

The paper considers the current migration trends in the European Union with the focus on the development of the country. This article identifies different categories of migrants and measures to regulate their admission. Also the paper gives the forecast of future migration to these countries and provide appropriate measures in the EU migration policy.

Keywords: international migration of population, labor migration, immigrants, asylum seeking, foreign nationals, migration policy.

Immigration to the EU countries has generally risen in recent decades. Overall the net inflow has often been higher than the gross inflow to the United States (Figure 1) although those figures are based upon very different criteria. In 2011 1.7 million people were estimated to have migrated to the EU from a country outside the EU-27 and 1.3 million people already living in the EU27 migrated to another Member State. Altogether over three million people immigrated to one of the EU-27 Member States, while 2.3 million left (both figures include movement between EU states; Eurostat 2013). Most immigrants from outside the EU come from countries ranked as of medium Human Development Index (HDI) status, e.g. Morocco, China, Ghana, India, Ukraine, while 6.3% came from low HDI countries, e.g. Iraq, Pakistan, Nigeria and most African countries. 34.6% came from high HDI (non-EU) countries (e.g. US, Japan) and 3.6% and 3.1% respectively from European Free Trade Area (EFTA)¹ and EU candidate² countries. Most immigrants to EU countries still come from outside Europe, although the opening of Eastern Europe since has changed the balance since the 1990s.

From 2008 migration to EU most states declined in response to the economic crisis. Partly because of that, the recent European immigration scene is one of relatively incoherent and contrary trends in different countries. Immigration, and immigration policy, have been volatile. We are only slowly and with uncertainty recovering from that crisis. The problems of Eurozone

countries have depressed immigration, while emigration from them has increased — mostly to Germany. That turnaround has reversed Germany's population decline. In 2012 net immigration of 369,000 to Germany more than compensated for the excess of deaths over births (-196,000), increasing the population by 173,000 or 0.2%, the biggest increase since 1995. Earlier migration novelties of the last decade include the increased emigration of citizens of the UK, Netherlands, Germany, and the very large increase, and more recent partial ebb, of migration from the new Eastern European Accession countries (A8) to the EU, especially to those few countries that did not initially impose restrictions on labour movement after their accession in 2004 (UK, Sweden, Ireland).

Those restrictions were lifted in 2011, and the restrictions on Romania and Bulgaria, more recent EU members, must be lifted in 2014. The consequences are awaited with interest, although in truth many of those intending to emigrate have already done so illegally. The more prosperous Central and European countries (e.g. Czech Republic) have had modest net inflows of population by migration. Most have lost population by migration since 2004 or earlier (e.g. Poland, peaking at -36,000 in 2006, down to -7,000 in 2012). In the poorest countries, e.g. Bulgaria, the peak estimated outflow was -214,000 in 2001, -3,000 in 2012 and in Romania, peak outflow was an implausible -458,000 in 2006, -164,000 in 2007, down to -3,000 in 2012. However accurate or otherwise these figures, outflow has undoubtedly been large and (until 2014) mostly short term or illegal. In the last-named countries, this has led to severe rural depopulation and accelerating population decline, a decline reinforced by chronic

¹ Iceland, Liechtenstein, Norway, Switzerland.

² Iceland, the former Yugoslav Republic of Macedonia, Montenegro, Serbia, and Turkey.

low fertility and relatively high mortality. The former Soviet Baltic states (Estonia, Latvia and Lithuania) have also experienced high outflows, especially the latter two, all the more alarming to them because of their small population size. The Russian Federation, however, has recorded high net inflows, increasing from 99,000 in 2004 to 329,000 in 2012. It is the centre of a different migration system, receiving considerable inflows from some neighbouring countries of the former Soviet Union (the 'near abroad'): Ukraine in Europe, and especially Uzbekistan, Kyrgyzstan, Kazakhstan and other states in Central Asia and the Caucasus. That immigration, attracted by employment and relative prosperity mostly founded on oil and gas, has helped to arrest, and even slightly reverse that population decline in Russia that began after 1991.

The overall tendency for migration to increase (until recently) masks a number of strongly divergent trends (Figure 2). The UK showed a marked increase to become the largest recipient of immigration in the EU, displacing Germany between 2003 and 2010 from its previous top position, held for decades. As recently at 1993, net immigration to the UK was negative. By contrast Germany (until 2009) and France have experienced smaller and generally diminishing net flows, that to Germany being briefly negative, as was that to the Netherlands from 2003 - 7. Annual flows in each direction can remain very large even if the net balance is small e.g. to Germany, 600,000 approximately per year. Some flows that are relatively small in absolute numbers, e.g. to Denmark, Norway and to Switzerland, are large in relation to their small

national populations. In those examples, as in Sweden and some others not shown, net immigration has recently increased.

For two European counties, recent migration must be graphed on a different scale. Spain and Italy, traditional emigration countries until the 1980s, had relatively modest published immigration figures until the late 1990s. The growing scale of migration, some of it illegal or unrecorded, much of it from North Africa and Eastern Europe, changed all that, especially in Spain. When amnesties regularised much of the illegally resident population, and the scale of inflows was incorporated into statistics, the picture changed radically (Figure 3). After 2007 net inflows fell precipitately, with many of the earlier immigrants, along with citizens, moving on to other EU countries (Figure 3). More people left Spain than entered it in 2011 and 2012. Migration to Ireland, 12 per 1000 population up to 2007 — a very high figure for a country accustomed to losing emigrants - has now reversed.

1. Migration flows according to purpose of journey

It is difficult to make Europe-wide comparisons of the relative strength of inflows for different purposes, except asylum, because the measurement of (e.g.) labour migration is seldom made through the same process as that for overall migration on UN criteria. And the balance varies between countries. However in general, since the 1970s most (regular) migration has not been specifically for purposes of work but

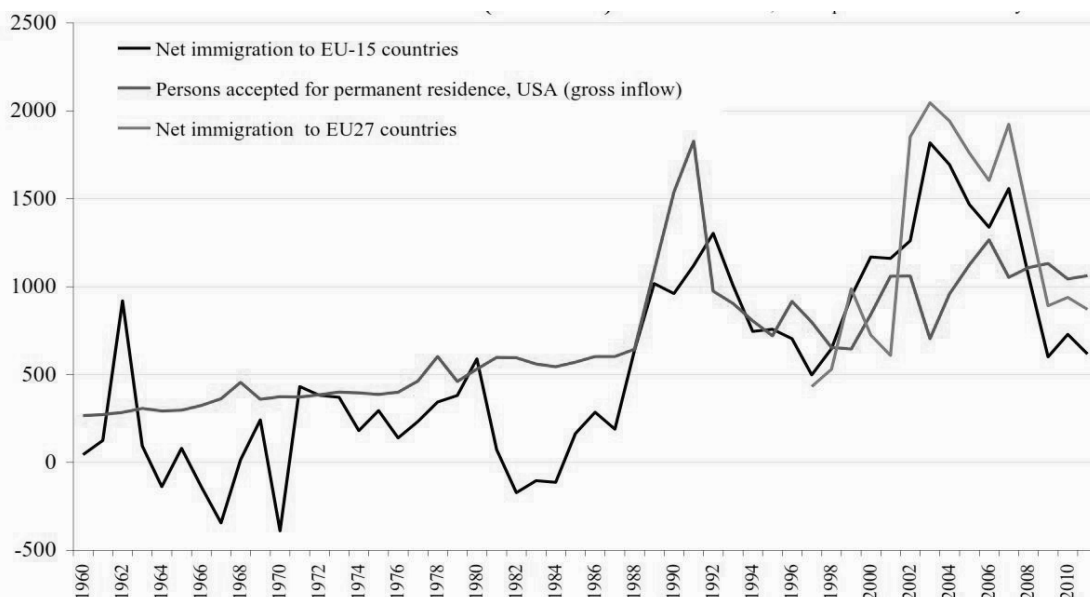
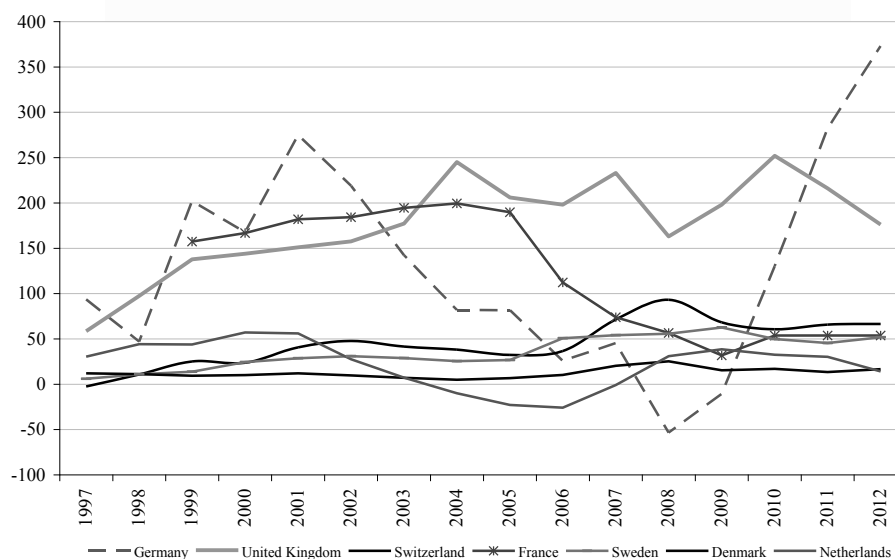

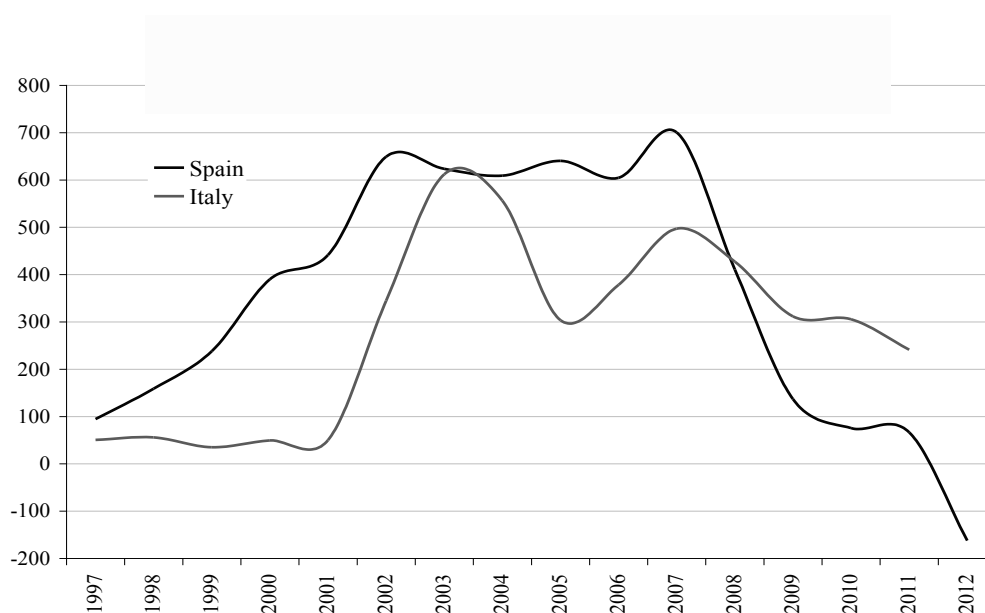
Figure 1. Net immigration to EU-15, EU27 countries, gross inflow to the USA, 1960-2011 and net inflow to the USA 2001-2011, thousands

Sources: Eurostat, US Dept of Homeland Security

Figure 2. Net migration, selected European countries, 1997–2012, thousands

Sources: Eurostat

Figure 3. Net migration, Spain and Italy, 1997–2012, thousands

Sources: Eurostat

more for family reunion, family formation, as other dependants, students and asylum seeking. In most of the guest-worker countries, of which Germany was the most important, labour migration was severely restricted following the oil shock of 1973. By that time the traditional industries for which the mostly low-skill labour had been recruited were in any case either in terminal decline or were remaining profitable by replacing routine labour with automated processes. Although demand continues —

and is likely to increase — for low-skill migration for services, for example for the care of the elderly, cleaning and catering, recruitment has increasingly concentrates on skills and competition has developed for highly skilled immigrants (Salt and Clarke 2004, Lowell 2005), with selective programmes to attract them (documented in McLaughlan and Salt 2002) including the EU Blue Card programme. High-skill migration is often mediated through intra-company transfers.

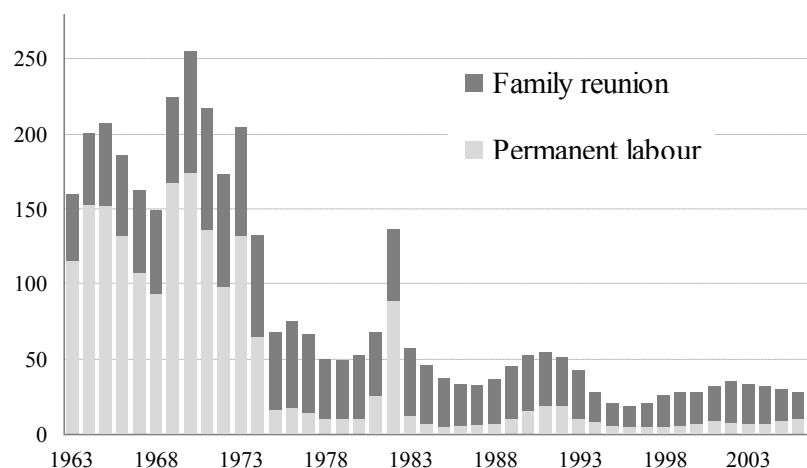
The spouses, dependants, students, asylum seekers and the rest may work and do, of course, but their labour force participation can be low, a handicap that can extend into the second generation (OECD 2007 pp. 62–95). Depending on national rules, students may stay to work, and in some countries graduates are now encouraged to do so. To take two extreme examples from OECD data (2006), in 2001 the proportion of non-EU immigrants to Sweden entering as labour migrants was 3% (gross inflow) and to Denmark in 2005 1.6% (net inflow). By contrast, in some years labour migration to Germany has been substantial; 380,000 entered for work in 2004 out of a total gross inflow of 602,000 foreign citizens (63%).

Family migrants and dependants, mostly from outside Europe, are more likely to remain than are skilled labour migrants, more of whom come from within Europe or the rest of the developed world (Rendall and Ball 2004). The self-perpetuating networks promoting chain migration from poor countries have created substantial and growing transnational populations through the process described as ‘cumulative causation’ by Massey and Zenteno (1999). Most of that was neither inevitable nor planned; it followed on from a labour migration assumed to be temporary through the development, for humanitarian reasons, of systems of rights for family migration and other immigrant entitlements, in conjunction with the other post-war ‘revolutions’ of information and communication (Freeman 1994, Martin et al. 2005 p.222). The example of France from 1963 illustrates the transition from labour to family migration typical of many countries European countries (Figure 4).

The pattern of gross inflow to France in 2010 is shown in more detail in Table 1 below, excluding immigration from the European Economic Area. 95%

of inflow from outside EEA countries was from outside Europe, 54% was from Africa, 25% was from Asia. Immigration from developing countries is mostly of family, spouses, dependants, students and asylum. Only 9% of non-EEA migrants entered for work. 45% entered for family reasons (re-unification and new marriages), 31% were students. These data for 2010 do not show the number of persons from the EEA entering for work. In 2005, EEA immigration to France comprised 21% of the total, 34% for work, 6% family and 46% retired and other. While patterns change from country to country and from time to time, these are not untypical of inflows to developed countries.

Until about 2004 flows within the EU were not great and were relatively numerically balanced. The removal of internal barriers to movement had not ironed out persistent regional disparities in labour shortage and surplus, and the earlier EU member states were relatively similar in economic level (Rees and Kupiszewski 1999). Long-standing cultural differences even between the different regions of European countries in the Western part of Europe still strongly affect internal migration patterns, for example in Germany (Falck et al. 2010). The inflow of people from Eastern Europe to the UK, Ireland and Sweden following the accession of Central and Eastern European countries to the EU in 2004 (A8 countries) changed all that. A cumulative total of 1.1 million applications under the Workers’ Registration Scheme had been made to the UK between 2004 and the end of the scheme in 2010 (that is a gross inflow figure). The UK government, which chose not to adopt the 7-year delay on free movement of labour after A8 accession which was imposed by the other major EU economies, had forecast 13,000 per year. The Polish population in the UK has increased tenfold since 2004, to over 600,000, and

Figure 4. Entries under family reunion and permanent labour immigration in France, 1963–2007, thousands
 Source: OMI/ANAEM. OECD SOPEMI 2009, Chart 1.13. Note: the spike in 1982 is an artefact of a change in legal status

Table 1

Gross inflow to France by purpose of entry and nationality, 2010.

France - First admissions by reason and nationality 2010 (column percent)

	Economic	Family	Student	Other	Humanitarian	All	Number	% of total
Europe - not EEA	7	4	4	5	13	5	9796	5
Africa	40	69	41	49	48	54	105756	54
<i>Sub-Saharan</i>	20	23	19	21	41	23	45058	23
Asia	27	15	35	22	34	25	47647	25
<i>Japan</i>	4	1	3	2	0	2	3107	2
Americas	26	12	20	24	4	16	30675	16
<i>US</i>	12	1	6	9	0	4	7481	4
Other	0	0	0	0	1	0	287	0
All	100	100	100	100	100	100		
Number	18067	86827	59964	11514	17785		194157	100
Percent of total	9	45	31	6	9	100		

Source: INSEE ADREF (SGII) Table 2

Note: EEA is the European Economic Area (EU plus EFTA). 'Other' includes retired, visitors, children.

Source: INSEE (2012) Fiches Thematiques: Flux d'immigration.

http://www.insee.fr/fr/ffc/docs_ffc/ref/IMMFRA12_h_Flot2_flu.pdf

births to Polish-born mothers are now the single largest national category of births to foreign-born women in England and Wales.

However, even before the economic crisis, migration from the A8 countries was slowing and return migration increasing. As economies of East European source countries grew, stimulated by the opportunities of EU membership, the value of the zloty and other Eastern currencies has risen, and so diminished the exchange-rate advantage of working in the West. Furthermore, rapid domestic growth together with labour shortages exacerbated by the emigration has promoted domestic labour demand and wage-rates. Despite all that, Eastern European migration to Western Europe remains substantial. They have been reinforced even before labour restrictions are lifted by inflows from Bulgaria and Romania, including numerous Roma / gypsies.

Emigration of citizens from a number of Western European countries has increased, including the UK (Evans et al 2007) and Germany; (Sauer et al. 2007) and even France. In the Netherlands the outflow was attributed to dissatisfaction with domestic conditions, crowding and social and environmental deterioration (van Dalen and Henkens 2007).

2. Asylum seeking

In the Cold War period most asylum seekers came from behind the Iron Curtain. Inflows were small, uncontroversial and often politically useful to Western

countries. All that changed in the 1980s when asylum seeking from outside Europe began to accelerate, from Iran, Turkey, Sri Lanka and elsewhere. It grew to very high levels in the 1990s, partly in response to political crisis in the Balkans and Middle East. Germany was the favourite destination through its economic attractions and the generous provisions enshrined in its Basic Law. Claims to Germany peaked at 438,190 in 1992 before returning to lower levels (19,165 in 2007). Asylum claims fluctuate considerably depending on the political situation in sending and receiving countries, and economic trends, but there are always substantial streams from South Asia, the Maghreb and Middle East and sub-Saharan Africa.. Much of it is managed by traffickers who keep abreast of political developments and switch destinations accordingly. Asylum seeking to EEA countries has increased again since 2008 from 257,475 applications to 373,995 in 2012. Applications to Germany (the most popular destination) almost tripled to 77,650, doubled to Sweden (to 43,945) and to Switzerland (to 28,640) and increased 50% to France (to 61455). Applications to weaker Eurozone countries (e.g. Greece, Ireland, Italy) fell sharply. Most claims are judged to be unfounded (2/3 of first instance decisions by EU28 countries in Q2 2013) but most applicants will remain in Europe. The latest figures at the time of writing show an extraordinary increase in claims — 50% higher in Q2 2013 than Q2 2012 (Eurostat 2013b). Claims to Germany doubled. Asylum seeking seems to have discovered Central and Eastern Europe, which formerly received few claims. Claims

to Hungary increased 25 times since Q2 2012, to Bulgaria four times, to Poland three times. Russians and Kosovars comprised half the increase, after Malians and Syrians (Russia 16845, Syria 8310, Kosovo 8140, Afghanistan 6075, Pakistan 5965, Somalia 4285, in Q2 2013).

3. Foreign citizens and immigrants in the EU countries

33.3 million foreign citizens lived in the EU-27 countries in 2011, 6.6% of the total population and strongly concentrated in Western Europe. 21 million of these were citizens of non-EU countries. Romania, Turkey, Morocco and Poland were the four most important countries of foreign citizenship in the EU 27 countries in 2011. In the past, estimates of population of foreign origin was based on citizenship. This substantially under-estimated the number of residents born abroad through the high incidence of naturalization, which in some counties has been equivalent, each year, to net immigration flows. Better data on birthplace now gives us a better estimate of the number of immigrants living in European countries. 48.9 million foreign-born residents lived in the EU 27 countries in 2011, 9.7% of the total population. 32.4 million of them were born outside the EU and were therefore immigrants from outside Europe, a figure 50% higher than the number according to citizenship (Eurostat 2012, 2013).

4. What can be said about the future of migration?

Migration data is problematic and inadequate, although improving (e.g. US Bureau of the Census 2005; Poulain et al., 2006; Raymer, 2008). Migration theory remains fragmentary and cannot easily forecast the likely future trends of aggregate migration flows. Many of the events driving it, notably the economic trends and even more so, political change, are unpredictable. Comprising numerous unrelated flows from many origins for unconnected purposes, migration has defied satisfactory modelling or projection except where it is dominated by regular labour migration. Political processes at home and abroad can be paramount. For population projection, most national statistics offices assume the continuation of the current level or the extrapolation of recent trends. Critics of such a simple approach are usually baffled to suggest anything better. However increasingly sophisticated approaches are being made to improve understanding (Howe et al. 2005, Eurostat 2007, Lemaitre and Liebig 2007, Duque and Montoso 2008, Raymer and Abel 2008, Kim and Cohen, 2011). Economic models succeed

best when migration is primarily for labour. Usually it is not. The buoyant Norwegian economy provides an exception. The econometric model of Brunborg and Capellen (2009) fits past trends well and, for example, predicts a strong downturn in immigration to Norway as its economic attractions are expected to fade as its oil runs out.

Generally, migration pressure to developed countries from the South is likely to remain high, and possibly increase for some time, before declining. Economic and demographic disparities between the global North and South continue and in some cases have widened. Whether moving specifically for work or for a 'better life' in general, residents of poor countries are usually materially better off somewhere else. On the demand side, employers demand easy access to labour, especially if earlier migrant flows have made them dependant upon it, and if population ageing or labour market protection restricts domestic supply as in many parts of Europe. Many third-world countries remain politically unstable. The 'cumulative causation' of established immigrant populations provokes further immigration through networks and chain migration (Gurak et al., 1992, Mitchell and Pain, 2003, Massey and Zenteno, 1999). Commitment to human rights, family re-union and asylum conventions, and growing ethnic electorates, make it difficult for Western states with liberal pretensions to restrict immigration effectively (Freeman 1994, Castles 2007). In Europe, the EU Commission, supported by the UK government among others has stated that it wishes to expand EU membership to countries on the edge of Europe and beyond: to Ukraine, (population 50 million), to Turkey (population 76 million), and even to North Africa, countries with larger populations and even lower levels of development than those recently admitted. That would guarantee migration pressure well into the future (Rowthorn, 2009). Rising economic inequality within countries such as the UK may also encourage immigration (Hatton, 2005).

Most commentators have concluded that the economic downturn will have only transient effects on inflow, 'A8' apart, because most immigrants are not labour migrants. Marriage migration and the inflow of dependants, students, asylum seekers and others will be little affected (Dobson et al., 2009; Beets et al., 2009; OECD 2009a P. 63–65). Nonetheless, provisional data so far show that its effects have been substantial in some countries (Papademetriou et al., 2011).

Many skilled labour migrants come from India to developed countries, notably to work in the IT sector. Crisis apart, that and similar flows have been increasing (Salt, 2009). But in the long run labour migration from India may well decline, if the continued rapid growth of the Indian economy absorb more of its own specialists, That applies a fortiori to China, with its

even more rapid growth and faster population ageing. Basing themselves primarily on labour market considerations, some analysts (e.g. Barrell et al., 2009) using the model of Mitchell and Pain (2003), project that the narrowing of the economic gap would reduce substantially net migration to the UK from the A8, the Old Commonwealth countries, India, Latin America., halving the currently officially projected increase in migrant stock by 2030 (p. 37). But that scenario does not take much account of non-economic migration.

Students are a major component of migration flows to Europe and the US from the third world, and many stay to take jobs. Flows have been increasing fast. China dominates these flows, with 350,000 students studying abroad in 2007, projected to be 645,000 in 20 years. China has a huge programme to increase the quality and volume of its domestic higher education — numbers are growing at 25% per year between 1999 and 2004. But even that does not appear to compensate for the growing demand for higher education. Chinese students overseas are projected to increase to 645,000 by about 2025. Eventually the growing domestic sector and the demographic diminution of the numbers of young people in China must reduce overseas migration, but that is unlikely to become apparent for at least a couple of decades. In the meantime other countries are sending more students abroad: from India 130,000 in 2005, projected to increase to 300,000, followed by South Korea (127,000) Morocco (106,000) and Turkey (104,000) (Banks 2007; Maslen, 2007).

Arranged marriage - preferably first-cousin or uncle-niece in Pakistani culture — is favoured in many traditional societies and is a growing component of migration to many European countries, displacing old-style family reunion with new family formation. Some of it motivated more by the prospect of migration than the pleasures of marriage. In the UK, marriage migration from the Indian sub-Continent has been growing roughly pro rata with the growth of the young South Asian population in the UK. In the Netherlands it had become the most important component of all migration from North Africa and Turkey. Marriage migration comes from many parts of the traditional world; for example numbers from sub-Saharan Africa to the UK trebled from 1996 to 2006.

Otherwise, and medical personnel apart, immigrants from the least developed third world, especially Africa, are mostly asylum seekers, students, dependants and illegal entrants. Chronic political instability, rapid population growth and economic and environmental fragility are likely to keep inflows high for the foreseeable future. It may increase substantially if global climate change has early effects. That may over-ride the outcomes of any scenario based only on socio-economic and political considerations. Its widely forecast effects

have now crept within the time-horizon of population projections. If those forecasts prove to be correct, there could be major implications for international migration although to estimate the effect would be to pile one uncertainty on another.

5. Effects of policy

In part, the volatile track of migration trends follows from unpredictable policy and political changes in sending and receiving countries (Hollifield 2000). Some of the most important political changes in sending countries are those that provoke, or ease, asylum seeking, either as a result of persecution of specific minorities promoted by governments or not controlled by them (e.g. Kurds in Turkey, Christians in Palestine, Iraq and Syria) or economic mismanagement or both (e.g. Zimbabwe). The regime change in Iraq, which was hoped to reduce the flow of refugees from the previous regime, has instead provoked the flight of well over a million people to neighbouring Syria, who now find that they have moved from the frying pan into the fire.

In the receiving countries, successive governments differ in their perception of migration (Schain, 2008). They receive contradictory messages from business demanding access to skilled and other labour, and worries about the care of an ageing population, and the popular dislike of large-scale immigration which is general in Europe (Martin, 2010). New policies on immigration are often brought in by governments elected primarily on quite other reasons (for example the Labour government in the UK 1997 — 2010, which liberalised policy). In other cases, immigration itself is a factor in the change of government, usually to control it further (for example the UK coalition government elected in 2010). For well-known reasons it is easier in liberal democracies to encourage immigration than to restrict it. For example, the incoming Labour government in the UK reversed the previous (relatively ineffective) restrictive policy of the previous 30 years, promoting immigration for a variety of reasons mostly connected with expansion of labour supply and growth of GDP. By mid 2000s this trebled net immigration compared with the early 1990s, taking net inflows to by far the highest level in the EU except for Spain and Italy. The radical increases in net inflows to those two countries (making their combined inflow greater than that to the US) arose partly because of political change, especially the return of a Socialist government in Spain favourable to migration. Amnesties regularised large numbers of illegal immigrants. Policy changes in Sweden and Denmark to favour skilled labour migration have also increased overall net flows to those countries, and in

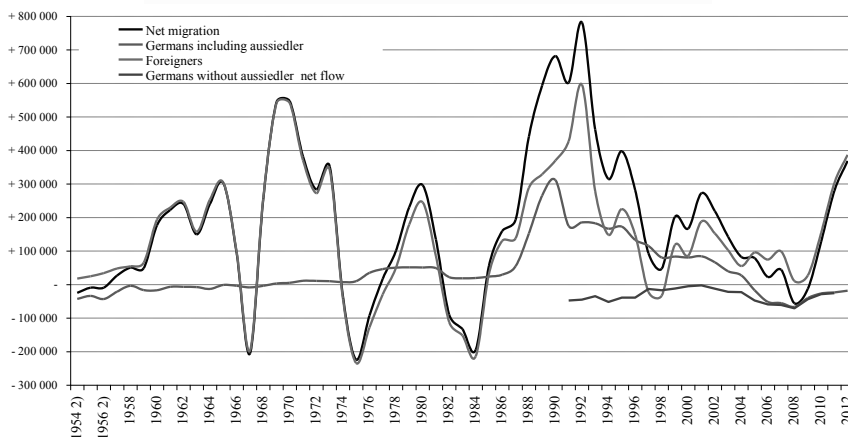
Sweden immigration is projected to increase to mid-century (Statistics Sweden, 2009). A reluctance to accept further immigration was indicated when all the major countries of the EU except the UK exercised their right to exclude general labour migration from the new Central and Eastern /European EU members on their accession in May 2004 until 2011 (selective labour migration had already been in progress for some time). Over most of the post-war period, Germany received about two thirds of immigrants to Europe and two thirds of asylum seekers. But a variety of measures beginning with a reform of the Fundamental Law in 1991 to limit asylum seeking, and later the inflow of *aussiedler* (people of German origin in Eastern Europe), together with less impressive economic growth, greatly reduced net immigration from 1990 to 2009 (Figure 5).

In France, labour migration had been selective and restricted for some time (Figure 3). A succession of measures to restrict immigration, imposing tighter conditions on asylum, naturalization, marriage migration, measures against illegal immigration and to facilitate deportation have developed over the decade, especially

under the Presidency of M. Sarkozy (2007-2012) alongside a new policy on ‘national identity’. Despite a different approach to migration by the new Socialist government of M. Hollande, no new trend in the data is yet apparent.

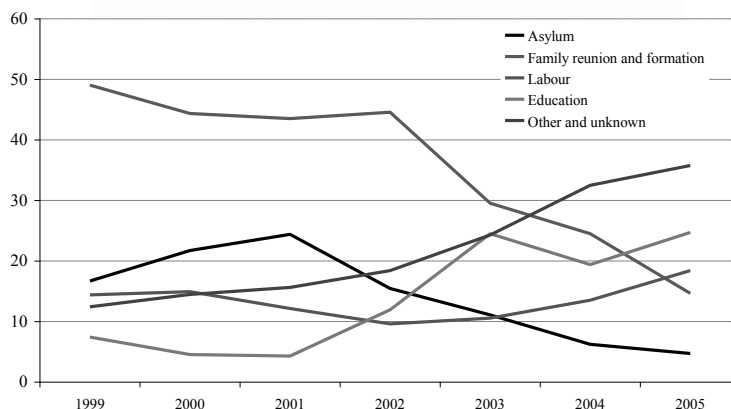
Some policies aim to restrict some immigration streams (notably those not focused on economic contributions) while leaving or even promoting others. Thus in Denmark, legislation since 2002 has severely tightened the requirements for marriage migration, reducing that flow to one-third of their previous level by 2005 (Rockwool Foundation Research Unit, 2009). As of 2013, these are the latest data available from Statistics Denmark (Figure 6).

More recently, Danish policy has been to admit more skilled workers under various permits, so the total volume of immigration is now higher than ten years ago, although its composition is considerably different. Marriage migration (especially in respect of the second generation) among Moroccans and Turks in the Netherlands fell sharply following a policy change in 2004 (Statistics Netherlands, 2009). As a consequence, a higher proportion of Turks residing

Figure 5.
Net migration to Germany
1954–2012 according
to citizenship

Source: Statistisches Bundesamt,
Wiesbaden. Up to 1990 German
Federal Republic only

Figure 6.
Net Immigration to Denmark
by broad purpose of entry,
1999–2005, percent

Source: data from .Statistics
Denmark

in the Netherlands are now marrying (Turkish) spouses who are also living in the Netherlands, rather than spouses introduced from abroad.

Despite all this, the power of European countries - especially those within the EU — to limit immigration is limited. Most immigration is not (ostensibly) for work. All the countries concerned are signatories to treaties and conventions (the Geneva Convention on Refugees, the European Convention on Human Rights and EU legislation) which give considerable entitlements to persons wishing to enter the European Union for purposes of marriage, as dependents, and for asylum and restrict powers of deportation. While individual countries may seek to restrict the conditions for such entitlements, judgments of the European Court of Human Rights constantly expand them. National freedom of action in these areas is considerably restricted in the EU.

6. Economic consequences of immigration

Much orthodox opinion, supported by neo-classical economic theory and the concerns of business and employers, holds that immigration benefits economic growth. Critics of the economic and social effects of large-scale immigration risk being labelled misinformed, irrational if not racist or 'xenophobic'. That became the Establishment view (Coleman, 2003) although electoral reversals have forced a retreat from this moral high ground. Public opinion has been usually been at variance with elite policy on immigration (Chamie, 2009), usually favouring restriction, not expansion. In Europe countries, unlike countries of European origin overseas, immigration has no place in perceptions of national identity but has normally been seen as a challenge to it. Doubts have been raised about the unqualified economic benefits of immigration, suggesting that in recent years immigration may impose net costs, not benefits, on receiving society even by the narrow standards of fiscal accounting ((Wadensjц, 1999; Borjas, 2003). This is very difficult to evaluate. Most studies conclude that the fiscal benefits overall are small; beneficial in respect of skilled migrants mostly from richer countries, not so from less skilled migrants mostly from poorer countries. The first large-scale international comparative study of fiscal effects concluded that over the OECD member countries, 'the fiscal impact of immigration is close to zero on average' (OECD, 2013. P. 9, 125-161). As to economic growth, naturally immigration increases GDP as it increases population, assuming that most immigrants work. But it has little effect upon GDP per head which is the appropriate measure of welfare. (House of Lords, 2008). Benefits are very uneven. The unequivocal beneficiary of immigration is the immigrant.

Employers benefit from easier access both to skilled and to unskilled labour, as do consumers of services. There is stiff international competition for talent in a global market. Universities gain highly talented staff and researchers, and student applicants, especially from the developing world. The poorer part of the domestic population does much less well, exposed to competition and to downward pressure on wages. Evidence is conflicting on the effects upon unemployment. But immigration flourishes while domestic unemployment is high (and immigrant unemployment almost always higher) and high proportions of the working-age population — especially youth — remain economically inactive.

All developed countries have ageing populations, but the rapid population ageing and incipient or actual population decline in some low-fertility countries of Southern, Central and Eastern countries has promoted claims that immigration is needed to maintain population and workforce and to ameliorate population ageing. Earlier delusions that immigration could 'solve' population ageing, promoted by a misinterpreted UN report (2000) have now mostly evaporated (Bijak and Kupizewska, 2008).

7. Effects on population

The effects on the population of European countries are substantial, but diverse (Coleman, 2008; Rowthorn, 2009). As might be imagined, the prosperous countries of Western Europe (in the broad sense) have been attractive to immigrants, including to immigrants from the former communist countries of Central and Eastern Europe. The latter for the most part have lost population by emigration to the West, although in some cases that is compensated or more than compensated by new migration from the West (e.g. in the Czech Republic) and from further East (Ukraine) and the global South; in transit to Western Europe but in many cases remaining. The collapse of the birth rate in those countries at the end of communism, contemporaneous with the substantial exodus (Sobotka, 2010).

The Russian Federation is an exception. After the fall of communism it became substantial country of immigration, initially of Russian nationals departing newly-independent former Soviet states (the 'near abroad'), more recently a larger number of the nationals of those states. Net immigration in 2006 was 132,319. By 2009, estimated at 240,000, was reported to have just balanced the natural decrease of -1.8 per 1000 population, generating a small increase in population for the first time since the mid-1990s. Immigration increased to 329,000 in 2012.

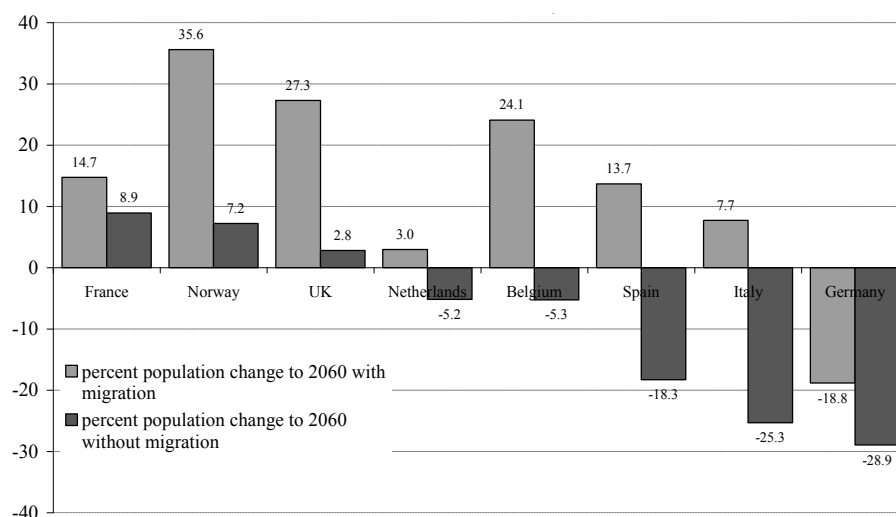
In western Europe, a number of countries with moderately high fertility still have positive natural

increase thanks to demographic momentum, assisted by the higher birth rates seen almost everywhere in recent years (some Scandinavian countries, France, UK). With current migration, they are projected to increase by up to 20% by mid-century. Others (Spain, Italy) would decline substantially without their **current** high immigration, and the population of Germany fell from 2004 to 2011 until growth was restored — at least for a while - by the new high immigration depicted in Figure.

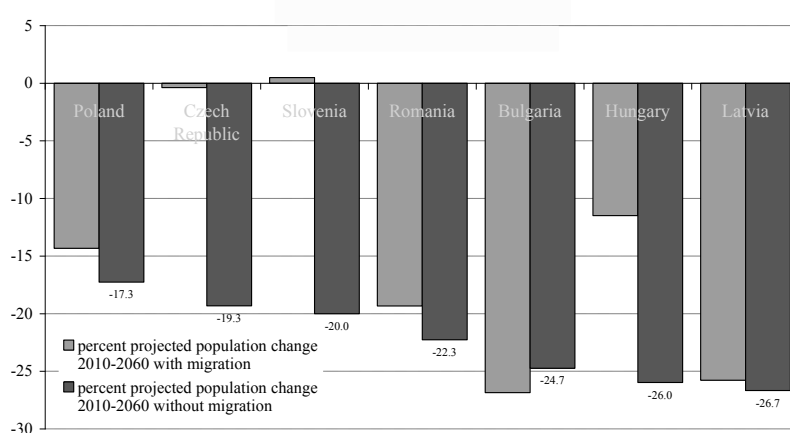
Formerly relatively modest in comparison with the number of births and with natural increase, and sometimes negative, net immigration now exceeds natural increase in most European countries and even

approaches (Switzerland and Norway in 2011) the total number of live births each year (Table 2). If these trends continue, populations of immigrant origin will reach relatively high proportions of the national population in a few decades, in some cases to quite similar proportions to that projected in the US, if US non-immigrant minorities are excluded.

Projections of future population by national origin have been made for several European countries up to mid-century or 2060 (Coleman, 2006). In most cases they are based on the assumption that immigration will continue at approximately recent levels and that fertility differentials will diminish or disappear. On those assumptions, populations of ‘foreign origin’ or

Figure 7a. Effect of migration on projected population growth 2010–2060, percent, selected Western and Southern European countries, by descending order of growth without migration
 Source: data from Eurostat 2008 convergence scenario

Figure 7b. Projected percent population change 2010–2060, selected Eastern European countries, with and without migration, sorted by descending order of projected population size without migration
 Source: data from Eurostat 2010 projection

Selected Western countries Table 2
 Comparisons of live births, net immigration and natural increase 2011

	Population 1st Jan 2011	Live births	Natural increase	Net migration	Net migration as percent of births
data in thousands					
Switzerland	7870	81	18	66	81
Norway	4920	60	19	47	78
Austria	8404	78	2	37	48
Italy	60626	547	-47	241	44
Germany	81752	663	-190	282	43
UK	62499	808	256	235	29
Denmark	5561	59	7	13	23
Belgium	11001	131	23	16	12
France mét	63128	828	253	77	9
Spain	46153	469	86	-42	-9
Greece	11310	106	-5	-15	-14
Total of above	363224	3830	420	956	25
Australia	22684	298	151	208	70
Canada	34484	382	129	209	55
New Zealand	4	61	31	-3	-5
United States	309122	3999	1531	695	17

Sources: Eurostat, Australian Bureau of Statistics, Statistics Canada, Statistics New Zealand, US Census Bureau, National Center for Health Statistics, US Dept of Homeland Security.

Note: US data refer to 2010, Australia, Canada and New Zealand to 2012. Net immigration data not available for US. Admission for permanent settlement figure reduced by 1/3 allow for return migration.

'foreign background' (mostly defined through population registers as first and second generation together) would rise to between 15% and 35% of the populations of some European countries by mid-century. Of those, about one-third is projected to be people of other European origins, two thirds from outside Europe (Figure 8).

8. Pan-European policy development

The European Commission (2005, 2008), had gradually extended its control over immigration policy in EU countries. The Schengen common borders area has been established including most but not all EU member states (not UK). A 'Blue Card', inspired by the US' Green Card system to encourage highly-skilled

labour migration was formally adopted in the EU as a directive in 2009. The criteria are demanding and the take-up has been slight. The demographic and labour market and economic scenes in European countries seem too diverse for any single immigration policy to be appropriate. Common asylum policy is an exception. A Common European Asylum System was begun in 1999 at the EU summit in Tampere and successively consolidated, most recently in June 2013 for implementation in 2015 (European Commission, 2013).

9. Concluding remarks

As in most policy areas, political considerations will overcome supposedly scientific research-based

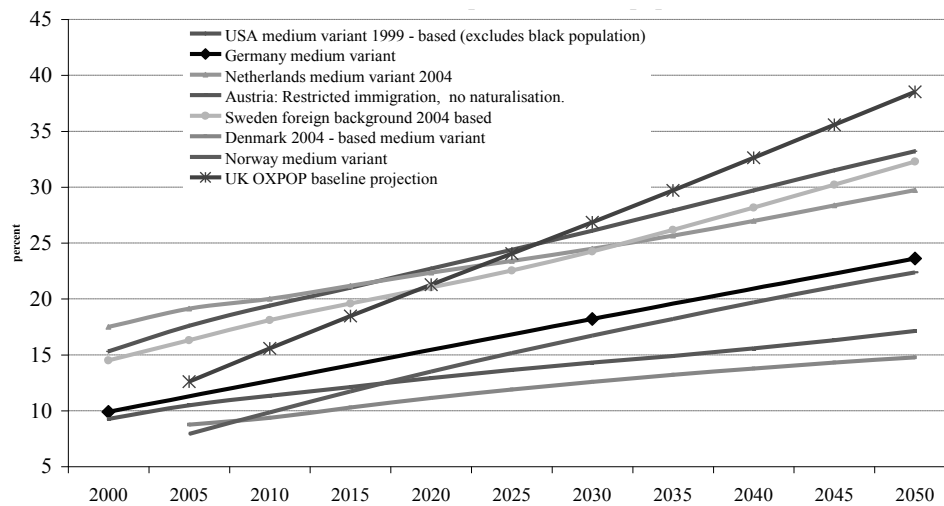

Figure 8. Projected growth of population of immigrant or foreign origin 2000–2050, selected countries, as percent of total population

prescriptions, and immigration policy can change abruptly as a result of the fall of the electoral dice. In some of the countries mentioned above, the labour force is not projected to decline for some time if at all and labour migration is concentrated upon filling highly skilled shortages.

Elsewhere, very low birth rates, if continued, may to provoke insuperable future labour shortages which only immigration can resolve even if fertility does recover. In some continental countries, many of the labour shortages of which employers, governments and analysts complain follow from restrictive labour market policies and generous retirement and welfare arrangements in countries that adhere to the ‘European social model’, notably in Southern Europe. These policies contribute to high unemployment, especially of youth, and low workforce participation rates, coexisting absurdly with. In those countries labour laws favour those established in employment, not those seeking it. Retirement has been early and publicly-funded pay-as you-go pension schemes notably and unsustainably generous. Payroll taxes on employers to pay for welfare have been high. Reforming all of this has been slow, painful and difficult, although spurred recently into urgency by the economic crisis. These are the same populations, with their ‘familist’ culture, that also suffer the lowest birth rates and consequently the most rapid population ageing (Dalla Zuanna and Micheli, 2003). Given such protection, illegal or irregular immigration is attractive to employers as such immigrants are often willing workers prepared to take modest wages and conditions.

So in the near future, at least, there are several reasons for supposing that substantial reductions in numbers of international migrants are unlikely. Global population will continue to rise, especially in Africa and poorer Asian countries, increasing emigration pressures. Environmental deterioration will also encourage emigration from marginal areas, partly arising from population pressure on land itself, partly from the effects of global climate change. The magnitude and form of the latter, and its effects upon population, are doubly uncertain. If as expected the economy continues to be globalised, new migration sources may emerge. The ageing of populations in OECD countries, especially those with chronic low birth rates, will strengthen arguments for labour immigration, particularly if cultural and political obstacles persist to the rationalisation of labour market and retirement arrangements in those countries.. Competition for skilled and well qualified migrants is likely to continue. Insofar as immigrants are naturalised and can vote, growing populations of immigrant origin may make it more difficult for political parties opposed to large-scale immigration to win office. Set against that, popular opposition to such migration has been growing in a number of European countries and has provoked a number of electoral surprises. And in the longer run, as the economies of sending counties develop and their population’s age, the assumption of unlimited supplies through immigration of potential skilled labour may prove to be false. Baines, D. (1991). *Emigration from Europe 1815-1930*. London, Macmillan.

References

1. Baines, D. (1991). *Emigration from Europe 1815-1930*. London, Macmillan.
2. Banks, M., A. Olsen, et al. (2007). *Global Student Mobility: An Australian Perspective Five Years On*. Canberra, IDP Australia Pty.
3. Barrell, R., S. Gottschalk, et al. (2009). *Projections of migration inflows under alternative scenarios for the UK and world economies*. London, Dept for Communities and Local Government.
4. Beets, G. and F. Willekens (2009). *The global financial crisis and international migration: An uncertain outlook*. Vienna Yearbook of Population Research. Ed. D. Coleman and D. Ediev. Vienna, Vienna Institute of Demography; Austrian Academy of Sciences pp. 19–38.
5. Bijak, J., D. Kupiszewska, et al. (2008). *Replacement Migration Revisited: Simulations of the Effects of Selected Population and Labor Market Strategies for the Aging Europe, 2002–2052*. *Population Research and Policy Review* 27(3): 321-342.
6. Brunborg, H. and E. Cappelen (2009). *An econometric model for forecasting migration to Norway*. IUSSP International Population Conference. Marrakech, Statistics Norway.
7. Castles, S. (2007). *The Factors that Make and Unmake Migration Policies. Rethinking International Migration: New Theoretical and Empirical Perspectives*. A. Portes and J. DeWind. Oxford, Berghahn: 30-61.
8. Chamie, J. (2009). «Mind the Gap: Public and Government Views on Migration Diverge» *YaleGlobal* (16 October 2009).
9. Coleman, D. A. (2003). *Mass migration and population change*. *Zeitschrift für Bevölkerungswissenschaft* 28 Special issue In Memoriam. Dr. H.-J. Hoffmann - Nowotny. (2-4): 183-215.
10. Coleman, D. A. (2006). *Immigration and ethnic change in low-fertility countries: a third demographic transition*. *Population and Development Review* 32(3): 401 - 446.
11. Coleman, D. A. (2008). «The demographic effects of international migration in Europe» *Oxford Review of Economic Policy* 24: 453 - 477.
12. Duque, I. and O. Montoso (2008). *Producing migration data through household sample surveys: The 2007 National Immigrant Survey (Spain); extending the knowledge on immigrants beyond registers*. Working Paper 17, Joint UNECE/Eurostat Work Session on Migration Statistics, Geneva, UNECE.
13. Dalla Zuanna, G. and F. Michielin (2003). *Immigrations and low fertility as endogenous component of economic growth. General comments and a case study*. In EURESICO Conference 2003. *The Second Demographic Transition in Europe*. Euroconference on implications of family and fertility change for individuals, families and societies.
14. Dobson, J., A. Latham, et al. (2009). *On the move? Labour migration in times of recession. What can we learn from the past?* London, Policy Network.
15. European Commission (2005). *Green Paper on an EU approach to managing economic migration*. Brussels, Commission of the European Communities.
16. European Commission (2008). *Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions of 17 June 2008 – A Common Immigration Policy for Europe: Principles, actions and tools* [COM(2008) 359 final Brussels, European Commission.
17. European Commission (2013). *Common European Asylum System*. Brussels, European Commission.
18. Eurostat (2007). *Work Session on Demographic Projections*. Luxembourg, Office for Official Publications of the European Communities.
19. Eurostat (2008). *Recent Migration Trends: citizens of EU-27 Member States become ever more mobile while EU remains attractive to non-EU citizens*. *Statistics in Focus* 98/2008. Luxembourg, Office for Official Publications of the European Communities.
20. Eurostat (2012). *Nearly two-thirds of the foreigners living in EU Member States are citizens of countries outside the EU-27 - Statistics in Focus number 31/2012* Luxembourg, Office for Publications of the European Communities. http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/product_details/publication?p_product_code=KS-SF-12-031
21. Eurostat (2013) *Migration and migrant population statistics*. http://epp.eurostat.ec.europa.eu/statistics_explained/index.php/Migration_and_migrant_population_statistics
22. Eurostat (2013). *Asylum applications and first instance decisions on asylum applications - second quarter 2013*. Issue no 12/2013. Luxembourg, Eurostat http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/product_details/publication?p_product_code=KS-QA-13-012
23. Evans, H., R. Chappell, et al. (2007). *Using the Omnibus Survey to test questions on emigration // Population Trends* (127): 15 - 20.
24. Falck, O., S. Heblich, et al. (2010). *Dialects, Cultural Identity, and Economic Exchange*. IZA Discussion Paper No. 4743. Bonn, Forschungsinstitut zur Zukunft der Arbeit / Institute for the Study of Labor (IZA).
25. Freeman, G. S. (1994). *Can Liberal States control Unwanted Migration? Annals of the American Association for Political and Social Sciences*.(534): 17 - 30.
26. Garson, J.-P. a. J. S. (2011). *50 year review: international migration. i. International Migration Outlook: SOPEMI 2011*. Paris, OECD: 5 - 15.
27. Gurak, D. T. and F. Caces (1992). *Migration Networks and the Shaping of Migration Systems*. *International Migration Systems: A global approach*. M. Kritz, L. L. Lim and H. Zlotnik. Oxford, Clarendon Press: 150 - 176.
28. Hatton, T. J. and M. Tani (2005). *Immigration and Inter-Regional Mobility in the UK, 1982–2000*. *The Economic Journal* 115(507): F342
29. Hollifield, J. F. (2000). *The Politics of International Migration: How can we 'Bring the State back in'? Migration Theory: Talking Across Disciplines*. C. Brettell and J. F. Hollifield. London, Routledge: 137 - 185.
30. House of Lords Select Committee on Economic Affairs (2008). *1st Report of Session 2007–08: The Economic Impact of Immigration*. Volume 1: Report HL Paper 82-1 pp 84. Volume II: Evidence. HL Paper 82-II pp 514. London, The Stationery Office.
31. Howe, N. and R. Jackson (2005). *Projecting Immigration - a survey of the current state of practice and theory*. Center for Strategic and International Studies. Washington DC.
32. INSEE (2012). *Fiches Thematiques: Flux d'immigration*. In *Immigrés et descendants d'immigrés en France, édition 2012*. INSEE. Paris, INSEE: 138-157.

33. Kim, K. and J. E. Cohen (2011). Determinants of International Migration Flows to and from Industrialized Countries: A Panel Data Approach Beyond Gravity. *International Migration Review* 44(4): 899-932.
34. Lowell, L.B. (2005). Policies and regulations for managing skilled international migration for work. United Nations Expert Group meeting on International Migration and Development. New York, United Nations.
35. Lemaitre, G., T. Liebig, et al. (2007). Standardised statistics on immigrant inflows: results, sources and methods. Paris, OECD Organisation for Economic Cooperation and Development.
36. Martin, P. L., M. Abella, et al. (2006). *Managing Labor Migration in the Twenty-First Century*. Yale University Press.
37. Martin, P. (2010). A need for migrant labour? UK-US comparisons. *Who Needs Migrant Workers? Labour Shortages, Immigration, and Public Policy*. M. Ruhs and B. Anderson. Oxford, Oxford University Press.
38. Maslen, G. (2007) «CHINA: Chinese students to dominate world market.» *University World News* Volume 1.
39. Massey, D. and R. Zenteno (1999). The Dynamics of Mass Migration. *Proceedings of the National Academy of Sciences* 96: 5328-5235.
40. McLaughlan, G. and J. Salt (2002). Migration Policies towards highly skilled foreign workers. Report to the Home Office. London, Home Office.
41. Mitchell, J. and N. Pain (2003). The Determinants of International Migration into the UK: A Panel Based Modelling Approach. NIESR Discussion Papers 216. London, National Institute of Economic and Social Research.
42. OECD (2006). *International Migration Outlook 2006*, Paris, OECD.
43. OECD (2007). *International Migration Outlook SOPEMI 2007*. Paris, OECD.
44. OECD (2009). *International Migration Outlook SOPEMI 2009*. Paris, OECD.
45. Papademetriou, D. G., M. Sumption, et al. (2011). *Migration and the Great Recession: The Transatlantic Experience* Washington DC, Migration Policy Institute.
46. Poulain, M., N. Perrin, et al. (2006). *Towards Harmonised European Statistics on European Migration (THESIM)*. Louvain la Neuve, Universitaires de Louvain Presses.
47. Raymer, J. and G. Abel. (2008). The MIMOSA model for estimating international migration flows in the European Union. Working papers, 8. UNECE/Eurostat work session on migration statistics Geneva, UNECE University of Southampton.
48. Rendall, M. S. and D. J. Ball (2004). Immigration, emigration and the ageing of the overseas-born population in the United Kingdom. *Population Trends* (116): 18 - 27.
49. Rockwool Foundation Research Unit (2009). Fewer family reunifications - more immigration for employment (and related articles). News from the Rockwool Foundation Research Unit (November 2009): 1, 3, 5, 12.
50. Rowthorn, R. (2009). The Economic and Demographic Impact of Immigration on Western Europe. *Migration and the Movement of People in Europe: Threat or Benefit?* Ed. M. Halle and D. Lane.
51. Salt, J., J. Clarke, et al. (2004). *International Labour Migration*. Strasburg, Council of Europe.
52. Salt, J. (2009). *International Migration and the United Kingdom*. Report of the United Kingdom SOPEMI Correspondent to the OECD. London, Migration Research Unit, Dept of Geography, University College London.
53. Sauer, L. and A. Ette (2007). *Auswanderung aus Deutschland: Stand der Forschung und erste Ergebnisse zur internationalen Migration deutsche Staatsbürger*. Wiesbaden, Bundesinstitut für Bevölkerungsforschung.
54. Schain, M. (2008). *The Politics of Immigration in France, Britain, and the United States: A Comparative Study (Perspectives in Comparative Politics)*. New York, Palgrave Macmillan.
55. Sobotka, T. (2010). *Migration Continent Europe*. Vienna Yearbook of Population Research. D. Coleman and D. Ediev. Vienna, Vienna Institute of Demography, Austrian Academy of Sciences.
56. Statistics Netherlands (2009). Decrease in marriage migration comes to an end. *CBS Web Magazine* (3 November 2009).
57. Statistics Sweden (2009). *The Future Population of Sweden 2009-2060*. Stockholm, Statistics Sweden.
58. United Nations Statistical Commission, UNECE and Council of Europe, (2006). *The Challenges of Measuring Emigration and Remittances*. Joint UNECE. Eurostat Work Session on Migration Statistics. Working paper 5 Luxemburg, Statistical Office of the European Communities.
59. US Census Bureau (2005). *Rapporteur Report on Migration Statistics*. Statistical Commission and Economic Commission for Europe EUROPE Conference of European Statisticians. Fifty-third plenary session. Geneva, UNECE.
60. van Dalen, H. P. and K. Henkens (2007). Longing for the Good Life: Understanding Emigration from a High-Income Country. *Population and Development Review* 33(1): 37 - 66.
61. Wadensjö, E. (1999). *Economic Effects of Immigration. Immigration to Denmark: International and national perspectives*. D. A. Coleman, Wadensjö, E., Jensen, B. and S. Pedersen. Aarhus, Aarhus University Press: 290-328.

Международная миграция населения в контексте демографической теории

International Migration of Population in the Context of the Demographic Theory

Получено 12.06.2014 Одобрено 02.07.2014 Опубликовано 10.09.2014

УДК 316.7

DOI: 10.12737/5647

ИОНЦЕВ В.А.

д-р экон. наук, проф., заведующий кафедрой народонаселения экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 119992, ГСП-2, Москва, МГУ, третий учебный корпус, ауд. 464
E-mail: iontsev@econ.msu.ru

IONTSEV V.A.

Doctor of Economics, Professor, Head of the Chair of Population, Economics Faculty of Lomonosov Moscow State University Room 464, 3rd Academic Building, Moscow State University, Moscow, 119992, Russia
Email: iontsev@econ.msu.ru

ПРОХОРОВА Ю.А.

аспирантка кафедры народонаселения экономического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
119992, ГСП-2, Москва, МГУ, третий учебный корпус
E-mail: prokhorova.yulia@gmail.com

PROKHOROVA Yu.A.

PhD student of the Chair of Population, Economics Faculty at Lomonosov Moscow State University
3rd Academic Building, Moscow State University, Moscow, 119992, Russia
E-mail: prokhorova.yulia@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается место международной миграции населения в различных теоретических демографических конструкциях (научные направления, теории, концепции, объединяемые в общем понятии «демографическая теория») с учетом их эволюции. При этом сама эволюция демографической теории во многом связана с изменением роли и места международной миграции в демографическом развитии мира и отдельных государств. Особое внимание уделяется общей теории населения, классической теории демографического перехода и концепциям демографического перехода. Дана краткая характеристика современных тенденций международной миграции населения и показано её возрастающее значение в демографическом развитии стран как иммиграции, так и эмиграции.

Abstract

The paper considers the place of international migration in the various theoretical demographic structures (research areas, theories, concepts that are combined in the general concept named «demographic theory») and takes into account its evolution. In this theory, the demographic evolution itself largely due to the changing of role and place of international migration in the demographic development of the world and in some individual states. Special attention is paid to the general theory of population, the classical theory of demographic transition and the concepts of demographic transition. Also the paper gives brief description of the modern trends of international migration of population and shows increasing importance in the demographic development of immigration and emigration countries.

Ключевые слова: международная миграция населения, безвозвратная миграция, трудовая миграция, нелегальная миграция, демографический подход в изучении миграции, основные закономерности международной миграции.

Keywords: international migration of population, non-return migration, labor migration, illegal migration, demographic approach to the study of migration, basic patterns of international migration.

1. Теоретическое введение

В Россия, как и многих других развитых странах, усиливается демографический кризис, хотя в последние пять-семь лет количественные показатели естественного движения населения улучшились. В 2013 г. естественный прирост населения впервые за последние 20 лет стал положительным, составив 24 тыс. человек; сальдо миграции составило 296 тыс. человек, что подтверждает сохранение ее главной роли в общем росте населения России [Федеральная служба государственной статистики, 2014. С. 11]. Можно предположить,

что эта роль в ближайшем будущем будет возрастать, учитывая, что естественное движение населения вернется к отрицательному тренду. Это обусловлено вступлением в репродуктивный возраст малочисленного поколения женщин, родившихся в 1990-е гг. (это подтверждают данные за первую половину 2014 г.).

Особую значимость приобретает теоретическое изучение роли международной миграции населения в демографическом развитии. При этом подчеркнем, что как в российской, так и зарубежной научной литературе нет четкого определения понятия «демографическое развитие». По нашему

мнению, развитие в целом и демографическое развитие в частности — это многогранные понятия, которые подразумевают и развитие со знаком «плюс» (прогресс), и развитие со знаком «минус» (регресс). Таким образом, в нашем понимании демографическое развитие — это как позитивные, так и негативные изменения количественных и качественных характеристик населения той или иной страны. В качестве примера можно привести сложившуюся в Европе двойственную демографическую ситуацию. С одной стороны, происходит увеличение продолжительности жизни, снижается младенческая смертность — прогресс очевиден. С другой стороны, принципиальные изменения в семье — предпочтение свободных отношений вместо традиционного брака, сознательный отказ от рождения детей, распространение браков людей с нетрадиционной ориентацией — можно считать проявлениями регресса. Но все это демографическое развитие во всем его многообразии.

Мы считаем, что понятие «развитие» неразрывно связано с понятием «международная миграция населения». Однако под международной миграцией мы понимаем безвозвратную миграцию населения, так как именно этот вид миграции — как демографический процесс — способен оказать прямое влияние на воспроизводство населения, на численность и изменение его структуры, на репродуктивное поведение.

Особую значимость приобретает вопрос о месте международной миграции населения в различных теоретических демографических разработках, которые мы объединили в единое понятие «демографическая теория», представляющее таким образом различные научные направления, теории, концепции, объясняющие демографическое развитие. К настоящему времени это достаточно большой список теорий и концепций, объясняющих закономерности роста или сокращения численности населения, развития рождаемости, смертности, брачности, миграции, изменения структуры и качественных характеристик населения. Естественно, не все из них включают в анализ миграцию населения. При этом обратим внимание, что миграция, в отличие от других демографических процессов, представляет собой более разнообразное и многоплановое явление, которое рассматривают многие науки.

В 1999 г. разработана классификация подходов к изучению миграции [Ионцев, 1999, 4, с. 85–117]. За прошедшие годы данная классификация была значительно дополнена и усовершенствована: в 17 научных дисциплинах, в предмет исследования которых входит миграция, выделено 63 тео-

ретические разработки [Ионцев, 2013, 5, с. 63–83]. В наиболее объемном экономическом подходе можно выделить 16 разработок, в том числе: неоклассическая теория, марксистское направление, теория человеческого капитала, экономическая теория миграции Тодаро, концепция международного экономического порядка и др. Особый интерес представляет миграционный подход, выступающий, по сути, основой формирования самостоятельной науки о миграции. (Условно ее можно обозначить как «миграциология».) Именно этот подход включает такие теоретические разработки, как законы миграции Равенштейна, мобильный переход В. Зелинского, закон роста миграционной подвижности В.И. Ленина, универсальную теорию миграции Д. Массея и др.

Исходя из темы статьи, более подробно мы рассмотрим демографический подход, включающий в настоящее время восемь научных разработок (против трех в 1999 г.). Мы выделим пять: общую теорию населения А. Сови, теорию демографического перехода и концепции второго, третьего и четвертого демографических переходов. Следует обратить внимание, что эти теоретические построения призваны объяснить современные закономерности международной миграции населения и предсказать будущее демографическое развитие, которое во многом связывается с международной миграцией населения, выступающей неким локомотивом этого развития, и в частности глобализации.

Начнем с *общей теории населения*, которая была разработана в 1950-е годы французским демографом А. Сови. В отличие от многих теоретических разработок того времени общая теория населения Сови изначально включала миграцию населения, которую он подразделял на экономическую и демографическую. Последняя, как писал Сови, «вносит демографический вклад, размеры которого зависят от степени ее постоянства». Развивая демографический аспект международной миграции, Сови делает еще один очень важный, на наш взгляд, вывод, с которым многие не соглашались: «Эмиграция всегда имеет демографические последствия, даже в тех случаях, когда она представляет собой временную миграцию в целях нахождения работы, так как она разъединяет супругов и сокращает рождаемость» [Сови, 1977, 9, с. 334–343]. Можно утверждать, что Сови одним из первых среди западных ученых попытался теоретически обосновать негативные последствия для стран — поставщиков рабочей силы ее массовой миграции из страны. Сови затронул и очень злободневную сегодня проблему «утечки умов», т.е. безвозвратную «миграцию лиц высокой ква-

лификации», рассматривая ее как «большой ущерб странам, откуда идет такая эмиграция». Важное теоретическое положение Сови — миграция как своеобразные инвестиции в «человеческий капитал» [Сови, 1977, 8, с. 409–422] — впоследствии нашло продолжение в работах Л. Сжаастада (1962), М. Тодаро (1966) и др. К сожалению, ни во Франции, ни в других западных странах общая теория населения не получила в дальнейшем своего развития. Эти разработки нашли применение и развитие в Центре по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, где в середине 1970-х гг. под руководством профессора Д.И. Валентя активно разрабатывался так называемый комплексный подход к изучению народонаселения, базирующийся, по сути, на общей теории населения Сови [Валентей, 1976, 1]. В 1980-е гг. над этим научным направлением активно работают А.Я. Кваша, Н.В. Зверева и др. [Зверева, 1998, 3]. Но в начале 1990-х гг. интерес к общей теории населения угас, в том числе из-за активной пропаганды теории демографического перехода (подробнее см. ниже).

Если кратко охарактеризовать становление теории демографического перехода, то это можно изобразить в виде следующей временной схемы.

- 1800-е гг.: начало разработок.
- 1830–1890-е — первые попытки объяснить феномен снижения рождаемости на примере Франции (А. Дюмонт, П. Леруа-Болье и др.).
- 1929: Л. Рабинович «Проблема населения во Франции», введение термина «демографическая революция».
- 1929: У. Томпсон, первые попытки в английской литературе объяснить изменения, которые стали происходить в населении западных европейских стран.
- 1934: А. Ландри публикует книгу под названием «Демографическая революция», в которой появляется одна из первых трехстадийная модель изменений в структуре населения.
- 1945: К. Дэвис публикует статью, где в заголовке использует термин «демографический переход».

Ф. Ноутстайн, автор концепции демографического перехода, с ее помощью попытался объяснить наблюдаемый рост населения Европы. Он предложил модель демографического перехода, состоящую из четырех этапов (стадий), которые должны пройти все страны, но длительность этапов может различаться.

- 2-я пол. 1960-х — начало 1970-х гг.: новые демографические тенденции в населении Европы — новые теоретические осмысления.

- 1971: появление концепции «эпидемиологического перехода» А. Омрана и концепции «мобильного перехода» В. Зелинского.
- 1979: В. Зелинский, включение миграции в концепцию демографического перехода.
- 1986: Д. Ван де Каа и Р. Лестаг, публикация статьи «Второй демографический переход?», в которой авторы, в частности, выделяют первый и второй демографические переходы.
- 1987: Д. Ван де Каа. В статье «Второй демографический переход в Европе» детально рассматривает роль миграции в этом переходе.
- 1999: Д. Ван де Каа предлагает модель второго демографического перехода, в которой наряду с естественным приростом (убылью) появляется показатель чистой миграции.
- 2006: Д. Коулмен [Coleman, 2006, 16, 401–446] предлагает сценарий демографического развития, который обозначает термином «третий демографический переход».
- 2010: В.А. Ионцев предлагает новый сценарий демографического развития, обозначенный как «четвертый демографический переход».

Если внимательно посмотреть на предложенную схему, то можно увидеть, что, зародившись еще в начале XIX в., эта концепция полностью исключала из своего рассмотрения миграцию населения, что объясняется различными причинами, в частности нехваткой статистических данных о миграционных процессах. Это довольно странно, так как в тот период (1830–1939) безвозвратная миграция из стран Европы достигла наивысших масштабов (более 60 млн человек). И лишь значительно позже — в 1970-е гг., под влиянием научных разработок Л. Таба, В. Зелинского, П. Эпплеярда и других, миграцию начали включать в эту концепцию. Это выводит ее на уровень классической теории демографического перехода. И одним из первых ученых, который научно обосновал включение миграции в концепцию демографического перехода стал В. Зелинский. Именно с этого момента эволюция этой теории связана с изменением роли миграции.

Следующий важный шаг в объяснении демографического будущего был сделан в 1986 г. Европейские демографы Дирк Ван де Каа (D. Van de Kaa) и Рон Лестаг (R. Lesthaeghe) опубликовали статью «Второй демографический переход?», которая сначала не получила широкой известности, поскольку была написана на голландском языке. Однако именно эти авторы ввели и раскрыли термины «первый демографический переход» и «второй демографический переход», которые обозначали две разные стадии демографического и социального развития стран Европы. При этом

под первым демографическим переходом они понимают уже известные нам тенденции: последовательное снижение смертности в Европе, а примерно с 1880 г. — падение рождаемости.

Понятие второго демографического перехода отражает изменения в структуре населения, которые происходили в конце 1960-х — начале 1970-х гг. Ван де Каа и Лестаг выявили, что помимо изменения уровня рождаемости, происходили важные изменения в структуре семьи: на смену буржуазной модели приходила индивидуалистическая модель [Ван де Каа, 2002, 2, с. 91], возросло число разводов, сожительства и внебрачной рождаемости. Авторы сделали особый акцент на различии в причинах снижения рождаемости. Если раньше снижение рождаемости было обусловлено заботой о семье и потомках, т.е. некими альтруистическими соображениями, то теперь на первый план вышли благосостояние и развитие индивида, нежелание нести бремя родительства. Основным недостатком этой работы было полное исключение из рассмотрения миграционной компоненты роста населения, что делало концепцию второго демографического перехода слишком упрощенной.

В 1987 г. Ван де Каа в монографии «Второй демографический переход в Европе» попытался исправить этот недостаток. При кратком описании теории первого демографического перехода он подчеркивает огромную роль эмиграции в снижении давления населения, возникшего из-за разрыва уровней рождаемости и смертности в конце XIX — начале XX в. [Van de Каа, 1993, 13, р. 38–46]. В рамках концепции второго демографического перехода рассматриваются миграционные потоки в страны Европы в историческом разрезе и их влияние на половозрастную структуру, уровни рождаемости, а также степень интегрируемости мигрантов в принимающее их общество.

Ван де Каа отмечает, что уровни рождаемости среди иммигрантов зависят от проводимой в принимающей стране политики (например, если проводится политика по воссоединению семей иммигрантов, т.е. жены приезжают к своим мужьям после длительной разлуки, то это может способствовать временному увеличению рождаемости), а также от половозрастного состава иммигрантов, их брачного статуса, уровня образования и т.д. [Van de Каа, 1993, 13, 42]. При этом автор отмечает риск того, что иммигранты не смогут значительно улучшить ситуацию с рождаемостью, так как будут перенимать установки принимающего их общества. Ван де Каа подчеркивает, что Европа становится регионом, совмещающим множество культур, и это уже не прогноз, а неизбежная ре-

альность. Поэтому правительствам стран необходимо как можно скорее решить проблему выбора политики по отношению к иммигрантам: жесткий контроль или поощрение. Как ни странно, дилемма в области миграционной политики в странах Европы спустя почти 30 лет не решена.

На этом исследовании Ван де Каа в области второго демографического перехода и включения в него международной миграции не закончились. Одной из значимых вех можно считать его выступление с докладом «Европа и ее население: взгляд на перспективу» на Европейской конференции по народонаселению в Гааге. В этом выступлении он предложил модель демографического перехода с учетом величины чистой миграции (рис. 1). Из рисунка видно, как меняется роль миграции не только в эволюции теории демографического перехода, но и в реальном демографическом развитии.

При построении кривой чистой миграции Ван де Каа опирался на статью Хаттона и Вилльямсона, которые при описании миграционных потоков из Европы в Америку выделили четыре этапа: вводная фаза, фаза роста, фаза насыщения, фаза спада [Ван де Каа, 2002, 2, с. 94–95]. Он попытался понять, на какой фазе сейчас находятся страны различных частей Европы. В итоге Ван де Каа пришел к выводу, что не обязательно все страны пройдут эти фазы, но миграционное давление на страны Европы все равно будет увеличиваться в ближайшее время, а миграционная политика будет все более ужесточаться [Ван де Каа, 2002, 2, с. 95–96].

Несмотря на довольно обширные исследования Ван де Каа, в теории первого и концепции второго демографических переходов миграция не стала ведущей компонентой демографического развития. Этот пробел попытался восполнить профессор демографии Оксфордского университета Д. Коулмен, который предложил в 2006 г. концепцию третьего демографического перехода. В своих последующих работах он развивал эту концепцию на примере Великобритании и ряда европейских стран. Суть концепции заключается в следующем.

1. Из-за низкой рождаемости в некоторых индустриальных странах стало заметно быстрое изменение в составе населения в этническом происхождении, возникающее по причине прямых и косвенных эффектов иммиграции.

2. Прогноз, основанный на правдоподобном допущении, предполагает, что при сохранении существенного изменения состава населения коренное население станет меньшинством, а затем произойдет полное «замещение» коренного населения большинства стран Западной Европы различным «пришлым населением».

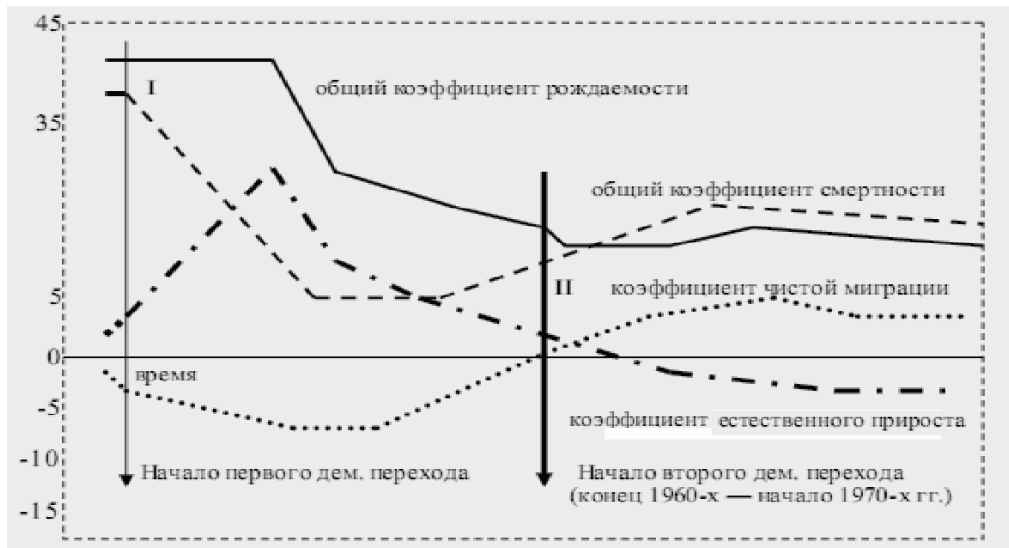

Рис. 1 Модель первого и второго демографических переходов

Источник: Ван де Каа, 1999 [2002, 2, с. 91]

Коулмен отмечает, что в течение нескольких десятилетий повозрастные коэффициенты рождаемости в Европе очень низкие и что существует противоречие между желаемым и действительным числом детей: в большинстве европейских стран в ходе обследований женщины утверждают, что хотели бы иметь двоих детей, но эти утверждения не подтверждены «ухудшающимися тенденциями в репродуктивных установках не только женщин, но и мужчин» (пример: Германия и Австрия). Параллельно с этими процессами автор отмечает тот факт, что иммиграция стала основной движущей силой во многих европейских странах и в некоторых случаях (например, в Германии и Италии) она помогает приостановить снижение численности населения, а в других (Бельгия, Голландия, Норвегия) вызывает значительный прирост населения.

Далее Коулмен ставит закономерный вопрос: как быть в складывающейся ситуации? Важную роль в ответе на этот вопрос он отводит мерам миграционной политики, которые могут быть приняты с учетом результатов прогнозов. Но проблема заключается в том, что правительства многих стран могут не сознавать последствий принятых ими мер или вообще не рассматривать их. Так, активная политика по интеграции мигрантов может привести к неблагоприятным результатам как для иммигрантов, так и для коренных европейцев из-за больших культурных, расовых и религиозных различий. Возникает проблема изменения интерпретации прав человека: теперь на первый план выходят права иммигрантов, а не

коренного населения. Все это, по мнению Коулмена, создает условия для пересмотра давних ценностей, разделявшихся большинством. В итоге большую часть населения стран Европы будут составлять люди смешанного происхождения («поглощение и гибридизация групп»).

Коулмен будущее развитых стран мира рисует в черных красках: вероятнее всего, произойдет замена европейской цивилизации азиатской. Чтобы этого не произошло, Коулмен предлагает следующие меры: 1) повышать рождаемость среди коренных граждан; 2) все больше вовлекать женщин в экономическую жизнь, получая, таким образом, дополнительную рабочую силу; 3) приостановить или значительно снизить уровни миграции. Что касается повышения уровня рождаемости в западноевропейских странах хотя бы до уровня простого воспроизводства, то с этим положением сложно не согласиться. Однако достичь уровня расширенного воспроизводства, на наш взгляд, вряд ли удастся в ближайшем будущем, исходя из тех изменений в отношении детей, которые описаны еще в концепции второго демографического перехода, и развития такого явления, как чайлдфри, а также распространения браков людей с нетрадиционной ориентацией и т.п. В обществе к таким парам может быть разное отношение, но с демографической точки зрения отношение может быть только одно — негативное.

Если обратиться к тезису о более активном вовлечении женщин в экономическую жизнь, то, в частности, опыт СССР показывает, что активное привлечение женщин без учета их семейного по-

ложения и количества детей может оказать лишь негативное влияние на будущее воспроизводство населения.

Что же касается третьего пункта, то можно заметить, что ограничить, а тем более запретить новые потоки мигрантов, на наш взгляд, практически невозможно в условиях сформировавшейся к настоящему времени «нации мигрантов» численностью более 1,2 млрд человек. Эта нация состоит из следующих категорий:

- 232 млн человек — классические мигранты (переселенцы, иммигранты);
- 105 млн — трудящиеся-мигранты (250 млн — трудящиеся-мигранты с членами их семей);
- 20–55 млн — нелегальные мигранты;
- более 10 млн — сезонные и приграничные рабчие;
- 42 млн — вынужденные мигранты (классические беженцы, экологические беженцы, депортированные и др.);
- более 700 млн — эпизодические мигранты, включая экономических туристов.

Международная миграция приобрела глобальный характер, остановить ее запретительными мерами вряд ли получится. К 2013 г. сальдо миграции для Европейского союза (28 стран) составило 910 тыс. человек [European Demographic Data Sheet, 2014, p. 12]. Более того, ограничение легальных форм миграции может привести к росту нелегальной иммиграции, что и имеет место в настоящее время. При этом отметим, что при критике данной концепции как некоего сценария демографического развития тех или иных стран эта теория очень важна как предостережение негативного развития в будущем, если сохранятся нынешние негативные тенденции. Более того, данная концепция показала, что в 2000-е годы мир столкнулся с дилеммой своего демографического будущего: по какому пути демографического развития идти дальше. Классическая теория демографического перехода, к сожалению, не дает ответа как на этот вопрос, так и на многие другие вопросы, связанные с нашим демографическим будущим. Например, почему ряд стран Центральной Азии, не пройдя полностью все стадии классического демографического перехода, «перепрыгивают» его последние стадии, начиная воспринимать западную модель демографического развития. На это в середине 1970-х гг. обратил внимание Дж. Колдуэлл, когда написал о «вестернизации» рождаемости в развивающихся странах [Caldwell, 1976, 14, p. 321–366]. В настоящее время, на наш взгляд, речь идет о «вестернизации» не только рождаемости, но и самого образа жизни в его самом негативном виде, чему в немалой степени способствует

мировая паутина Интернет, а определенную роль может играть международная миграция.

2. Концепция четвертого демографического перехода

Как уже было показано выше, в начале XXI в. международная миграция населения становится важным фактором демографического развития. При этом она может иметь как негативные, так и положительные последствия, хотя мы считаем миграцию населения сугубо положительным явлением, которое может иметь негативный характер только вследствие неправильного понимания ее сущности и соответствующей неверной миграционной политики. Именно исходя из этого тезиса, в 2010 г. был предложен сценарий демографического будущего, обозначенный как *четвертый демографический переход* [Ионцев, 2011, 6, с. 6–19; Ионцев, Прохорова, 2012, 7]. Сам термин «демографический переход» использован не только с точки зрения определенной преемственности с предыдущим демографическим развитием, но и в связи с тем, что он лучше подчеркивает, что речь идет об эволюционном пути этого развития. Свою роль сыграло и появление концепции третьего демографического перехода, в противовес которой был предложен иной сценарий демографического будущего — на наш взгляд, более оптимистичный и более жизнеспособный. При этом отметим, что каждый последующий порядковый номер концепции после второго — третий, четвертый и другие возможные номера — не означает, что они будут следовать друг за другом. Это разные сценарии будущего демографического развития мира в целом, его отдельных регионов и стран.

Суть разрабатываемой нами (В.А. Ионцев и Ю.А. Прохорова) концепции состоит в том, что международная миграция может способствовать формированию «нового населения», основу которого составят дети, рожденные в семьях, где один из родителей является мигрантом. Формирование такого населения станет положительным явлением для будущего демографического развития мира и отдельных государств. Здесь особо подчеркнем, что мы говорим не просто о браках между людьми разной национальности и этничности, а именно о браках между мигрантами и коренным населением, а главное — о детях, обязательно рождающихся в таких семьях.

При развитии данного сценария в реальной жизни наиболее важным станет вопрос о формировании *нового населения*, под которым мы понимаем население, формирующееся и развивающееся на базе таких демографических процессов,

как международная миграция населения и брачность. Именно новое население может обладать более высокими репродуктивными установками и соответствующими качественными характеристиками, отвечающими всем требованиям развития мирового населения в XXI в. Предварительные данные обследований, которые мы начали проводить среди детей (в основном это студенты), родившихся в таких семьях, показывают, что репродуктивные установки молодых людей предполагают, как правило, трехдетную семью, что они более толерантны и терпимы к людям разных национальностей и разного цвета кожи, что их творческие успехи несколько выше, чем у других детей, и т.д. Конечно, еще рано делать окончательные выводы, поскольку для этого необходимо, чтобы статистическая выборка оказалась значимой, но наше обследование, как и другие подобные обследования, позволяют считать перспективными исследования в этой области.

Концепция четвертого демографического перехода породила несколько мифов, которые необходимо опровергнуть. Первый: поощрение брачности между мигрантами и коренным населением ведет к этнической напряженности, к обострению межнациональных отношений и т.д. Такие последствия могут иметь место, а в ряде стран уже имеют, но только в тех случаях, если, во-первых, государство проводит неверную политику адаптации и интеграции мигрантов в коренное население, самоустраивается от решения этих проблем (политика создания миграционных анклавов). Во-вторых, если в обществе целенаправленно нагнетается атмосфера неприязни, ненависти, ксенофобии в отношении мигрантов. В-третьих, в результате незнания, непонимания среди большей части населения сути данных проблем. Надо подчеркнуть, что все эти страхи в обществе возникают, когда нарушаются не только права мигрантов, но и права и свободы коренного населения.

Второй миф: межнациональные браки между мигрантами и коренным населением в своей основе непрочные и нежизнеспособные. Но как показывает имеющийся в России опыт в этой области, этот тезис не подтверждается. Надо сказать, что данная проблема изучена еще недостаточно. Так, в исследовании советского ученого А.А. Сусоколова особое место занимал вопрос устойчивости межнациональных браков по сравнению с мононациональными. Один из выводов этого исследования: устойчивость смешанных браков определяется тем, насколько близки культуры народов, представители которых вступают в брак [Сусоколов, 1987, 10, с. 110]. Особый ин-

терес представляет вопрос о детях, которые рождаются в межнациональных браках, независимо от их устойчивости. В вышеназванном исследовании сделан вывод, что число детей в межнациональных семьях представляет как бы «компромисс» между средним уровнем детности у народов с разным уровнем рождаемости. При этом очень важно отметить, что дети от межнациональных браков влияют не только на численность отдельных этнических групп и населения страны в целом, но и несут в себе «культурные навыки обоих родительских этносов». Кроме того, они более толерантны, склонны меньше акцентировать внимание на культурных различиях и более склонны подчеркивать сходство различных этносов, что, по сути, и становится залогом формирования «нового населения». Таким образом, дети от межнациональных браков действительно могут способствовать образованию нового населения, более терпимого, свободного от предрассудков. Они могут стать основой более здорового во всех отношениях общества, где взаимоотношения построены на терпении и взаимоуважении.

В ходе обсуждения идеи четвертого демографического перехода могут появиться и другие вопросы, скорее, от непонимания и незнания предмета исследования. Исторический опыт говорит о том, что в действительности зачатки четвертого демографического перехода уже имели и имеют место в отдельных странах (Россия, США, Канада, Австралия, Германия и др. (рис. 2)), а сама идея межэтнических браков восходит к глубокой древности: еще Александр Македонский рассматривал перемешивание наций как один из важных факторов сохранения и развития своей империи.

Как показывает опыт отдельных стран, доля межэтнических браков (браков между коренными жителями и мигрантами) в последние два десятилетия постоянно увеличивается. Во Франции, например, 51% всех браков — смешанные. В этих браках 60% мужчин женаты на французских женщинах. Как показывают данные Немецкого статистического бюро, доля межнациональных браков в Германии к концу первого десятилетия XXI в. достигла 11%. При этом численность браков между немецкими женщинами и мигрантами превысила 18 тыс. семей, а численность браков между немецкими мужчинами и женщинами-мигрантками составила 23 тыс.

Богатый опыт в этой области есть и у нашей страны, в которой корни такого явления, как межнациональные браки, уходят в историю. В частности, они связаны, например, с появлением такой разновидности населения, как чингизиды, т.е. люди, появившиеся в России благодаря

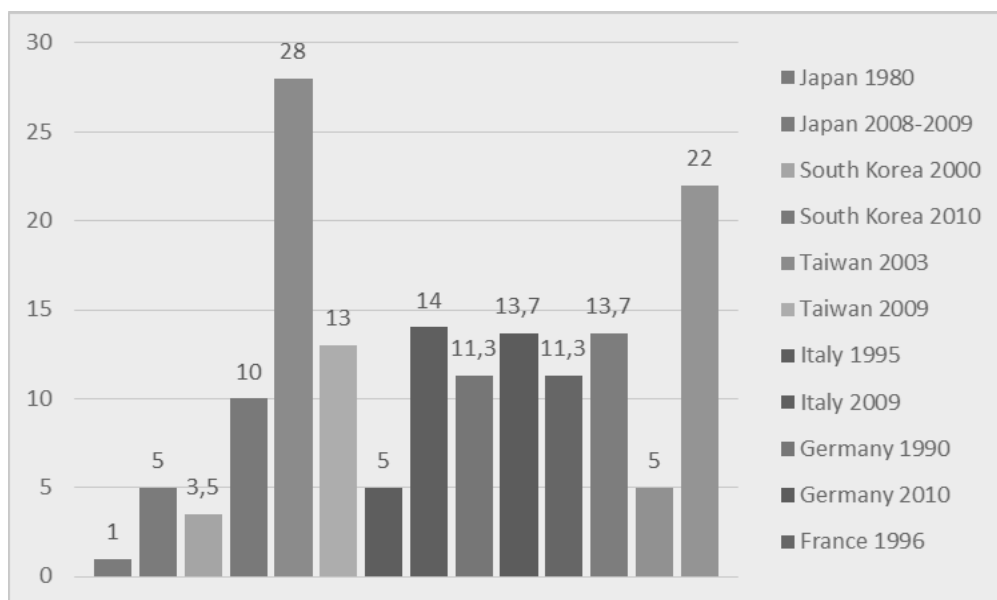

Рис. 2. Зачатки четвертого демографического перехода

бракам между русскими и монголо-татарами. Также это было связано с освоением обширных территорий России (Урал, Сибирь, Средняя Азия, Дальний Восток, Казахстан, Закавказье, Прибалтика), т.е. непосредственно с миграцией населения. В нашей стране, уже в более позднее время, была предпринята попытка создать особую общность — «советский народ». Проводилась целенаправленная политика «в области формирования психологического климата межнационального общения», которая помогала властям поддерживать целостность государства и стабильность в нем, и благодаря этому решать экономические, социальные и демографические задачи (Сусоколов, 1987, 9). Об успешности проводимой политики можно судить по имеющимся статистическим данным. Так, в 1959 г. смешанных семей насчитывалось 5,2 млн

(10,2% общего числа таких семей), в 1979 г. — 9,9 млн (14,9%), а в 1989 г. — 12,8 млн (17,5%), т.е. примерно каждая шестая семья включала лиц разной национальности (Топилин, 2010, 125).

Когда дети, рожденные в смешанных семьях, вырастут, можно будет решать многочисленные задачи развитых государств в условиях неблагоприятной демографической ситуации и растущей миграции. Последняя будет играть положительную роль, снимая напряжение в обществе. Сформируется «новое население». Более того, «смешение народов» уже началось, хотя и осуществляется пока хаотично и, как правило, без осознанной поддержки государств. Началось формирование такого населения и на постсоветском пространстве, чему в не малой степени будет способствовать образование Евразийского экономического про-

Список литературы

1. Валентей Д.И. Система знаний о народонаселении. М., 1976.
2. Ван де Каа Д. О международной миграции и концепции второго демографического перехода // Мир в зеркале международной миграции. М.: МАКС Пресс, 2002. С. 91.
3. Зверева Н.В. Разработка теории народонаселения в отечественной науке (60–80-е гг.) М., 1998.
4. Ионцев В.А. Международная миграция населения: теория и история изучения. М., 1999.

References

1. Valentey D.I. *Sistema znaniy o narodonaselenii* [A system of knowledge about the population]. Moscow, 1976
2. Van de Kaa D. O mezhhdunarodnoy migratsii i kontseptsii vtorogo demograficheskogo perekhoda [On International Migration and the concept of the second demographic transition]. *Mir v zerkale mezhhdunarodnoy migratsii* [World in the Mirror of International Migration]. Moscow, MAKS Press Publ., 2002, p. 91.
3. Zvereva N.V. *Razrabotka teorii narodonaseleniya v otechestvennoy nauke (60-80-e gg.)* [Development of the

5. Ионцев В.А. Классификация основных теоретических подходов в изучении миграции населения. М., 2013. Т. 1. Ч. 3.
6. Ионцев В.А. Международная миграция населения: вызовы глобализации. М.: ТЕИС, 2011.
7. Ионцев В.А., Прохорова Ю.А. Формирование «нового населения» в свете концепции четвертого демографического перехода // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2012. № 4.
8. Сови А. Общая теория населения. Т. 1. 1977.
9. Сови А. Общая теория населения. Т. 2. 1977.
10. Сусоколов А.А. Межнациональные браки в СССР. М., 1987.
11. Федеральная служба государственной статистики России, 2014. URL: <http://www.gks.ru/>
12. European Demographic Data Sheet 2014, Vienna Institute of Demography, 2014.
13. Van de Kaa D. Europe's Second Demographic Transition // Population Bulletin. 1993. Vol. 42. № 1. P. 5.
14. Caldwell J.C. Toward a restatement of demographic transition theory // Population and Development Review. 1976. V. 2. № 3–4.
15. Iontsev V., Prokhorova Y. To the issue of international migration and nuptiality in the concept of the fourth demographic transition // The effects of migration on areas of destination, M., 2013.
16. Coleman D.A. Immigration and ethnic change in low-fertility countries: a third demographic transition // Population and Development Review. 2006. № 32(3). P. 401–446.
- theory of population, domestic science (60-80 years)]. Moscow, 1998.
4. Iontsev V.A. *Mezhdunarodnaya migratsiya naseleniya: teoriya i istoriya izucheniya* [International migration: theory and history of the study]. Moscow, 1999.
5. Iontsev V.A. *Klassifikatsiya osnovnykh teoreticheskikh podkhodov v izuchenii migratsii naseleniya* [Classification of the major theoretical approaches in the study of migration]. Moscow, 2013, V 1, Part 3.
6. Iontsev V.A. (gl. red.) *Mezhdunarodnaya migratsiya naseleniya: vyzovy globalizatsii* [International migration: the challenges of globalization]. Moscow, TEIS Publ., 2011
7. Iontsev V.A., Prokhorova Yu.A. Formirovanie «novogo naseleniya» v svete kontseptsii chetvertogo demograficheskogo perekhoda [The formation of the “new people” in the light of the concept of the fourth demographic transition]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta, seriya 6 «Ekonomika»* [Bulletin of Moscow University, Series 6 “Economy”], 2012, I. 4.
8. Sovi A. *Obshchaya teoriya naseleniya* [General Theory of Population], V. 1, 1977.
9. Sovi A. *Obshchaya teoriya naseleniya* [General Theory of Population], V. 2, 1977.
10. Susokolov A.A. *Mezhnatsional'nye braki v SSSR* [international marriages in the USSR]. Moscow, 1987, p. 110.
11. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki Rossii* [Federal Service of State Statistics of Russia], 2014. Available at: <http://www.gks.ru/>
12. European Demographic Data Sheet 2014, Vienna Institute of Demography, 2014
13. Van de Kaa D. Europe's Second Demographic Transition. Population Bulletin Vol. 42, № 1. P. 5, 1993.
14. Caldwell J.C. Toward a restatement of demographic transition theory. Population and Development Review, 1976, V.2, № 3–4
15. Iontsev V., Prokhorova Y. To the issue of international migration and nuptiality in the concept of the fourth demographic transition. The effects of migration on areas of destination, M. 2013
16. Coleman, D. A. (2006). Immigration and ethnic change in low-fertility countries: a third demographic transition. Population and Development Review 32(3): 401 - 446.

Миграция как фактор и следствие развития рынка труда¹

Migration as a Factor and a Consequence of the Labor Market Development

Получено 17.06.2014   Одобрено 02.07.2014   Опубликовано 10.09.2014

УДК 314.74

DOI: 10.12737/5648

КРАСИНЕЦ Е.С.

канд. экон. наук, заведующий лабораторией миграционных исследований Института социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук
117218, Москва, Нахимовский проспект, д. 32
E-mail: info@isesp-ras.ru

ШЕВЦОВА Т.В.

канд. экон. наук, старший научный сотрудник лаборатории миграционных исследований Института социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук
117218, Москва, Нахимовский проспект, д. 32
E-mail: info@isesp-ras.ru

KRASINETS Ye.S.

PhD in Economics, Head of the Laboratory for Migration Studies of the Institute of Social and Economic Studies of Population at the Russian Academy of Sciences
32 Nakhimovsky Prospect, Moscow, 117218, Russia
E-mail: info@isesp-ras.ru

SHEVTSOVA T.V.

PhD in Economics, Senior researcher of the Laboratory for Migration Studies of the Institute of Social and Economic Studies of Population at the Russian Academy of Sciences
32 Nakhimovsky Prospect, Moscow, 117218, Russia
E-mail: info@isesp-ras.ru

Аннотация

В статье оценивается ситуация на рынке труда современной России. Рассмотрены тенденции и особенности привлечения и использования иностранной рабочей силы в отечественной экономике. Проанализированы последствия трудовой миграции для сферы занятости населения. Освещается ряд ключевых проблем, связанных с совершенствованием государственной миграционной политики.

Ключевые слова: миграция, рынок труда, международная миграция, трудовая миграция, иностранная рабочая сила, миграционная политика.

Abstract

In the article the author estimates the development of the situation on the labour market of contemporary Russia. Tendencies and features of attraction and use of foreign labour in the domestic economy are considered. Consequences of labour migration for the sphere of employment have been analyzed. The author highlights a number of the key issues related to the improvement of the state migration policy.

Keywords: migration, labour market, international migration, labour migration, foreign labour, migration policy.

Российская Федерация уже более двух десятилетий остается одним из мировых центров приема иностранных мигрантов. Наиболее массовый, динамичный и значимый с социально-экономической точки зрения поток — миграция в поисках работы, масштабы которой ежегодно составляют несколько миллионов человек. Так, в 2013 г. ФМС России оценила совокупный поток прибывших в страну трудовых мигрантов в количестве 12,4 млн человек из общего числа 17,7 млн иностранных граждан, въехавших в течение года на территорию РФ [8].

Вопросы международной трудовой миграции активно обсуждаются в российском обществе в силу не только масштабы явления, но и не-

однозначности его социального, экономического и демографического воздействия. С одной стороны, в экспертном сообществе общепризнанно, что миграция выступает важнейшим ресурсом развития. Российская экономика нуждается в иностранных работниках, которые становятся одним из источников компенсации дефицита трудовых ресурсов. Эту точку зрения разделяют многие специалисты [Ивахнюк, 2011, 3, с. 26; Рыбаковский, 2010, 10, с. 13; Рязанцев, 2007, 11, с. 481].

С другой стороны, отмечается, что в развитии национальной экономики процессы внешней трудовой миграции сопровождаются рядом негативных последствий. Масштабный и безвизовый въезд значительного числа трудовых мигрантов несет огромные политические и экономические риски [Поставнин, 2012, 9, с. 8]. Иностранная трудовая миграция деформирует структуру заня-

¹ Подготовлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-02-00231a.

тости, вызывает дисбаланс в социальной сфере, провоцирует межнациональные конфликты и негативно влияет на развитие криминогенной обстановки. По оценке экспертов, для развития отечественной экономики при наличии миллионов безработных среди российских граждан не нужны даже те гастарбайтеры, которые уже есть в стране [4].

Поскольку не существует общественного консенсуса в отношении необходимости трудовой иммиграции, важно выяснить и оценить последствия этого явления для социально-экономического развития государства. Каков баланс плюсов и минусов привлечения и использования в национальной экономике иностранной рабочей силы во втором десятилетии XXI в.? В настоящее время при наличии достаточно большого числа исследований по миграционной проблематике нет единого ответа на вопрос, имеется ли альтернатива гастарбайтерам в преодолении дефицита труда в наступивший период демографического развития и выхода экономики страны на траекторию устойчивого и сбалансированного роста? Эти вопросы имеют не только научный интерес, но и практическую значимость. Поиск ответов на них может стать важным вкладом в разработку и реализацию стратегических направлений государственной миграционной политики современной России.

1. Рынок труда и спрос на иностранную рабочую силу

В общей цепи причин и следствий развития трудовой миграции наиболее важно состояние занятости населения. Широкие возможности рынка труда для трудоустройства иностранцев в формальном и неформальном секторах экономики — один из основных факторов трудовой иммиграции в Россию. Рынок труда и спрос на рабочие руки — важнейший регулятор процессов трудовой иммиграции [Демени, 2014, 2, с. 15].

В настоящее время в России, как и в большинстве стран с развитой рыночной экономикой, ситуация на рынке труда развивается под воздействием количественного дисбаланса и структурных диспропорций между спросом на рабочую силу и ее предложением. В экономике, регионах и отраслях структура рабочей силы и структура рабочих мест плохо стыкуются между собой, что выражается в несоответствии спроса на труд и его предложения — с одной стороны, и в наличии безработицы, дефиците рабочей силы — с другой.

Согласно данным официальной статистики современное развитие национального рынка труда

происходит в условиях снижения численности населения в трудоспособном возрасте и сокращения предложения рабочей силы. Несмотря на происходящее в последние годы замедление роста экономики, функционирование рынка труда характеризовалось относительно невысокой безработицей. К настоящему времени уровень зарегистрированной безработицы в России очень низкий. Под воздействием положительных тенденций на рынке труда к маю 2014 г. в целом по России в государственных учреждениях службы занятости населения в качестве безработных было зарегистрировано 0,9 млн человек. При этом общая численность безработных, оцениваемая по методике МОТ, составила 3,7 млн человек, или 4,9% экономически активного населения [17].

Вместе с тем реальность такова, что в результате рассогласования рынка труда и рынка образовательных услуг в сфере занятости населения наряду с безработицей сохраняется большое количество вакантных рабочих мест и наблюдается неудовлетворенный спрос на труд по территориям, отраслям, видам деятельности и занятий. Потребность работодателей в работниках, заявленная в государственные учреждения службы занятости, постоянно растет. До кризиса 2008—2009 гг. по сравнению с периодом середины 1990-х гг. дополнительная потребность предприятий в рабочей силе возросла в 4,4 раза (табл. 1).

Таблица 1

Потребность предприятий в работниках, заявленная в государственную службу занятости, июнь, тыс. человек

Год	1996	2000	2005	2008	2009	2013
	346,5	898,7	1041,3	1526,8	1177,9	1975,0
Прирост за период		552,2	142,6	485,5	-348,9	797,1

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики.

Согласно данным официальной статистики, к маю 2014 г. под воздействием восстановления спроса на рабочую силу со стороны предприятий в целом по РФ только заявленная потребность работодателей в работниках составила 2,1 млн человек, т.е. почти в 2 раза превысила уровень 2009 г. На каждые 100 заявленных вакансий приходилось менее 50 человек, не занятых трудовой деятельностью [18].

В России, как и в большинстве стран мира, основной причиной потребности в иностранной рабочей силе выступает относительная нехватка трудовых ресурсов в отдельных секторах экономики и регионах, по отдельным профессиям и видам работ. Прежде всего это сферы занятости

с низким уровнем оплаты труда, большим количеством непривлекательных рабочих мест, в отдаленных районах. Возрастающий спрос на иностранную рабочую силу из-за ее дешевизны и непритязательности предъявляет неформальная экономика [Бобков, 2012, 1, с. 15].

На фоне демографического спада последних лет под воздействием несоответствия структуры профессионального образования потребностям рынка труда все более ощутимой становится проблема нехватки квалифицированных кадров, специалистов рабочих специальностей, умеющих работать на современном оборудовании и владеющих современными технологиями. В настоящее время с проблемой недостатка квалифицированных кадров сталкивается большинство предприятий и организаций. Дефицит квалифицированной рабочей силы связан с нехваткой рабочих основного технологического профиля, а также рабочих, занятых ремонтом и техническим обслуживанием. Наибольшую потребность в квалифицированных работниках испытывают предприятия промышленности (особенно машиностроения и металлообработки), строительства и транспорта. Дефицит этих кадров образовался из-за развала отечественной системы профессионально-технического образования.

При оценке потребности в дополнительной рабочей силе необходимо учитывать современное распределение производительных сил в стране в сочетании с территориальными диспропорциями на рынке труда и направленностью внутренних миграционных потоков. В настоящее время распределение производительных сил характеризуется концентрацией спроса на труд в центральных регионах страны, масштабной миграцией трудоспособного населения из районов Сибири и Дальнего Востока, значительным превышением предложения рабочей силы над спросом в республиках Северного Кавказа. Спрос на труд мигрантов велик в крупных и крупнейших городах, в первую очередь в Московском регионе, Санкт-Петербурге и Ленинградской области, а также в восточных территориях, откуда уже длительное время идет интенсивный миграционный отток населения.

Следует учесть, что проблема привлечения и использования дополнительной иностранной рабочей силы усиливается из-за низкой внутренней трудовой мобильности населения. Даже в условиях кризиса среди безработных и лиц, ищущих работу, крайне низкой оставалась доля желавших переехать в организованном порядке на работу в другую местность. В 2010 г. только 7 тыс. человек воспользовались помощью государства и смени-

ли место жительства, чтобы трудоустроиться в других регионах страны.

В долгосрочной перспективе проблемы дефицита рабочей силы будут усугубляться по причине сокращения совокупного предложения на рынке труда — из-за снижения численности населения в трудоспособном возрасте и старения населения, в том числе его экономически активной части. По прогнозам Росстата, сокращение численности трудоспособного населения в России в периоде 2014–2030 гг. превысит 7,5 млн человек. В ближайшие пять лет темпы сокращения составят 1 млн человек в год.

В долгосрочной перспективе рыночная экономика будет предъявлять все большие требования к обеспечению сбалансированности профессионального образования и спроса на рабочую силу, развитию кадрового потенциала, повышению качества рабочей силы, ее образовательного, профессионального и квалификационного уровня. Очень важно решить вопросы регулирования трудовой миграции, оптимизации привлечения и использования зарубежных трудовых мигрантов.

2. Динамика привлечения и использования иностранной рабочей силы

В последние годы наблюдалось существенное изменение масштабов, тенденций и направлений трудовой иммиграции. Изменялась и система государственного регулирования данных процессов на федеральном и региональном уровнях.

Численность желающих работать в России мигрантов стремительно росла с конца 1990-х гг. Если в 1999 г. в стране на легальной основе работали 211 тыс. человек, то к 2005 г. их численность выросла почти в 5 раз, превысив 1 млн человек.

В 2000-е гг. трудовая миграция в Россию из стран ближнего и дальнего зарубежья устойчиво росла вплоть до 2008 г. За десять лет (1998–2007) количество иностранных граждан, законно осуществляющих трудовую деятельность на территории Российской Федерации, увеличилось более чем в 10 раз.

Мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. внес существенные коррективы в динамику этого миграционного процесса. Рецессия привела к сокращению рабочих мест, массовым увольнениям среди работающих, снизила потребность в привлечении иностранной рабочей силы, особенно в строительстве и малом бизнесе. В 2008–2010 гг. в результате сокращения квот и снижения потребности предприятий и организаций в иностранных работниках произошло за-

метное уменьшение численности официально привлекаемых на работу в России трудовых мигрантов — с 2,5 млн до 2,0 млн человек, или на 21,2% (табл. 2).

С 2011 г., по мере выхода из кризиса и оживления экономики потоки временной трудовой миграции в Россию опять стали увеличиваться. По данным Росстата, в 2012 г. по сравнению с 2010 г. среднегодовая численность иностранных трудовых мигрантов возросла с 2,0 млн до 2,8 млн человек, т.е. на 800 тыс. человек, или в 1,4 раза [16].

В 2013 г. по сравнению с 2011 г. при заметном сокращении численности населения в трудоспособном возрасте и увеличении спроса на труд число выданных миграционными властями России документов, разрешающих иностранным гражданам работать на территории Российской Федерации, возросло с 2,1 млн до 3,0 млн (в 1,4 раза). На российском рынке труда сохраняется потребность в инженерных кадрах, среднем управленческом и административном персонале, квалифицированных рабочих разного профиля. Заметно больше иностранцев стали получать право на работу как высококвалифицированные и квалифицированные специалисты. По данным ФМС России, за 2011–2013 гг. количество выданных разрешений на работу для этой категории иностранных работников увеличилось в 2,8 раза — с 54,9 тыс. до 155,8 тыс. [12]. Доля зарегистрированной иностранной рабочей силы в общем числе занятых в экономике возросла с 2,4% в 2010 г. до 3,5% в 2013 г.

Одновременно с ростом общего числа иностранных работников происходило заметное перераспределение потоков трудовых мигрантов по способам вхождения на отечественный рынок труда. Когда разрешение на работу получать стало труднее, число иностранных граждан, приобретающих патенты на осуществление трудовой деятельности у физических лиц, резко возросло. В 2013 г. разрешения на работу получили 1,3 млн иностранцев (на 6,6% больше, чем в 2011 г.), а патентов на осуществление трудовой деятельности у физических лиц было оформлено 1,5 млн, или в 1,8 раза больше, чем в 2011 г. [13].

В 2013 г. всего по РФ количество оформленных патентов для трудовых мигрантов почти на 20%

превысило количество выданных разрешений на работу. В 2010–2013 гг. благодаря внедрению простых процедур получения и продления патентов удалось вывести из тени около 4 млн мигрантов, которые работали у частных лиц, в домохозяйствах (водителями, помощниками по хозяйству, нянями и т.д.).

На российском рынке труда среди мигрантов представлены выходцы более чем из 100 стран. В настоящее время основной поток трудовых мигрантов в Россию идет из стран СНГ. На долю государств — участников СНГ приходится около 85% иностранной рабочей силы, поступающей на территорию Российской Федерации.

Наиболее крупными поставщиками рабочей силы в Россию из государств — участников СНГ являются Узбекистан, Таджикистан, Украина и Киргизия, из стран дальнего зарубежья — Китай, Турция. В 2013 г. выходцами из Узбекистана, Таджикистана и Украины были почти 70% всех трудовых мигрантов, работающих в России. Среди иностранцев, получивших патенты на осуществление трудовой деятельности у физических лиц — граждан России, преобладают граждане Узбекистана.

Структура трудовых мигрантов из государств СНГ также претерпевает трансформацию. Если в начале процесса привлечения иностранной рабочей силы в 1990-х гг. в потоках преобладали граждане Молдовы, Украины, Белоруссии, то с середины 2000-х гг. усилился экспорт рабочих-мигрантов в Российскую Федерацию из стран Центральной Азии. В 2013 г. по объему трудовой эмиграции в Россию Узбекистан и Таджикистан занимают первое и второе места, сменив Китай и Украину, лидировавших в середине 2000-х гг. в списке основных стран — экспортеров рабочей силы.

3. Социально-экономические последствия трудовой иммиграции

В России, как и во всех развитых странах иммиграции, сложный и многогранный феномен международной трудовой миграции противоречив и оказывает неоднозначное влияние на социально-экономическое развитие. Положительные эф-

Таблица 2

Среднегодовая численность иностранных трудовых мигрантов в России в 2005–2012 гг., в среднем за год, тыс. человек

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Всего	1135,1	1302,8	1863,3	2545,8	2346,2	2006,4	2065,8	2825,0
в % к численности трудовых ресурсов	1,2	1,4	2,0	2,7	2,5	2,2	2,2	3,0

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики.

факты прежде всего связаны с тем, что при демографическом спаде и дефиците трудовых ресурсов в результате притока мигрантов решаются многие экономические и демографические проблемы нашей страны, улучшается сбалансированность отечественного рынка труда, компенсируется недостаток рабочей силы. В настоящее время в России отмечается дефицит кадров массовых рабочих профессий, а также ключевого персонала.

Мигранты из-за рубежа на отечественном рынке труда стали частью нашей действительности. Иностранные работники активно используются при реализации крупномасштабных проектов (строительство объектов саммита АТЭС во Владивостоке, зимней Олимпиады в Сочи), работают на стройках, заняты в сельском хозяйстве, трудятся в сфере торговли, общественного питания, на транспорте, в ЖКХ, гостиничном бизнесе, убирают улицы, оказывают различные услуги домохозяйствам, осуществляют уход за детьми, больными и престарелыми на дому. Благодаря трудовым мигрантам осуществляется приток человеческого капитала, формируется дополнительный спрос. Трудовая иммиграция расширяет сеть услуг для населения в сфере транспорта, бытового обслуживания, общественного питания, торговли, здравоохранения. Участвуя в производстве товаров и услуг, иностранные работники вносят заметный вклад в формирование валового внутреннего продукта. По имеющимся оценкам, мигрантами создается от 8 до 10% ВВП России [7, с. 269].

Признавая неизбежность и полезность трудовой иммиграции, следует учитывать, что этот вид миграции уже сегодня обострил ряд социально-экономических проблем российского общества. Масштабы миграционных потоков, их направления и структура, а также качественный состав мигрантов не отвечают текущим и стратегическим национальным интересам Российской Федерации. Количество и качество прибывающих в страну трудовых мигрантов не соответствует потребностям инновационного развития отечественной экономики. Россия не стала привлекательной для притока квалифицированной рабочей силы, преобладают работники с низкой квалификацией, иной ментальности и культуры.

В условиях безвизового въезда граждан стран СНГ происходит масштабное наполнение отечественного рынка труда неквалифицированной рабочей силой, что приводит к снижению качества трудового потенциала страны. Основная масса мигрантов прибывает из бедных стран и регионов, заполняет ниши в нижнем сегменте рынка труда, сосредоточена в нижней части социальной пирамиды.

Доступность дешевой иностранной рабочей силы ослабляет стимулы для инвестиций, обеспечивающих рост производительности труда. Масштабное использование малоквалифицированного и низкооплачиваемого труда работников-мигрантов тормозит процессы модернизации экономики и консервирует отсталость страны.

С ростом доли стран Центральной Азии в экспорте трудовых ресурсов в РФ возрастает культурная дистанция между мигрантами и коренным населением. Усложняется межкультурное взаимодействие и интеграция в российский социум выходцев из иных в культурном отношении стран. В основной массе трудовые мигранты из азиатских стран плохо знают русский язык и не готовы гармонично вписаться в социально-экономическое пространство современной России. Четверть из них почти не владеет русским языком и не мотивированы к социальной и культурной адаптации и интеграции в российское общество [Е.С. Красинец, 2012, 6, с. 32]. Малоквалифицированные, культурно более далекие и менее адаптивные мигранты — серьезный вызов миграционной политике Российской Федерации.

Требуют пристального внимания проблемы высокого уровня нелегальной миграции и незаконной занятости иностранных граждан, которые формируются в основном за счет стихийно прибывающих в Россию трудовых мигрантов из стран СНГ. Усиливается давление низкоквалифицированной рабочей силы на рынок труда. По официальным данным, в России ежегодно от 3 до 5 млн иностранных граждан осуществляют трудовую деятельность без официального разрешения [5]. Максимальные оценки численности нелегальных мигрантов достигают 10 млн человек [А.В. Топилин, 2005, 15, с. 36]. По данным ФМС России, в 2013 г. в результате нарушения миграционного законодательства въезд в Россию был закрыт для 450 тыс. иностранных граждан, выдворено и депортировано свыше 82 тыс. человек [14].

Основная масса трудовых мигрантов сосредоточена в теневом секторе экономики либо работает с нарушением трудового, налогового и прочего законодательства РФ. Бесконтрольный въезд, незаконное пребывание и занятость значительного количества трудовых мигрантов негативно отражаются на социально-экономическом развитии Российской Федерации, несут огромные политические и экономические риски, становятся фактором снижения управляемости и повышения непредсказуемости процессов в обществе.

Применение в больших масштабах нелегальной иностранной рабочей силы подрывает рыночные механизмы экономики, снижает социальные стан-

дарты занятости и темпы модернизации в целом ряде отраслей, ставит преграды для роста производительности труда, повышения эффективности занятости и роста оплаты труда российских граждан. Создавая неконтролируемый рынок товаров и услуг и искажая систему взаимоотношений между субъектами рынка и государством, наличие нелегалов тормозит создание в стране цивилизованного рынка труда.

Слабоконтролируемый приток мигрантов в высокоприбыльные отрасли российской экономики ведет к масштабному выпадению финансовых средств из доходов федерального бюджета. Труд нелегальных мигрантов используется недобросовестными предпринимателями, теневым и криминальным бизнесом. Из-за отсутствия контроля над указанными процессами в России формируется латентная социально-общественная прослойка.

К негативным последствиям роста числа незаконных мигрантов относятся повышение преступности, распространение опасных для окружающих инфекционных и паразитарных заболеваний, угроза для санитарно-эпидемиологического благополучия населения России. Оказывая дестабилизирующее воздействие на межэтнические отношения, незаконная миграция стала одной из главных причин усиления негативного отношения к мигрантам со стороны части коренного населения, роста антимигрантских настроений и возникновения на этой почве конфликтных ситуаций. Неурегулированность правового статуса большого количества мигрантов и их нарастающая изоляция от принимающего социума ведет к усилению мигрантофобии среди местного населения и создает условия для роста социальной напряженности в российском обществе.

4. Миграционная политика в сфере регулирования трудовой миграции

Несмотря на принимаемые в российском государстве меры по регулированию потоков трудовой иммиграции, действующая в стране миграционная политика и законодательство в данной сфере остаются недостаточно эффективными. Это проявляется в больших масштабах незаконной трудовой иммиграции, преимущественном использовании низких профессионально-квалификационных и образовательных характеристик иностранных работников, несовершенстве действующих механизмов квотирования и отбора мигрантов, слабо учитывающих потребности в рабочей силе региональных рынков труда, в применении патентов «не по назначению» и существовании «серых» схем привлечения иностранной рабочей силы. В экономике России под воздействием характера труда и условий жизни трудовых

мигрантов сохраняются низкие уровни производительности труда и его оплаты.

Действующая в РФ система квотирования содержит много недостатков и вызывает серьезные нарекания. Она не позволяет достоверно оценить потребность в иностранной рабочей силе в субъектах Российской Федерации, не учитывает реальную потребность в трудовых мигрантах в профессионально-квалификационном разрезе, предполагает излишне длительные сроки рассмотрения заявок работодателей на привлечение иностранных работников и ограниченный период их обращения по корректировке установленных квот. Принятая практика квотирования совершенно не отражает истинный спрос национальной экономики на иностранную рабочую силу. При установлении квот учитывается информация только о трети потребности рынка труда в трудовых мигрантах. Квоты часто не могут получить мелкие предприятия, а потребности микропредприятий, нанимающих одного-двух работников, вообще не отражаются в квотах.

Действующий механизм квотирования позволяет работодателю самостоятельно подбирать трудовых мигрантов из числа иностранных граждан, въехавших в безвизовом порядке, не требует от работодателя обосновать целесообразность привлечения этой категории работников и участия в квотной кампании. Данный порядок ведет к девальвации всей работы по определению потребности в привлечении и использовании трудовых мигрантов из-за рубежа как в регионах, так и на федеральном уровне. Поскольку существующий механизм не обеспечивает привлечение иностранной рабочей силы работодателями, участвующими в квотной кампании, система квотирования не гарантирует использование этой категории работников на рабочих местах в соответствии с заявленной ими потребностью. Выстраиваемые барьеры в виде квот не могут ограничить миграцию из стран, с которыми у России установлен безвизовый режим, что приводит к массовой нелегальной миграции и латентной занятости иностранных граждан.

Адекватное реагирование на эту ситуацию требует принятия комплекса практических мер по регулированию потоков трудовой миграции, основанных на глубоком понимании как процессов в данной сфере, так и эффективности действующих механизмов реализации государственной миграционной политики Российской Федерации по привлечению и использованию иностранной рабочей силы. Основные направления совершенствования деятельности по вопросам регулирования трудовой миграции определены в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года и в Плане по ее реализации в 2012–2015 годы. В этой сфере прежде всего необхо-

димо изучить состояние российского рынка труда, определить перспективы его развития, оценить потребность в иностранных работниках с учетом экономических, демографических и геополитических интересов страны. Необходимо разработать законодательство, которое обеспечит защиту интересов российских граждан на рынке труда и приоритетное использование национальных трудовых ресурсов.

В условиях ухудшения демографической ситуации и сокращения прироста собственных трудовых ресурсов для компенсации складывающегося в перспективе дефицита рабочей силы целесообразно вернуться к практике прогнозных балансовых разработок в сфере труда, от которых зависит определение количества и качества трудовых мигрантов. Необходимо внедрить в практику разработку прогнозов баланса трудовых ресурсов по субъектам Российской Федерации в разрезе видов экономической деятельности с учетом изменения демографической ситуации и структуры профессионального образования, а также возможностей привлечения и использования иностранной рабочей силы.

Для гибкого реагирования на изменение потребностей рынка труда важно сокращать срок рассмотрения заявок работодателей на использование временных трудовых мигрантов и ускорить процедуры определения квот на привлечение иностранных работников. С целью упрощения механизмов привлечения трудовых мигрантов следует допустить их использование не в рамках лимитов, утверждаемых на федеральном уровне, а в рамках квот, определяемых субъектами Российской Федерации.

В реализации миграционной политики необходимо предоставить право регионам самим распределять указанную квоту по профессионально-квалификационным группам иностранных работников, а также оперативно корректировать в течение года установленные ограничения на привлечение трудовых мигрантов. При этом квоты на трудоустройство иностранных граждан должны выдаваться только по тем профессиям (специальностям, должностям), на которые поступили заявки от работодателей, именно к этим работодателям на указанные рабочие места должны устраиваться на работу трудящиеся-мигранты. Необходимо поставить административные и экономические барьеры на пути широко используемых в национальной экономике «серых» схем привлечения иностранной рабочей

силы, включая сформировавшийся сегодня рынок торговли квотами.

Для эффективного регулирования рынка труда иностранных работников и оперативного определения и замещения вакантных рабочих мест, которые не могут быть заняты российскими гражданами, целесообразно передать функцию выдачи мигрантам разрешительных документов на трудовую деятельность из миграционной службы в территориальные службы занятости.

В период модернизации и перехода экономики на инновационный путь развития качество трудовых мигрантов становится определяющим фактором успеха государственной миграционной политики. В рамках государственной политики России в миграционной сфере необходимо разработать процедуры, которые поощряют въезд в страну нужных мигрантов и ограничивают доступ на отечественный рынок труда нежелательных. Меры миграционной политики должны упрощать процедуры и снижать административные барьеры при привлечении образованных и квалифицированных трудящихся-мигрантов по профессиям, востребованным на рынке труда. В частности, целесообразно внедрить балльную систему отбора мигрантов из-за рубежа для получения вида на жительство, предоставить преференции в получении вида на жительство выпускникам российских образовательных учреждений из числа иностранных граждан, расширить перечень профессий (специальностей, должностей) для иностранных квалифицированных специалистов, на которые не распространяются квоты на выдачу разрешений на работу, и определять его на региональном уровне субъектов РФ.

Для повышения эффективности миграционной политики параллельно с либерализацией процедур по привлечению квалифицированных специалистов должны быть установлены более жесткие административные и экономические барьеры при найме на работу временных трудовых мигрантов для выполнения малоквалифицированных и неквалифицированных работ. Важно организовать постоянный мониторинг происходящих на территории Российской Федерации процессов трудовой миграции и проанализировать их влияние на социально-экономические, демографические и геополитические аспекты развития страны. Для реализации и корректировки миграционной политики государства необходимо обеспечить информационное сопровождение.

Список литературы

1. *Бобков В.Н.* Влияние социальных трансформаций на уровень жизни россиян (20 лет социально-экономических реформ) // *Уровень жизни населения регионов России.* 2011. № 2 (168).

References

1. *Bobkov V.N.* Vliyanie sotsial'nykh transformatsiy na uroven' zhizni rossiyan (20 let sotsial'no-ekonomicheskikh reform) [The impact of social transformation on the living standards of Russians (20 years of socio-economic

2. Демени П. Геополитические аспекты населения в XXI в. // Международная миграция населения и демографическое развитие / Гл. ред. серии В.А. Ионцев. — М.: Проспект, 2014. (Научная серия: Международная миграция населения: Россия и современный мир. Вып. 28.)
3. Ивахнюк И.В. Управление трудовой миграцией в глобализирующемся мире: поиск новых подходов // Международная миграция населения: вызовы глобализации / Гл. ред. серии В. А. Ионцев. — М.: ТЕИС, 2011. (Научная серия: Международная миграция населения: Россия и современный мир. Вып. 24.)
4. Нам не нужны даже те гастарбайтеры, которые уже есть в стране! // Комсомольская правда. 2011. 1 нояб.
5. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://www.fms.gov.ru/documentation/868/details/53252/>
6. Красинец Е.С. Проблемы трудовой миграции и миграционная политика России // Народонаселение. 2012. № 2 (56).
7. Миграционные процессы в России / Под ред. В.В. Локосова и Л.Л. Рыбаковского. М.: Экон-информ, 2014.
8. Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/news/20340>
9. Поставнин В.А. Человеческий потенциал и перспективы его роста за счет миграции: возможности и риски // Человеческий потенциал и перспективы его роста за счет миграции: возможности и риски. М.: Фонд «Миграция XXI век», 2012.
10. Рыбаковский Л.Л. Так нужны или не нужны России мигранты? // Миграция XXI век. 2010. № 2.
11. Рязанцев С.В. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование. М.: Формула права, 2007.
12. Сведения по миграционной ситуации в Российской Федерации за 2012 и 2013 годы. ФМС России. URL: <http://fms.gov.ru/about/statistics/data/>
13. Статистические данные ФМС России: URL: <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/details/53595/>; <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/details/78376/>
14. Статистические данные ФМС России. URL: <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/details/78376/>
15. Топилин А.В. Нелегальная миграция: масштабы и социально-экономические последствия // Использование иностранной рабочей силы в России: проблемы и перспективы / Под ред. Б.А. Хейфица. М.: Институт международных экономических и политических исследований РАН, 2005.
16. Труд и занятость в России. 2013. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_36/Main.htm
17. Федеральная служба государственной статистики. Социально-экономическое положение России — 2014 г. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_01/Main.htm
- reforms)]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living standards in the regions of Russia]. 2011, I. 2 (168).
2. Demeni P. Geopoliticheskie aspekty naseleniya v XXI v. [Geopolitical aspects of the population in the XXI century]. *Mezhdunarodnaya migratsiya naseleniya i demograficheskoe razvitie* [International migration and demographic development]. Moscow, Prospekt Publ., 2014.
3. Ivakhnyuk I.V. Upravlenie trudovoy migratsiyey v globaliziruyushchemsya mire: poisk novykh podkhodov [Management of labor migration in a globalizing world: the search for new approaches]. *Mezhdunarodnaya migratsiya naseleniya: vyzovy globalizatsii* [International migration: the challenges of globalization]. Moscow, TEIS Publ., 2011.
4. *Komsomol'skaya Pravda*. 2011. 1 November.
5. *Kontseptsiya gosudarstvennoy migratsionnoy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda* [Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for the period till 2025]. Available at: <http://www.fms.gov.ru/documentation/868/details/53252/>.
6. Krasinets E.S. Problemy trudovoy migratsii i migratsionnaya politika Rossii [Problems of labor migration and migration policy of Russia]. *Narodonaselenie* [Population]. 2012, I. 2 (56).
7. Lokosov V.V., Rybakovskiy L.L. *Migratsionnye protsessy v Rossii* [Migration Processes in Russia]. Moscow, Ekoninform Publ., 2014, p. 269.
8. Ofitsial'nyy sayt Prezidenta Rossii [The official website of the President of Russia]. Available at: <http://www.kremlin.ru/news/20340>.
9. Postavnin V.A. *Chelovecheskiy potentsial i perspektivy ego rosta za schet migratsii: vozmozhnosti i riski* [Human potential and its growth prospects due to migration: opportunities and risks]. Moscow, Fund Migration XXI Century Publ., 2012.
10. Rybakovskiy L.L. Tak nuzhny ili ne nuzhny Rossii migranty? [So whether or not to Russian immigrants?]. *Migratsiya XXI vek* [Migration XXI Century]. 2010. I. 2 (September).
11. Ryazantsev S.V. *Trudovaya migratsiya v stranakh SNG i Baltii: tendentsii, posledstviya, regulirovanie* [Labour migration in the CIS and Baltic countries: trends, implications, regulation]. Moscow, Formula prava Publ., 2007.
12. *Svedeniya po migratsionnoy situatsii v Rossiyskoy Federatsii za 2012 i 2013 gody. FMS Rossii* [Information on the migration situation in the Russian Federation for 2012 and 2013. FMS of Russia]. Available at: <http://fms.gov.ru/about/statistics/data/>.
13. *Statisticheskie dannye FMS Rossii* [Statistical data FMS of Russia]. Available at: <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/details/53595/>;
14. *Statisticheskie dannye FMS Rossii* [Statistical data FMS of Russia]. Available at: <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/details/78376/>.
15. Topilin A.V. *Nelegal'naya migratsiya: masshtaby i sotsial'no-ekonomicheskie posledstviya* [Illegal migration: the extent and socio-economic impacts]. *Ispol'zovanie inostrannoy rabochey sily v Rossii: problemy i perspektivy* [Use of foreign labor force in Russia: Problems and Prospects]. Moscow, Institute for International Economic and Political Studies of Russian Academy of Sciences Publ., 2005.
16. *Trud i zanyatost' v Rossii. 2013. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki* [Labor and Employment in Russia. 2013 Federal State Statistics Service]. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_36/Main.htm.
17. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Rossii - 2014g* [Federal State Statistics Service. Socio-economic situation in Russia - 2014]. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_01/Main.htm.

Мониторинг доходов и уровня жизни (II кв. 2014 г.)

Monitoring Income and Living Standards (2nd quarter 2014)

Получено 27.06.2014   Одобрено 02.07.2014   Опубликовано 10.09.2014

УДК 339.1

DOI: 10.12737/5649

БОБКОВ В.Н.

д-р экон. наук, проф., генеральный директор ОАО «Всероссийский центр уровня жизни», засл. деятель науки Российской Федерации 105043, Москва, 4-я Парковая улица, д. 29.
E-mail: info@vcug.ru

ГУЛЮГИНА А.А.

канд. экон. наук, руководитель Научно-образовательного центра проблем доходов и потребительских бюджетов населения ОАО «Всероссийский центр уровня жизни». 105043, Москва, 4-я Парковая улица, д. 29.
E-mail: info@vcug.ru

BOBKOV V.N.

Doctor of Economics, Professor, Director General of the All-Russia Centre of Living Standard PLC, Honoured Science Worker of the Russian Federation
29 4ya Parkovaya St., Moscow, 105043, Russia
E-mail: info@vcug.ru

GULYUGINA A.A.

PhD in Economics, Head of the Scientific-Educational Centre of Problems of Incomes and Consumer Budgets of the Population of the All-Russia Centre of Living Standard PLC
29 4ya Parkovaya St., Moscow, 105043, Russia
E-mail: info@vcug.ru

Аннотация

Актуальность. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России ведется в ОАО «Всероссийский центр уровня жизни» более 15 лет. Он базируется на взаимоувязанной системе социально-экономических показателей, включая использование специальных показателей, разработанных в Центре.

Объект. Доходы и уровень жизни населения России.

Предмет. Динамика потребительских цен на рынке товаров и услуг во II квартале 2014 г. Прожиточный минимум в условиях роста стоимости продуктового набора во II квартале 2014 г. по сравнению со II кварталом 2013 г. Территориальные различия в уровне прожиточного минимума. Восстановительный потребительский бюджет и среднедушевые денежные доходы. Отношение темпа роста пенсии к темпу роста заработной платы. Динамика прожиточного минимума, денежных доходов и покупательной способности населения. Структура и уровень расходов населения. Потребительские расходы. Покупательная способность потребительских расходов. Группировка субъектов Российской Федерации по уровню покупательной способности денежных доходов населения. Денежные доходы: сравнительные характеристики по федеральным округам. Социально-экономическая дифференциация населения в групповой стратификации: малоимущие, низкообеспеченные, обеспеченные ниже среднего уровня, относительно обеспеченные, состоятельные и богатые.

Концентрация денежных доходов населения в группе «небедных» с душевыми денежными доходами выше трех прожиточных минимумов. Дифференциация заработной платы по уровням, по федеральным округам. Дифференциация заработной платы по группам работников с различной заработной платой в увязке с величиной ПМ трудоспособного населения.

Цель. Формирование экономико-статистической картины уровня и качества жизни с учетом региональных различий, по разным категориям социально-экономической стратификации общества.

Результат. Результатом ведения мониторинга является цифровая и аналитическая информация, полученная с применением методов экономико-статистического анализа для России в целом, в разрезе федеральных округов и субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: доходы, дифференциация, заработная плата, покупательная способность, потребительский бюджет, потребительские расходы, прожиточный минимум, стратификация, субъект, тенденции, федеральный округ, уровень жизни.

Abstract

Relevance. Monitoring of income and living standards of the Russian population has been carried out in the All-Russia Centre of Living Standard PLC for more than 15 years. It is based on an interconnected system of socio-economic indicators including the use of specific indicators developed at the Centre.

Object. Incomes and living standards of the Russian population.

Subject of the Study. Dynamics of change in consumer prices for goods and services market in Q2 2014. Subsistence minimum in the face of rising cost of food basket in Q2 2014 compared with Q2 2013. Regional differences in the subsistence minimum. Reducing consumption and the average per capita budget. The ratio of the growth rate of pensions to wage growth. Dynamics of subsistence minimum, cash income and purchasing power of the population. Structure and level of expenditure. Consumer spending. The purchasing power of consumer spending. Grouping the subjects of the Russian Federation on the level of purchasing power of money income. Cash income: comparative characteristics by federal districts. Socioeconomic differentiation of population in the group stratification: the poor, low income, below medium income, relatively wealthy, wealthy and rich.

Concentration of cash income in the "non-poor" group with per capita incomes above 3-subistence levels. Differentiation of wage levels, in federal districts. Differentiation of wages by groups of workers with different wages in relation to the size of the subsistence minimum of the population.

Purpose. Formating an economic and statistical pattern of living standard and quality of life, taking into account regional differences in different categories of socioeconomic stratification.

Result. The result of monitoring is digital and analytical information obtained through the methods of economic and statistical analysis for Russia as a whole, and by federal districts and subjects of the Russian Federation.

Keywords: incomes, differentiation, wages, monitoring, purchasing capacity, a consumer budget, consumer spending, subsistence minimum, stratification, a federal district, a subject, a living standard, tendencies (trends).

1. Общие аналитические характеристики

Потребительские цены. Во II квартале 2014 г. цены потребительского рынка товаров и услуг продолжали расти. В среднем в месяц цены на товары и услуги во II квартале 2014 г. увеличивались на 0,8%. Это на 0,3 процентных пункта (п.п.) больше, чем во II квартале предыдущего года [Росстат, Доклад (ежемесячный), 2014, 3, с. 152–153].

Опережающими темпами во II квартале 2014 г. дорожали продукты питания. В среднем в месяц цены на продовольственные товары увеличивались на 1,2%. Цены на непродовольственные товары и услуги росли меньшими темпами: в среднем в месяц повышались на 0,5 и 0,8%.

Прожиточный минимум. В условиях роста потребительских цен стоимость продуктового набора прожиточного минимума выросла во II квартале 2014 г. до 3687 руб. в среднем на душу населения, согласно оценке ВЦУЖ. В аналогичном периоде предыдущего года стоимость такого набора была равна 3445 руб. в месяц [Росстат, Доклад (ежемесячный), 2013, 8, с. 279]. Удорожание продуктового набора отмечается для всех социально-демографических групп населения, для которых устанавливается величина прожиточного минимума. При этом для трудоспособного населения стоимость такого набора выросла на 6,9% до 3807 руб., для пенсионеров — на 7%, или до 3255 руб., для детей — на 7,9% до 3853 руб. в среднем в месяц.

Прожиточный минимум во II квартале 2014 г. повысился за год на 6,8% и составил 7874 руб. в среднем на душу населения при 7372 руб. во II квартале 2013 г. (расчеты проведены с использованием данных статистики) [Росстат, Статсборник, 2013, 2, с. 103–105; Росстат, Доклад (ежемесячный), 2013, 8, с. 279]. Для трудоспособного населения показатель увеличился за год на 6,8% до 8483 руб., для пенсионеров — на 6,9% до 6461 руб., для детей — на 7,4% до 7632 руб.

Потребительские бюджеты восстановительного характера и среднего уровня достатка. Восстановительный потребительский бюджет во II квартале 2014 г. составил, по оценке ВЦУЖ, 20 787 руб., потребительский бюджет среднего достатка — 53 150 руб. Указанные виды потребительского бюджета выросли относительно II квартала 2013 г. на 6,8 и 6,5% соответственно.

Денежные доходы населения. Среднедушевые денежные доходы во II квартале 2014 г. составили, по предварительным данным, 27 927 руб. Они выросли по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года на 11,7%, или на 2921 руб. (расчеты проведены с использованием данных статистики) [Росстат, Россия в цифрах, 2014, 1, с. 127; Росстат, Информация для ведения мониторинга,

2014, 9, с. 245–250]. При этом среднемесячная номинальная начисленная заработная плата повысилась во II квартале 2014 г. до 33 409 руб., средний размер назначенной пенсии увеличился до 10 890 руб. (расчеты проведены с использованием данных статистики) [Росстат, Информация для ведения мониторинга, 2014, 9, с. 257–265; Росстат, Доклад (ежемесячный), 2014, 3, с. 228]. Темп роста пенсий во II квартале 2014 г. ко II кварталу 2013 г. отставал от темпа роста заработной платы. При повышении среднемесячной номинальной начисленной заработной платы за год на 10,5% средний размер назначенных пенсий увеличился на 8,7%.

Покупательная способность населения. Сложившиеся изменения в уровне среднедушевых денежных доходов населения и прожиточного минимума во II квартале 2014 г. ко II кварталу 2013 г. обусловили повышение покупательной способности доходов населения с 3,39 до 3,55 набора ПМ.

Динамика прожиточного минимума, денежных доходов и покупательной способности населения. Опережающие темпы роста среднедушевых денежных доходов населения по сравнению с темпами роста прожиточного минимума, составившие, соответственно, 111,7 и 106,8%, обеспечили темп роста покупательной способности населения на уровне 104,7%.

Расходы населения. В структуре денежных расходов населения потребительские расходы во II квартале 2014 г. занимали, по оценке ВЦУЖ, 71,8% (расчеты проведены с использованием данных статистики) (Росстат, Доклад (ежемесячный), 2014, 3, с. 230). Эта часть денежных расходов снизилась по сравнению со II кварталом 2013 г. на 1,4 п.п. Уменьшение доли потребительских расходов сопровождалось сокращением доли расходов на обязательные платежи и взносы (на 0,1 п.п.) при одновременном росте доли расходов на сбережения (на 0,5 п.п.), доли расходов на покупку валюты (на 0,4 п.п.) и доли денег на руках (на 0,6 п.п.).

Потребительские расходы населения. Потребительские расходы населения во II квартале 2014 г. составили, по предварительным данным, 20 052 руб. (расчеты проведены с использованием данных статистики) [Росстат, Доклад (ежемесячный), 2014, 3, с. 230]. Это на 9,5%, или 1747 руб. больше, чем во II квартале 2013 г.

Покупательная способность потребительских расходов. Этот показатель определяется как отношение потребительских расходов населения к стоимостной оценке минимальной потребительской корзины. Во II квартале 2014 г. он составил 2,74 набора потребительских корзин и за год вырос на 2,5%, или на 0,07 набора.

Регионы наиболее поляризованы по потребительским расходам. Так, коэффициент дифференциации, определяемый как отношение наибольшего значения показателя к наименьшему, по потребительским расходам во II квартале 2014 г. составил 8,62 раза. В наименьшей степени субъекты поляризованы по прожиточному минимуму: во II квартале 2014 г. коэффициент дифференциации по этому показателю был равен 2,65 раза.

В период II квартал 2013 г. — II квартал 2014 г. отмечалось усиление поляризации регионов по заработной плате, потребительским расходам и покупательной способности доходов населения. Снижение поляризации субъектов отмечается по прожиточному минимуму, среднему денежному доходу и покупательной способности потребительских расходов.

Коэффициент размаха указывает на усиление межрегиональной дифференциации по заработной плате и потребительским расходам. Ослабление межрегиональной дифференциации наблюдается по прожиточному минимуму, среднему денежному доходу и покупательной способности потребительских расходов.

2. Прожиточный минимум

В четырех федеральных округах — Южном, Северо-Кавказском, Приволжском и Уральском — прожиточный минимум во II квартале 2014 г. был ниже среднероссийского значения. Наиболее низкое значение показателя было на территории Северо-Кавказского федерального округа. Согласно оценке ВЦУЖ, он составил 0,88 к среднему уровню по России.

В Центральном, Северо-Западном и Дальневосточном федеральных округах прожиточный минимум оставался выше среднего уровня по России. Наиболее дорогим для проживания по-прежнему остается Дальневосточный федеральный округ. Во II квартале 2014 г. в этом округе показатель в 1,42 раза превысил среднероссийское значение.

В период II квартал 2013 г. — II квартал 2014 г. в Центральном, Северо-Западном, Приволжском, Сибирском и Дальневосточном федеральных округах прожиточный минимум рос более высокими темпами, чем в среднем по России. В Северо-Кавказском и Уральском федеральных округах темпы роста прожиточного минимума были ниже среднероссийских, а в Южном федеральном округе темпы роста показателя совпали со средними по России.

В городах-мегаполисах — Москве и Санкт-Петербурге — разрыв в уровне прожиточного минимума остается значительным. В Санкт-Петербурге во II квартале 2014 г. показатель составил, по оцен-

ке ВЦУЖ, 1,01 к общероссийскому значению, а в Москве был в 1,54 раза выше среднего уровня по России.

Для *трудоспособной категории населения* величина прожиточного минимума в целом по Российской Федерации во II квартале 2014 г. увеличилась по сравнению со II кварталом 2013 г., по оценке ВЦУЖ, на 6,8% и составила 8483 руб. в месяц. Для трудоспособного населения величина прожиточного минимума во II квартале 2014 г. варьировалась в федеральных округах от 0,86 (Северо-Кавказский округ) до 1,51 (Центральный округ) к среднероссийскому значению показателя.

В период II квартал 2013 г. — II квартал 2014 г. прожиточный минимум трудоспособного населения в Центральном, Северо-Западном, Южном, Сибирском и Дальневосточном федеральных округах рос более высокими темпами, чем в среднем по России. В Северо-Кавказском и Уральском федеральных округах темпы роста показателя были ниже среднероссийских, а в Приволжском федеральном округе они совпали со средними по России.

3. Денежные доходы

Среди федеральных округов лидером по уровню среднедушевых денежных доходов населения во II квартале 2014 г. оставался Центральный федеральный округ (см. табл. 1). Согласно оценке ВЦУЖ, доходы населения здесь были в 1,26 раза выше среднего уровня по России. Превысили средний уровень по России и доходы населения Северо-Западного, Уральского и Дальневосточного федеральных округов. Они составили в рассматриваемом периоде, соответственно, 1,02; 1,13 и 1,06 к среднему уровню по России.

В Южном, Северо-Кавказском, Приволжском и Сибирском федеральных округах среднедушевые денежные доходы во II квартале 2014 г. по-прежнему были ниже среднего уровня по России. Наименьший уровень доходов был в Северо-Кавказском федеральном округе — 0,7 к среднероссийскому значению.

В период II квартал 2013 г. — II квартал 2014 г. темпы роста доходов населения Южного и Северо-Кавказского федеральных округов были выше средних темпов по России. В остальных федеральных округах темпы роста показателя были ниже средних темпов по России.

4. Покупательная способность населения

Покупательная способность денежных доходов показывает условное количество наборов прожи-

Таблица 1

Отношение среднедушевых денежных доходов населения в федеральных округах к среднему уровню по России, раз

Федеральный округ	2013 г.		2014 г. (оценка)	
	всего	II квартал	январь — июнь	II квартал
Центральный	1,31	1,31	1,23	1,26
Северо-Западный	1,02	1,04	1,02	1,02
Южный	0,85	0,82	0,87	0,87
Северо-Кавказский	0,74	0,69	0,70	0,70
Приволжский	0,85	0,86	0,84	0,83
Уральский	1,12	1,14	1,13	1,13
Сибирский	0,79	0,79	0,78	0,76
Дальневосточный	1,12	1,13	1,07	1,06
г. Санкт-Петербург	1,24	1,27	1,22	1,24
г. Москва	2,16	2,18	1,86	1,97

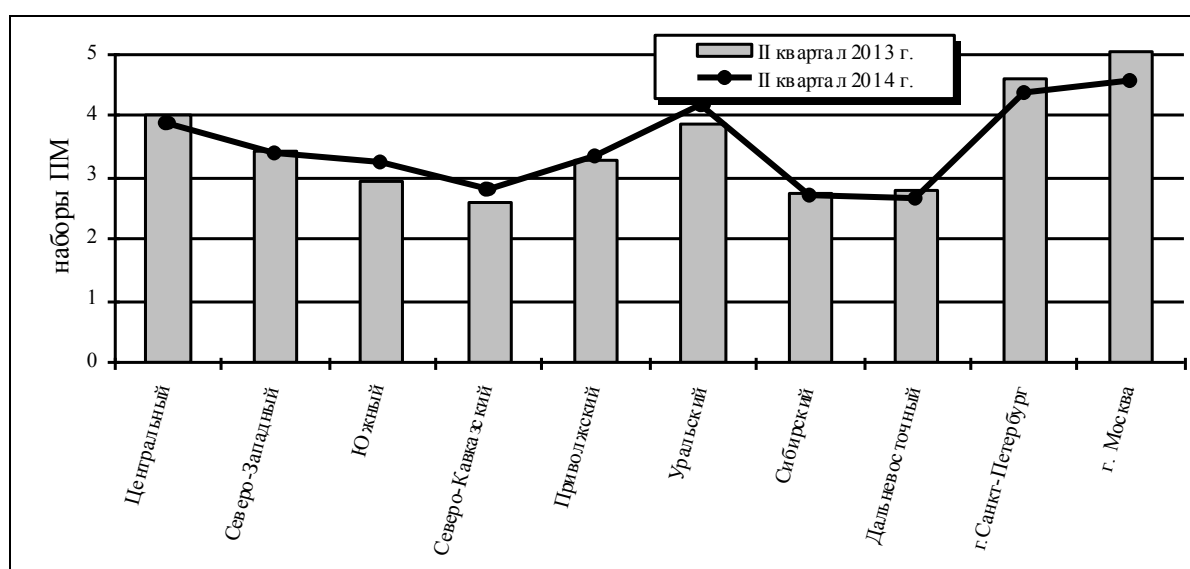
точного минимума (ПМ), которое население могло бы приобрести на свои номинальные денежные доходы. Тем самым этот показатель обеспечивает прямую увязку параметров, входящих в систему показателей уровня жизни. При таком подходе в показателе реальных доходов населения четко отражаются тенденции, присущие как числителю (номинальные денежные доходы населения), так и знаменателю (величина прожиточного минимума).

Наиболее высокой покупательная способность денежных доходов населения во II квартале 2014 г. была в Уральском федеральном округе. По оценке ВЦУЖ она составила 1,17 к среднему уровню по России. Сравнительно высоким оставался также

показатель Центрального федерального округа. В рассматриваемом периоде он в 1,09 раза превысил средний уровень по России.

Наиболее низкая покупательная способность населения во II квартале 2014 г. зафиксирована в Дальневосточном федеральном округе — 0,75 к среднему уровню по России.

В период II квартал 2013 г. — II квартал 2014 г. более высокими темпами, чем в среднем по России, росли показатели Южного, Северо-Кавказского и Уральского федеральных округов. В Центральном, Северо-Западном, Приволжском, Сибирском и Дальневосточном федеральных округах эти темпы были ниже средних по России.

Рис. 1. Покупательная способность среднедушевых денежных доходов населения по федеральным округам в 2013–2014 гг. (количество наборов ПМ)

Покупательная способность средней заработной платы трудоспособного населения показывает условное количество наборов прожиточного минимума трудоспособного населения, которое оно могло бы приобрести на среднюю заработную плату.

В Северо-Западном и Уральском федеральных округах покупательная способность заработной платы превышает средний уровень по России (см. табл. 2). Наиболее высоким во II квартале 2014 г. был показатель Уральского федерального округа, где он в 1,23 раза превысил среднероссийское значение. В остальных федеральных округах покупательная способность заработной платы не до-

стигает среднего уровня по России. В Северо-Кавказском федеральном округе показатель остается наиболее низким. Во II квартале 2014 г. он составил 0,73 к среднему уровню по России.

В период II квартал 2013 г. — II квартал 2014 г. темпы роста покупательной способности заработной платы в Южном и Уральском федеральных округах были выше средних темпов по России (см. табл. 3). В Центральном, Северо-Западном, Приволжском, Сибирском и Дальневосточном федеральных округах эти темпы были ниже среднероссийских, а в Северо-Кавказском федеральном округе совпали со средними по России.

Таблица 2

Отношение покупательной способности средней номинальной начисленной заработной платы в федеральных округах к показателю по России в целом в 2013-2014 гг., раз

Федеральный округ	2013 г.		2014 г. (оценка)	
	всего	II квартал	январь-июнь	II квартал
Центральный	0,86	0,86	0,82	0,83
Северо-Западный	1,05	1,04	1,02	1,02
Южный	0,80	0,78	0,80	0,80
Северо-Кавказский	0,74	0,73	0,74	0,73
Приволжский	0,85	0,85	0,84	0,84
Уральский	1,18	1,19	1,22	1,23
Сибирский	0,91	0,91	0,87	0,86
Дальневосточный	0,90	0,91	0,88	0,86
г. Санкт-Петербург	1,28	1,27	1,21	1,20
г. Москва	1,24	1,24	1,18	1,21

Таблица 3

Основные показатели уровня жизни населения России во II квартале 2014 г. (в среднем за месяц в соответствующем периоде)

Показатель	2013 г.		2014 г. (оценка)	
	всего	II квартал	январь-июнь	II квартал
Индекс среднемесячных цен потребительского рынка товаров и услуг, %	100,5	100,5	100,8	100,8
в том числе на:				
продовольственные товары	100,6	100,7	101,3	101,2
непродовольственные товары	100,4	100,3	100,5	100,5
платные услуги населению	100,7	100,6	100,6	100,8
Прожиточный минимум (ПМ)				
Величина продуктового набора ПМ, руб.:				
в среднем на душу населения	3393	3445	3631	3687
трудоспособное население	3507	3561	3754	3807
пенсионеры	3000	3042	3207	3255
дети	3513	3572	3790	3853
Величина прожиточного минимума (ПМ), руб.:				
в среднем на душу населения	7306	7372	7781	7874
трудоспособное население	7871	7941	8383	8483
пенсионеры	5998	6043	6384	6461

Продолжение табл. 3

Показатель	2013 г.		2014 г. (оценка)	
	всего	II квартал	январь–июнь	II квартал
дети	7022	7104	7542	7632
Группировка субъектов Федерации по величине соотношения ПИМ субъекта и ПИМ России, количество субъектов в интервалах:				
до 75%	1	1	0	0
75–100%	56	58	53	53
100–125%	11	9	15	15
свыше 125%	15	15	15	15
Коэффициент дифференциации прожиточного минимума по субъектам Федерации (отношение наибольшего ПИМ среди субъектов к наименьшему), раз	2,92	3,09	2,65	2,65
Коэффициент размаха (частное от деления разности максимального и минимального значений на среднее значение показателя), раз	1,33	1,42	1,31	1,31
Потребительские бюджеты восстановительного характера и среднего уровня достатка				
Восстановительный потребительский бюджет (ВПБ), руб.	19 092	19 462	20 153	20 787
Бюджет среднего достатка (БСД), руб.	49 913	49 908	52 055	53 150
Денежные доходы населения (ДД)				
Среднедушевые денежные доходы населения, руб.	25 647	25 006	25 303	27 927
Группировка субъектов Федерации по величине соотношения ДД субъекта и ДД России, количество субъектов в интервалах:				
до 75%	28	31	31	32
75–100%	34	32	32	31
100–125%	10	8	9	9
свыше 125%	11	12	11	11
Коэффициент дифференциации среднедушевого денежного дохода по субъектам Федерации (отношение наибольшего дохода среди субъектов к наименьшему), раз	5,89	5,94	6,02	5,88
Коэффициент размаха (частное от деления разности максимального и минимального значений на среднее значение показателя), раз	2,15	2,11	2,19	2,09
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, включая организации малого предпринимательства	29 960	30 245	31 751	33 409
Группировка субъектов Федерации по величине соотношения ЗП субъекта и ЗП России, количество субъектов в интервалах:				
до 75%	36	39	37	36
75–100%	29	26	28	29
100–125%	6	6	6	6
свыше 125%	12	12	12	12
Коэффициент дифференциации номинальной начисленной заработной платы по субъектам Федерации (отношение наибольшей ЗП среди субъектов к наименьшей), раз	4,09	4,45	4,32	4,74
Коэффициент размаха (частное от деления разности максимального и минимального значений на среднее значение показателя), раз	1,77	1,98	1,93	2,11
Соотношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы и среднедушевых денежных доходов населения, %	116,8	121,0	125,5	119,6
Средний размер назначенных месячных пенсий, руб.	9918	10 014	10 683	10 890
Соотношение среднемесячной назначенной пенсии:				
— и среднедушевых денежных доходов населения, %	38,7	40,0	42,2	39,0
— и среднемесячной номинальной начисленной заработной платы, %	33,1	33,1	33,6	32,6

Показатель	2013 г.		2014 г. (оценка)	
	всего	II квартал	январь–июнь	II квартал
Покупательная способность (ПС)				
Уровень покупательной способности (количество наборов ПМ) среднедушевых денежных доходов	3,51	3,39	3,25	3,55
Группировка субъектов Федерации по величине соотношения ПС субъекта и ПС России, количество субъектов в интервалах:				
до 75%	23	24	27	27
75–100%	40	40	39	39
100–125%	15	15	14	13
свыше 125%	5	4	3	4
Коэффициент дифференциации покупательной способности по субъектам Федерации (отношение наибольшей ПС среди субъектов к наименьшей), раз	3,19	3,30	3,55	3,47
Коэффициент размаха (частное от деления разности максимального и минимального значений на среднее значение показателя), раз	1,02	1,03	1,03	1,03
Динамика ПМ, ДД и ПС				
В % к соответствующему периоду прошлого года:				
прожиточный минимум	112,2	115,5	107,6	106,8
среднедушевые денежные доходы	110,4	111,5	108,2	111,7
покупательная способность денежных доходов	98,4	96,5	100,6	104,7
В % к предыдущему периоду:				
прожиточный минимум	112,2	103,9	106,5	102,4
среднедушевые денежные доходы	110,4	115,0	98,7	123,1
покупательная способность денежных доходов	98,4	110,7	92,7	120,2
Расходы населения				
Структура денежных расходов населения, %				
денежные доходы	100,0	100,0	100,0	100,0
из них использовано на:				
— покупку товаров и оплату услуг	74,0	73,2	77,1	71,8
— оплату обязательных платежей и взносов	11,4	11,4	11,5	11,3
— сбережения	9,9	9,7	5,4	10,2
— покупку валюты	4,2	4,0	5,7	4,4
— прирост (+) / уменьшение (-) денег на руках	+0,5	+1,7	+0,3	+2,3
Потребительские расходы населения				
Среднедушевые потребительские расходы населения, руб.	18 979	18 305	19 509	20 052
Группировка субъектов Федерации по величине соотношения ПР субъекта и ПР России, количество субъектов в интервалах:				
до 75%	33	32	34	32
75–100%	32	35	33	34
100–125%	11	9	9	10
свыше 125%	7	7	7	7
Коэффициент дифференциации среднедушевых потребительских расходов по субъектам Федерации (отношение наибольших расходов среди субъектов к наименьшим), раз	8,29	8,28	8,56	8,62
Коэффициент размаха (частное от деления разности максимального и минимального значений на среднее значение показателя), раз	1,90	1,89	1,90	1,91
Покупательная способность потребительских расходов (ПСПР)				

Показатель	2013 г.		2014 г. (оценка)	
	всего	II квартал	январь–июнь	II квартал
Уровень покупательной способности (количество наборов потребительских корзин) среднедушевых потребительских расходов	2,80	2,67	2,70	2,74
Группировка субъектов Федерации по величине соотношения ПСР субъекта и ПСР России, количество субъектов в интервалах:				
до 75%	30	29	31	30
75–100%	37	37	36	38
100–125%	10	12	11	8
свыше 125%	5	4	4	6
Коэффициент дифференциации покупательной способности по субъектам Федерации (отношение наибольшей ПСР среди субъектов к наименьшей), раз	5,30	5,44	5,39	5,26
Коэффициент размаха (частное от деления разности максимального и минимального значений на среднее значение показателя), раз	1,22	1,20	1,15	1,15

Список литературы

1. Россия в цифрах. 2014: Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2014.
2. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2013: Стат. сб. / Росстат. М., 2013.
3. Социально-экономическое положение России. Январь–май 2014 года: Доклад / Росстат. М., 2014.
4. Социально-экономическое положение России. Январь–апрель 2014 года: Доклад / Росстат. М., 2014.
5. Социально-экономическое положение России. Январь–март 2014 года: Доклад / Росстат. М., 2014.
6. Социально-экономическое положение России. Январь–февраль 2014 года: Доклад / Росстат. М., 2014.
7. Социально-экономическое положение России. Январь 2014 года: Доклад / Росстат. М., 2014.
8. Социально-экономическое положение России. Январь–октябрь 2013 года: Доклад / Росстат. М., 2013.
9. Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов Российской Федерации в январе–мае 2014 года / Росстат. М., 2014.

References

1. *Rossiya v tsifrakh. 2014* [Russia by the Numbers. 2014]. Rosstat. Moscow, 2014. 558 p.
2. *Sotsial'noe polozhenie i uroven' zhizni naseleniya Rossii* [Social status and standard of living of the population of Russia. 2013]. 2013. Rosstat. – Moscow, 2013. 327 p.
3. *Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Rossii. Yanvar'-may 2014 goda* [Socio-economic situation in Russia. January-May 2014]. Rosstat. Moscow, 2014. 431 p.
4. *Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Rossii. Yanvar'-aprel' 2014 goda* [Socio-economic situation in Russia. January-April 2014]. Rosstat. Moscow, 2014. 482 p.
5. *Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Rossii. Yanvar'-mart 2014 goda* [Socio-economic situation in Russia. January-March 2014]. Rosstat. Moscow, 2014. 429 p.
6. *Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Rossii. Yanvar'-fevral' 2014 goda* [Socio-economic situation in Russia. January-February 2014]. Rosstat. Moscow, 2014, p. 477.
7. *Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Rossii. Yanvar' 2014 goda* [Socio-economic situation in Russia. January 2014]. Rosstat. Moscow, 2014, p. 503.
8. *Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Rossii. Yanvar'-oktyabr' 2013 goda* [Socio-economic situation in Russia. January-October 2013]. Rosstat. Moscow, 2013, p. 525.
9. *Informatsiya dlya vedeniya monitoringa sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniya sub"ektov Rossiyskoy Federatsii v yanvare-mae 2014 goda* [Information for monitoring the socio-economic situation of the Russian Federation in January-May 2014]. Rosstat. Moscow, 2014. 367 p.

Уровень и качество жизни в Канаде: языковые и социальные аспекты

Quality of Living and Living Standards in Canada: Language and Social Aspects

Получено 26.06.2014   Одобрено 02.07.2014   Опубликовано 10.09.2014

УДК 331.5

DOI: 10.12737/5650

РАДЧЕНКО О.А.

д-р филол. наук, проф., проректор Московского государственного лингвистического университета
109559, Москва, ул. Ставропольская, 64/1, кв. 108
E-mail: radoleg@gmail.com

RADCHENKO O.A.

Doctor of Philology, Professor, Vice-Principal of Moscow State Linguistic University
Flat 108, 64/1 Stavropol'skaya St., Moscow, 109559, Russia
E-mail: radoleg@gmail.com

Аннотация

Объект. Экологические, экономические, социальные, культурные условия — факторы, определяющие уровень и качество жизни населения Канады.

Предмет. Экологические характеристики качества жизни (чистота воздуха, воды, инвайроментальные показатели). Экономические показатели уровня жизни: средний годовой доход на душу населения, структура и характер занятости населения, уровень заработной платы. Стандарты культурных компонент качества жизни: комплекс показателей качества образования, лингвистические стандарты при трудоустройстве (многообразие языков в Канаде — более 200). Стандарты здравоохранения: вакцинация, бесплатное медицинское обслуживание, бесплатные лекарства, продолжительность жизни. Стандарты социальных измерений жизни: статус волонтерской деятельности (фиксируется в резюме при устройстве на работу), государственные пенсии, бесплатное жилье для пенсионеров с социальными службами и услугами, безопасность жизни (низкий уровень преступности).

Иммиграционные потоки: различные типы виз, квотирование по профессионалам, их узкий перечень, владение английским или французским языками. Иммигрантские службы: персональная встреча иммигрантов с агентами, пакет инструкций по устройству жизни в первые недели, режим специальных кредитных карт, поиск работы по специальности (доказать работодателю уровень образования, специализации, профессионального опыта).

Цель. Корреспондирование канадской системы стандартов уровня и качества жизни с российской системой уровня и качества жизни.

Описание статьи. В статье анализируются показатели уровня и качества жизни в Канаде. Подчеркивается высокий жизненный уровень и качество жизни населения страны. Приводятся результаты сбора статистических данных и опросов канадского населения, проведенных в 2011–2013 гг. и связанных с уровнем и качеством жизни населения. Рассматриваются факторы уровня и качества повседневной жизни в трудовой, бытовой и языковой сферах. Особое внимание уделяется состоянию образования, здравоохранения, обеспеченности жильем. Исследуются, в частности, социолингвистическая ситуация в Канаде, проблема национальных различий и социального расслоения в канадском обществе, социально-экономические аспекты жизни канадцев, в том числе факторы, определяющие качество жизни иммигрантов с учетом особого положения Канады как страны, привлекательной для иммиграции. Подробно излагается специфика и многообразие языков и их роль в повседневной жизни канадцев

Ключевые слова: уровень жизни, качество жизни в Канаде, образование, социолингвистическая ситуация, государственные языки, иммиграция.

Abstract

Object. Environmental, economic, social and cultural conditions - factors determining uroven and quality of life of Canada's population.

Subject of study. Environmental quality of life (clean air, water invayromentalnye indicators). Economic indicators of living: the average annual income per capita, the structure and nature of employment, wage levels. Standards cultural component of quality of life: a set of indicators of quality of education, linguistic standards in employment (the diversity of languages in Canada - more than 200). Health standards: vaccination, free medical care, free medicines, life expectancy. Standards social dimensions of life: the status of volunteer activities (fixed to resume when applying for a job), public pensions, free housing for seniors with social services and services, safe life (low crime rate).

Immigration flows: different types of visas, quotas for professionals, their narrow list proficiency in English or French. Immigrant services: personal agents vsterchi immigrants upon arrival, the package instructions for the device in the first weeks of life, mode up special credit cards, job search services (the employer to prove the level of education, profession, professional experience).

Purpose. Correspondence Canadian system level standards and quality of life with the Russian system level and quality of life.

Description article. Indicators of lifestyle and quality of life in Canada are analyzed. The high standard of living and quality of life of the population in Canada is emphasized. The article deals with the data of surveing the Canadian lifestyle and living quality in 2011 to 2013. It reflects the factors affecting the standards of lifestyle in such spheres as labour, everyday life, languages, education, healthcare and housing in particular. A special attention has been paid to the sociolinguistic situation in Canada, the problem of national and social stratification in the Canadian society, socioeconomic aspects of life of the population, the factors that have been determining immigrants' living standards in Canada as a country attractive for immigrants.

Keywords: living standards, Canadian living quality, education, sociolinguistic situation, official languages, immigration.

1. Группа лидирующих стран по уровню и качеству жизни

Канада занимает 34-е место по численности населения (более 35 млн) в мире [1, с. 104–105]. Канада — независимый член Содружества (the Commonwealth), в прошлом — Британского Содружества Наций (the British Commonwealth of Nations) [2, с. 74]. В состав Канады входят три территории (territories) — Нанавут (Nunavut), Юкон (Yukon Territory), Северо-Западные территории (Northwest Territories) и 10 провинций (provinces) [3, с. 120]. Государственные языки — английский и французский. В составе населения Канады наиболее многочисленную группу составляют канадцы британского происхождения (British Canadians) — 28%. Канадцы французского происхождения — франкоканадцы (French Canadians) — составляют 23%, они проживают преимущественно в Квебеке (Quebec), поэтому их часто называют квебекцы (Quebecois). Прочие выходцы из Европы: канадцы германского происхождения (German Canadians) — 10%, канадцы итальянского происхождения (Italian Canadians) — 4%, канадцы украинского происхождения (Ukraine Canadians) — 4%, выходцы из Азии и Африки — 6%, канадские индейцы (the American Indians) и эскимосы (the Eskimos) — 2%, более 20% приходится на граждан смешанного происхождения [5, с. 11]. Название эскимос (Eskimo) происходит от индейского слова, обозначающего «питающийся мясом», однако сами эскимосы называют себя инуиты (the Inuit), что означает «народ» [6, с. 78]. Канаду часто называют «Страной кленового листа» (The Land of Maple Leaf), «Снежной леди» (Lady of the Snows) или «Страной четырех стихий» (The Land of Four Elements) [7, с. 830]. Топоним Canada был впервые зарегистрирован в 1533 г., он происходит от ирокезского слова Kanata, означающего «деревня» [15, с. 63].

Согласно рейтингу Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) (данные опубликованы The Canadian Press 28 мая 2013 г.) [8, с. 1154] Канада занимает третье место в мире среди стран, пользующихся репутацией наиболее притягательных и удобных для жизни, уступая только Австралии и Швеции [9, с. 1]. Для определения этого статуса существует обширный набор разнообразных параметров, обозначаемых как индекс лучшей жизни (the Better Life Index). Одним из 24 таких параметров является средний годовой доход на душу населения (the average household net-adjusted disposable income per capita), который в целом по ОЭСР составлял в 2013 г. 23 938 долларов США [10, с. 260, 389] — в Канаде этот показатель выше. Кроме того, значимы данные занятости населения: свыше 72% канадцев в возрасте от 15

до 64 лет трудоустроены и получают заработную плату (средний показатель по странам ОЭСР — 64%). С учетом гендерного фактора в Канаде трудятся 75% лиц мужского и 69% — женского пола, работая 1710 часов ежегодно. При этом сверхурочно работают лишь 4% канадцев (с учетом половых групп — 6% мужчин и 2% трудоустроенных женщин). Средний показатель по ОЭСР значительно выше — 9%.

2. Значимость образования и знания языка для достижения достойного уровня и качества жизни

Важнейшим фактором уровня жизни в Канаде является качественное образование, позволяющее надеяться на довольно успешный поиск работы в краткие сроки. По данным рейтинга ОЭСР, около 89% взрослых канадцев в возрасте от 25 до 64 лет имеют полное среднее образование (по сравнению с 75% в странах ОЭСР), причем гендерная симметрия и здесь проявляется в полной мере: доля женщин, успешно окончивших школу, составляет 90%, а доля мужчин — 88%. По данным Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся под эгидой ОЭСР (The OECD's Programme for International Student Assessment — PISA), совокупный балл учащихся школ Канады по компетентностям в области чтения, математике и естественным наукам составил 522, что превышает средний балл по ОЭСР (497). Отмеченный в мире тренд, связанный с большей успешностью девочек, наблюдается и в Канаде, однако разница между показателями девочек и мальчиков составляет всего 8 баллов, в отличие от 10 и более баллов в других странах ОЭСР.

3. Факторы здоровья в достойном уровне и качестве жизни

Существенным показателем качества жизни в Канаде следует считать здравоохранение, бесплатное для всех граждан и постоянных резидентов Канады. Существующая в каждой провинции собственная программа позволяет им пользоваться услугами домашнего врача (family doctor), обладающего широчайшими полномочиями — от проведения вакцинации и сбора сведений о состоянии здоровья пациента до нотариального заверения его документов. В провинции Онтарио действует программа бесплатного медицинского обслуживания ОНIP (Ontario Health Insurance Plan), в рамках которой нельзя получить бесплатные лекарства или сделать протезирование зубов, однако она покрывает дорогие операции. В ре-

зультате успешного применения таких программ по всей стране достигнут уровень продолжительности жизни 81 год для лиц, родившихся в Канаде (средний показатель по ОЭСР — 80 лет), с незначительной разницей между гендерными группами — 83 года у женщин и 79 лет у мужчин.

Положительно сказываются на продолжительности жизни канадцев меры по охране чистоты воздуха и воды. Показатель ПМ10 (наличие мельчайших частиц, загрязняющих воздух и способных нанести вред легким) (atmospheric PM10) составляет в Канаде 14,5 мкг на куб. м. Что же касается чистоты воды, то опросы показывают удовлетворенность ее качеством у 90% жителей страны.

Примечательной чертой канадского образа жизни (the Canadian lifestyle) является чувство причастности к местной общине, стремление принести ей пользу в рамках волонтерской деятельности (volunteer activities) [11, с. 1668]. Эта деятельность непременно отмечается в любом резюме кандидата на какую-либо должность и служит для новых граждан Канады прекрасным способом наладить деловые контакты и даже найти работу. По данным опроса ОЭСР, 94% жителей страны считают, что у них есть надежные друзья и помощники в трудную минуту. С другой стороны, гораздо меньше энтузиазма канадцы проявляют на выборах (около 61%), 67% канадцев высказываются положительно о государственных учреждениях и верят им. В целом более 82% канадцев заявили, что довольны своей жизнью.

Эти данные формируют положительный образ Канады как привлекательной для жизни страны. Однако необходимо сделать поправку: в других рейтингах Канада не занимает столь высоких мест. Так, проведенное в 2012 г. ООН исследование развития населения (Human Development Index) присвоило ей лишь 11-е место. Рейтинг ООН учитывал только три критерия — здоровье, образование и уровень жизни, в то время как рейтинг ОЭСР гораздо более диверсифицирован.

4. Социальное жилье как компонент уровня и качества жизни

В комфортной жизни канадца не последнее место занимает возможность получить или приобрести удобное и комфортное жилье. Так, если речь идет о престарелом иммигранте, то через десять лет ожидания он получает государственную пенсию, а если он нуждается в жилье, то задолго до истечения десятилетнего периода «самофинансирования» он может получить однокомнатную квартиру в доме пенсионеров, расположенном в престижном районе и отличающемся от обычного жилого дома на-

личием социальных служб и иных услуг, бесплатных для жильцов. Хотя цены на квартиры в новостройках в центре Торонто очень высокие, существуют бюджетные варианты приобретения или найма жилья. Если съемная квартира может обойтись жителю Торонто в 1 тыс. кан. долл. и более в месяц, то приобретение квартиры за 200–300 тыс. кан. долл. позволит затем экономить на коммунальных расходах, хотя и не столь существенно. Так, за трехкомнатную квартиру (в Канаде ее статус определяется количеством спален, в данном случае — двух, т.е. речь идет о two-bedroom apartment) ее владельцу ежемесячно придется выплачивать 400–500 кан. долл. за обслуживание дома, уборку территории и гаража, ремонтные работы, вывоз мусора и т.п.

Весьма примечателен в этой связи актуальный тренд, связанный с замедлением жилищного строительства в Канаде. Так, вложения бизнеса в жилые строения уменьшились в первом квартале 2014 г. на 1,6%. Затраты на сооружение новостроек снизились на 1,5%, а расходы на ремонт, напротив, увеличились на 0,8%. Продолжила снижаться активность на рынке вторичного жилья (–6,4%).

В Канаде низкий уровень преступности в жилых районах. Исключением могут считаться лишь крупнейшие города страны (Торонто, Ванкувер, Монреаль), где уровень преступности, особенно в районах, где компактно проживают этнические меньшинства, выше.

5. Доходы населения и общие экономические параметры

Другой серьезной проблемой для канадского общества является растущий разрыв в доходах населения: 11% жителей страны работают по срочному трудовому договору, заключаемому на полгода и менее [16, с. 87].

Остановимся подробнее на некоторых экономических аспектах социальной жизни канадцев. По данным портала <http://www.statcan.gc.ca>, в апреле 2014 г. проживали 35 427 524 человека [12]. Уровень годовой инфляции в мае 2014 г. составил 2,3%, а уровень безработицы в том же месяце не превысил 7%. Рост реального валового внутреннего продукта (Real gross domestic product — GDP) составил 0,3% в первом квартале 2014 г., что означает замедление экономического роста, поскольку в четвертом квартале 2013 г. эта цифра составляла 0,7%.

Конечный внутренний спрос (Final domestic demand) в первом квартале снизился на 0,1%, размеры потребительских расходов населения выросли на 0,3%. Соотношение реального ВВП по рыночным ценам и реального окончательного внутреннего спроса за прошедшие пять лет показано на рис. 1.

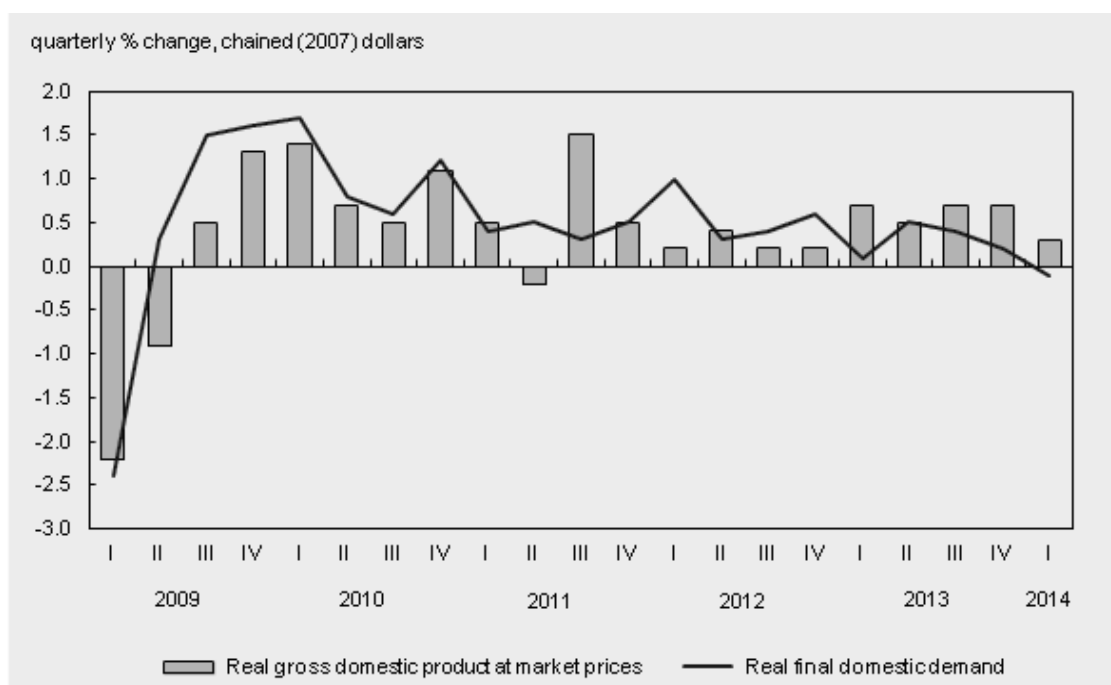

Рис. 1. Реальный валовой внутренний продукт и реальный конечный внутренний спрос в Канаде, 2009–2013 гг. (поквартально), %

Объем экспорта снизился на 0,6%, хотя объем экспорта энергоносителей увеличился на 3,8%. Объем импорта товаров и услуг упал на 1,9%, с большим разбросом по отраслям: автомобили и запчасти (–4,8%), промышленные изделия из пластмассы и резины (–6,5%), самолеты и другое

транспортное оборудование и запчасти (–10,1%). Уже третий квартал уменьшается импорт услуг на 1,5%, в том числе связанных с путешествиями — на 3,2%. Колебания в соотношении экспорта и импорта товаров и услуг показаны на рис. 2.

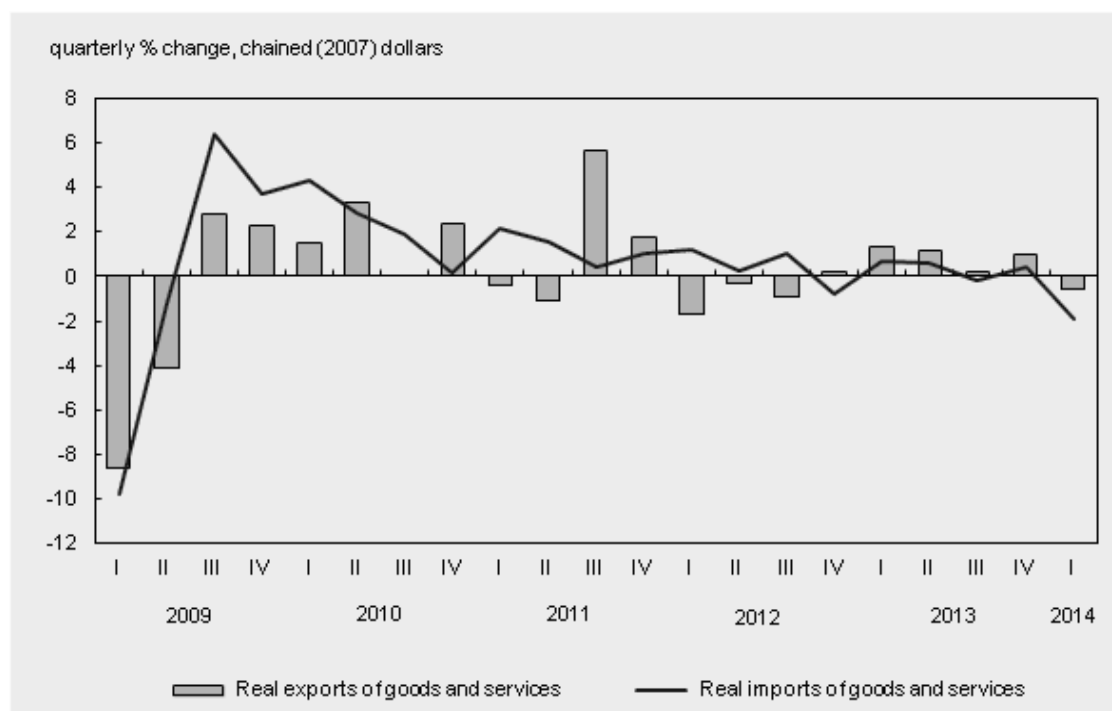

Рис. 2. Объем канадского экспорта и импорта товаров и услуг в 2009–2014 гг. (поквартально), %

6. Иммиграционные потоки и их социокультурная адаптация

Несмотря на эти данные, косвенно свидетельствующие об осложнении экономической ситуации в стране, поток иммиграции в Канаду не иссякает. Об этом говорят данные о количестве иммигрантов различных категорий, приехавших в Канаду за последние пять лет (см. табл.).

Такому стабильному притоку иммигрантов способствуют программы приема, существующая практика предоставления различных видов виз (например, шестилетней визы на временное проживание в Канаде для родителей граждан и постоянных резидентов Канады — Parent and Grand Parent Super Visa). Правда, в последние годы прием заявлений на иммиграцию в Канаду осложнился введением достаточно узких перечней приглашаемых профессионалов (List of eligible professions) и требованием успешно пройти тестирование на уровень владения английским или французским языками (IELTS или сопоставимых с ним) [13, с. 772]. При соответствии этим требованиям иммигранты сразу получают помощь со стороны государственных и общественных организаций: в аэропорту их встречает представитель Канадской иммиграционной службы (CIC), они получают пакет инструкций для первых недель жизни в Канаде (как открыть счет в банке и получить кредитную карту, как снять или купить жилье, как зарегистрироваться для получения персонального ИИН (SIN) или ИИН для ведения бизнеса, как найти домашнего врача, где сдать экзамен на

вождение и пр.). Большинство из этих процедур окажутся достаточно простыми, однако в каждой из них нового жителя Канады может подстеречь какая-либо тонкость.

Так, достаточно непросто получить кредитную карту в канадском банке. Кредитная история в России или любой другой стране не принимается во внимание. В лучшем случае откроют пробную кредитную карту на год, положив на нее деньги клиента. По истечении срока проверки и в случае успешного использования пробной карты банк предоставит уже небольшую собственную кредитную линию, которая постепенно будет увеличиваться, особенно если удастся найти работу. Без подобной карты нельзя заработать кредитную историю в Канаде, а значит, нельзя взять кредит на приобретение жилья или иные расходы.

Приобретая жилье, лучше всего обратиться к риелтору, причем в Канаде есть и специалисты по поиску наиболее дешевого банковского займа для приобретения жилья (mortgage). Этот заем может составлять около 3–4% ежегодно в зависимости от суммы и срока займа и банка. Этот специалист проверит, не включен ли дом в «черный список» банков страны в результате неэффективности действий управляющей этим домом компании или иных обстоятельств. Квартиры в таком доме будут стоить дешево (например, около 50 тыс. долларов за трехкомнатную квартиру), однако ни один банк не выдаст заем под ее приобретение.

Практически все иммигранты, с которыми мне удалось пообщаться, указывали в качестве основ-

Иммигрантские потоки в Канаду с 2009 по 2013 г., человек

	2009	2010	2011	2012	2013
Иммигранты категории «Семья» (Family Class)	65 207	60 224	56 450	65 010	79 586
Квалифицированные работники	40 733	48 819	36 778	38 599	34 165
Семьи и родственники квалифицированных работников	55 221	70 536	52 007	52 865	48 948
Предприниматели	370	291	184	127	114
Фрилансеры	182	174	113	89	94
Инвесторы	2871	3223	2980	2615	2359
Лица, имеющие опыт проживания и работы в Канаде (Canadian Experience Class)	1775	2533	3973	5943	4359
Участники провинциальных программ по иммиграции	11 800	13 856	15 295	17 201	18 782
Лица, обеспечивающие уход за больными и престарелыми гражданами и проживающие с ними (Live-in caregivers)	6273	7664	5033	3690	4845
Экономические иммигранты	153 491	186 915	156 117	160 821	148 037
Беженцы	22 850	24 697	27 873	23 098	23 968
Прочие иммигранты	10 623	8845	8305	8960	7028
Всего	252 172	280 688	248 748	257 894	258 619

Источник: <http://www.cic.gc.ca/english/resources/statistics/facts2013-preliminary/01.asp>

ной проблемы невозможность найти достойную работу по специальности. В процессе оформления иммиграции вопрос о квалификации заявителя относится к наиболее важным, а сама квалификация приносит ему наибольшее количество баллов при определении возможности эмигрировать (такая процедура используется уже давно в канадских представительствах по всему миру), но при попытке устроиться на работу в Канаде иммигранты сталкиваются с необходимостью предъявить хоть какой-то опыт работы в Канаде (*Canadian experience*), но не могут получить его, не устроившись на работу. Результатом этого становится многолетний труд на рабочем месте с низкой квалификацией. Для представителей медицинских и педагогических профессий существуют особые, практически непреодолимые квалификационные преграды. Так, чтобы работать учителем иностранного языка в Торонто, необходимо подать заявление на прием в особую организацию — контролирующий и сертифицирующий орган Торонский колледж учителей. Для приема в этот колледж, дающий право на поиск работы в государственных школах Онтарио, необходимо представить внушительный пакет документов, включая переводы всех документов об образовании (предварительно снабженных апостилом), причем перевод принимается лишь в исполнении сертифицированных в Онтарио переводчиков. Кроме того, необходимо множество справок, писем (например, от имени заместителя министра образования и науки России с подтверждением того, что человек может вернуться в Россию и будет принят на педагогическую должность). Все дипломы и справки об образовании должны быть высланы напрямую выдавшими их институтами и университетами, а о научных степенях — диссертационными советами. Пройдя процедуру проверки этих документов, заявитель скорее всего получит отрицательный ответ с требованием пройти обучение в течение одного года и получения степени бакалавра в канадском университете по своей специальности.

7. Языковые вопросы и социокультурные коммуникации

Отдельно следует упомянуть и языковой вопрос, оказывающий влияние на уровень жизни канадцев, в первую очередь новых граждан или резидентов страны. Облегчающим ситуацию обстоятельством служит то, что в каждом городе Канады иммигрантам предоставляется возможность бесплатно посещать курсы английского или (в Квебеке) французского языка. Однако сама

языковая ситуация в стране достаточно непроста (см. <http://www12.statcan.gc.ca/census-recensement/2011/as-sa/98-314-x/98-314-x2011001-eng.cfm>).

В Канаде более 200 языков, указанных в переписи населения 2011 г. в качестве используемых дома или родных. Среди языковых групп, чрезвычайно активно расширяющихся в стране, упоминается, к примеру, тагалог (+64% прироста носителей этого языка с 2006 г.) Количество говорящих на тагалог жителей Канады составляет 279 тыс. человек.

В 2011 г. в шести крупнейших конгломератах Канады 80% жителей сообщили, что они используют какой-либо этнический язык помимо английского, французского или языка аборигенов страны. Около 17,5% жителей Канады (5,8 млн человек) указали, что используют как минимум два языка в домашнем общении — в 2006 г. эта цифра составляла 14,2%, или 4,5 млн человек.

Что касается родного языка, то 20,6% канадцев (6,8 млн человек) указали в своих данных иной язык, нежели английский или французский, 6,2% канадцев говорят только на своем родном языке, а 63,5% не носителей государственных языков используют английский в домашнем обиходе.

Меняется ситуация и с французским языком: количество говорящих только на нем дома сокращается: в 2013 г. 21% всего канадского населения в отличие от 21,4% в 2006 г. Даже в Квебеке по-французски говорят уже только 72,8% жителей, что на 2,3% меньше, чем в 2006 г. Для сравнения: только английским пользуются 74,1% канадцев. Правда, несколько увеличилась доля жителей страны, владеющих обоими государственными языками и использующих их в бытовом общении (17,5%). Билингвизм имеет в Канаде достаточно узкую реализацию — как правило, ограниченную сферой государственных и образовательных учреждений. Англо-французский билингвизм реализован в полной мере только в Нью-Брансвике.

Перечень факторов, сказывающихся на повседневной жизни канадца, его работе, общении с соседями, друзьями, его правах и обязанностях, достаточно широкий. Анализируя все обстоятельства, сопровождающие повседневную коммуникацию в Канаде, особенно жизнь и быт иммигрантов как группы, чрезвычайно серьезно влияющей на облик этой страны, важно учитывать национальную специфику этой коммуникации, особенности менталитета, традиции трудоустройства и языковую палитру этой замечательной страны.

Список литературы

1. Encyclopedia Britannica World Atlas. Chicago – London – New Delhi – Paris – Seoul – Sydney – Taipei – Tokyo, 2008.
2. UK 2005. The official Yearbook of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland. London, 2005.
3. Oxford Dictionary of the World. Oxford, 1996.
4. Compact Oxford English Dictionary. Oxford, 2013.
5. The World Book Encyclopedia. London – Sydney – Tunbridge Wells – Chicago, 1994. Vol. 3.
6. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Fourth Edition-Cambridge, 2013.
7. Longman Dictionary of English Language and Culture New Edition. Harlow, Essex, 2003.
8. Collins Dictionary Seventh Edition. Glasgow, 2008.
9. The Canadian Press. 28 May 2013.
10. Longman Business English Dictionary. New Edition. Harlow. Essex, 2007.
11. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. New Edition. Oxford, 2007.
12. Statistics Canada (<http://www.statcan.gc.ca>).
13. Statistics Canada. URL: <http://www.cic.gc.ca/english/resources/statistics/facts2013>).
14. Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford, 2010.
15. The World in 2014. London, The Economist, 2014.
16. Ощепкова В.В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. М.: СПб., 2004.
17. Мировая экономика и международные отношения / Под ред. д.э.н., проф. А.С. Булатова, д.э.н., проф. Н.Н. Ливенцева. – М., 2010.

References

1. Encyclopedia Britannica World Atlas. – Chicago – London – New Delhi – Paris – Seoul – Sydney – Taipei – Tokyo, 2008.
2. UK 2005. The official Yearbook of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland. – London, 2005.
3. Oxford Dictionary of the World. – Oxford, 1996.
4. Compact Oxford English Dictionary. – Oxford, 2013.
5. The World Book Encyclopedia. – London – Sydney – Tunbridge Wells – Chicago, 1994, Vol. 3.
6. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Fourth Edition – Cambridge, 2013.
7. Longman Dictionary of English Language and Culture New Edition. – Harlow, Essex, 2003.
8. Collins Dictionary Seventh Edition. – Glasgow, 2008.
9. The Canadian Press, 28 May 2013.
10. Longman Business English Dictionary. New Edition. – Harlow. Essex, 2007.
11. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. New Edition. – Oxford, 2007.
12. Statistics Canada (<http://www.statcan.gc.ca>).
13. Statistics Canada (<http://www.cic.gc.ca/english/resources/statistics/facts2013>).
14. Oxford Advanced Learner's Dictionary. – Oxford, 2010.
15. The World in 2014. – London, The Economist, 2014.
16. Oshchepkova V.V. *Yazyk i kul'tura Velikobritanii, SShA, Kanady, Avstralii, Novoy Zelandii* [Language and culture of the UK, USA, Canada, Australia, New Zealand]. Moscow, St. Petersburg, 2004.
17. Bulatov A.S., Liventsev N.N. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. Moscow, 2010.

Новые условия пенсионного обеспечения и порядок исчисления страховой пенсии с 2015 г.

New Pension Conditions and Procedure for Calculation of Insurance Pension from 2015

Получено 21.05.2014 Одобрено 02.07.2014 Опубликовано 10.09.2014

УДК 368.914

DOI: 10.12737/5651

ПАВЛЮЧЕНКО В.Г.

д-р экон. наук, профессор Российского государственного социального университета
129226, Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1
E-mail: 1irina_@mail.ru

PAVLYUCHENKO V.G.

Doctor of Economic, Professor of Russian State Social University
Building 1, 4 Wilhelm Pieck St., Moscow, 129226, Russia
E-mail: 1irina_@mail.ru

Аннотация

Объект. Пенсионная реформа 2013–2014 гг. – социальные аспекты, экономическая сущность, нормативная система расчета страховой пенсии, социально-экономическая мотивация труда в аспекте пенсионного законодательства, принципы дифференцированного подхода, пенсионные права.

Предмет. Изменение порядка установления и исчисления размера страховых пенсий по старости, инвалидности и потере кормильца. Сущность новой пенсионной формулы. Механизмы прямой зависимости размера страховой пенсии по старости от суммы страховых взносов. Повышение роли страхового стажа. Принципы дифференциации в пенсионном обеспечении. Экономические механизмы, стимулирующие к активному участию в формировании пенсионных прав и к более позднему выходу на пенсию. Компоненты, формирующие пенсионные права застрахованных лиц. Индивидуальный пенсионный коэффициент (ИПК). Коэффициент повышения размера страховой пенсии по различным основаниям, установленным законодательством. Правила и порядок установления ИПК с 2015 г.

Цель. Формирование методических основ и раскрытие сущности пенсионной реформы 2013–2014 гг., ее компонент, нормативной системы, социальной ориентации и экономических механизмов.

Основные направления статьи. В статье излагается новый порядок формирования и назначения пенсии для ныне живущих и будущих пенсионеров в свете новой пенсионной реформы 2014–2015 гг. Раскрываются нормативные и мотивационно стимулирующие основы, описываются правила, порядок исчисления и ряд социально-правовых и экономических аспектов.

Ключевые слова: страховая пенсия, страховой стаж, индивидуальный пенсионный коэффициент, повышающий коэффициент, фиксированная страховая выплата, пенсионная формула, нормативы пенсионной формулы, страховые взносы.

Abstract

Object. The pension reform of 2013-2014 – social aspects, economic essence, the standard system of calculation of the insurance pension, social and economic motivation of work in the aspect of the pension legislation, the principles of the differentiated approach and pension rights.

Subject. Change of the order of fixing and calculating of the size of insurance old-age pensions, disability pensions and pensions for the lost bread-winner. The essence of the new pension formula. Mechanisms of direct dependence of the size of an insurance old-age pension on the sum of insurance premiums. The increasing of a role of an insurance experience. The principles of differentiation in provision of pensions. The economic mechanisms stimulating active participation in forming the pension rights and a later retiring on a pension. The components forming the pension rights of insured persons. The individual Pension Coefficient (IPC). Coefficient of increasing the size of an insurance pension on various bases established by the legislation. The rules and order of establishing the IPC since 2015.

Purpose. Formating the methodical bases in disclosing the essence of the pension reform of 2013-2014, its components, standard system, social orientation and economic mechanisms.

Orientation of the Article. The article deals with new order of forming and fixing of pensions for present-day and future pensioners in the light of the new pension reform of 2014-2015. Stimulating and motivation standards, new terms and conditions of pension provision and calculation and a number of social and legal and economic aspects are considered.

Keywords: an insurance pension, insurance, the individual pension coefficient, coefficient, fixed insurance payment, a pension formula, pension formula standards, insurance premiums.

1. Как формируется и исчисляется страховая пенсия по старости

Пенсионная реформа 2013–2014 гг. наряду с радикальным изменением оснований и условий обязательного пенсионного страхования (далее — ОПС) изменила также порядок установления и исчисления размера страховых пенсий по старости, инвалидности и потере кормильца. Другими словами, принята новая пенсионная формула, заменившая формулу 2002 г. По идее, она будет

действовать не только в ближайшем, но и более отдаленном будущем. По ней станет выходить на пенсию не одно поколение российских граждан, в том числе и те, кто частично или полностью сформировал свои пенсионные права до 2015 г.

Кроме того, порядок и условия назначения пенсии по новой формуле применяются только для страховой пенсии. Что же касается накопительной пенсии, то при исчислении ее размеров сохраняется (с некоторыми изменениями) прежний порядок.

2. Основные положения пенсионной формулы при установлении пенсии по старости

Переход к новой пенсионной формуле страховых пенсий не был ни конъюнктурным, ни случайным. Он определялся необходимостью преодолеть ряд недостатков пенсионной формулы 2002 г. и сформировать механизмы, обеспечивающие усиление страховых принципов в деятельности ОПС, и как следствие, повысит уровень и качество пенсионного обеспечения граждан [Соловьев, 2013, 1]. Поэтому целевые ориентиры при разработке новой пенсионной формулы были следующие.

1. Создание механизмов, обеспечивающих прямую зависимость размера страховой пенсии по старости от суммы страховых взносов, уплаченных работодателям или самим застрахованным лицом в Пенсионный фонд Российской Федерации (ПФР).
2. Преодолеть тенденции уклонения российских граждан от участия в обязательном пенсионном страховании. По оценкам, сегодня почти 40 млн человек из 86 млн трудоспособного населения в России никаких взносов не платят, пенсионных прав не формируют [Голодец, 2013, 2].
3. Повышение роли страхового стажа при формировании пенсионных прав и исчислении размера пенсии.
4. Преодоление уравниловки в пенсионном обеспечении.
5. Постепенный отказ от льготных тарифов по уплате страховых взносов в Пенсионный фонд для отдельных категорий застрахованных лиц.
6. Создание экономических механизмов, стимулирующих каждого застрахованного к активному участию в формировании его пенсионных прав и к более позднему выходу на пенсию.
7. Гарантирование не декларативного, а реального обеспечения достойного уровня пенсионного обеспечения. В 2013 г. коэффициент замещения пенсией утраченного заработка (K_3) после выхода на пенсию составил 35% (в 2014 г. прогнозируется еще ниже), т.е. доходы застрахованного лица после выхода на пенсию снижаются минимум в три раза.
8. Создание пенсионной формулы, простой и доступной для понимания каждого и обеспечивающей социальную справедливость. Отметим, что эта цель не реализована. Формула получилась громоздкой и трудной для понимания.

Исходя из вышеуказанных задач и особенностей действующего порядка пенсионного обеспечения

российских граждан, были определены и установлены базовые параметры новой пенсионной формулы, а также правила исчисления размера страховой пенсии по старости [Федеральный закон № 400-ФЗ, 2013, 3]. Назовем некоторые из них.

1. Экономические механизмы, направленные на обеспечение учета в страховой пенсии всех компонентов, формирующих пенсионные права застрахованных лиц, а именно стажа и размера заработка (дохода), с которого вносились страховые взносы. Это положение основополагающее, ибо оно нацеливает работника, во-первых, на выведение зарплаты (дохода) из «тени» и уплату страховых взносов с ее полной суммы. И во-вторых, на увеличение страхового стажа, т.е. периода, в течение которого уплачиваются страховые взносы.
2. Законодательно установленные нормативы новой пенсионной формулы: а) наличие страхового стажа при выходе на пенсию не менее 15 лет. Правда, эта норма начнет действовать с 2025 г. В 2015 г. страховой стаж еще должен составлять 6 лет, а затем ежегодно будет увеличиваться на один год; б) наличие индивидуального пенсионного коэффициента (ИПК) не менее 30; в) уплата страховых взносов в ПФР с заработной платы (дохода) не ниже минимального ее размера, ежегодно устанавливаемого правительством. На 2014 г. он составляет 11 108 руб. (2 МРОТ) в месяц [Федеральный закон № 336-ФЗ, 2013, 4].
3. Экономические механизмы, стимулирующие работника к более позднему выходу на пенсию и активному участию в формировании своих пенсионных прав за счет оптимизации взносов.

Созданы реальные предпосылки для преодоления одного из глубинных недостатков старой системы ОПС — уравнильного характера пенсионного обеспечения.

Новая пенсионная формула, как уже отмечалось, базируется на балльных технологиях. Их содержание и особенность состоят в том, что при установлении пенсионных прав застрахованных лиц, при исчислении размера страховых пенсий используются не конкретные стоимостные (денежные) или натуральные показатели, скажем, накопленный капитал в рублях, стаж в годах и т.д., а расчетные коэффициенты, оцененные в баллах (зарплатные, стажевые и др.). Так, вклад застрахованного лица в пенсионную систему оценивается величиной индивидуального пенсионного коэффициента. Его величина рассчитывается по специальной методологии, она может равняться 1, 10 и т.д. Поэтому сама новая пенсионная фор-

мула предполагает целый ряд формул, по которым рассчитываются и устанавливаются соответствующие коэффициенты.

Новая пенсионная формула установлена Федеральным законом (№ 400-ФЗ от 28 декабря 2013 г. «О страховых пенсиях»). С первого января 2015 г. и в дальнейшем страховая пенсия по старости будет устанавливаться и рассчитываться по этой формуле, независимо от периода, когда формировались их права — до 2015 г. или после 2015 г. Все уже сформированные пенсионные права на страховую пенсию (полностью или частично) до 2015 г., отраженные (учтенные) на лицевом счете застрахованного лица, сохраняются. Соответственно они будут пересчитаны в баллы и приняты в расчет при назначении страховой пенсии по старости. Формирование пенсионных прав по новой пенсионной формуле будет осуществляться тем застрахованным лицам, которые свою трудовую деятельность начнут с 2015 г. и в последующие годы, а также которые уже частично сформировали свои пенсионные права еще на старой законодательной базе и продолжают их формирование в соответствии с новыми правилами до выхода на пенсию.

Говоря о размере страховой пенсии по старости, необходимо учитывать, что она, как и до реформы, по-прежнему состоит из двух частей:

- 1) собственно страховой пенсии, исчисляемой по новой пенсионной формуле;
- 2) фиксированной выплаты к страховой пенсии (аналог фиксированного базового размера страховой части трудовой пенсии по старости). Размер выплаты установлен Законом и подлежит ежегодной корректировке по основаниям, установленным законодательством (будут рассмотрены позже).

3. Правила формирования и исчисления страховой пенсии по старости

Федеральным законом «О страховых пенсиях» в качестве базовой установлена следующая пенсионная формула для установления страховой пенсии по старости, инвалидности, потере кормильца и исчисления ее размера:

$$СП = ИПК \times СПК,$$

где СП — страховая пенсия соответственно по старости, по инвалидности, по потере кормильца; ИПК — индивидуальный пенсионный коэффициент; СПК — стоимость одного пенсионного коэффициента на день, с которого назначается страховая пенсия.

Как следует из приведенной формулы, определяющим (базовым) параметром, на основе которого устанавливается страховая пенсия по старости

и исчисляется ее размер, является индивидуальный пенсионный коэффициент (если он меньше 30 на момент выхода на пенсию, то страховая пенсия не назначается). Дело в том, что в реформированной пенсионной системе объем прав застрахованного лица определяется размером страховых взносов, уплаченных в Пенсионный фонд работодателем или им самим, на страховую пенсию, продолжительностью страхового стажа, а также отказом на определенный период от получения страховой пенсии после ее назначения [Федеральный закон № 336-ФЗ, 2013, 4]. Для количественного учета объема сформированных пенсионных прав застрахованного лица используется индивидуальный пенсионный коэффициент, одновременно устанавливающий вклад застрахованного лица в пенсионную систему. Его размер определяется суммой внесенных страховых взносов на страховую пенсию. Эта сумма зависит от размера зарплаты (дохода), с которой уплачиваются взносы, и продолжительности страхового стажа, т.е. периода, в течение которого уплачиваются взносы. Тем самым в формуле реализуется один из базовых принципов пенсионного страхования: зависимость размера пенсии от размера зарплаты (дохода), с которой уплачивались страховые взносы на страховую пенсию по старости. Логика здесь простая: больше взносов — больше пенсия. Необходимо также отметить, что размер ИПК у каждого застрахованного лица, в силу неодинакового размера зарплаты (дохода), с которой уплачивались страховые взносы в ПФР, разный.

Индивидуальный пенсионный коэффициент определяется ежегодно и учитывается на индивидуальном лицевом счете застрахованного лица. Таким образом, исходной точкой установления и исчисления страховой пенсии по старости является исчисление ИПК за каждый год трудовой деятельности застрахованного лица. Принципы и порядок его определения установлены Федеральным законом [Федеральный закон № 400-ФЗ, 2013, 5].

При определении величины ИПК в расчет принимаются все периоды, в течение которых формировались его пенсионные права независимо от законодательной базы, на основе которой они устанавливались. Таких периодов выделено два: период до 2015 г. и период с 2015 г. Следовательно, у застрахованных лиц, которые до 2015 г. частично заработали свои пенсионные права и продолжают их формирование с 2015 г. до выхода на пенсию (уже по новой формуле), индивидуальный пенсионный коэффициент, используемый для исчисления страховой пенсии по старости, будет представлять собой сумму ИПК за период до 2015 г. и ИПК за

период после 2015 г. Этот общий ИПК увеличивается на коэффициент повышения индивидуального пенсионного коэффициента в случаях, предусмотренных законодательством. Таким образом, определение величины ИПК за конкретный год производится по формуле

$$\text{ИПК} = (\text{ИПКс} + \text{ИПКн}) \times \text{КвСП},$$

где ИПКс — индивидуальный пенсионный коэффициент за период до 2015 г.; ИПКн — индивидуальный пенсионный коэффициент за период после 2015 г.; КвСП — коэффициент повышения размера страховой пенсии по различным основаниям, установленным законодательством.

Данная формула будет действовать на протяжении всего переходного периода (до 2025 г.). К этому времени отпадет необходимость в определении индивидуального пенсионного коэффициента за период до 2015 г., так как все застрахованные лица, частично сформировавшие свои пенсионные права ранее 2015 г., выйдут на пенсию. Формула его расчета, следовательно и пенсии, упростится.

Учитывая, что законодательные базы, на основе которых формировались пенсионные права застрахованных лиц в период до 2015 г. и после 2015 г., разные, то и правила, по которым устанавливается величина ИПК в каждом из этих периодов, тоже разные.

4. Порядок исчисления индивидуального пенсионного коэффициента за период до 2015 г.

Сначала обратим внимание на следующие моменты. С одной стороны, целостность пенсионной реформы предполагает необходимость определять ИПК в обоих периодах формирования пенсионных прав застрахованными лицами. Без этого пенсионная реформа была бы обречена на провал. В то же время состояние статистической базы и особенности пенсионного обеспечения до 2015 г. не позволяют напрямую определить размер ИПК. Поэтому он был осуществлен косвенным путем с использованием размера страховой пенсии, исчисленной по состоянию на 31 декабря 2014 г. На этой основе и ведется расчет ИПК за период до 2015 г. В соответствии с таким подходом установлена формула для определения величины ИПК за период до 2015 г.:

$$\text{ИПКс} = \text{П} / \text{СПКк} + \sum \text{НП}i$$

где ИПКс — индивидуальный пенсионный коэффициент за периоды, имевшие место до 1 января 2015 г.; П — размер страховой части трудовой пенсии по старости; $\sum \text{НП}i$ — сумма коэффициентов, определяемых за каждый календарный год так

называемых иных периодов, засчитываемых в страховой стаж; СПКк — стоимость одного пенсионного коэффициента по состоянию на 1 января 2015 г. [Федеральный Закон № 400-ФЗ, 2013, 5]. Определена законом «О страховых пенсиях» в сумме 64 рубля 10 копеек.

В отношении параметров этой формулы сделаем следующие уточнения.

1. Установленная застрахованному лицу страховая часть трудовой пенсии по старости, используемая при установлении ИПК за период до 2015 г., учитывается не в полном размере. Из нее вычитаются:

а) фиксированный базовый размер страховой части страховой трудовой пенсии;

б) накопительная часть трудовой пенсии, начисленная по состоянию на 31 декабря 2014 г.

Логика здесь простая: в период до 2015 г., согласно пенсионному законодательству, финансовые ресурсы на выплату фиксированного базового размера пенсии формировались не за счет страховых взносов, а за счет средств федерального бюджета [Федеральный закон № 254-ФЗ, 2013, 6]. Следовательно, к формированию пенсионных прав застрахованного лица на страховую пенсию они никакого отношения не имели и не должны учитываться как его вклад в пенсионную систему. Что касается накопительной пенсии, то размер страховых взносов, уплаченных на формирование пенсионных накоплений, учтен при исчислении ее размера.

2. Иные периоды деятельности, включаемые наряду с периодами работы в страховой стаж [Закон Российской Федерации № 4468-1, 1993, 7], а также величина коэффициентов за каждый из них, учитываемых при определении размера ИПК, установлены законом «О страховых пенсиях». К этим периодам относятся:

- период прохождения военной службы, службы в органах внутренних дел, государственной противопожарной службы, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей (величина коэффициента 1,8);
- период ухода за первым ребенком до полутора лет (коэффициент 1,8), за вторым — 3,6, за третьим и четвертым ребенком до достижения полутора лет каждым из них (коэффициент 5,4);
- период проживания супругов военнослужащих, проходивших военную службу по контракту, вместе с супругами в местностях, где они не могли трудиться в связи с отсутствием возможности трудоустройства, включаются в страховой стаж, но не более пяти лет в общей сложности.

Кроме того, в страховой стаж включаются другие периоды: получения пособия по временной нетрудоспособности, по безработице, участия в оплачиваемых общественных работах, период проживания супругов-дипломатов за границей и др.

Теперь остановимся на коэффициенте повышения КвСП индивидуального пенсионного коэффициента, используемого при исчислении размера страховой пенсии по старости.

Во-первых, это неотъемлемая составляющая новой пенсионной формулы.

Во-вторых, он применяется при определенных условиях и должен стимулировать активность участия граждан в формировании своих будущих пенсий. В частности, речь идет о повышении их заинтересованности в более позднем выходе на пенсию, чем общеустановленный возраст, в том числе и выходящих досрочно. Этот коэффициент используется в случае:

1) назначения страховой пенсии по старости впервые, в том числе досрочно, позже возникновения права на эту пенсию;

2) отказа от получения назначенной страховой пенсии по старости, в том числе досрочно, на определенный период, с последующим ее восстановлением или назначением вновь.

В применении этого коэффициента имеются и свои ограничения. Так, повышающий коэффициент не применяется, если застрахованное лицо уже получает какую-либо иную пенсию, за исключением накопительной. Величина КвСП установлена Федеральным законом «О страховых пенсиях» в зависимости от продолжительности неполучения страховой пенсии по старости после ее назначения. Соответствующие данные приведены в табл. 1.

5. Правила и порядок установления ИПК с 2015 г.

Рассмотрим порядок и правила установления величины индивидуального пенсионного коэффициента за период после 1 января 2015 г. Это необходимо по следующим причинам: во-первых, важно для тех, кто начнет выходить на пенсию с 2015 г. и кто частично или полностью сформировал или формирует свои пенсионные права в этот период. Во-вторых, хотя установление ИПК за период до 2015 г. и в период после 1 января 2015 г. базируются на одной и той же концепции, но механизмы их определения в каждом из этих периодов существенно различаются.

Четкие представления о правилах и порядках, установленных законодательством, при формировании пенсионных прав и установлении страховой пенсии по старости, как представляется, необходимы каждому будущему пенсионеру. В первую очередь это касается правил и порядка определения величины индивидуального пенсионного коэффициента за период с 1 января 2015 г. Что здесь необходимо иметь в виду? Его величина определяется следующим образом:

- исчисление индивидуального пенсионного коэффициента застрахованного лица за каждый год начиная с 2015 г. и до даты назначения страховой пенсии по старости;
- суммирование индивидуальных пенсионных коэффициентов застрахованного лица за все годы его работы;
- определение установленных законом за каждый год коэффициентов за иные периоды деятельности, засчитываемые в страховой стаж (во-

Таблица 1

Коэффициент повышения индивидуального пенсионного коэффициента при исчислении размера страховой пенсии по старости

Число полных месяцев, истекших со дня возникновения права на страховую пенсию по старости, в том числе назначаемую досрочно (со дня прекращения выплаты страховой пенсии по старости в связи с отказом от получения установленной страховой пенсии по старости, в том числе назначенной досрочно)	Повышающий коэффициент для лиц, которым назначается (восстанавливается либо назначается вновь) страховая пенсия по старости в соответствии со статьей 8 настоящего Федерального закона или могла быть назначена (восстановлена либо назначена вновь) указанная пенсия при определении размера страховой пенсии по случаю потери кормильца	Повышающий коэффициент для лиц, которым назначается
Менее 12	1	
12	1,07	
24	1,15	
36	1,24	
48	1,34	
60	1,45	
72	1,59	
84	1,74	
96	1,9	
108	2,09	
120	2,32	

енная служба, уход за ребенком до полутора лет и т.д.), их суммирование;

- сложение суммы индивидуальных коэффициентов за каждый год и суммы коэффициентов за каждый год иных периодов, засчитываемых в страховой стаж.

Как итог определяется величина ИПК за период с 2015 г. в соответствии с формулой, установленной законом:

$$\text{ИПК}_n = \sum \text{ИПК}_i + \sum \text{НП}_i,$$

где ИПК_n — индивидуальный пенсионный коэффициент за периоды, имевшие место с 1 января 2015 г., по состоянию на день, с которого назначается страховая пенсия по старости; $\sum \text{ИПК}_i$ — сумма индивидуальных пенсионных коэффициентов, определяемых за каждый календарный год; $\sum \text{НП}_i$ — сумма коэффициентов, определяемых за каждый календарный год иных периодов, засчитываемых в страховой стаж.

Исчисление коэффициентов иных периодов не представляет трудности, так как перечень таких периодов, засчитываемых в страховой стаж застрахованного лица, и оценка каждого из них в баллах установлены федеральным законом. Сложнее установить величину индивидуального пенсионного коэффициента застрахованного лица за каждый год начиная с 2015 г. и до момента выхода его на пенсию по старости. Главное: ИПК за каждый год отражает ежегодный вклад застрахованного лица в пенсионную систему, а на основании его стоимости определяется оценка накопленных пенсионных прав. Что касается вклада застрахованного лица в ПФР, то осуществляется он, как известно, в виде уплачиваемых страховых взносов работодателем или им самим на финансирование страховой пенсии по старости. Исходными нормативами для определения размера уплачиваемых страховых взносов являются:

- 1) страховой тариф на финансирование страховой пенсии по старости;
- 2) предельная величина заработной платы (дохода), с которой взимаются страховые взносы.

Здесь необходимы следующие пояснения.

1. Размер тарифа уплачиваемых страховых взносов на страховую пенсию по старости неодинаков для различных категорий застрахованных лиц. Так, для тех, кто не участвует в накопительной пенсионной системе, он составляет 16%, а кто участвует — 10%.

2. Предельная величина годовой заработной платы (дохода), с которой уплачиваются страховые взносы, ежегодно устанавливается правительством РФ. В 2013 г. она составляла 568 тыс. руб. (в среднем 47,3 тыс. в месяц), на 2014 г. определена в сумме 624 тыс. руб. (в среднем — 50,3 тыс. руб. в месяц) [Федеральный закон № 212-ФЗ, 2009, 8].

Для отдельных категорий плательщиков страховых взносов, в первую очередь для среднего и мелкого бизнеса, величина базы, с которой уплачиваются страховые взносы, установлена в размере 2 МРОТ. На основе предельной базы устанавливается нормативный размер уплаты страховых взносов в ПФР на страховую пенсию по старости. Он рассчитывается путем умножения максимального тарифа отчислений на страховую пенсию по старости (16 или 10%) на предельную базу для начисления страховых взносов в ПФР за соответствующий календарный год. Далее сумма страховых взносов, внесенных на финансирование страховой пенсии по старости, делится на установленный норматив страховых взносов для этого года. В итоге получаем величину индивидуального пенсионного коэффициента за определенный год. Затем он умножается на 10 в соответствии с формулой, установленной законом.

Изложенный порядок исчисления ИПК отражен в формуле

$$\text{ИПК}_i = (\text{СВ}_{\text{год},i} / \text{НСВ}_{\text{год},i}) \times 10,$$

где $\text{СВ}_{\text{год},i}$ — сумма страховых взносов на страховую пенсию по старости, уплаченных за каждый год за застрахованное лицо; $\text{НСВ}_{\text{год},i}$ — нормативный размер страховых взносов на страховую пенсию по старости. Он определяется как произведение тарифа на страховую пенсию по старости и предельной величины базы для начисления страховых взносов в пенсионный фонд.

Какие выводы можно сделать?

Величина ИПК за определенный год не может быть более 10 для застрахованных лиц, не участвующих в накопительной системе, так как сумма внесенных страховых взносов на страховую пенсию по старости эквивалентна нормативу страховых взносов на страховую пенсию по старости, исчисленную и установленную законом. Соответственно, у застрахованных лиц, которые участвуют в накопительной системе (уплачивают 6% индивидуального тарифа), величина ИПК за год не может превышать 6,25.

Размер ИПК за определенный год у разных застрахованных лиц разный, так как размер заработной платы (дохода) разный. Поэтому одно из назначений ИПК — стимулировать работников выводить из тени облагаемую взносами заработную плату.

В целях увеличения финансовых ресурсов пенсионной системы в переходный период предусматривается постепенно повышать предельную базу начисления страховых взносов на страховую пенсию по старости, которая корректируется с учетом роста средней заработной платы по стране (табл. 2).

Для определения размера страховой пенсии по старости по новой пенсионной формуле необхо-

Таблица 2

**Связь средней зарплаты с предельной
величиной базы для начисления страховых взносов**

	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Предельная величина базы для начисления страховых взносов (рублей)	1,7СЗП	1,8СЗП	1,9СЗП	2,0СЗП	2,1СЗП	2,2СЗП	2,3СЗП

димо определить не только величину индивидуального пенсионного коэффициента, но и его стоимость. При этом следует иметь в виду, что стоимость одного пенсионного коэффициента определяется и используется только за тот год, в котором застрахованное лицо выходит на пенсию. Она определяется по следующей формуле:

$$\text{СПК}_i = (\text{ОбСС}_i + \text{ТрФБ}) / \Sigma \text{ИПК},$$

где ОбСС_i — общая сумма страховых взносов, поступивших на выплату страховых пенсий; ТрФБ — трансферы из федерального бюджета на выплату страховых пенсий; ΣИПК — сумма индивидуальных коэффициентов пенсионеров, учитываемых для расчета ИПК СПК.

На переходный период величина ИПК_i установлена законом (табл. 3).

Новым пенсионным законодательством также установлена фиксированная выплата к страховой пенсии, в том числе по старости. (Это аналог базовой пенсии в старой пенсионной системе.) По своей социальной функции фиксированная выплата — это минимальное страховое обеспечение лиц, имеющих право на установление страховой пенсии. Таким образом, страховое обеспечение (страховая пенсия) по старости представляет собой сумму собственно страховой пенсии, исчисленную по новой формуле, и фиксированного размера страховой выплаты.

Федеральным законом определены основные положения о страховой выплате. К ним относятся:

1) фиксированная выплата к страховой пенсии назначается одновременно с установлением страховой пенсии;

2) отдельным категориям застрахованных лиц, которые определены законом, например получа-

тели пенсий по выслуге лет, за военную службу, службу в органах внутренних дел и т.п., фиксированная выплата к страховой пенсии не назначается;

3) размер фиксированной выплаты к страховой пенсии устанавливается одинаковый для всех. Он равен 3935 руб. в месяц [8];

4) ежегодно этот показатель индексируется 1 февраля на индекс роста цен на потребительские товары за прошедший год и с 1 апреля правительство вправе его дополнительно увеличить с учетом роста доходов пенсионного фонда;

5) установленный размер фиксированной выплаты увеличивается для льготных категорий населения, а также для тех, кто отказывается от получения назначенной страховой пенсии и продолжает работать после достижения пенсионного возраста (в том числе и досрочно).

Повышающий коэффициент для фиксированной выплаты должен, по замыслу реформаторов, стимулировать более поздний выход на пенсию. Повышающий коэффициент фиксированной выплаты устанавливается в зависимости от количества прошедших месяцев с момента возникновения права на страховую пенсию по старости и до момента обращения за ее назначением либо с момента отказа от получения пенсии до дня возобновления выплаты. Кроме того, величина повышающего коэффициента устанавливается в меньшем размере для лиц, которым назначается (восстанавливается) пенсия досрочно.

Установленные законодательством коэффициенты повышения размера фиксированной выплаты приведены в табл. 4.

Таблица 3

Исчисление ИПК_i в 2015–2020 гг.

Год осуществления деятельности, подлежащей обязательному пенсионному страхованию	Формула
2015	$\text{ИПК}_i = (\text{СВ}_{\text{год},i} / \text{НСВ}_{\text{год},i}) \times 7,39$
2016	$\text{ИПК}_i = (\text{СВ}_{\text{год},i} / \text{НСВ}_{\text{год},i}) \times 7,83$
2017	$\text{ИПК}_i = (\text{СВ}_{\text{год},i} / \text{НСВ}_{\text{год},i}) \times 8,26$
2018	$\text{ИПК}_i = (\text{СВ}_{\text{год},i} / \text{НСВ}_{\text{год},i}) \times 8,70$
2019	$\text{ИПК}_i = (\text{СВ}_{\text{год},i} / \text{НСВ}_{\text{год},i}) \times 9,13$
2020	$\text{ИПК}_i = (\text{СВ}_{\text{год},i} / \text{НСВ}_{\text{год},i}) \times 9,57$

К 2021 г. ИПК достигнет 10.

Повышающий коэффициент для фиксированной выплаты

Число полных месяцев, истекших со дня возникновения права на страховую пенсию по старости, в том числе назначаемую досрочно (со дня прекращения выплаты страховой пенсии по старости в связи с отказом от получения установленной страховой пенсии по старости, в том числе назначенной досрочно)	Повышающий коэффициент для лиц, которым назначается (восстанавливается либо назначается вновь) страховая пенсия по старости	Повышающий коэффициент для лиц, которым назначается (восстанавливается либо назначается вновь) страховая пенсия по старости досрочно
12	1,056	1,036
24	1,12	1,07
36	1,19	1,12
48	1,27	1,16
60	1,36	1,21
72	1,46	1,26
84	1,58	1,32
96	1,73	1,38
108	1,9	1,45
120	2,11	1,53

Кроме того, фиксированная выплата к страховой пенсии по старости повышается на 100% лицам, достигшим 80 лет, и инвалидам первой группы, на 50% — проработавшим на Севере не менее 15 лет и имеющим страховой стаж не менее 25 лет у мужчин и 20 лет у женщин, на 30% — проработавшим не менее 20 лет в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера, и имеющим страховой стаж не менее 25 лет у мужчин и 20 лет у женщин, и другим льготным категориям.

В заключение необходимо отметить, что новая пенсионная реформа, бесспорно, создала предпосылку к усилению страховых принципов в обязательном пенсионном страховании, что, в свою очередь, предопределяет повышение активности и ответственности каждого застрахованного лица за свое будущее пенсионное обеспечение. Здесь, действительно, «каждый — кузнец своего счастья». И это не просто фигуральное выражение, а суровая реальность.

Список литературы

1. Соловьев А.К. Солидарно-страховые принципы формирования пенсионных прав // Пенсия. 2013. № 3.
2. Голодец О. Сказка о потерянном населении // Труд. 2013. 5 апр.
3. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях».
4. Федеральный закон от 2 декабря 2013 г. № 336-ФЗ «О минимальном размере оплаты труда».
5. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях».
6. Федеральный закон от 30 сентября 2013 г. № 254-ФЗ «Об исполнении бюджета Пенсионного фонда за 2012 г.».
7. Закон Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей».
8. Федеральный закон от 24.07.2009 г. № 212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования и территориальные фонды обязательного медицинского страхования».

References

1. Solov'ev A.K. Solidarno-strakhovye printsipy formirovaniya pensionnykh prav [Jointly-insurance principles of pension rights]. *Pensiya* [Pension]. 2013, I. 3.
2. Golodets O. Skazka o poteryannom naselenii [The Tale of a lost population]. *Trud* [Labour]. 2013. 5 April.
3. *Federal'nyy zakon «O strakhovykh pensiyakh» ot 28 dekabrya 2013 g. № 400-FZ* [Federal Law "On Insurance Pensions" from December 28, 2013 № 400-FZ] (in Russian)
4. *Federal'nyy zakon «O minimal'nom razmere oplaty truda» ot 2 dekabrya 2013 g. № 336-FZ* [Federal Law "On the minimum wage" of December 2, 2013 № 336-FZ]. (in Russian)
5. *Federal'nyy zakon ot 28 dekabrya 2013 g. «O strakhovykh pensiyakh» № 400-FZ* [The Federal Law of 28 December 2013 "On Insurance Pensions" № 400-FZ]. (in Russian)
6. *Federal'nyy zakon «Ob ispolnenii byudzheta Pensionnogo fonda za 2012 g.» ot 30 sentyabrya 2013 g. № 254-FZ* [The Federal Law "On the performance of the Pension Fund budget for 2012" dated September 30, 2013 № 254-FZ]. (in Russian)
7. *Zakon Rossiyskoy Federatsii ot 12 fevralya 1993 g. № 4468-1 «O pensionnom obespechenii lits, prokhodivshikh voennuyu sluzhbu v organakh vnutrennikh del, Gosudarstvennoy protivopozharnoy sluzhbe, organakh po kontrolyu za oborotom narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv, uchrezhdeniyakh i organakh ugovolno-ispolnitel'noy sistemy, i ikh semey».* [Law of the Russian Federation of February 12, 1993 № 4468-1 «On pension provision of those performing military service in the police, the State fire service agencies to monitor traffic in narcotic drugs and psychotropic substances, institutions and bodies of the correctional system, and their families"']. (in Russian)
8. *Federal'nyy zakon ot 24.07.2009 g. № 212-FZ «O strakhovykh vznosakh v Pensionnyy fond Rossiyskoy Federatsii, Fond sotsial'nogo strakhovaniya Rossiyskoy Federatsii, Federal'nyy fond obyazatel'nogo meditsinskogo strakhovaniya i territorial'nye fondy obyazatel'nogo meditsinskogo strakhovaniya»* [The Federal Law of 24.07.2009 № 212-FZ "On Insurance Contributions to the Pension Fund of the Russian Federation, the Social Insurance Fund of the Russian Federation, the Federal Compulsory Medical Insurance Fund and territorial funds of obligatory medical insurance"']. (in Russian)

По материалам симпозиума в рубрике «Социокультурные и духовно-нравственные основы жизни» этого выпуска журнала представлены статьи:

Артамонова Г.Н., Бобкова В.Н. «Актуальность идейного наследия св. Фомы Аквинского»,

Кроствейта А. «Социальное учение св. Томмазо (Фомы) Аквинского»,

Гельвановского М.Г. «Тенденции экономического развития в современном мире: христианский взгляд».

РОССИЙСКО-ИТАЛЬЯНСКИЙ СИМПОЗИУМ «Вклад св. Фомы Аквинского в развитие общественных наук в Европе»

Russian-Italian Symposium on "The Contribution of St. Thomas Aquinas in the Development of Social Sciences in Europe"

Получено 12.06.2014 Одобрено 02.07.2014 Опубликовано 10.09.2014

УДК 316.7

DOI: 10.12737/5652

НОВОСЕЛОВ Е.И.

канд. ист. наук, руководитель отдела по этике ОАО «Всероссийский центр уровня жизни»
105043, Москва 4-я Парковая улица, д. 29
E-mail: info@vcug.ru

NOVOSYOLOV Ye.I.

Ph.D in History, Head of Ethics of the All-Russia Center of Living Standard PCL
29 4ya Parkovaya St., Moscow, 105043, Russia
E-mail: info@vcug.ru

Аннотация

Объект. Духовное наследие св. Томмазо ди Аквино. Социальные, культурные, экономические и социально-политические вопросы современного мира в аспекте их духовно-нравственного регулирования.

Предмет. Теологическое учение св. Томмазо как совокупность принципов для формирования социальной и культурной деятельности Церкви. Христианская антропология св. Томмазо в контексте социально-психологической и социально-нравственной методологии в вопросах воспитания и социализации личности человека. Социальная политика общества в условиях современного мира в аспекте социально-духовного учения св. Томмазо. Регулирование культурных процессов в обществе, процессов образования и обучения с позиций богословско-педагогической доктрины итальянского богослова и ученого. Регулирование экономических отношений в обществе в парадигме духовного наследия св. Томмазо.

Цель. Содействовать процессу сближения политики светского государства с институтом религии в вопросах культурного развития, гуманизации общества, развития науки и образования, патриотического и духовного воспитания молодежи, духовного оздоровления социальных институтов гражданского общества.

Ключевые слова: теология, добродетель, благоразумие, справедливость, благо — общее, этическое регулирование, разум, гуманитарная культура, католическая церковь.

Abstract

Object. St. Tommaso di Aquino's spiritual legacy. Social, cultural, economic and sociopolitical issues in the modern world in terms of their spiritual and moral regulation.

Subject of Research. St. Tommaso's theological teaching as a set of principles for the formation of social and cultural activities of the Church. Christian anthropology communication. Tommaso in the context of sociopsychological and socioethical issues in the methodology of education and socialization of a human being. Public social policy in the modern world in terms of the social and spiritual teaching of St. Tommaso. Regulation of cultural processes in society, education and training processes from the standpoint of theological and teaching doctrine of the Italian theologian and scholar. Regulation of economic relations in society in the paradigm of St. Tommaso's spiritual legacy.

Purpose. Contributing to the process of policy convergence of the secular state with the institution of religion in matters of cultural development and humanization of society, the development of science and education, patriotic and moral education of the youth, spiritual healing social institutions of civil society.

Keywords: theology, virtue, prudence, justice, common welfare, ethical regulation, intelligence, humanitarian culture, the Catholic Church.

10 июня 2014 г. в Культурном центре «Покровские ворота» состоялся российско-итальянский симпозиум «Вклад св. Фомы Аквинского в развитие общественных наук в Европе. К 740-летию кончины выдающегося итальянского христианского мыслителя».

Организаторы симпозиума: Итальянский институт культуры (Москва), Институт политических, экономических и социальных исследований (Рим), Всероссийский центр уровня жизни (ВЦУЖ, Москва), Научный совет по религиозно-социальным

исследованиям РАН, Культурный центр «Покровские ворота».

В симпозиуме приняли участие научные работники, преподаватели и студенты московских университетов. Организационную подготовку выполнила рабочая группа, в состав которой вошли директор Культурного центра «Покровские ворота» Жан-Франсуа Тири, директор Итальянского института культуры профессор Адриано Дель'Аста, советник генерального директора ВЦУЖ, кандидат исторических наук Е.И. Новоселов, генеральный секретарь Института ЭУРИСПЕС профессор Марко Риччери, установивший необходимые контакты в Риме. Рабочая группа планирует опубликовать в России (до конца этого года) научно-популярный сборник о св.Томмазо Аквинском, в который будут включены материалы симпозиума.

Выбор темы обусловлен памятной датой — 740-летием со дня кончины выдающегося итальянского христианского мыслителя Томмазо ди Аквино (Tommaso d'Aquino) [Aquinas, 1970, 1; Aquinas, 1976, 2; Gilson, 1925, 3; Gilson, 1931, 4; Copleston, 1988, 5]. В России он известен как богослов, философ и ученый Средних веков Фома Аквинский (1225–1274) [Боргош, 1975, 16; Жильсон, 1995, 20; Коплстон, 1999, 22; Лупандин, 1989, 23, с. 64–73; Маритен, 1994, 24; Неретина, 2008, 25; Свежавски, 1995, 26]. В европейской философии за ним закреплена слава «систематизатора ортодоксальной схоластики» [Grabmann, 1949, 6; Sertillanger, 1954, 7; 1974, 8; Kretzmann, 1993, 9; Weisheipl, 1983, 10].

Термин «схоластика» (*греч.* *σχολαστικὸς* — ученый, *Scholia* — школа) в истории культуры воспринимается иначе, нежели в политико-идеологическом или обыденном лексиконе. Так именовалась вся система европейской средневековой философии, поскольку развивалась при университетах (*Scholia*), имела академическую форму преподавания (*σχολαστικὸς*) на богословских кафедрах во всех университетах Европы. Отличительной чертой средневековой схоластики был синтез христианского (католического) богословия и философии Аристотеля. Именно такой синтез и создал Фома Аквинский, т.е. именно он стал родоначальником этой культурной традиции.

В религиозном католическом мире Томмазо ди Аквино, член ордена доминиканцев, получил титул «Учитель Церкви». В православной традиции этот титул закреплен за св. Василием Великим, св. Григорием Богословом, св. Иоанном Златоустом.

С конца XIX в. в Европе его признают как религиозного философа — основателя томизма. Фому Аквинского стали именовать *Doctor Angelicus*,

Doctor Universalis, «*princeps philosophorum*» («князь философов»).

Труды Фомы Аквинского прежде всего представляют два обширных трактата в жанре «суммы» (лат. *Summa* — литературный жанр, соединяющий стиль трактата-компендиума и энциклопедического справочника) — это «Сумма теологии» и «Сумма против язычников», именуемая как «Сумма философии» [Фома Аквинский. Сумма против язычников. 2004; 11–12; Фома Аквинский, Учение о душе, 2004, 13; Фома Аквинский, Сумма теологии, 2004, 14].

В Средние века и позднее жанр «суммы» стал культурным эталоном: «*Summa de bono*» Ф. Канцлера, «Сумма музыки» Псевдо-Муриса, «Сумма логики» Уильяма Оккама, «Сумма арифметики, геометрии, отношений и пропорций» Луки Пачоли.

Философско-теологическая система Фомы Аквинского. Философско-теологическая система Фомы Аквинского исходит из идеи двух истин — религии и науки. Фома Аквинский считал их совместимыми: одна истина дана Откровением, а другая истина — продукт человеческого разума (философского, научного). Средневековый мыслитель считал, что познание должно восходить в постепенности: сначала человек должен познать истины материального мира и только затем он будет приготовлен к постижению истин мира духовного (мира ангелов и Бога) [Фома Аквинский, 2004, 13; Грецкий, 1990, 18].

Центральное место в его системе занимает теологически переработанная этика Аристотеля [Бронзов, 1984, 15]. Начала нравственных деяний имеют два источника: внутренний и внешний. Добродетели формируются во внутреннем мире человека, в его духовно-душевной организации. Внешние источники нравственной жизни имеют тоже два истока. Один исток — благодать Божия, приводящая в человека от Святого Духа, а другой исток — социальный, приводящий из социума в виде благоразумных законов. Это сумма духовно-нравственных слагаемых, но основу нравственной жизни человек черпает из наличия в его душе теологических добродетелей — веры, надежды и любви. Второй ярус добродетелей, названных «кардинальными», составляют: а) благоразумие, б) справедливость, в) мужество, г) умеренность. Все остальные добродетели развиваются из них. Это классический аристотелизм в христианско-католической переработке [Бронзов, 1984, 15]. Закон социальный подчинен закону разума (у Аристотеля это названо дианоэтическими, т.е. интеллектуальными добродетелями), но над ними возвышается Вечный закон Божий, через который

божественный Промысел управляет мирозданием. Социально-политическую жизнь человека и общества Фома Аквинский также заимствовал из философии Аристотеля: в общественной жизни он выделял шесть форм правления: а) справедливые — монархию, аристократию и «политию» и б) несправедливые — тиранию, олигархию и демократию [Жильсон, 1995, 20; Калмычкова, 2004, 21, с. 114–120; Коплстон, 1999, 22].

В европейской культуре существуют последователи и оппоненты томизма. Прежде всего его религиозная философия вызвала протест клира. Первый оппонент Петр Испанский, медик, философ, логик (автор «*Summulae logicales*») стоял во главе церкви (папа Иоанн XXII), а затем Парижский архиепископ Этьен Тампье подвергли осуждению Аквината, написав 219 положений «против». Доминиканцы, в орден которых входил Фома Аквинский, встали на его защиту. Борьба мнений привела к столь широкому распространению идей и трудов Фомы, что возник особый культурный жанр «Корректив», под именем которого публиковались многочисленные апологетические поправки к философии и богословию Tommaso d'Aquino.

В 1323 г. папа Иоанн XXII причислил ученого-доминиканца к лику святых католической церкви. Канонизация Томмазо ди Аквино стала признанием церковью высокого авторитета науки, способствовала развитию сети европейских университетов.

Однако одновременно набирало силу оппонирующее течение, усилившееся в XIV–XV вв. в связи с общекультурным процессом критики схоластики (поздний период Возрождения и начало эпохи Реформации). Постепенно томизм стал утрачивать идейную привлекательность, исчезая из культурной практики Европы.

В XVI–XVII вв. томистская традиция вновь возродилась во Франции (А. Гудин «Философия в согласии с догматами Фомы») и Италии (С. Роселли «*Summa Philosophiae*»). Томизм опять стал оказывать влияние на европейский ум (Декарт, Спиноза, Лейбниц, Вольф) [Жильсон, 1995, 20].

Наконец, в конце XIX в. энцикликой *Aeterni patris* папы Льва XIII томизм был официально признан в качестве философии Католической церкви. В XX в. возникли современные интерпретации его трудов (М. Грабманн, П. Мандонне, М. де Вульф, Ж. Маритен, Э. Жильсон).

Симпозиум открыл директор Культурного центра «Покровские ворота» Жан-Франсуа Тири. Он отметил, что св. Фома Аквинский является одним из самых крупных богословов католического мира, однако в России он пока малоизвестен. Научный

форум призван в какой-то мере восполнить этот пробел, пробудить интерес к наследию великого святого, повлиявшего на развитие общественных наук в Европе.

Генеральный директор ВЦУЖ доктор экономических наук, профессор В.Н. Бобков в выступлении «Актуальность идейного наследия св. Фомы Аквинского» отметил актуальность выдвинутого св. Томмазо понятия «всеобщее благо». Применительно к современной капиталистической экономике (российские СМИ обычно используют эвфемизм «рыночная») оно означает, с одной стороны, признание и соблюдение работодателями своей социальной ответственности, а с другой, — использование обществом (профсоюзами, научным сообществом, общественными организациями христианской ориентации) и государством этических регуляторов экономической деятельности.

Профессор Бобков подчеркнул, что в этой области Россия пока отстает от Италии, поэтому необходимо ознакомить российское общественное мнение с тем, что там сделано и делается в области этического регулирования. Бобков сказал, что ВЦУЖ был инициатором симпозиума и публикации сборника, посвященного деятельности известного христианского священника, ученого и политика XX в. Луиджи Стурцо, и высказал мнение, что следовало бы, воздав должное памяти св. Томмазо, вспомнить и о таких деятелях католического мира Италии XX в., как экономист и социолог Д. Тоньоло, профсоюзный деятель Д. Пасторе, промышленник Э. Маттеи.

Генеральный секретарь Конференции католических епископов России священник Игорь Ковалевский в докладе «Фома Аквинский в Советском Союзе и в постсоветской России» сказал: «Ныне, когда во всем мире, включая нашу страну, углубляется социальное неравенство, размышления Томмазо ди Аквино об общем благе и справедливом распределении богатства, практически неизвестные до сих пор российским гражданам, весьма актуальны и заслуживают внимания» [Жильсон, 1995, 20; Маритен, 1994, 24; Неретина, 2008, 25; Свежавски, 1995, 26].

В своем слове священник Игорь Ковалевский отметил, что св. Фома удивлялся перед тайной Божией, понимая, как никто другой, ограниченность человеческого разума. Говоря об отношении к идейному наследию св. Фомы, священник предостерег от того, чтобы тиражировать прежние стереотипы — «отождествления св. Фомы с консерватизмом». Отец Игорь считает, что святой был «передовым мыслителем своего времени», который смог «христианизировать» философию

Аристотеля, инкультурировать Евангелие в сферу научного познания, создать новую методологию богословия. Что касается социального учения св. Фомы, то многие его фундаментальные открытия актуальны и по сей день, и современным мыслителям, ищущим новые социальные модели, стоит опираться на наследие св. Фомы и других ученых прошлого.

Профессор Адриано Дель'Аста, директор Итальянского института культуры (Москва), выступая с докладом «Св. Фома Аквинский как представитель итальянской и христианской культуры», сказал, что св. Фома Аквинский обращал особое внимание на вещи социальные, в том числе на труд, подчеркивая, что работа имеет духовный смысл как «способ содействия Богу в осуществлении его замысла».

И в начале третьего тысячелетия христиане относятся к трудам св. Фомы не как к ценному музейному экспонату, а черпают в них ответы на многие вопросы, связанные с новыми вызовами. По словам профессора Адриано Дель'Аста, очень значимым в богословии св. Фомы было открытие, что «работа для христианина имеет духовный смысл», что труд должен не только приносить материальные плоды, но и «содействовать Богу в осуществлении Его замысла». С этой точки зрения можно говорить не только о социально-экономических и политических причинах мирового кризиса начала XXI в., но и об этической его стороне [Бронзов, 1884, 15; Дзикович, 1986, 19]. «Всемирный кризис связан с недостатком желания... как гражданской добродетели. Желания чего? Совершенства, бесконечности. Важно, чтобы труд имел смысл в силу причастности к бесконечному», — пояснил профессор Дель'Аста. Он также упомянул об особенностях интеллектуальной работы самого св. Фомы, который, столкнувшись с трудными, неразрешимыми вопросами, «бросал бумаги и обнимал дарохранительницу» в надежде, что «присутствие Христа может решить самые сложные вопросы» [Свежавски, 1995, 26].

Профессор Алехандро Кроствейт, декан факультета общественных наук Папского университета им. св. Томмазо Аквинского (Анджеликум) выступил с докладом «Политические, социальные и экономические концепции св. Фомы».

Алехандро Кроствейт проанализировал католические подходы к частной собственности, либеральным экономическим концепциям, финансовому капиталу и политическому процессу. Сравнивая средневековые университеты и современную образовательную систему, Кроствейт отметил, что специализация в образовании, особенно в области социальных наук, приводит к

утрате цельности, универсальной перспективы общего блага, а также к формированию фрагментарной, разорванной картины мира в сознании человека.

Алехандро Кроствейт проанализировал политические, социальные и экономические концепции св. Фомы, изложенные в его «Сумме теологии». Поясняя, что великий богослов XIII в. вкладывал в понятия «природный закон», «добродетель», «общее благо», «справедливое действие», «социальная справедливость» и др., о. Алехандро подчеркнул, что социальное учение Католической церкви, разработанное в XIX–XX вв., опиралось именно на концепции св. Фомы [Фома Аквинский, Сумма против язычников 2004; 11–12; Фома Аквинский. Учение о душе, 2004, 13; Фома Аквинский. Сумма теологии, 2004, 14]. Отцы II Ватиканского собора и католические богословы рубежа XX–XXI вв. продолжают развивать социальное учение св. Фомы, которое, по словам о. Алехандро, имеет «всеобъемлющий характер»: оно утверждает, что моральные нормы должны быть регуляторами не только поведения людей, но и экономики, политики и социальной сферы [Калмычкова, 2004, 21].

Артем Логинов, кандидат экономических наук (Москва) в докладе «Экономическая школа в Саламанкском университете (XVII в.)» отметил, что социальная доктрина св. Фомы стала базисом для развития экономической школы в Саламанкском университете (XVII в.). Именно от трудов монахов-доминиканцев и иезуитов этой школы (а не от протестанта Адама Смита) ведет свое происхождение классическая экономическая теория [Калмычкова, 2004, 21, с. 114–120]. Представители Саламанкской школы работали «на стыке морального богословия, политической доктрины и экономической теории, антропологии, философии и социальных наук», а это «намного ближе к реальности, нежели современный мейнстрим», считает докладчик и подробно аргументирует свою точку зрения.

«Долг солидарности» — это выражение оказалось ключевым в послании профессора Марко Риччери, генерального секретаря Института политических, экономических и социальных исследований (ЭУРИСПЕС). Речь идет о том, что специалисты в области общественных наук не могут игнорировать этические аспекты при поиске решения острейших социальных проблем, они обязаны сотрудничать с общественными и религиозными организациями, в том числе с католическими и православными богословами [Жильсон, 1995, 20; Коплстон, 1999, 22; Маритен, 1994, 24; Свежавски, 1995, 26]. Эту мысль продолжил профессор Вячеслав Бобков, генеральный директор ВЦУЖ, который уверен, что без учета духовных ценностей и правильно

понимаемого «общественного блага» (одна из важных категорий богословия св. Фомы) невозможно подходить к решению социальных вопросов в современном мире.

Профессор Болонского университета, известный итальянский экономист и социолог Стефано Заманьи в своем выступлении «Помнить идейное наследие христианских мыслителей прошлого» отметил: «Рождение экономической мысли ошибочно связывается с именем Адама Смита, но итальянцы и другие европейцы, в отличие от американцев, русских, китайцев и бразильцев, ведут отсчет экономической теории с XI в. [Калмычкова, 2004, 21, с. 114–120].

Ответственность за ошибочное представление о становлении экономики как науки ложится на нас, итальянцев, ибо мы не позаботились перевести на иностранные языки книги наших соотечественников, таких как Антонино Флорентийский, которого Шумпетер считал величайшим экономистом, Бернардино Сионский, да и Томмазо Аквинского знает за пределами Италии лишь очень ограниченный круг гуманитариев. Обращение к ученым Средневековья позволяет «подняться над полем идейного противоборства» социалистов и либералов, нащупать третий путь в области социально-экономических проблем, подчеркнул ученый.

Пока дела идут хорошо, никто не вспоминает классиков, истоки и основы научного анализа происходящего. Фундамент снаружи не видно, обычно, глядя на здание, о фундаменте вообще не думают. Когда же происходит кризис, то вни-

мание сосредоточивается на первопричинах, на той самой основе. Как известно, если фундамент недостаточно прочен, здание разрушается, сказал в заключение профессор Заманьи.

Профессор Михаил Гельвановский, сопредседатель Научного совета по религиозно-социальным исследованиям Отделения общественных наук РАН, представил доклад «Тенденции экономического развития в современном мире: христианский взгляд» [Калмычкова, 2004, 21, с. 114–120]. Он дал неутешительный анализ современного состояния общества, которое, несмотря на достижения технического прогресса, во многом проигрывает социуму XIII в., когда «общее социальное поле было, бесспорно, гораздо возвышеннее и чище», а «Бог являлся центром Вселенной и определял цели и намерения людей». Из наследия св. Фомы ученый выбрал три сюжета, которые он считает наиболее актуальными для современных специалистов: учение о гармонии науки и веры; рациональный подход к использованию философского наследия предшествующих поколений, в частности мысль Аристотеля о двух сторонах хозяйственной деятельности человека — экономике и хрематистике (науке обогащения. — *Ред.*); рассуждения о социальном учении Церкви, основанном на понимании общества как «сообщества людей, стремящихся к полноте совершенства в Боге». Профессор Гельвановский предложил создать христианскую экономическую школу в противовес доминирующим либерально-рыночным подходам к анализу экономических проблем.

Список литературы

1. Aquinas. A collection of Critical Essays. L.—Melbourne, 1970.
2. Aquinas and Problems of his Time / ed. by G. Verbeke. Leuven — The Hague, 1976.
3. *Gilson E.* Saint Thomas de Aquin. P., 1925.
4. *Gilson E.* Moral Values and Moral Life. St. Louis—L., 1931.
5. *Copleston F.C.* Aquinas. L., 1988.
6. *Grabmann M.* Thomas von Aquin. Münch., 1949.
7. *Sertillanger A.D.* Der heilige Thomas von Aquin. Köln—Olten, 1954
8. Thomas von Aquin. Interpretation und Rezeption: Studien und Texte / hrsg. von W.P. Eckert. Mainz, 1974.
9. The Cambridge Companion to Aquinas / ed. by N. Kretzmann and E. Stump. Cambridge, 1993.

References

1. Aquinas. A collection of Critical Essays. L.—Melbourne, 1970.
2. Aquinas and Problems of his Time, ed. by G.Verbeke. Leuven — The Hague, 1976.
3. *Gilson E.* Saint Thomas de Aquin. P., 1925.
4. *Gilson E.* Moral Values and Moral Life. St. Louis — L., 1931.
5. *Copleston F.C.* Aquinas. L., 1988.
6. *Grabmann M.* Thomas von Aquin. Münch, 1949.
7. *Sertillanger A.D.* Der heilige Thomas von Aquin. Köln — Olten, 1954
8. Thomas von Aquin. Interpretation und Rezeption: Studien und Texte, hrsg. von W.P.Eckert. Mainz, 1974.
9. The Cambridge Companion to Aquinas, ed. by N.Kretzmann and E.Stump. Cambridge, 1993.

10. Weisheipl J. Friar Thomas Aquinas. His Life, Thought, and Works. Wash., 1983.
11. Аквинский Фома. Сумма против язычников. Кн. 1 / Пер. и прим. Т.Ю. Бородай. М., 2004.
12. Аквинский Фома. Сумма против язычников. Кн. 2 / Пер. и прим. Т.Ю. Бородай. М., 2004.
13. Аквинский Фома. Учение о душе / Пер. с лат. К.В. Бандурского, М. Гейде. СПб., 2004.
14. Аквинский Фома. Сумма теологии. Часть вторая. Вопросы LXXVII-LXXVIII / Пер. Н.В. Калмычковой // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков: В 5 т. Т. 1. От зари цивилизации до капитализма. М., 2004. С. 120–133.
15. Бронзов А. Аристотель и Фома Аквинат в отношении к их учению о нравственности. СПб., 1884.
16. Боргош Ю. Фома Аквинский. М., 1966; 2-е изд. М., 1975.
17. Гертых В. Свобода и моральный закон у Фомы Аквинского // ВФ. 1994. № 1.
18. Грецкий С.В. Проблемы антропологии в философских системах Ибн Сины и Фомы Аквинского. Душанбе, 1990.
19. Дзикевич Е.А. Философско-эстетические взгляды Фомы Аквинского. М., 1986.
20. Жильсон Э. Философ и теология. М., 1995.
21. Калмычкова Е.Н. Фома Аквинский // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков: В 5 т. Т. 1. От зари цивилизации до капитализма. М., 2004. С. 114–120.
22. Коплстон Ф.Ч. Аквинат. Введение в философию великого средневекового мыслителя. М., 1999.
23. Лупандин И.В. Аристотелевская космология и Фома Аквинский // Вопросы истории естествознания и техники. 1989. № 2. С. 64–73.
24. Маритен Ж. Философ в мире. М., 1994.
25. Неретина С. Антология средневековой мысли. Теология и философия европейского Средневековья. СПб.: Амфора, 2008.
26. Свежавски С. Святой Фома, прочитанный заново // Символ (Париж). 1995. № 33.
10. Weisheipl J. Friar Thomas Aquinas. His Life, Thought, and Works. Wash., 1983.
11. Akvinskiy Foma. Summa protiv yazychnikov. Kn. 1 [Thomas Aquinas. Programming against the pagans. Book 1]. Moscow, 2004.
12. Akvinskiy Foma. Summa protiv yazychnikov. Kn. 2 [Thomas Aquinas. Programming against the pagans. Book 2]. Moscow, 2004.
13. Akvinskiy Foma. Uchenie o dushe [Thomas Aquinas. Doctrine of the soul]. Moscow, Geyde, St. Petersburg, 2004.
14. Akvinskiy Foma. Summa teologii. Chast' vtoraya. Voprosy LXXVII-LXXVIII [Thomas Aquinas. Summa Theologica. Part two. Questions LXXVII-LXXVIII]. Mirovaya ekonomicheskaya mysl'. Skvoz' prizmu vekov. V 5 t. T. 1. Ot zari tsivilizatsii do kapitalizma [World economic thought. Through the prism of centuries. In 5 V., V. 1 From dawn of civilization to capitalism]. Moscow, 2004, pp. 120–133.
15. Bronzov A. Aristotel' i Foma Akvinat v otnoshenii k ikh ucheniyu o npravstvennosti [Aristotle and Thomas Aquinas in relation to their teaching of morality.]. St. Petersburg, 1884.
16. Borgosh Yu. Foma Akvinskiy [Thomas Aquinas]. Moscow, 1966.
17. Gertykh V. Svoboda i moral'nyy zakon u Fomy Akvinskogo [Freedom and the moral law in Thomas Aquinas]. «VF», 1994, I. 1.
18. Gretskiy S.V. Problemy antropologii v filosofskikh sistemakh Ibn Siny i Fomy Akvinskogo [Problems of anthropology in the philosophical systems of Ibn Sina and Thomas Aquinas]. Dushanbe, 1990.
19. Dzikevich E.A. Filosofsko-esteticheskie vzglyady Fomy Akvinskogo [Philosophical and aesthetic views of Thomas Aquinas]. Moscow, 1986.
20. Zhil'son E. Filosof i teologiya [Philosophy and theology]. Moscow, 1995.
21. Kalmychkova E.N. Foma Akvinskiy [Thomas Aquinas]. Mirovaya ekonomicheskaya mysl'. Skvoz' prizmu vekov. V 5 t. T. 1. Ot zari tsivilizatsii do kapitalizma [World economic thought. Through the prism of centuries. In 5 V. V. 1 From dawn of civilization to capitalism]. Moscow, 2004, pp. 114-120.
22. Koplston F.Ch. Akvinat. Vvedenie v filosofiyu velikogo srednevekovogo myslitelya [Aquinas. Introduction to the philosophy of the great medieval thinker]. Moscow, 1999.
23. Lupandin I. V. Aristotelevskaya kosmologiya i Foma Akvinskiy [Aristotelian cosmology and Thomas Aquinas]. Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki [Questions of History of Science and Technology]. 1989, I. 2, pp. 64–73.
24. Mariten Zh. Filosof v mire [Philosopher in the world]. Moscow, 1994;
25. Neretina S. Antologiya srednevekovoy mysl'i. Teologiya i filosofiya evropeyskogo Srednevekov'ya [Anthology of medieval thought. Theology and philosophy of the European Middle Ages]. St. Petersburg, Amfora Publ., 2008.
26. Svezhavski S. Svyatoy Foma, pročitannyi zanovo [St. Thomas, re-read]. Simvol [Symbol]. Paris, 1995, I. 33.

Духовные и социокультурные проблемы современности в диалоге с наследием св. Фомы Аквинского

Spiritual and Socio-Cultural Problems of Our Dialogue with the Legacy of St. Thomas Aquinas

Получено 12.06.2014 Одобрено 02.07.2014 Опубликовано 10.09.2014

УДК 316.7

DOI: 10.12737/5653

БОБКОВ В.Н.

д-р экон. наук, проф., генеральный директор ОАО «Всероссийский центр уровня жизни», заслуженный деятель науки РФ
105043, Москва, 4-я Парковая улица, д. 29

E-mail: info@vcug.ru

АРТАМОНОВ Г.Н.

канд. филос. наук, доц., заместитель главного редактора журнала «Уровень жизни населения регионов России»
105043, Москва 4-я Парковая улица, д. 29

E-mail: art.gn@mail.ru

BOBKOV V.N.

Doctor of Economics, Professor, Director General of the All-Russian Centre of Living Standard PLC, Honoured Science Worker of the Russian Federation
29 4ya Parkovaya St., Moscow, 105043, Russia

E-mail: info@vcug.ru

ARTAMONOV G.N.

PhD, Associate Professor, Deputy Editor-in-Chief of the journal «Living Standards of the Population in the Regions of Russia»
29 4ya Parkovaya St., Moscow, 105043, Russia

E-mail: art.gn@mail.ru

Аннотация

Объект. Система ценностей, этическая система, культурная система, культурные процессы, духовные процессы, социальная политика, культурная политика, духовный образ жизни.

Предмет. Этико-теологическая концепция св. Томмазо Аквинского. Классификация добродетелей св. Фомы Аквинского: теологические и кардинальные добродетели. Этическое регулирование экономики. Нормативно-ценностное регулирование через социализацию и культуру. Феномен «альтернативных этик», наборы разных этических кодексов в различных слоях и группах общества. Групповая этика и групповая эстетика. Духовная и душевная жизнь человека. Духовные и душевные смыслы жизни. Роль смыслообразующих структур в структуре личности человека. Ценностно-смысловое измерение внутреннего мира и жизненного пути человека. Стили-вые уровни в культуре: высокий (духовный), срединный (книжный) и низкий (обыденный). Традиция как ядро культуры и культурная периферия. Традиция как исторический путь культуры. Традиционная культура как иерархия норм и ценностей. Процессы индивидуализации и инсборной интеграции сознания и формирование индивидуалистической и соборной психологии народа. Постмодернизм как диверсификация ценностей и планомерное разрушение норм. Разрушение культурных стилей и норм, замена ценностной вертикали на бескачественную горизонталь. Процессы омасовления культуры. Глобализация: тотальное смешение и ассимиляция культур. Всемирная унификация политики, экономики, права, культуры, морали, религии. Концепция единых пространств: экономического, правового, образовательного и культурного. Концепция «общих ценностей». «Сходные» ценности не «подобные», не «тождественные», т.е. не общие. К. Манхейм: негативная демократизация, дегуманизация, упрощение механизмов культурного отбора, расширение и ослабление элит. Ф. Ницше о причинах упадка культуры: 1) пышный расцвет промежуточных форм, 2) убыль типов, 3) раз-

Abstract

Object. Values, ethical system, cultural system, cultural processes, spiritual processes, social policy, cultural policy, spiritual lifestyle.

Subject of the Study. St. Tommaso Aquinas' ethical and theological concept. Classification of St. Aquinas' theological and cardinal virtues. Ethical regulation of the economy. Normative value adjustment through socialization and culture. The phenomenon of "alternative ethics," different sets of codes of ethics in various sectors and groups of society. Group ethics and aesthetics of the group. Religious and spiritual life of man. Spiritual and emotional meanings of life. The role of sense of life structures in the personality structure of a human being. Value-meaning dimension of the inner world and the course of human life. Style levels in culture: high (spiritual), the median (the book) and low (everyday). Tradition as the core of culture and cultural periphery. Tradition as a historical path of culture. Traditional culture as a hierarchy of norms and values. Processes of individuation and inconciliar (insobornal) iteration of consciousness and the formation of the cathedral and individualistic psychology of the people. Postmodernism as the diversification of values and the systematic destruction of standards. Destruction of cultural styles and norms, replacing the value vertical by the horizontal line bearing not the process of transforming culture into mass culture.

Globalization: The total mixing and assimilation of cultures. World unification of politics, economics, law, culture, morality, and religion. The concept of common spaces: economic, legal, educational and cultural. The concept of "common values": "Similar" values - not "similar", not "identical" - ie not common. Karl Mannheim: negative democratization, dehumanization, simplifying mechanisms of cultural selection, expansion and weakening of the elites. Nietzsche on the causes of the decline of culture: 1) the lush flowering of intermediate forms; 2) types of diminution; 3) break with tradition; 4) domination of instinct, power of the unconscious; 5) the weakening of the will.

рыв с традицией; 4) господство инстинктов, власть бессознательно; 5) ослабление воли.

Цель. Формирование систематизированного круга проблем, решение которых требует духовно-нравственного регулирования и опора на духовное наследие православия и общехристианский опыт, в том числе духовное наследие св. Томмазо Аквинского.

Ключевые слова: добродетель, культура, альтернативные этики, соборность, меценантские отношения, ценность, нормы, традиция, образ жизни, стиль, деформация культуры, постмодернизм, глобализм, омассовление культуры, негативная демократия, механизмы культурного отбора, расширение и ослабление элит, массовая культура, культурное пространство.

Purpose. Forming a systematic set of problems solution of which requires spiritual and moral regulation and supports on the spiritual legacy of Christianity and general Christian experience, including of St. Tommaso Aquinas' spiritual heritage.

Keywords: virtue, culture, alternative ethics, collegiality, intervals relationships, values, norms, tradition, lifestyle, style, deformation of culture, post-modernism, globalism, negative democracy, mechanisms of cultural selection, expansion and weakening of the elites, mass culture, cultural space.

1. Этика и социальная политика

Св. Томмазо Аквинского в советскую эпоху рассматривали в основном как теолога. Фактически он был не только теологом, но и ученым-гуманитарием энциклопедического склада, философом и экономистом, историком, социологом и юристом. В Европе в XIX в. на фоне возрождения неотолизма его стали именовать «князем философии» (Doctor Universalis, «princeps philosophorum»).

На нашем симпозиуме мы особо выделим его вклад в выявление и анализ связи экономики и этики, в научное обоснование необходимости этического регулирования рыночной экономики, которая сложилась в городах-государствах Северной и Центральной Италии в XI–XII вв.

Этико-теологическая концепция. По учению св. Томмазо Аквинского, Бог является *конечной целью* всех моральных деяний человека, а все остальные цели человеческого бытия рассматриваются как *совместимые или несовместимые* с конечной — благой целью. Уклонение от благой цели — зло, природа и корень зла. Греческое слово грех (hamartia) означает промах, ошибку. В византийском богословии «грех» дословно означало «промах мимо цели». Какой цели? Единственной и главной — спасение души. В русском языке обыденное значение слова «грех» изначально также соответствовало понятию ошибки (в словоупотреблении «погрешность», «огрехи»). По мысли Аквината, зло — это прежде всего метафизическое зло, коренящееся в неправильном образе бытия человека, недостаточной природе его благо-бытия. Теологическое толкование зла у св. Томмазо совпадает с общехристианским в том смысле, что зло не имеет собственного бытия, ибо Творец бытия — Бог, а изобретатель зла — диавол, не имеет собственного бытия, ибо вся бытийность во власти Бога. Поэтому и «зло» не имеет самостоятельной сущности, а лишь паразитирует на добро-бытийности человеческой природы. Тео-

дицея (лат. *theodicea* — богооправдание; греч. θεός, «бог, божество» и δίκη — право, справедливость) в православии связывает происхождение зла с уклонением воли человека от Добра и Истины. Бог дал человеку дар разума и свободы воли и не отнимает его, но ждет от человека доброго произволения, добромыслия и доброделания.

Человек промахивается мимо Цели, когда неверным употреблением воли склоняется ко греху, т.е. впускает в свое бытие зло. Тогда же человек промахивается всем своим бытием мимо собственной души и мимо Бога, т.е. утрачивает спасение.

Св. Фома Аквинский отдавал должное мирской деятельности человека, направленной на достижение земных благ, но рассматривал их условную рациональность только в контексте духовной разумности, в контексте конечной блаженной цели. Началом, основой нравственных деяний человека являются добродетели, которые человек воспитывает в своем уме, в чувствах и воле, это, по учению Фомы Аквинского, внутренняя сторона нравственной жизни. Но для достижения полноты морального статуса человека этого недостаточно. Без Бога человек не может творить добра. Все, что называется добрым в обыденном человеческом сознании, есть не добро, а видимость добра. Необходимо содействие человеку Бога, а это внешняя сторона, т.е. реальность, стоящая «вне» и «над» человеком. Но поскольку человек не только нравственное, но и социальное существо, постольку нужны и иные внешние силы, идущие от государства и общества. Прежде всего — законы. Внешняя сторона есть единство законов и благодати.

В классификации добродетелей св. Фома Аквинский выделяет навыки доброй жизни, позволяющие человеку использовать свои способности во благо, и противостоящие им пороки, т.е. навыки злой жизни. Нравственную жизнь Фома не мыслит без наличия теологических добродете-

лей — веры, надежды и любви. Теологическим добродетелям подчинены «кардинальные» — благоразумие и справедливость, мужество и умеренность.

Для современной России эта тема особенно актуальна по той причине, что после разрушения в 1990-х гг. советской системы приватизация государственной собственности проходила с многочисленными злоупотреблениями, сложившаяся в нашей стране рыночная экономика получилась коррумпированной. Дух «золотого тельца» не только заразил властные структуры и российский бизнес, но и широко проник во все сферы общества, в образование, науку и культуру, в быт и сознание широких слоев населения. Этическое регулирование рыночной экономики и всех других оснований деятельности остро необходимо в нашей стране.

Российскому государству и обществу очень важно знать опыт этического регулирования экономики, который накоплен, с одной стороны, в культуре Западной Европы, а с другой, — в православной духовной традиции. О каком регулировании мы говорим? О нормативном регулировании, т.е. о нормах, которые кристаллизовались в культурной традиции. Культурные традиции России и Европы различаются, поэтому мы вынесли в заглавие статьи термин «диалог». Это диалог двух культур и двух духовных традиций. Государство и общество осуществляют нормативное регулирование через социализацию и культуру, но этот процесс противоречивый.

В социологии культуры существует термин «альтернативные этики». Каждая большая социальная группа имеет свои *групповую этику и групповую эстетику*. В обществе одновременно функционирует *несколько разных наборов этических кодексов*: у чиновников одна этика — у населения другая, этика деревни и города тоже различаются между собой, есть этика мужского мира и женского, есть профессиональные этики (учителя, врача, военного, политика и т.д.), которые имеют между собой и общее, и особенное.

Спор в развилках между этими альтернативными этиками может быть бесконечным. Поэтому нужна *абсолютная, духовная этика*, которая как высший императив действует в душе каждого человека. И. Кант говорил, что есть две вещи, поражающие его: «Звездное небо над головой и нравственный закон внутри нас».

Российское научное сообщество и общественное мнение, несмотря на обилие информации о происходящем в Италии и других странах Западной Европы, по этой теме мало осведомлены. Кроме того, идею этического регулирования в Европе давно перевели из христианского миро-

видения в светский дискурс, второй — искажающий перевод этики — осуществлен в контексте проекта глобализации и рыночной экономики. Глобализация разрывает национальные естественно-исторические культуры и приучает общественные организмы к искусственной, «общечеловеческой», «псевдоединой» культуре. Кстати, более века назад Н.Я. Данилевский доказал, что мировая культура — псевдопонятие, ее никогда не было в истории. Всегда были только «локальные» культуры — у каждого народа своя. Сравнивают их в контексте «общего — особенного — единичного», но они никогда не совпадают, каждая следует своим путем, а не чужим. Многие культуры идут к общим, но не идентичным целям; идут по-разному уникальными тропами, а не общим строем.

В межкультурном диалоге немало оппонентов: традиционалисты — либералы-реформаторы, патриоты (пассионарии) — космополитические универсалисты. Каждая из этих групп имеет внутреннюю дифференциацию (традиционалисты/либералы, экономоцентристы/этикоцентристы, прагматики/спиритуалисты, правые/левые, умеренные/ультрамаксималисты и т.д.). Современному ультралиберализму противостоят общественные организации христианской ориентации. В России, как отголосок воинствующего материализма и атеизма, сохранились жесткие противостояния научных сообществ и православного духовенства. В культурно-политическом внутриевропейском диалоге возрожден идейно-теоретический фундамент, созданный св. Томмазо Аквинским. Во внутривосточном диалоге духовным фундаментом служит наследие преподобных Сергия Радонежского и Серафима Саровского, святителей Тихона Задонского и Феофана Затворника и великого множества православных святых. В православной традиции есть множество богословов, которые соединяли с духовными дарованиями и культуру научного творчества. Святитель Феофан Затворник преподавал психологию в духовной семинарии. Известна широта научных и общекультурных познаний преп. Иоанна Кронштадтского, о. Павла Флоренского, прот. Георгия Флоровского. Архиепископ св. Лука (Войно-Ясенецкий) был знаменитым хирургом, труды которого стали классикой медицинского образования. Протоиерей Василий (Зеньковский) был доктором педагогических и психологических наук, написал потрясающие по эрудиции и глубине труды по русской философии и христианской философии. В русской культуре XIX–XX вв. великое множество историков, философов, социологов, психологов, писателей создали в своих областях знания глу-

бокие христианские концепции. Среди них: Г.С. Скворода, П.Я. Чаадаев, И.В. Киреевский, Е.Н. Трубецкой, С.Н. Трубецкой, К.Н. Леонтьев, Н.Я. Данилевский, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, В.Д. Кудрявцев, Н.К. Кареев, С.К. Аксаков, Ю.Ф. Самарин, Л.П. Карсавин, А.С. Хомяков, Л.М. Лопатин, С.Л. Франк, Н.А. Бердяев, И.И. Лапшин, В.И. Несмелов, И.А. Ильин, Н.О. Лосский, В.Н. Лосский, А.Ф. Лосев и др.

2. Духовная основа жизни: смысложизненные ориентации и ценностный мир человека

Один из побудительных мотивов подготовки данной статьи обусловлен культурными связями между Италией и Россией. ВЦУЖ развивает эти общекультурные и профессиональные контакты. В этой области много за последние годы замечательных и успешных инициатив — выставки, кинонедели, гастроли итальянских артистов. Однако они в основном относились к сфере культурно-просветительской, несли рекреативную нагрузку.

Что же касается духовной культуры Италии, то с ней наши граждане знакомы не так хорошо. Напомним, что в 2013 г. ВЦУЖ, благодаря поддержке Института Луиджи Стурцо и Международного исследовательского центра Л. Стурцо, совместно с издательством «Духовная библиотека» опубликовал научно-популярный сборник о Луиджи Стурцо — итальянском священнике, ученом, политическом деятеле. Это первое в России объективное описание многогранной деятельности выдающегося деятеля итальянской культуры XX в., труды которого по истории церкви, социологии, экономике ранее не были известны российскому читателю. Эта публикация вызвала интерес в российском обществе.

Духовное наследие христианства различает духовную и душевную жизнь человека. В культуре изобильно присутствует душевное начало. Душевное — значит, страстное, не преображенное духовностью. Кто творит культуру? Деятели науки и искусства, как и все прочие люди, — люди душевные, страстные. Поэтому страстные произведения культуры, т.е. произведение, где духовное добро смешано с греховными началами страсти, составляют большую часть всего культурного творчества. Человек, ищущий духовной жизни, стоит перед выбором: что читать, а что нет, что смотреть, а что нет. Необходим духовно-культурный отбор, чтобы, обретая культуру, человек не опрокинул ею свой внутренний мир. Ж.Ж. Руссо говорил, что «театр — это школа пороков», объ-

ясняя, что никто не станет смотреть спектакль, где герои одни праведники. Публике будет скучно. А вот если на сцене пьяница, плут, глупец — всем будет интересно. Одним из главных предметов духовно-культурного отбора является выбор ценностей и обретение высшего смысла своего бытия. Соответственно, человеку нужно выбрать духовные, а не душевные смыслы жизни. Эти вопросы освещал и св. Томмазо Аквинский.

Душевные смыслы жизни многообразны и разноплановы, из них нельзя собрать целостную конструкцию, они не ставят вопросы о «правде жизни», не направлены на нравственные оценки жизненного пути. Все они касаются не сути жизни, а средств для нее. Они измеряют обыденные события, пользуясь примитивной шкалой: удача — неудача, успех — провал, победа — поражение.

Духовные смыслы обращены к конечной цели бытия, как учил св. Томмазо. Душевные смыслы переменчивы и зависят от моды, настроения, ситуации, а духовные смыслы, пишет Е.Н. Трубецкой, «по существу неизменны и неподвижны». Высшая духовная оценка текущих перемен жизни сама по себе должна стоять вне времени, ибо соотносит земное и временное с вечностью, оно несет в себе «неподвижность высшего идеала, ибо истина не может меняться» [Трубецкой, 1994, 1, с. 49].

От принятия душевного или духовного смысла жизни зависит набор и конфигурация всей системы ценностей. В структуре личности, пишет Д.А. Леонтьев, смысложизненные структуры составляют особый уровень, подчиняя себе все «ценностно-смысловое измерение ее существования, ее внутренний мир» [Леонтьев, 2000, 2, с. 235]. Предельные смыслы бытия и соответствующие им ценности образуют основу внутреннего мира, «определяют динамику переживаний, структурируют и трансформируют картину мира и ядро сознания — мировоззрение» [Леонтьев, 2000, 2, с. 236]. «Осознать и сформулировать смысл своей жизни, — пишет Леонтьев, — значит, оценить свою жизнь целиком. Если моя жизнь объективно имеет недостойный, мелкий или, более того, аморальный смысл, то осознание этого ставит под угрозу мое самоуважение. Чтобы сохранить самоуважение, “Я” внутренне бессознательно отрекаюсь от истинного смысла моей реальной жизни и заявляю, что моя жизнь лишена смысла. На деле моя жизнь лишена достойного смысла, а не то, что она не имеет смысла вообще» [Леонтьев, 2000, 2, с. 238].

Е.Н. Трубецкой разработал концепцию крестообразной формулы смысла жизни. Он говорил о вертикальной и горизонтальной линиях жизни. Это «скрещение двух дорог... стремления вверх

и стремления прямо перед собой в горизонтальной плоскости» [Трубецкой, 1994, 17, с. 74]. В горизонтальной линии жизни стоят земные цели — успех, престиж, слава, богатство, власть, карьера — это социальные, культурные, бытовые устремления. Горизонтальная линия жизни бессмысленна, если ограничивается самой собой. Она осмыслена в связи с вертикалью. Вертикальная линия жизни — это путь духовного стремления «ввысь». Но если вертикаль утрачивает связь с горизонтальным измерением жизни, то и она бессмысленна, ибо Бог ставит человеку задачи духовного развития, но это развитие должно быть оправдано в горизонте бытия. Бог поставил человека в этот «горизонт». Бог ставит человека в семейный круг, даруя таланты, ставит его в круг культурной и социальной жизни, и человек обязан в этих горизонтальных кругах исполнить заповеди любви, служения ближнему, служения отечеству. Идущий «вверх», но не оправдавший своей жизни в горизонте бытия, не исполнил главного — заповедей любви, духовных обязанностей перед людьми и отечеством. Это голая, пустая, бесплодная духовность. Концепция Трубецкого завершается выводом: человек призван к восхождению по вертикали бытия, но должен шествовать, неся на плечах все труды и заботы горизонта своего бытия. Это Трубецкой и называл формулой креста. Много созвучных моментов в этих вопросах мы находим и у св. Томмазо.

«Обретение смысла жизни — освобождение от поглощенности жизнью», пишет В.Э. Чудновский. Другими словами, в горизонте бытия есть задачи духовные, но еще больше хлопот и забот душевных, эти духовно нейтральные и духовно вредные стремления человек должен устранить из своего горизонта бытия.

С.Л. Рубинштейн писал, насколько важно обрести и сколь драматично утратить предельные смыслы: «Смысл жизни — идея, содержащая в себе цель жизни человека, присвоенная им и ставшая для него ценностью чрезвычайно высокого порядка. Настолько высокого, что потеря смысла жизни может привести к решению человека покончить со своим земным существованием. Известно немало людей, которые полностью поглощены процессом жизни, они целиком внутри жизни» [Рубинштейн, 2000, 2, с. 260].

3. Духовное наследие св. Томмазо Аквинского и проблемы культуры

«Создавая культуру, — писал И.Г. Гердер, — человек создает самого себя». В культуре любого общества присутствует не одна система ценностей.

В ней сосредоточены разные ценностные миры, спорящие друг с другом. Что избирает человек, то и переформирует его внутренний мир. Ценности имеют разную степень духовной высоты. Стремление человека к высоким ценностям возвышает его, но рядом всегда существует множество мелких, соблазнительных, прельщающих ценностей, и существует угроза соскальзывания человека вниз — в нижние спектры духовной, затем душевной и, наконец, плотской жизни.

Высокая культура всегда строится на культурной традиции. Традиция — это исторический путь культуры. От нее зависят духовная однородность народа, уклад жизни, сходство в мирозерцании и вере. Традиционная культура включает иерархию норм и ценностей. У разных народов в разных культурах набор ценностей может быть почти одинаков, но народы и культуры при этом достаточно разные. Все дело в том, как конфигурированы эти наборы ценностей, как осмыслены и в какую субординацию приведены и какому национальному чувству подчинены. По И.А. Ильину, национальное чувство есть «любовь к исторически-духовному облику и к творческому акту своего народа» [Ильин, 2004, 3, 59]. Творческий акт народа — это его пассионарные стремления, это способ единения, превращающий население в народ, а народ — в соборное человечество, подавляя в народе эгоистические мотивы жизни.

В традиции заключена система социальных привычек, обычаев, нравственных и эстетических норм, образ и стиль жизни. Традиция задает устойчивые схемы социального поведения, конструкцию народной психологии. Традиция, кроме собственного культурного ядра, содержит интегрированные оболочки заимствований из других культур.

С.Н. Трубецкой говорит о пластах «социальных представлений» в индивидуальном сознании, о «внеличных» и «надличностных элементах» внутри самой личности человека. Эти пласты, надстройки — результат соборности: человек отражает, воспроизводит в себе других. Поэтому он и заключает: «Сознание не может быть ни безличным, ни единоличным, ибо оно более чем лично — оно соборно». Соборность — яркое отличие русского человека. Западная культура индивидуалистична. С.К. Аксаков, сравнивая межценностные отношения в русской и европейской культурах, подчеркивал контраст между духовной и экономико-юридической центрированностью: «На Западе душа убывает, заменяясь усовершенствованием государственных форм, полицейским благоустройством: совесть заменяется законом, внутренние побуждения — регламентом».

Второй слой в культурной структуре традиции, следующий за ценностями, — это нормы. Ортега-и-Гассет отводил критериальную роль понятию нормы: «Где нет норм, нет и культуры» [Ортега-и-Гассет, 1991, 4]. Норма устанавливает не только границы «допустимого — недопустимого», но она задает вертикаль относительно любой ценности. Без норм нельзя провести сравнение по шкалам предпочтения: высокое — низкое, полезное — вредное, истинное — ложное, красивое — безобразное. Ценности измеряются относительно друг друга, опираясь на нормы. Нормы задают иерархию во всех ценностных сферах: в морали, в эстетике, в науке, в политике и т.д. Без вертикальных шкал невозможно сравнивать ценности.

В постмодернизме происходит планомерное разрушение норм. «Изгнание из культуры стиля и нормы, — пишет О. Николаева, — приводит к замене ценностной вертикали на горизонталь» [Николаева, 2002, 6, с. 31]. Если ценности поставить в горизонтальный ряд, лишив их иерархичности, то они исчезают, потому что невозможны сравнения. Тогда уравниваются добро и зло, истина и ложь, возвышенное и низменное. Мы живем в то время, когда агрессивно, с чудовищной скоростью разрушаются вертикали. Мир становится горизонтальным, а потому бескультурным. Идет процесс омащивления культуры, описанный Ортегой-и-Гассетом, когда ценности опускаются с аристократических высот духа к низменным пропастям толпы, когда толпа задает рейтинг добра и зла, красивого и безобразного. Мы видим, как стремительно разворачивается процесс интеллектуальной и моральной деградации населения, массовой примитивизации людей.

Одним из вершинных элементов в структуре традиции является «культурный стиль». Стиль — это «неповторимое своеобразие человека или направления в культуре, совокупность отличительных характерных свойств» [Горелов, 2002, 5, с. 387]. Понятие стиля относится не только к культуре, но и к человеку, его мышлению, действиям, образу жизни. Стиль иерархичен потому, что строится на нормах и ценностях. Но если упрощаются, а затем развенчиваются нормы и ценности, то распадается и стиль во всех своих проявлениях. Принято выделять универсальные уровни: высокий, средний и низкий стиль. Высоким стилем характеризуется духовный уровень жизни и творчества. Средний (книжный) стиль относится к жизнедеятельности в средних областях культуры (наука, экономика, политика, право). Низкий стиль — это стиль обыденной жизни, базирующийся на примитивных ценностях, приближенный к уровню «массовой культуры». При

распаде стилей выживает только нижний уровень — примитивный, плоский уровень «массовой психологии». Это знаменует гибель стиля и смерть культуры. Одновременно с распадом культурной традиции распадаются и этносы — так сходили с исторической сцены многие народы. Этот процесс, но уже в глобальном плане, мы наблюдаем сегодня.

Св. Томмазо Аквинский жил в XIII в. Культура того периода была устойчивой, поскольку неизблемыми были Традиция и ее духовное ядро. В Средневековье практически не было атеистов и материалистов. Духовная однородность народа была сплошной, слитной целостностью. Культура расцветала.

Нынешние процессы массовой духовной, моральной, интеллектуальной деградации, культурного распада невозможно и представить в ту эпоху. Однако духовное наследие, которое нам послано из того времени, в том числе и европейское духовное наследие св. Фомы Аквинского и российское духовное наследие православия, имеют неограниченное значение для нас. Сегодня мы видим не только деформацию культуры, но и разрушение основ духовной жизни. Достаточно вспомнить скандальную политику распространения в США и в Европе однополых браков, торжество содомио-гоморрского греха, политизированную до уровня мирового резонанса кампанию «Pussy Riot» и массовые акты «крестоповалов» в Украине и России. Только цепляясь за духовное наследие Золотого Средневековья, за духовное наследие православия в России и наследие св. Томмазо в европейской культуре как за единственную точку опоры, мы можем остановить и перенаправить опасные процессы социокультурного и нравственно-духовного распада нашей цивилизации, природы человека и общества.

4. Духовная оценка проблем культуры и политики глобализации

Модернизм — явление в культуре и истории не новое. Выдающийся философ А.Ф. Лосев в многотомном труде «История античной эстетики» установил универсальный закон развития культуры. Описывая последние периоды культуры языческого мира, он указал закон стадий слома, упадка и заката культурной традиции. После эпохи Зрелой культуры наступили деградационные периоды: античное Просвещение, античный Романтизм, затем декаданс и модернизм. Модернизм есть слом Традиции. Когда культурная традиция исчерпана и изжита, возникает идея спасти гибнущую цивилизацию через модернизацию. Заме-

тим, что все указанные периоды прошли как в европейской, так и в отечественной культуре — в том же порядке и с теми же последствиями.

Постмодернизм — завершающий этап модернизма. Это модернизм последней стадии. Постмодернизм не может быть созидательным, это исключительно разрушительная тенденция. К тому же он усиливается мировой политикой глобализации. Это закономерность. Что происходило за несколько веков до гибели великого Рима? Глобализация. Рим создал великую империю, охватившую половину античного мира. Специалисты по религии именуют римскую религиозную систему как синкретическую — все религии Римской империи были уравнены и начался процесс переноса богов из одного верования в другое — религиозный Вавилон. Итогом стало разрушение духовного начала культуры. Что происходило с культурами народов, вошедших в Римскую империю, — процесс тотального смешения культур. В социологии это называется ассимиляцией культур. Одновременно началась и ассимиляция народов. Эпилог всех процессов известен: Римской империи не стало, а наполнявшие ее народы разошлись по национальным квартирам. Последние пять веков античной истории отмечены быстрым развитием всех областей знания и пышным расцветом искусств. Исчезла империя, распалась синкретичная культура и что стало? Почти на тысячу лет культурная пауза. Замирание наук и искусств. Все диссоциированные культуры впали в духовный интеллектуальный сон.

Как сочетаются постмодернизм и политика глобализма сегодня? Точно так же: одно усиливает другое и вместе они с ускорением двигают человечество к известной культурной и духовной пропасти. *Глобализм* выдвигает программные цели культуре. Чтобы состоялась глобализация, нужно добиться всемирной унификации политики, экономики, права, социального сродства. Что может помешать глобализации? То, что каждый народ хочет сохранять свою национальную и культурную традицию. Именно она препятствует тому, чтобы французы и итальянцы, русские и китайцы, немцы и африканцы стали жить как средний американец. Поэтому политика глобализма выдвигает тезис четырех единых пространств: единое экономическое, единое правовое, единое образовательное и единое культурное пространство. Если все четыре цели достигаются, то глобализм устанавливается как Новый мировой порядок. Все четыре проекта преследуют одну цель — подавление национальных традиций.

Выдвигается концепция «общих ценностей». Но что значит «общие» — всегда и у всех народов

были «свои», неповторимые, уникальные ценности. Если бы не было феномена уникальности, то невозможна стала бы личностная, групповая, общенародная самоидентификация. А это базовая потребность. Если нарушена идентификация, то разрушается личность человека, распадаются социальные группы и народы. Если «общие», то ничьи. Тогда наступает этнокультурный апокалипсис для всех народов. Эта концепция есть политическая манипуляция и социально-психологическая иллюзия.

Мы легко найдем у разных народов, в разных культурах «одноименные» ценности. Но их нельзя назвать «общими», потому что у них разная культурная судьба, они по-разному осмыслены, по-разному конфигурируются с другими «одноименными» ценностями. За одинаковыми именами стоят разные смыслы и значения. Это все равно что по тождеству имен объединять всех людей в государства: государство Иванов, страна Петров, королевство Джонов и т.д. Это был бы самый глупый проект в истории, да и состояться он не смог бы.

«Сходные» ценности никогда не были «подобными», тем более «тождественными». В социологии известны две теории. Культурный релятивизм — одна крайность — провозглашает полную несопоставимость ценностей между разными культурами. Культурный универсализм нивелирует различия одноименных ценностей. Обе теории признаны неправомерными. Обе крайности — методологическая ошибка. Национальные ценности не могут быть «коммунальными жильцами» любых культур.

Американская глобалистская философия выдвинула политический проект «прав человека». Были созданы десятки организаций, проводящих этот курс. Везде, где этот проект внедрялся, разрушались объекты воздействия. Ювенальная юстиция, борясь за права детей, массово разрушает семьи, отбирая детей в социальную коммуналку из родных гнезд. Разрушая институт семьи, ювенальная юстиция под видом пользы принесла только вред, но стала хорошим международным бизнесом. Можно вспомнить международный скандал из-за принятия Госдумой РФ «закона Димы Яковлева». Под видом «прав человека» под нож мировой политики пошли Ирак, Ливия, Сербия. На кону стоят Украина, Белоруссия, Россия.

Постмодернизм и глобализм гуманизируют «биологическое» в роли «социального», а «социальное» — в ранге «духовного», «низменное» — в ранге «допустимого и условно достойного», этническую культуру — в форме космополитической культуры. Метаязыковая революция —

деструкция культурных основ языка. Программа New Age направлена на единый язык для единой культуры — это искусственный «метаязык». Никакая национальная культура не может существовать вне национального языка.

Логика развития цивилизации приводит к тому, что культура истощается (см.: теории развития цивилизаций К.Н. Леонтьева, Н.Я. Данилевского, Дж. Тойнби, О. Шпенглера). У цивилизаций организмоподобный генезис: рождение, расцвет, закат. Главной ареной этой драмы является культура, а действующими лицами — народы, достигавшие вершин, а затем угасающие и уходящие в забвение. На обширном историческом материале это показал Дж. Тойнби, в своеобразной версии об этом писал Л.Н. Гумилев.

К.Н. Леонтьев одним из первых увидел опасность омассовления культуры в России. Он связал это явление с тем, что в аристократичный по духу и исторически всегда небольшой слой интеллигенции в середине–конце XIX в. стал вливаться обширный (в десятки и сотни раз больший) слой разночинцев. Выходцы из средних и нижних чинов, не подготовленные к культурной жизни, потоки людей хлынули в «верхи» общества. Они духовно, интеллектуально, социально-генетически не были сформированы как деятели культуры. Они в массе своей не были носителями знаний и ценностей, культурных привычек и духовно-культурной аскезы, но они жаждали образования как социального лифта для вхождения «в люди», «в свет», в аристократические круги общества. Позднее К. Манхейм развил эти идеи, введя в оборот понятия «негативная демократия», «дегуманизация», «упрощение механизмов культурного отбора», «расширение и ослабление элит». Что в результате? Утопия нового «Пигмалиона». Утопия булгаковского «Собачьего сердца». Статья К.Н. Леонтьева «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения», где впервые излагались эти взгляды, была издана в Европе и стала в центре социологических идей, вдохновив Дж. Тойнби, О. Шпенглера, а спустя десятилетия и Ортегу-и-Гасета, написавшего великие произведения «*Восстание масс*» и «*Дегуманизация искусства*».

«Ценности, выработанные высшими слоями, размываются, превращаясь в ценности среднего человека, не способного к культуросозидающей деятельности, являющегося потребителем, проглатывающим все, что предложат», — писал К.Н. Леонтьев [Леонтьев, 1993, 7, с. 231]. Происходит «опошление, примитивизация культуры, утрата духовной сущности и религиозных ценностей» [Леонтьев, 1993, 7, с. 231].

Ортега-и-Гассет причину *кризиса культуры видел в экспансии масс*. Он подчеркивал, что «масса — это не народ, это хаотичная агрегация людей, лишенных ярких достоинств, творческих стремлений, ориентированных на потребительство, на индустрию развлечений. Они появляются не только "снизу", но одновременно во всех слоях и уровнях общества... Заурядные души безбоязненно диктуют право и навязывают его всем и всюду. Масса сминает все непохожее, все недюжинное, личностное и лучшее... (Они) навязывают свою волю, ценности, представления о смысле бытия... Мир становится массой» [Ортега-и-Гассет, 1991, 4, с. 97.]. Омассовление порождает стандартизацию всех сфер общественной жизни. Масса — это «средний человек». Средних людей много и в среде аристократов. В высшем обществе их даже больше. «К массе относятся те, кто стремится быть как все». Культурного человека от человека массы отличают социальная ответственность и духовность.

Кризис культуры и ее омассовление Ф. Ницше опознает по следующим чертам: эротизация, развращение, алкоголизм, декадентское искусство, подавляющее духовность и волю, утрата опыта страдания и критических сомнений. Но причинами упадка он называет: «(1) пышный расцвет промежуточных форм, (2) убыль типов, (3) разрыв с традицией со школами, (4) господство инстинктов, власть бессознательного, (5) ослабление силы воли». Это разрушает статус личности. Главная беда, по Ницше, в нигилизме, который возникает в результате «крушения христианской морали и десакрализации христианских ценностей» [Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / Пер. с нем. Е.Герцык и др. — М.: Культурная революция, 2005].

Н.А. Бердяев подчеркивал, что «культура аристократична, она основана на принципе качественного отбора», но когда вторгаются массы, то нарушается принцип отбора, утрачивается ее аристократическая элитарность, а «закрывание аристократических источников культуры есть иссякновение всяких источников» [Бердяев, 1989, 11, с. 243]. На смену культуре приходит индустриальная техническая цивилизация, которая есть «цивилизованное варварство», «периодически пробуждающее зверя» [Бердяев, 1989, 12, с. 164].

Омассовленное искусство, по П.А. Сорокину, интересует как развлечение, как средство возбуждения и расслабления, «как цирк, как стакан вина или хорошая еда» [Сорокин, 1992, 18, с. 118]. Запросы рынка вульгарны, поэтому и искусство

вульгаризируется. «Искусство не поднимает массы, а само опускается до уровня толпы. Оно аморально, десакрализовано, асоциально, безнравственно, антирелигиозно» [Сорокин, 1992, 18, с. 121].

Американизация массовой культуры. В США в 1948 г. был принят закон Смита–Мундта «Об обмене в области информации и культуры», вменивший в обязанности правительства продвижение американской культуры во все страны. Средства культурной экспансии должны быть самыми доступными — на уровне потребностей и интересов масс. Экспансия планировалась как тотальная массовая культура, увенчанная имиджем американских стандартов жизни.

Единое культурное пространство. Под этим политическим проектом, поддерживаемым правительством в силу подписанных и реализуемых в нашей стране международных конвенций, развернуто наступление на национальные традиции. Смешение вер и культур в христианской цивилизации издревле называлось Новым Вавилоном. «Единое культурное пространство» — это такой тип образования, в котором вытесняются духовные корни, в котором русская культура должна быть заменена достижениями внеэтнической — мировой — цивилизации. Научные концепции, которые включены в учебные планы европейских учебных заведений, должны стать стандартом для российского образования, а все неевропейское переводится в режим факультативов, элективов и медленно умирает.

Борьба с Традицией. Постмодернизм, по определению У. Эко, это «новое духовное состояние» [Эко, 1989, 13, с. 460], а не только культурное течение, это новая парадигма умонастроений. Идеология постмодернизма задается адептами движения «New Age» (новая эра). Это движение объявляет о конце прежней истории человечества, о зарождении новой мистической расы людей. Постмодернизм как культурная программа этого движения объявляет, что эра христианской цивилизации закончилась. Традиция объявляется догматизмом. Любая Истина отвергается и замещается множеством частных истин. Только микроистины признаются подлинными. Это воинствующий плюрализм и антиуниверсализм. Постмодернизм «отвергает любую систему как таковую, будь то вероучение, объяснительная схема или обобщающая теория» [Николаева, 1999, 6, с. 8].

Подавление норм становится программной целью постмодернизма. Традиция и ее мировоззренческие установки, нормы и стандарты классической

культуры в постмодернизме объявляются культурным фашизмом [Эко, 1998, 13]. Норма традиции объявляется культурной репрессией. Но поскольку вообще без норм нельзя, то нормы изобретаются по капризу «вкуса», лишь бы они не совпадали с классическими. О. Николаева пишет: «Нормой в постмодернизме становится не прозреваемая ценность... а прецедент, одобренный общественным мнением... непристойность не только объявляется нормой, но становится знаком приобщенности» [Николаева, 1999, 6, с. 18].

Разрушение стиля — очередная программная установка постмодернизма. Разрушение стиля осуществляется под лозунгом «перестройки и разрушении прежней структуры, интеллектуальной практики и культуры вообще» [Культурология, 1997, 14, с. 329]. Первый прием: фрагментация, сокращение, нарушение авторской последовательности. Классическое произведение представляется в виде фрагментов, цитат, произвольной мозаики фраз. Второй прием: дисперсное представление эстетического объекта (текста, музыкального произведения). Третий прием: над каждым текстом надстраивается «интертекст», «гипертекст», меняющий все исходные смыслы. Б. Парамонов в книге «Конец стиля» главной чертой постмодернизма считает «неверие в субстанциальность, взаимправдашность, реализм святости, красоты и морали» [Парамонов, 1997, 15, с. 11].

Минимизация культурных образцов осуществляется следующим образом: классика не отбрасывается, а минимизируется до «карманных размеров». Например, «Война и мир» на 30 страницах, «Мертвые души» — на 5, «Евгений Онегин» — фабула на 2 страницах.

Симпозиум, посвященный св. Томмазо Аквинскому, решает аналогичную задачу — ознакомить российскую общественность с духовной культурой этого выдающегося представителя Италии. Уверены, что св. Томмазо, выдающийся христианский итальянский мыслитель, заслуживает не только справок в российских философских словарях, но и — для начала — научно-популярного сборника, а в будущем и публикации его избранных сочинений по социальной и политической тематике.

В дальнейшем мы собираемся доносить до российской общественности информацию о других общественных деятелях недавнего прошлого, которых почитают в Италии за их культурно-просветительскую деятельность, за их роль в истории общественных организаций христианской

ориентации. Это экономист профессор Джузеппе Тоньоло, причисленный два года назад к лику святых Католической церкви, это профсоюзный руководитель Джулио Пасторе, это предприниматель, промышленник Энрико Матеи и др. Уве-

рены, что эти деятели наряду со знаменитыми художниками, композиторами, киноактерами и дизайнерами внесли весомый вклад в итальянскую духовную культуру, о них следует рассказать любознательным русским людям.

Список литературы

1. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М., 1994.
2. Психология личности в трудах отечественных психологов: Хрестоматия по психологии / Сост. Л.В. Куликов. СПб., 2000.
3. Ильин И.А. Основы христианской культуры. СПб., 2004.
4. Ортега-и-Гассет. Эстетика. Философия культуры. М., 1991.
5. Горелов А.А. Культурология. М., 2002.
6. Николаева О. Современная культура и православие. М., 1999.
7. Леонтьев К.Н. Избранное. М., 1993.
8. Ортега-и-Гассет. Что такое философия. М., 1991.
9. Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993.
10. Бердяев Н.А. Самопознание. М., 1991.
11. Бердяев Н.А. Смысл творчества. М., 1989.
12. Бердяев Н.А. Философия свободы. М.: Правда, 1989.
13. Эко У. Имя розы. М., 1989.
14. Культурология / Ред. Г.В. Драч. Ростов-на/Д., 1997.
15. Парамонов Б. Конец стиля. СПб.; М., 1997.
16. Хейзинга И. Игра и поэзия // Самосознание европейской культуры XX века. М., 1991.
17. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.

References

1. Trubetskoy E.N. *Smysl zhizni* [The meaning of life]. Moscow, 1994.
2. Kulikov L.V. *Psikhologiya lichnosti v trudakh otechestvennykh psikhologov* [Personality psychology in the works of local psychologists]. *Khrestomatiya po psikhologii «Psikhologiya lichnosti v trudakh otechestvennykh psikhologov»* [Readings on the psychology of “Personality Psychology in the works of local psychologists”]. St. Petersburg, 2000.
3. Il'in I.A. *Osnovy khristianskoy kul'tury* [Fundamentals of Christian culture]. St. Petersburg, 2004.
4. Ortega-i-Gasset. *Estetika. Filosofiya kul'tury* [Aesthetics. Philosophy of Culture]. Moscow, 1991.
5. Gorelov A.A. *Kul'turologiya* [Cultural Studies]. Moscow, 2002, p. 387.
6. Nikolaeva O. *Sovremennaya kul'tura i pravoslavie* [Modern culture and Orthodoxy]. Moscow, 1999.
7. Leont'ev K.N. *Izbrannoe* [Favorites]. Moscow, 1993.
8. Ortega-i-Gasset. *Chto takoe filosofiya* [What is philosophy]. Moscow, 1991, p. 97.
9. Berdyaev N.A. *O naznachenii cheloveka* [The Destiny of Man]. Moscow, 1993, pp. 54–84.
10. Berdyaev N.A. *Samopoznanie* [Self-knowledge]. Moscow, 1991.
11. Berdyaev N.A. *Smysl tvorchestva* [The meaning of creativity]. Moscow, 1989.
12. Berdyaev N.A. *Filosofiya svobody* [The Philosophy of Freedom]. Moscow, Pravda Publ., 1989.
13. Eko U. *Imya rozy* [Name of the Rose]. Moscow, 1989, p. 460.
14. Drach G.V. *Kul'turologiya* [Cultural]. Rostov-on-Don, 1997, p. 329.
15. Paramonov B. *Konets stilya* [End style]. St. Petersburg, Moscow, 1997, p. 11.
16. Kheyzinga I. *Igra i poeziya* [Game and poetry]. *Samosoznanie evropeyskoy kul'tury XX veka* [Consciousness of the European culture of the XX century]. Moscow, 1991, p. 80.
17. Sorokin P.A. *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* [Chelovek. Civilization. Society]. Moscow, Politizdat Publ., 1992.

Социальное учение св. Томмазо (Фомы) Аквинского

The Social Doctrine of St. Tommaso Aquinas

Получено 12.06.2014 Одобрено 02.07.2014 Опубликовано 10.09.2014

УДК 008 13.01.13

DOI: 10.12737/5654

КРОСТВЕЙТ А.

профессор Папского университета им. св. Томмазо Аквинского 00184, Италия, Рим, 1
тел.: (+39) 06.67.021; факс: (+39) 06.67.02.270

CROSTHWAITE A.

Professor of St. Tommaso Aquinas Pontifical University
1 Rome, Italy 00184
Tel. (+39) 06.67.021; FAX: (+39) 06.67.02.270

Аннотация

Объект. Учения св. Томмазо: социальное учение, теология добродетелей и морали, учение о духовном совершенствовании личности, учение о социальной справедливости, экономическое учение, учение о человеке и обществе, политическое учение.

Предмет. Социальное учение св. Томмазо. Моральные нормы регулирования поведения людей. Духовное совершенствование личности посредством благих деяний проявления природных способностей. В моральных действиях человека направляет его натура. Теологические добродетели: вера, надежда и милосердие. Милосердие как высшая теологическая добродетель. Учение св. Томмазо о социальной справедливости. Принцип верховенства общего блага над благом частных лиц. Справедливость как высшая добродетель. Средство обеспечения справедливости – право. Справедливость в законодательной сфере – ее формализованный вариант. Частная собственность как основа порядка и ответственности. Свободный человек – кто отдает то, что имеет в избытке, и это основа благотворительности. Богатство как источник ложных представлений человека о его влиянии и авторитете. Расточительность как порок непридания материальным благам должного значения. Св. Томмазо об обязанности государства создавать в социальной, экономической и политической областях благоприятные условия для добродетельной жизни граждан. Принцип справедливого распределения в экономических отношениях. Ростовщичество как аморальная деятельность. Мир – результат милосердия. Христианский реформизм св. Томмазо: общество – иерархически построенное единство общественных и профессиональных организаций; корпоративизм – альтернатива индивидуализма; наилучшая форма политического устройства и благочестивой жизни, конституционная монархия.

Цель. Систематизация духовного наследия св. Томмазо в соотношении с проблемами современного общества, системы образования, социального, экономического и политического устройства общества и общественных отношений.

Ключевые слова: рациональное развитие, мудрость, образованность, благоразумие, теологические добродетели, социальная справедливость, позитивные права, справедливая цена, либеральные экономические концепции, ростовщичество, финансовый капитал, конституционная монархия.

Abstract

Object. Object of St. Tommaso's Teaching social doctrine, theology and moral virtues, the doctrine of the spiritual development of the person, the doctrine of social justice, economic doctrine, the doctrine of man and society, political doctrine.

Subject of the Study. The social doctrine of St. Tommaso. Moral norms of regulating behaviour. Spiritual perfection through good deeds of personality manifesting natural abilities. Human nature directs his moral actions. Theological virtues: faith, hope and charity. Mercy as the highest theological virtue. Tommaso's teaching on social justice. The rule of the common good over the good of individuals. Justice as the highest virtue. Means of ensuring justice - right. Justice in the legislative sphere - its formalized version. Private property as the basis of order and responsibility. A free human being is that who gives up what he has in abundance. This is the foundation of charity. Wealth as a source of human misconceptions about his influence and authority. Extravagance as a defect does not give due importance to material things. St. Tommaso on the obligation to create social, economic and political conditions for a virtuous life of citizens. Equitable distribution in economic relations. Usury as immoral activities. Peace – The World - the result of mercy. Tommaso's Christian reformism: society - a hierarchically constructed unity of social and professional organizations; corporativism - an alternative to individualism; the best form of political organization and pious life, a constitutional monarchy.

Purpose. Systematization of St. Tommaso spiritual legacy in correlation with the problems of present-day society, education, social, economic and political structure of society and social relations.

Keywords: rational development, wisdom, education, prudence, the theological virtues, social justice, positive rights, fair price, liberal economic concepts, usury, financial capital, a constitutional monarchy.

Социальное учение св. Томмазо имеет всеобъемлющий характер, поскольку моральные нормы, регулирующие поведение людей, согласно этому учению должны быть регуляторами в области экономики и политики, а также в социальной сфере. Сложившийся в Средние века обществен-

ный строй был разрушен в XVIII—XIX вв., в качестве разрушительных сил следует назвать национализм, капитализм, промышленную революцию, а также Французскую революцию. В результате повсеместно усилились эксплуатация рабочих и крестьян, были подорваны устои семьи

и политическая стабильность, возникли острые социальные проблемы. Церковь, озабоченная обострением этих проблем и поисками адекватных решений, обратилась к св. Томмазо. В период с конца XIX в. вплоть до II Ватиканского собора его идеи служили нам в качестве ориентиров. Как и «ангельский наставник» (так называли Томмазо его современники), папы нового времени считают, что социальные проблемы относятся к духовной сфере.

Рассмотрим основные положения социального учения св. Томмазо, изложенные в его главном научном труде — «Сумма теологии».

1. Природный закон

Согласно учению св. Томмазо, сама человеческая натура побуждает всех нас стремиться к совершенству посредством благих деяний, благодаря которым и происходит развитие личности, проявляются ее природные способности. Однако люди обретают подлинное счастье и удовлетворение, когда они действуют в соответствии не только с побуждениями своей природы, но и с доводами разума и понятием о добродетели.

Природный закон основан на установленном Богом извечном порядке, который дает возможность развивать человеческие способности (это относится к разуму, а также к обычным человеческим склонностям и интересам). Человеческая природа устойчива и рациональна, разум и душа свободны, а действия по своим результатам хороши или дурны в зависимости от того, следуем мы своим природным побуждениям или нет. Иными словами, в области морали действия человека направляет сама его натура, которая и определяет — в первом приближении, — насколько его действия моральны или, напротив, греховны (имеется в виду, что грехом считается противоположное добродетели).

2. Понятие добродетели

Подобно Аристотелю, св. Томмазо считает добродетелью обычаи, которые способствуют усовершенствованию, рациональному развитию человеческой природы. Добродетели различаются по своему содержанию. К умственным (интеллектуальным) добродетелям относятся мудрость, образованность и благоразумие. Главными добродетелями являются благоразумие, справедливость, умеренность и твердость. Справедливость и милосердие должным образом направляют волю. Благоразумие необходимо для добрых дел, ибо развивает разум и сдерживает порывы и устрем-

ления, присущие человеческой натуре. Самая важная из моральных добродетелей — справедливость, потому что ее основанием является прежде всего разум.

Теологические добродетели — вера, надежда и милосердие — приближают нас к Богу и счастьем более высокого порядка, чем доступное в повседневной жизни. Подлинное милосердие, считает св. Томмазо, это дружба в сочетании с доброжелательностью. Милосердие есть высшая теологическая добродетель, ибо она вызвана божественным побуждением и потому приближает человека к Богу более всех иных добродетелей. Всякое проявление доброжелательности свидетельствует о доброй воле человека, т.е. о его желании добра другим людям.

3. Социальное учение

Св. Томмазо придавал большое значение социальной справедливости, но следует иметь в виду, что эту тему, как и политические и экономические проблемы, он рассматривал в контексте своего времени и использовал терминологию той эпохи. Он считал необоснованное предоставление привилегий при распределении благ некоторым людям в ущерб другим вопиющим нарушением справедливого распределения и величайшим грехом. Подобно Аристотелю, он считал, что *общее благо важнее блага частных лиц*, а справедливость является высшей добродетелью, поскольку свидетельствует о высокообразованном разуме и направляет по пути общего блага.

Средством обеспечения справедливости является право, а ее целью — поддержание нормальных отношений между людьми. Справедливое действие — воздать каждому соразмерно его делам. Цель правовой системы заключается в поддержании справедливости в отношениях между людьми и в распределении благ между ними. Согласно св. Томмазо, существует два вида прав: естественные права, основанные на природном равенстве людей; позитивные права, основанные на соглашении, которое достигнуто в результате переговоров. Это относится, в частности, к справедливому распределению благ.

Соблюдение справедливости очень важно в области всякого рода отношений и обязательств, договоров и соглашений. Справедливость в законодательной сфере является ее наиболее формализованным вариантом.

Св. Томмазо придавал большое значение тому, что ныне принято называть социальной справедливостью. Он выделял две ее формы: коммутиативную, регулирующую отношения между двумя

индивидами, и распределительную, регулирующую отношения между группами людей.

4. Частная собственность

Подобно Аристотелю, св. Томмазо считал, что частная собственность морально оправдана, поскольку издавна существует и приносит пользу. Частная собственность является основой порядка, так как налагает ответственность на обладателей. Вместе с тем он был убежден, что владельцы собственности обязаны использовать ее для достижения общего блага (ныне Церковь называет это социальной функцией предприятий). Поэтому следует отметить различие между правом обладания (владения) собственностью и ее использованием. св. Томмазо посвятил статью осуждению обмана в торговле посредством завышения цены на товар или услугу. Продавец (коммерсант) должен установить справедливую цену на товар или услугу, т.е. между реальной ценностью товара или услуги и рыночной ценой должно поддерживаться определенное равновесие. По мнению св. Томмазо, продавец обязан при заключении сделки упомянуть недостатки своего товара. Кража — смертельный грех, нарушение библейских заповедей. Ростовщичество аморально.

Св. Томмазо относит к добродетелям свободу правильно использовать то, чем человек обладает, для устройства его жизни. Свободный человек отдает нуждающемуся то, что имеет в избытке; по мнению св. Томмазо, эта добродетель имеет огромное значение для достижения общего блага, для создания дружеских отношений между бедняками и богачами. Эта добродетель является основой благотворительности, которая возникает как сопереживание бедствий ближнего и выражение любви к ближним. Жестокосердие по отношению к ближним есть порок. Тот, кто злобствует, если ему не причинен реальный ущерб, проявляет тем самым жестокосердие и уподобляется дикому животному.

Св. Томмазо осуждает скупость как чрезмерную привязанность к материальным ценностям. Алчность, будучи формой воровства, относится не к плотским грехам, а к сфере духовной жизни человека, поскольку свидетельствует о его духовном и религиозном падении. Скупым чужда благотворительность (это их главный порок), эти люди чрезмерно озабочены и беспокойны, ибо для обогащения прибегали к насилию, обману и мошенничеству. Богатство придает человеку ложное представление о своем влиянии и авторитете, алчность порождает предательство, мошенничество, обман, насилие, безразличие по отношению

к ближним, т.е. серьезные социальные прегрешения. св. Томмазо отмечает, что скупость присуща преимущественно людям взрослым и пожилым, этот грех порождает многие другие.

Расточительность — в противоположность скупости — означает, что материальным благам человек не придает должного значения, это тоже порок, но меньший, чем скупость, поскольку расточительность обычно приносит другим пользу, а от скупердяя никому нет проку. Расточительство исцеляется по мере старения, поскольку обычно такому человеку, много потратившему в молодости, на склоне лет приходится ограничивать свои расходы.

5. Либеральные экономические концепции

Социальное учение Католической церкви, разработанное в XIX–XX вв., в эпоху капитализма, основано на выдвинутых св. Томмазо концепциях общего блага и социальной справедливости. Современные экономические теории, которые считают получение прибыли главной движущей силой экономической деятельности людей, были подвергнуты серьезной критике в энцикликах Льва XIII, Пия XI, Иоанна XXIII, Павла VI, Иоанна-Павла II, Бенедикта XVI.

Серьезным изъяном этих теорий является догмат о невмешательстве государства с целью защиты интересов, трудящихся и их семей. В противовес утверждениям сторонников такого подхода (А. Смита, Р. Кобдена, Р. Райта и др.) Церковь напоминает, что еще св. Томмазо отмечал обязанность государства не только выступать в защиту общего блага против несправедливости, но и создавать в социальной, экономической и политической областях благоприятные условия для добродетельной жизни граждан, что означает активное участие каждого в жизни своего прихода, своего квартала или поселка, своей профессиональной ассоциации (ныне это именуется в католическом мире принципом субсидиарности). Выдвинутый св. Томмазо принцип справедливого распределения ныне является веским аргументом тех, кто считает обязанностью государства перераспределение ресурсов и богатства в интересах бедных.

Отношение св. Томмазо к частной собственности и предназначению богатства также стало важной составляющей социального учения Церкви, которая считает частную собственность морально легитимной, если ее владелец ставит своей целью общее благо, а не только личное обогащение. Начиная с папы Льва XIII (1890-е гг.), Церковь

выступает за общее благо и справедливую оплату труда, причем обращается как к работодателям, так и к трудящимся, которых призывает добросовестно выполнять свою работу, проявлять ответственность в отношении работодателей, иными словами, поступать справедливо. Этот сбалансированный подход Церкви исключает экспроприацию собственников, за которую ратовали социалисты. По существу, суждения св. Томмазо о собственности Церковь поныне признает верными.

6. Финансовый капитал

Выдвигая достижение справедливости в качестве главной цели в области трудовых отношений и экономической сфере в целом, св. Томмазо сурово осуждал ростовщичество в духе библейских заповедей, считал несправедливыми нажитое путем ростовщичества богатство. Позиция св. Томмазо по вопросу о ссудном проценте была столь твердой и однозначной, что это осложнило установление нормальных отношений между Церковью, современным индустриальным обществом и финансовыми институтами. После Первой мировой войны в официальных документах Церкви критика ростовщичества как аморальной деятельности была несколько приглушена, упор стали делать на социальную справедливость и защиту бедных. Эта позиция может причинить ущерб репутации Церкви, поскольку общеизвестно, что именно ростовщичество и различные формы спекуляции стали причиной многих социальных проблем современного мира.

После II Ватиканского собора Церковь сохраняет приверженность учению св. Томмазо об общем благе, но в последнее время больше делает упор на требования, относящиеся к правам человека и принцип достоинства личности. Такая идейная переориентация не идет на благо Церкви, ибо принцип достоинства личности и права человека можно толковать по-разному, что порождает сомнения и дезориентацию, в этом отношении учение Томмазо об общем благе имеет существенное преимущество.

Св. Томмазо много размышлял о причинах конфликтов и противоречий в обществе и пришел к выводу, что главным средством сохранения социального мира и процветания является милосердие во всех его проявлениях. Подлинный мир, по его убеждению, возможен лишь в отношениях между добродетельными людьми, в конечном счете мир является результатом милосердия людей, поскольку основан на уважении одним человеком интересов другого. Мир основан не на сходстве мнений, которые относятся к области интеллек-

туальной жизни человека, а на общности стремлений и желаний. Мир обеспечивается справедливостью, которая преодолевает препятствия, но прежде всего — милосердием, которое по самой своей сущности порождает мир. Противоположностью милосердию является греховное нежелание соглашаться с другим, возникающее обычно из-за тщеславия.

Оказание помощи бедным в виде милостыни есть обязанность человека, исходя из разумных понятий, а также необходимое условие добродетельной жизни. Справедливость обязывает нас делиться тем, что мы имеем сверх необходимого нам. Не поделиться с нуждающимся, попавшим в беду, частью того, что мы имеем в избытке, — это смертельный грех. св. Томмазо поясняет, что милосердие не должно причинять материальный ущерб семье благодетеля. Помогать следует тем, кто живет по соседству, чья добродетельная жизнь известна, надо подавать милостыню, достаточную, чтобы действительно облегчить положение нуждающегося ближнего.

Люди по природе своей — существа общественные, поэтому семья, общество, государство — столь же естественные структуры, как и присущее им иерархическое устройство. Семья имеет определенные цели, издавна установленные, не следует отвлекать ее на иные цели. По мнению св. Томмазо, наилучшую защиту детям обеспечивает моногамный брак между мужчиной и женщиной.

Основу законов, согласно учению св. Томмазо, составляют разум, природа и общее благо. Закон есть правило, предписывающее людям добродетельное поведение в интересах общего блага. Несправедливый закон, не имеющий такой цели, нельзя считать настоящим законом. Некоторые грехи закон позволяет и карает лишь за серьезные нарушения, действие закона сказывается не сразу, а постепенно. Справедливые законы, направленные на обеспечение общего блага, следует неукоснительно соблюдать.

7. Социальное учение Томмазо и Церковь в Новое время

Французская буржуазная революция и научно-технический прогресс разрушили средневековое европейское аграрное общество с присущими ему социальными связями и обрекли сотни тысяч людей на жалкое прозябание в новых промышленных городах. Многие церковные иерархи и миряне на начальном этапе Французской революции восприняли ее положительно, но впоследствии их отношение изменилось, когда среди революционеров стали задавать тон самые радикальные из них, которые обрушили на Церковь критику и репрессии. Учение св. Томмазо послужило обоснованием

неприятия Церковью либерального общества, поскольку оно было чуждо католическому пониманию основ общественного устройства.

Реакцией папства на новые идеи Французской революции было осуждение таких либеральных новаций в социальной сфере, как всеобщее избирательное право, свобода вероисповедания, свобода печати и ассоциаций, поскольку они считались враждебными Церкви. Даже такой защитник интересов трудящихся, как папа Лев XIII, отрицательно относился к свободе печати, сочтя ее вредной для общества, а также к свободе вероисповедания и отделению Церкви от государства.

На протяжении XX в. отношение Церкви к либеральным реформам и новациям изменилось, некоторые суждения св. Томмазо ушли в прошлое, однако главные идеи его учения не утратили свое значение и ныне, особенно после того, как прекратился конфликт между коммунистической и капиталистической моделями общества. Вариантом христианского реформизма, восходящим к идее св. Томмазо, что «общество представляет собой иерархически построенное единство общественных и профессиональных организаций», была теория корпоративизма, представлявшая собой концептуальную альтернативу как крайнему индивидуализму, свойственному капитализму, так и всеильному социалистическому государству, подавлявшему общество. Однако эта идея была дискредитирована фашистскими режимами (Муссолини в Италии, Дольфуса в Австрии, Салазара в Португалии). После II Ватиканского собора главным принципом своего социального учения Церковь признает не столько традиционную практику социального милосердия, сколько солидарность, взаимное уважение прав различными социальными слоями, которое призвано обеспечить

в современном обществе реализацию идеи социальной справедливости.

8. Политическая теория св. Томмазо и социальное учение Церкви

Св. Томмазо считал основанную на божественной воле конституционную монархию наилучшей формой политического устройства, обеспечивающей стабильность и благочестивую жизнь граждан. Это его убеждение, конечно, очень затруднило адаптацию Церкви к политическим реалиям XIX–XX вв.

Впервые в энциклике папы Иоанна-Павла II *Centesimus Annus* демократия была признана Церковью наилучшей формой управления, поскольку она способствует общему благу и участию людей в жизни общества. Крушение коммунизма в Европе поставило Церковь в очень трудное положение, ибо христиане всего мира оказались один на один с моральными и социальными вызовами капитализма, национализма, терроризма и современной глобализации. До падения коммунизма христианство на основании идейного наследия св. Томмазо разработало программу, дающую обоснованные и обстоятельные ответы на моральные, социальные, экономические и политические проблемы современного мира. Провал либерального проекта — капитализма и индивидуализма — во всех сферах жизни, о чем наглядно свидетельствует всемирный кризис, делает актуальным (подобно тому как Жак Маритен и другие мыслители XX в. примирили учение Томмазо с марксистско-ленинской теорией) переосмысление идей и принципов томизма применительно к нынешней ситуации в политике, экономике, жизни общества.

Список литературы

1. *Aquinas Thomas. Catena aurea in quatuor evangelia.* Ed. 7. T. II. Taurini, 1915.
2. *Aquinas Thomas. Opuscula omnia / Ed. P. Mandonnet.* T. 1. Opuscula genuina philosophica. P., 1927.
3. *Аквинский Фома. Сумма теологии. Ч. I / Пер. С.И. Еремеева, А.А. Юдина.* Киев, 2002. 559 с.
4. *Аквинский Фома. Сумма теологии. Часть вторая. Вопросы LXXVII-LXXVIII / Пер. Н.В. Калмычковой // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков: В 5 т. Т. 1. От зари цивилизации до капитализма.* М., 2004.
5. *Аквинский Фома. Сумма против язычников. Кн. 1 / Пер. и прим. Т.Ю. Бородай.* М., 2004.
6. *Аквинский Фома. Сумма против язычников. Кн. 2 / Пер. и прим. Т.Ю. Бородай.* М., 2004.
7. *Аквинский Фома. Учение о душе / Пер. с лат. К.В. Бандуровского, М. Гейде.* СПб., 2004.

References

1. *Aquinas Thomas. Catena aurea in quatuor evangelia.* Ed. 7. T. II. Taurini, 1915.
2. *Aquinas Thomas. Opuscula omnia.* Ed. P. Mandonnet. T. 1. Opuscula genuina philosophica. P., 1927.
3. *Akvinskiy Foma. Summa teologii [Summa Theologica].* Part 1. Kiev, 2002. 559 p.
4. *Akvinskiy Foma. Summa teologii. Chast' vtoraya. Voprosy LXXVII-LXXVIII [Thomas Aquinas. Summa Theologica. Part two. Questions LXXVII-LXXVIII]. Mirovaya ekonomicheskaya mysl'. Skvoz' prizmu vekov. V 5 t. T. 1. Ot zari tsivilizatsii do kapitalizma [World economic thought. Through the prism of centuries. In 5 V., V. 1 From dawn of civilization to capitalism].* Moscow, 2004, pp. 120–133.
5. *Akvinskiy Foma. Summa protiv yazychnikov [Programming against the pagans].* Book 1. Moscow, 2004. 440 p.
6. *Akvinskiy Foma. Summa protiv yazychnikov [Thomas Aquinas. Programming against the pagans].* Book. 2. Moscow, 2004. 584 p.

8. Бандуровский К.В. Проблемы этики в «Сумме теологии» Фомы Аквинского // Вопросы философии. 1997. № 9. С. 156–162.
9. Бородай Т.Ю. Вопрос о вечности мира и попытка его решения Фомой Аквинским // Интеллектуальные традиции античности и средних веков (Исследования и переводы). М.: Кругъ, 2010.
10. Гайдено В.П., Смирнов Г.А. Западноевропейская наука в средние века. М.: Наука, 1989.
11. Гертых В. Свобода и моральный закон у Фомы Аквинского // Вопросы философии. 1994. № 1.
12. Грецкий С.В. Проблемы антропологии в философских системах Ибн Сины и Фомы Аквинского. Душанбе, 1990.
13. Дзикевич Е.А. Философско-эстетические взгляды Фомы Аквинского. М., 1986.
14. Жильсон Э. Избранное: Т. 1. Томизм. Введение в философию св. Фомы Аквинского / Пер. с франц. Г.В. Вдовиной. М.: СПб., 2000. 495 с.
15. Жильсон Э. Философ и теология. М., 1995.
16. История философии: Энциклопедия. Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом. 2002.
17. Калмычкова Е.Н. Фома Аквинский // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков: В 5 т. Т. 1. От зари цивилизации до капитализма. М., 2004. С. 114–120.
18. Коплстон Ф.-Ч. Аквинат: Введение в философию великого средневекового мыслителя / Пер. с англ. В.П. Гайдено. Долгопрудный, 1999.
19. Лупандин И.В. Аристотелевская космология и Фома Аквинский // Вопросы истории естествознания и техники. 1989. № 2.
20. Лященко В.П. Философия. М., 2007.
21. Маритен Ж. Философ в мире. М., 1994.
22. Неретина С. Антология средневековой мысли. Теология и философия европейского Средневековья. — СПб.: Амфора, 2008.
23. Работы Э. Жильсона по культурологии и истории мысли. Реферативный сборник. Вып. I. М., 1989.
24. Свежавски С. Святой Фома, прочитанный заново // Символ. 1995. № 33.
25. Современные зарубежные исследования по средневековой философии. Сборник обзоров и рефератов. М., 1979.
26. Срединская Н.Б. Трактат Фомы Аквинского «О правлении государей» // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.) Л., 1990.
7. *Akvinskiy Foma. Uchenie o dushe* [Doctrine of the soul]. Moscow, Geyde, St. Petersburg, 2004. 480 p.
8. Bandurovskiy K. V. Problemy etiki v «Summe teologii» Fomy Akvinskogo [Problems of ethics in the “Summa Theologica” of Thomas Aquinas]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy]. 1997, I. 9, pp. 156–162.
9. Boroday T.Yu. Vopros o vechnosti mira i popytka ego resheniya Fomoy Akvinskim [Question of eternity of the world and attempt to solve Thomas Aquinas]. *Intellektual'nye traditsii antichnosti i srednikh vekov (Issledovaniya i perevody)* [Intellectual traditions of antiquity and the Middle Ages (Studies and translations)]. Moscow, Krug Publ., 2010, pp. 107–121.
10. Gaydenko V.P., Smirnov G.A. Zapadnoevropeyskaya nauka v srednie veka [European science in the Middle Ages]. Moscow, Nauka Publ., 1989.
11. Gertykh V. Svoboda i moral'nyy zakon u Fomy Akvinskogo [Freedom and the moral law in Thomas Aquinas]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy]. 1994, I. 1.
12. Gretskiy S.V. *Problemy antropologii v filosofskikh sistemakh Ibn Siny i Fomy Akvinskogo* [Problems of Anthropology in the philosophical systems of Ibn Sina and Thomas Aquinas]. Dushanbe, 1990.
13. Dzikovich E.A. *Filosofsko-esteticheskie vzglyady Fomy Akvinskogo* [Philosophical and aesthetic views of Thomas Aquinas]. Moscow, 1986.
14. Zhil'son E. *Izbrannoe: T. 1. Tomizm. Vvedenie v filosofiyu sv. Fomy Akvinskogo* [Favorites: V. 1 Thomism. Introduction to the philosophy of St.. Thomas Aquinas]. Moscow; St. Petersburg, 2000. 495 p.
15. Zhil'son E. *Filosof i teologiya* [Philosophy and theology]. Moscow, 1995.
16. *Istoriya filosofii: Entsiklopediya* [History of Philosophy: An Encyclopedia]. Minsk: Interpresservis; Knizhnyy Dom Publ., 2002.
17. Kalmychkova E.N. Foma Akvinskiy [Aquinas]. *Mirovaya ekonomicheskaya mysl'. Skvoz' prizmu vekov. V 5 t. T. 1. Ot zari tsivilizatsii do kapitalizma* [World economic thought. Through the prism of centuries. In 5 v. V. 1 From dawn of civilization to capitalism]. Moscow, 2004, pp. 114–120.
18. Koplston F.-Ch. *Akvinat: Vvedenie v filosofiyu velikogo srednevekovogo myslitelya* [Aquinas: An Introduction to the philosophy of the great medieval thinker]. Dolgoprudnyy, 1999. 274 p.
19. Lupandin I. V. Aristotelevskaya kosmologiya i Foma Akvinskiy [Aristotelian cosmology and Thomas Aquinas]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki* [Questions of History of Science and Technology]. 1989. I. 2. pp.64-73.
20. Lyashchenko V. P. *Filosofiya* [Philosophy]. Moscow, 2007.
21. Mariten Zh. *Filosof v mire* [Philosopher in the world]. Moscow, 1994.
22. Neretina S. *Antologiya srednevekovoy mysli. Teologiya i filosofiya evropeyskogo Srednevekov'ya* [Anthology of medieval thought. Theology and philosophy of the European Middle Ages]. St. Petersburg, Amfora Publ., 2008.
23. Raboty E. *Zhil'sona po kul'turologii i istorii mysli. Referativnyy sbornik* [Works on cultural and intellectual history. Abstract collection. Issue I]. Issue 1. Moscow, 1989.
24. Svezhavski S. *Svyatoy Foma, pročitannyy zanovo* [St. Thomas, re-read]. *Simvol* [Symbol], 33, Paris, 1995, pp. 78-79.
25. *Sovremennyye zarubezhnyye issledovaniya po srednevekovoy filosofii. Sbornik obzorov i referatov* [Modern foreign studies on medieval philosophy. Collection of reviews and essays]. Moscow, 1979.
26. Sredinskaya N.B. *Traktat Fomy Akvinskogo «O pravlenii gosudarey»* [Aquinas treatise “On board sovereigns”]. *Politicheskie struktury epokhi feodalizma v Zapadnoy Evrope (VI–XVII vv.)* [Political structures era of feudalism in Western Europe (VI-XVII centuries)]. Leningrad, 1990, pp. 217–245.

Тенденции экономического развития в современном мире: христианский взгляд

Trends of Economic Development in the Today World: a Christian View

Получено 12.06.2014 Одобрено 02.07.2014 Опубликовано 10.09.2014

УДК 330.101

DOI: 10.12737/5655

ГЕЛЬВАНОВСКИЙ М.И.

д-р экон. наук, проф., сопредседатель Научного совета по религиозно-социальным исследованиям Института экономики РАН
117218, Москва, Нахимовский проспект, 32, оф. 801

E-mail: migmig2033@gmail.com

GEL'VANOVSKIY M.I.

Doctor of Economics, Professor, Co-Chair of the Scientific Council on Religious and Social Research, Institute of Economics of the RAS,
off. 801, 32 Nakhimovskiy Prospect, Moscow, 117218, Russia

E-mail: migmig2033@gmail.com

Аннотация

Объект. Система духовных ценностей христианства. Противостояние христианской и либеральной идеологии. Нравственное состояние общества и христианская система ценностей. Духовно-нравственные проблемы главных социальных институтов общества: образования, науки, культуры, семьи.

Система ценностей, этическая система, культурная система, культурные процессы, духовные процессы, социальная политика, культурная политика, духовный образ жизни.

Предмет. Либеральная идеология как оправдание гедонистических устремлений. Св. Фома Аквинский: учение о гармонии науки и веры. Рациональный подход к использованию философского наследия древнегреческих мыслителей Аристотеля и Платона. Социальное учение Церкви. Духовные начала как ядро культуры и единства народа. Рационалистическая и трансцендентальная культура. Средневековая концепция «двойственной истины». Крайняя тенденция разделения веры и разума. Срединная позиция св. Фомы Аквинского: философия и религия различны по методу, но частично — по предмету. Религиозное и научное мировоззрение как грани единого и целостного мировоззрения человека. Учение Платона об экономике: собственность портит нравы, разжигает страсти, поэтому экономика должна быть ограничена моралью. Экономическое учение Аристотеля, на которое опирался св. Фома Аквинский: экономика — опора государства, а хрематистика — идолопоклонство перед прибылью; экономика и государство — социальные и нравственные категории; естественная экономика ограничена моральным императивом. Учение св. Фомы Аквинского о «справедливой цене»: а) связана с затратами труда и расходами (издержками); б) исходит из различия в благе, связанный с социальным статусом участников обмена. Уровень прибыли нормальный, если обеспечивает семье возможность жить соответственно месту в сословной иерархии общества.

Основы Социальной концепции РПЦ. Принцип светскости государства не вытесняет религию из сфер жизни народа; разделение сфер компетенции Церкви и власти; невмешательство их во внутренние дела друг друга; византийский принцип симфонии Церкви и государства и юридический принцип свободы совести. Области сотрудничества Церкви и государства: забота о сохранении нравственности в обществе; формирование христианского патриотизма; духовное, культурное, нравственное и патриотическое образование и воспитание; дела милосердия и благотворительности; восстановление и развитие исторического и культурного наследия; сотрудничество в науке, включая гуманитарные исследования; здравоохранение; культура и творческая деятельность; работа церковных и светских СМИ; противодействие деятельности псевдорелигиозных структур.

Программа «Христианство-2000». Основные сферы вовлечения православия в культурную и общественную жизнь: история России; образование, культура; словесность; наука; система образования;

Abstract

Object. The system of spiritual values of Christianity. Confronting Christian and liberal ideology. Moral state of society and the Christian system of values. Spiritual and moral problems of the major social institutions of society: education, science, culture and family. Values, the ethical system, the cultural system, cultural processes, spiritual processes, social policy, cultural policy, spiritual lifestyle.

Subject of the Study. Liberal ideology as an excuse for hedonistic pursuits. St. Thomas Aquinas: the doctrine of the harmony of science and faith. Rational approach to the use of the philosophical heritage of the ancient Greek philosopher Aristotle and Plato. Social teaching of the Church. Spiritual principles as the core of culture and unity of the people. Rationalist and transcendental culture. The medieval concept of "double truth." Extreme tendency to divide faith and reason. The middle position of St. Thomas Aquinas: Philosophy and religion differ in methods, but partially - by the subject. The religious and scientific worldview as facets of a single and integral human's worldview. Plato's doctrine of the economy: The property spoils manners, inflames passions, so the economy should be limited by ethics. The Aristotle's economic doctrine relied on by Thomas Aquinas: the economy is the support of the state and chrematistics is idolatry of profit; economy and the state - social and moral categories; natural economy - limited by moral imperative. St. Thomas Aquinas' teaching on the "fair price": a) it relates to the cost of labour and expenses (costs), b) it comes from the difference in the benefits associated with the social status of participants in the exchange. Normal level of profit provides the family with an opportunity to live up to the place of social hierarchy in society.

The Basic Social Concept of the Russian Orthodox Church. The principle of secularity does not displace the religion of spheres of public life; the division of competences between church and the state; their non-interference in the internal affairs of one another; by Byzantine principle of church-state symphony and the legal principle of freedom of conscience. Areas of church-state cooperation concern for the preservation of public morality; formation of Christian patriotism; spiritual, cultural, moral and patriotic education and training; mercy and charity; restoration and development of the historical and cultural heritage; co-working in science and research, in humanitarian research in particular; healthcare; culture and creative work; work of ecclesiastical and secular media; opposition activities of pseudoreligious structures.

The Christianity 2000 Program. Major areas of involving orthodoxy in cultural and social life: the history of Russia; education culture; literature; science; the education system; preservation and development of national traditions; family education, protection of the family institution. Immediate objectives: to develop a specific historical spiritual and moral substance of national education; give spiritual and moral education status similar to economic, historical, legal and other forms of education.

сохранение и развитие отечественных традиций; семейное воспитание, защита института семьи. Ближайшие цели: разработать конкретно-историческое духовно-нравственное содержание отечественного образования; придать духовно-нравственному образованию статус, аналогичный экономическому, историческому, правовому и другим видам образования.

Цель. Формирование систематизированного круга проблем, решение которых требует духовно-нравственного регулирования и опоры на духовное наследие православия и общехристианский опыт, в том числе духовное наследие св. Томмазо Аквинского.

Ключевые слова: либеральная идеология, идеология вседозволенности, страсть, духовные начала, ядро культуры, культурная деградация, дегуманизация общественных и межличностных отношений, конфликт науки и веры, целостность сознания человека, экономика, хрематистика, христианский патриотизм, свобода совести, образовательная политика.

Purpose. Forming a systematic set of problems the solution of which requires spiritual and moral regulation and supports of the spiritual heritage of Christianity and general Christian experience, including St Tommaso Aquinas' spiritual heritage.

Keywords: liberal ideology, the ideology of permissiveness, passion, spiritual principles, the core culture, cultural degradation, dehumanization of social and interpersonal relationships, the conflict of science and faith, the integrity of the human mind, economics, chrematistics, Christian patriotism, freedom of conscience, educational policy.

1. Важность темы

Мы в наш «просвещенный» век по большому счету забыли, зачем живем. После столетнего периода разрушения духовных ценностей подавляющей частью общества забыта культурная традиция. Зарождается, формируется, развивается традиция тысячелетиями. Ею определяются менталитет и характер народа, система ценностей, общественный идеал, социальная жизнь и культурные практики.

Либеральная идеология, направленная на оправдание гедонистических устремлений людей, извратила суть человеческого бытия, превращая человека в интеллектуальное животное. Огромный ресурс знаний, накопленных за тысячелетия развития, человек сегодня направляет на служение своим страстям. Удовлетворение страстных желаний превратилось в бесконечную и бесперспективную цель огромной массы людей. При этом общественные информационные и идеологические институты выполняют роль анестезирующих средств, усыпляя человеческие души разговорами об общественном благе. Впрочем, и эти разговоры становятся все более тихими и не находят общественного интереса.

Поэтому, когда мы вновь обращаемся к мыслителям, подобным Фоме Аквинскому, мы неожиданно погружаемся в совершенно иной мир, где для исследователя априори Бог является центром Вселенной и определяет цели и намерения людей. Люди семь с половиной веков назад были несовершенными, вели войны, убивая друг друга, стремились к власти и богатству, но общее социальное поле было гораздо возвышеннее и чище, чем сегодня. Поэтому даже ради такого погружения данная тема представляется весьма полезной и крайне актуальной.

Из наследия великого христианского мыслителя выделим три сюжета:

1) Учение о гармонии науки и веры.

2) Рациональный подход к использованию философского наследия предшествующих поколений, прежде всего древнегреческих мыслителей Аристотеля и Платона.

3) Рассуждения о социальном учении Церкви, о понимании человеческого общества как сообщества людей, стремящихся ко всеобщему благу (к полноте совершенства в Боге).

Духовные начала составляют ядро культуры и лицо всякого этноса. В современных теориях культуры, в социологии культуры, в социологии знания утверждается, что язык является оболочкой культуры, а духовные знания составляют ее ядро. По определению Э. Тайлора, «культура слагается из знаний, верований, искусства, нравственности... усвоенных человеком». Следует ли убирать какое-либо из этих слагаемых? Убрать знания или веру? Это вивисекция культуры, а следовательно, и человека. В концепции «кризиса культуры» А. Швейцер указывает эту вивисекцию в числе главных причин упадка культуры. Упадок — на грани гибели — культуры возникает, когда: а) у широких слоев общества вырабатывается способность менять взгляды, убеждения, духовный облик; б) начинает доминировать технократизм в мировосприятии и возникает сознательный отказ от этических критериев; в) в обществе господствуют крайний позитивизм и прагматический редукционизм, экономическая эффективность становится критерием культуры; г) у большинства людей отсутствует цельное этическое мировоззрение. В этих условиях наступает культурная деградация, усиливается дегуманизация всей системы общественных и межличностных отношений.

Западная цивилизация построила рационалистическую культуру. Рационализм, как известно, вытесняет религиозные начала на периферию, оставляя в центре культуры прогрессизм, технократизм и прагматизм, особенно ярко выраженные в таких чертах, как «юридизим» и «экономизм», писал К.Н. Леонтьев. Однако европейская культура, несмотря на все эти тенденции, сохранила религиозные основы своей жизни в моральном почтении, уважительно относясь к духовной системе ценностей.

В России после революционной катастрофы, в период воинствующего атеизма, возникла интеллигенция «нового типа», в корне отличающаяся от классического западного образца. В современной России в подавляющем большинстве случаев «быть интеллигентом» означает быть атеистом и материалистом. Для современного западного интеллигента культурной нормой является осведомленность в целом ряде религиозных вопросов — от знания Библии и общих моментов истории Церкви до духовных практик христианской жизни. Для современного российского ученого псевдокультурной нормой стало полное незнание Священного Писания и невежественность в вопросах религиозной жизни. При этом атеизм в суждениях стал идентификатором «ученого человека». Это очень опасное сочетание. Причем еще раз подчеркнем — это нехарактерно для 90% населения планеты. Такой тип учености почти никогда не проявлялся в истории.

2. Учение о гармонии науки и веры

Сегодня, по прошествии почти векового периода атеизации, мы постепенно начинаем осознавать, а осознавая — привыкать к мысли об отсутствии фундаментального противоречия между наукой и верой. Более того, мы начинаем понимать, к чему может привести и уже приводит отрыв науки от веры, «очищение» науки от нравственных императивов, которые определяет религия. В данном случае — христианство.

Многие церковнослужители были одновременно и великими учеными. Например, Коперник (1543), св. митрополит Московский Иннокентий (Вениаминов) (1879), аббат Мендель (1884), священник Павел Флоренский (1937), патер В. Шмидт (1954), архиепископ Лука Войно-Ясенецкий (1961). Много верующих было и среди ученых. О «союзе» науки и религии писали М. Борн, М. Планк, В. Гейзенберг, К.Ф. Вейцзекер, П. Иордан и др. Нет ни единого фрагмента текста в Священном Писании, препятствующего развитию науки. Нет и в науке ни одного факта, ни одного закона, кото-

рые противоречили бы религиозно-нравственным основам жизни. Все атеистические доводы и домыслы в этой области — дело не религии, не богословия — это дело одной лишь недобросовестной философии. Кстати, истинная философия тоже никогда не была безбожной. М.В. Ломоносов справедливо писал, что наука и религия «в распрю прийти не могут... разве кто из некоторого тщеславия и показания своего мудрования на них вражду восклеплет».

Со всей силой внутреннего убеждения говорил великий физик А. Эйнштейн: «Без веры в то, что возможно охватить реальность нашими теоретическими построениями, без веры во внутреннюю гармонию нашего мира не могло бы быть никакой науки. Эта вера есть и всегда остается основным мотивом всякого научного творчества». «Откуда общепринятое теперь различие... "знания" (науки) и "веры" (религии)? Оно, очевидно, случайного (исторического) происхождения, не заключается в самих понятиях: ведь всякое знание — психологически есть "верование", а "верование" в истории всегда было высшим откровением, чистым знанием действительности, — писал А. Ухтомский, — там, где оборвано предание Христовой Церкви, человечество быстро скатывается в животное состояние». Академик Б. Раушенбах говорит о науке и религии как двух необходимых сторонах мировоззрения: «Все чаще люди задумываются: не назрел ли синтез двух систем познания — религиозной и научной? Хотя я не стал бы разделять религиозное и научное мировоззрения, а взял бы шире: логическое, в том числе и научное, и внелогическое, куда входит не только религия, но и искусство, — разные грани мировоззрения... На самом деле человек — это некое единство, и ему свойственно целостное понимание мира. Обе части одинаково важны, одинаково... дополняют друг друга». Таким образом, непримиримое разделение науки и религии — не что иное, как конфликт сознания, раздвоение ума и личности человека, а это уже психиатрический статус.

Не только конфликт науки и веры разрывает целостность сознания человека. В таком же разрыве и другие области человеческой культуры: «От сотворенья так уж повелось: / В стихах и в жизни — все дороги врозь. / Кто в вышину, кто в глубину стремится, / Но большинство идет куда-то вкось», — писал азербайджанский поэт Мирза Шафи Вазех.

Так откуда это повелось? Именно в Европе родилась усталость от христианской культуры и возникло явление, составившее эпоху Возрождения. Что возрождалось? Античная, языческая

традиция. Именно в Европе в XII–XIII вв. возник спор о двух истинах (Жилбер Порретанский, Пьетро Помпонацци).

Началось все с Шартрской школы, положившей водораздел между философией и наукой, с одной стороны, и теологией — с другой. Наиболее пагубным стало направление латинских аверроистов, развитое Марсилием Падуанским и Данте: пропагандой их взглядов этот дуализм был возведен до институционального размежевания государства и церкви, власти светской и духовной. Крайняя тенденция разделения веры и разума нашла свое последовательное развитие именно в католической традиции. В уставе францисканского монашеского ордена (основанного в XII в. Франциском Ассизским) сказано: «Пусть не учатся грамоте не знающие ее». Это высокомерная отповедь ученым, научным знаниям и классической философии.

Другая разновидность «двойственной истины» — ее срединный вариант, признанный классическим в католическом вероучении, разработанный Фомой Аквинским: «Философия и религия абсолютно различны по методу, но лишь частично — по предмету. Когда же религиозное учение не согласуется с философским выводом, первое следует признать сверхразумным; либо надлежит искать ошибку в обосновании второго». С конца XIX в. вариант теории двойственной истины, который разработал Фома Аквинский, становится основным тезисом неотомизма, утверждающего гармонию веры и знания, религии и науки.

Профессор Московской духовной академии А.И. Осипов в книге «Путь разума в поисках истины» пишет: «Религия и наука — это две принципиально разные области человеческой жизнедеятельности. У них разные исходные посыпки, разные цели, задачи, методы. Уже по этой причине они не могут противостоять друг другу. Более того, в силу единства духовной и физической природы в человеке взаимосвязь религиозного и научного знания естественна и необходима особенно в настоящее время для обеспечения той нормальной гармонической жизни, к которой стремится человечество».

Извлечения из «Основы социальной концепции РПЦ». «По своей природе только религия и философия выполняют мировоззренческую функцию... Церковь предостерегает человека от рассмотрения науки как области, совершенно независимой от нравственных принципов... Никакая социальная система не может быть названа гармоничной, если в ней существует монополия секулярного миропонимания при вынесении общественно значимых суждений... сохраняется

опасность идеологизации науки, за которую народы мира заплатили высокую цену в XX веке. Такая идеологизация особенно опасна в сфере общественных исследований, которые ложатся в основу государственных программ и политических проектов. [Недопустима] подмена науки идеологией».

3. Рациональный подход к использованию философского наследия Аристотеля, Платона, неоплатонизма и христианских мыслителей

Мы не перестаем удивляться проницательности человеческого ума, коим обладали великие мудрецы Греции. Именно они помогают нам сегодня правильно понимать происходящие в нашей повседневной жизни события. Здесь прежде всего имеется в виду мысль великого Аристотеля о двух сторонах хозяйственной деятельности человека — экономике и хрематистике.

По Платону, собственность портит нравы, разжигает страсти и примитивную чувственность. Поэтому экономика должна быть ограничена моралью во имя здоровья души и счастья человека. Платон допускал лишь мелкую торговлю, но и она — ремесло неуважительное.

Аристотель считал хрематистику и экономику антиподами. Экономика служит удовлетворению потребностей, а хрематистика (χρηματιστική — обогащение) — всего лишь искусство накапливать богатства. Экономика — опора государства, а хрематистика — идолопоклонство перед прибылью (ростовщичество, спекулятивная торговля). У Аристотеля экономика и государство — это и социальные, и нравственные категории. Естественная экономика ограничена моральным императивом. Богатство также должно быть умеренным, а неумеренное (нетрудовое) расшатывает нравы общества и основы государства. Экономика, по Аристотелю, может быть и противоестественной, если она связана с чрезмерным развитием сферы обращения.

По учению Фомы Аквинского деление людей по профессиям обусловлено естественными причинами. Люди не равны: а) по способностям и б) по социальному положению. Это приводит к различию в богатстве, которое он допускал лишь как «умеренное». Обмен в экономике необходим, но это источник неравенства. Фома Аквинский допускал крупные доходы купцов и даже ростовщиков, но они допустимы лишь как трудовые и как связанные с издержками и риском. Рост денег под ссудный процент он осуждал, но находил и оправдания: дача взаймы лишает дохода.

В учении о «справедливой цене» Фома Аквинский исходил из понятия «меры трудовых затрат», а также двух видов справедливости в обмене: а) справедливость цены, связанная с затратами труда и расходами (издержками), б) вторая справедливость исходит из различия в благах, на которые люди имеют право в зависимости от социального статуса участников обмена. Уровень прибыли нормальный, если он обеспечивает семье купца возможность жить соответственно его месту в сословной иерархии общества.

Развитие феодальных отношений в Средние века изменило и экономическую жизнь общества по сравнению с античностью. Поэтому Фома Аквинский в своем экономическом учении примеривался к господствующему «духу времени». Но за семь с половиной столетий ситуация радикально изменилась. Сегодня мы видим пугающий «дух времени»: экономика, став рыночной, все больше переходит в хрематистику. В свою очередь хрематистическая экономика тотальной коммерциализацией подавляет культуру, образование, науку, всю совокупность социальных институтов общества, мораль и основы духовной жизни. Удержать процесс на уровне экономических воззрений томизма — это уже гуманитарный подвиг. Не удержать — означает обречь цивилизацию на самораспад.

4. О социальном учении Церкви, о понимании человеческого общества как сообщества людей, стремящихся ко всеобщему благу, которое выражается в стремлении к полноте совершенства в Боге

Приняты важные документы и инициативы:

- на юбилейном Соборе РПЦ в 2000 г. принят документ «Основы социальной концепции РПЦ». Он требует углубления и актуализации;
- создана программа «Христианство-2000»;
- созданы научный совет и Институт религиозно-социальных исследований.

Извлечения из «Основ социальной концепции РПЦ».

«Церковь и нация. ... Единство народа Божия обеспечивалось, помимо принадлежности всех его представителей к одной религии, также племенной и языковой общностью, укорененностью в определенной земле — отечестве... Христианский патриотизм одновременно проявляется по отношению к нации как этнической общности и как общности граждан государства... Патриотизм православного христианина должен быть действительным, сохранять и развивать национальную

культуру, народное самосознание... В то же время национальные чувства могут стать причиной греховных явлений, таких как агрессивный национализм, ксенофобия, национальная исключительность, межэтническая вражда... Нельзя понимать принцип светскости государства как означающий радикальное вытеснение религии из всех сфер жизни народа. Этот принцип предполагает лишь известное разделение сфер компетенции Церкви и власти, невмешательство их во внутренние дела друг друга... В Соединенных Штатах Америки, которые изначально представляли собой многоконфессиональное государство, утвердился принцип радикального отделения Церкви от государства, предполагающий нейтральный по отношению ко всем конфессиям характер властной системы. Утверждение юридического принципа свободы совести свидетельствует об утрате обществом религиозных целей и ценностей, о массовой апостасии и фактической индифферентности к делу Церкви».

«...Областями соработничества Церкви и государства в нынешний исторический период являются: а) миротворчество на международном, межэтническом и гражданском уровнях, содействие взаимопониманию и сотрудничеству между людьми, народами и государствами; б) забота о сохранении нравственности в обществе; в) духовное, культурное, нравственное и патриотическое образование и воспитание; г) дела милосердия и благотворительности, развитие совместных социальных программ; д) охрана, восстановление и развитие исторического и культурного наследия, включая заботу об охране памятников истории и культуры; е) диалог с органами государственной власти любых ветвей и уровней по вопросам, значимым для Церкви и общества, в том числе в связи с выработкой соответствующих законов, подзаконных актов, распоряжений и решений; ж) попечение о воинах и сотрудниках правоохранительных учреждений, их духовно-нравственное воспитание; з) труды по профилактике правонарушений, попечение о лицах, находящихся в местах лишения свободы; и) наука, включая гуманитарные исследования; к) здравоохранение; л) культура и творческая деятельность; м) работа церковных и светских средств массовой информации; н) деятельность по сохранению окружающей среды; о) экономическая деятельность на пользу Церкви, государства и общества; п) поддержка института семьи, материнства и детства; р) противодействие деятельности псевдорелигиозных структур, представляющих опасность для личности и общества...»

Программа «Христианство-2000» — первый долгосрочный общероссийский религиозно-социальный проект. Цель программы «Христианство-2000» — общенациональное возрождение российского общества, развитие и реализация идеи социального служения на основе традиционных для России нравственных начал симфонии Церкви и государства. Партнерами этой программы стали Русская православная церковь, Российская академия наук и Министерство культуры России.

В рамках Общероссийской конференции, работавшей Программу «Христианство-2000», работали секции: «Православная церковь в современном мире»; «Православие и история России»; «Православие и образование»; «Православие и культура»; «Православие и словесность»; «Христианство и государственность»; «Христианство и наука».

Протоиерей Александр Шаргунов остановился на тревожной тенденции «всеобщей американизации», когда миром овладевает так называемое *correct thinking* — «правильное мышление», смысл которого сводится к принципу «делаю все, что хочу».

На секции «Православие и словесность» выступил православный писатель Алексей Алексеевич Солоницын.

Секцию «Православие и образование» возглавляли кандидат педагогических наук, настоятель самарского Свято-Сергиевского храма протоиерей Евгений Шестун, профессор Московской духовной академии архимандрит Платон (Игумнов).

Работой секции «Христианство и государственность» руководил председатель Конгресса русских общин В. Г. Шерстнев. Он сказал, что возрождение России — в понимании нашей личности, что русская идея нерасторжима с понятием соборности. Вера и соборность спасут Отечество в эпоху соблазнов. «Духовно беспризорная, нравственно-разнузданная воля рождает в человеке волка».

Иерей Игорь Турутин выступил с докладом о славянстве как самостоятельном культурно-историческом типе цивилизации, который нельзя принижать по отношению к цивилизации Запада. Болезнь русского общества проявилась в стремлении называть западную цивилизацию общечеловеческой, своей. Русская Церковь скрепляла Российское государство.

О симфонии (созвучии) Церкви и государства сказал в своем выступлении иерей Илия Евдокимов.

Конференция приняла Обращение. В тексте Обращения, в частности, говорится, что в стране возникла серьезная угроза нравственному здо-

ровью общества, и прежде всего поколению нынешних детей и подростков. Сформировалась идеология вседозволенности, пропагандируемая средствами массовой информации, она разлагает и опустошает души. Необходимо поддержать подлинную культуру, духовные ценности, традиционные для России, прежде всего Православие.

Государственная образовательная политика должна обеспечить формирование единого государственного образовательного пространства, объединяющего все типы образовательных учреждений, обеспечить развитие российских регионов как неотъемлемых частей Российской Федерации с усилением патриотического воспитания на героических примерах из истории нашей Родины. Система образования должна содействовать сохранению и развитию отечественных традиций семейного воспитания, защищать институт семьи.

Конференция считает необходимым:

1) Разработать конкретно-историческое духовно-нравственное содержание отечественного образования.

2) Придать духовно-нравственному образованию статус, аналогичный экономическому, историческому, правовому и другим видам образования.

3) Поскольку государственная система образования имеет особое предназначение — защищать национальные традиции духовности и культуры, необходимо пересмотреть национально-региональные компоненты государственного стандарта образования, включив в него предметы «Основы православной культуры», «Краеведение», «Родиноведение», предметы, связанные с традициями и бытом народа, населяющего тот или иной российский регион.

4) За счет национально-регионального компонента увеличить количество часов, выделяемых на изучение русской классической литературы, отечественной истории.

5) Развивать разнообразные формы совместной деятельности образовательных учреждений всех видов и Русской православной церкви.

6) Органам государственной власти положить предел засилью тоталитарных сект, разрушающих духовное здоровье общества.

Требуется сотрудничество ученых-гуманитариев в разработке этих проблем, независимо от конфессиональной принадлежности. Именно в открытой и честной дискуссии можно прийти к важным выводам и рекомендациям для современного общества, какими императивами ему следует руководствоваться при планировании своего развития. Идеи Томмазо (Фомы) Аквинского помогут в поисках правильных решений.

Список литературы

1. О социальной концепции русского православия / Под общ. ред. М.П. Мchedлова; ИЦ «Религия в современном обществе». М.: Республика, 2002.
2. Основы социальной концепции Русской православной церкви. М.: Издательство Московской Патриархии, 2000.
3. Коваль Т.Б. Христианское понимание собственности. (Мужи апостольские и апологеты о собственности и богатстве) // Христианские начала экономической этики: Сборник материалов международной интернет-конференции. М., 2001.
4. Коваль Т.Б. Тяжкое благо. Христианская этика труда. Православие, католицизм, протестантизм. Опыт сравнительного анализа. М., 1994.
5. Красиков А. Глобализация и православие // Религия и глобализация на просторах Евразии. М.: Неостром, 2005.
6. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // Вопросы философии. 1990. № 1.
7. Архимандрит Константин (Зайцев). Чудо русской истории. М., 2000.
8. Зеньковский В.В. История русской философии. М.: Академический проект: Даритет, 2001.
9. Майоров Г.Г. Этика христианства. М., 1987.
10. Платон (Игумнов), архим. Православно-нравственное богословие. ТСЛ, 1996.
11. Осипов А.И. (проф. Московской духовной академии). Православное понимание смысла жизни. Религия, философия, наука на пороге III тысячелетия. Киев, 2001.
12. Хоружий С.С. К феноменологии аскезы. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998.
13. Иустин (Попович), архим. Православная Церковь и экуменизм. М., 1997.
14. Осипов А.И. Путь разума в поисках истины (Основное богословие). М.: Даниловский благовестник, 1997.

References

1. Mchedlov M.P. *O sotsial'noy kontseptsii russkogo pravoslaviya* [On the Social Concept of the Russian Orthodoxy]. Moscow, Respublika Publ., 2002.
2. *Osnovy sotsial'noy kontseptsii Russkoy pravoslavnoy tserkvi* [Basis of the Social Concept of the Russian Orthodox Church]. Moscow, ORTHODOXY Publ., 2000.
3. Koval' T.B. *Khristianskoe ponimanie sobstvennosti. (Muzhi apostol'skie i apologety o sobstvennosti i bogatstve)* [Christian understanding of the property. (Apostolic Fathers and apologists of property and wealth)]. *Khristianskie nachala ekonomicheskoy etiki. Sbornik materialov mezhdunarodnoy internet-konferentsii* [Christian beginnings of economic ethics. Collected materials of the international Internet conference]. Moscow, 2001.
4. Koval' T. B. *Tyazhkoje blago. Khristianskaya etika truda. Pravoslavie, Katolitsizm, Protestantizm. Opyt sravnitel'nogo analiza* [Crave good. The Christian work ethic. Orthodox, Catholic, Protestant. Experience of the comparative analysis]. Moscow, 1994.
5. Krasikov A. *Globalizatsiya i pravoslavie* [Globalization and Orthodoxy]. *Religiya i globalizatsiya na prostorakh Evrazii* [Religion and globalization in Eurasia]. Moscow, Neostrom Publ., 2005.
6. Berdyayev N.A. *Russkaya ideya. Osnovnye problemy russkoy mysli XIX veka i nachala XX veka* [Russian idea. The main problems of Russian thought of the XIX century and early XX century]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy]. 1990, I. 1, pp. 77–144.
7. Arkhimandrit Konstantin (Zaytsev). *Chudo russkoy istorii* [Miracle of Russian history]. Moscow, 2000.
8. Zen'kovskiy V.V. *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian Philosophy]. Moscow, Academic Project Publ., Daritet Publ., 2001.
9. Mayorov G.G. *Etika khristianstva* [Ethics of Christianity]. Moscow, 1987.
10. Platon (Igumnov), arkhim. *Pravoslavno-nravstvennoe bogoslovie* [Orthodox moral theology]. TSL Publ., 1996.
11. Osipov A.I. *Pravoslavnoe ponimanie smysla zhizni. Religiya, filosofiya, nauka na poroge III tysyacheletiya* [The Orthodox understanding of the meaning of life. Religion, philosophy, and science on the threshold of the III millennium]. Kiev, 2001.
12. Khoruzhiy S.S. *K fenomenologii askezy* [To Phenomenology of austerities]. Moscow, Publishing house of humanities, 1998.
13. Iustin (Popovich), arkhim. *Pravoslavnaya Tserkov' i eku-menizm* [Orthodox Church and ecumenism]. Moscow, 1997.
14. Osipov A.I. *Put' razuma v poiskakh istiny. (Osnovnoe bogoslovie)* [The path of reason in search of truth. (Main theology)]. Moscow, Danilovskiy blagovestnik Publ., 1997.

Социокультурные проблемы возрождения современного казачества

Social and Cultural Problems of the Modern Revival of the Cossacks

Получено 04.06.2014   Одобрено 02.07.2014   Опубликовано 10.09.2014

УДК 316.012

DOI: 10.12737/5656

АРТАМОНОВА М.Г.

аспирантка кафедры социологии управления Института общественных наук, Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
119571, Москва, проспект Вернадского, 82, стр. 1

E-mail: a.mg90@mail.ru

ARTAMONOVA M.G.

Postgraduate Student of the Chair of Sociology of Management of the Institute of Social Sciences at the Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation
Building 1, 82 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119571, Russia

E-mail: a.mg90@mail.ru

Аннотация

Объект. Социокультурная традиция, уклад, образ жизни казачества, сложившиеся в истории и формирующиеся в процессе возрождения.

Предмет исследования. Процессы институционализации, групповой интеграции и субкультурного развития донского казачества как наиболее представительной части российского казачьего общества.

Основная гипотеза. Казачество как иерархически организованное сообщество с устойчивой культурой коллективной деятельности в процессе возрождения должно оказаться наиболее интегрированной частью общества, способного к самоорганизации и самоуправлению.

Основные проблемы: суверенность казачьего самоуправления, разрыв поколений и традиции, утрата центральной структуры в укладе жизни, социальная эксклюзия, деформация социального положения, уклада и образа жизни, деформация традиции, инверсия социокультурных смыслов традиции в процессе возрождения (главного и вторичного, высшего и низшего, внутреннего и внешнего), культурная ассимиляция, свертывание системы ценностей.

Вторичные проблемы. Проблема идентичности казачества. Субидентификационные элементы. Социокультурные основания самоидентификации. Разделение казачества на русскоцентричный и казакоцентричный этнос. Социокультурные типы современного казачества.

Методические особенности социологического исследования. Выделение категорий анализа: а) реестровое / нереестровое казачество; б) гендерная структура; в) категоризация по образовательному уровню; г) дифференциация по материальному положению; д) дифференциация по роду занятий; е) дифференциация по стажу пребывания в казачьих организациях; ж) категоризация по традиционалистской мотивации в самоидентификации; з) категоризация по характеру восприятия казачьего движения; и) дифференциация по отношению к землепользованию; к) дифференциация по отношению к госреестру казачьих обществ и госслужбе казачества.

Цель. Выявление систематизированной группы проблем, характеризующих отклонение процесса возрождения современного казачества от исторического социокультурного образца, с целью выработки корректирующей стратегии.

Ключевые слова: суверенность, разрыв поколений, разрыв традиции, система ценностей, уклад, образ жизни, социальная эксклюзия, культурная ассимиляция, национальная идентичность, социокультурный тип.

Abstract

Object. Sociocultural tradition, lifestyle, the lifestyle established by Cossacks in history and being formed during revival.

Subject of the Study. Processes of institutionalization, group integration and subcultural development of the Don Cossacks, as the most representative of the Russian Cossack community.

The Main Hypothesis. Cossacks as a hierarchically organized community with a stable culture of collective action in the process of revival, should be a more integrated part of society, capable of self-organization and self-management.

Main Problems: sovereignty of Cossack self government, gap between generations and traditions, loss of the central structure in lifestyles, social exclusion, social status strain, lifestyle and lifestyle tradition strain, inversion of sociocultural meanings in reviving traditions (primary and secondary, higher and lower, internal and external), cultural assimilation, coagulation values.

Secondary Problems. Identity problem of Cossacks. Subidentification elements. Sociocultural bases of identity. Separating Cossacks in Russian-centric and Cossack-centric ethnicities. Sociocultural types of the Cossacks today.

Methodical Features of the sociological research. Allocation categories of the analysis: a) the register / non-register Cossacks, b) gender structure, c) categorization by level of education, d) differentiation of material position, e) differentiation by occupation, f) differentiation by years of stay in the Cossack organizations g) categorization by traditionalist motivation in identity, h) categorization of the nature of perception of the Cossack movement, i) differentiation with respect to land use, j) differentiation in relation to the state register of Cossack Communities and Public Cossacks.

Purpose. Systematic identification of groups of problems that characterize the deviation of the process of the present-day revival of the Cossacks from the historical sociocultural sample to develop a correcting strategy.

Keywords: sovereignty, the generation gap, the gap traditions, values, lifestyle, lifestyle, social exclusion, cultural assimilation, national identity, a sociocultural type.

1. Обзор теоретического исследования проблем казачества

В истории существует несколько альтернативных теорий происхождения казачества, его роли, социальной, культурно-исторической и духовной сущности. Среди них известны теории Н.М. Карамзина, С.М. Соловьёва, А.Л. Станиславского, Е.П. Савельева и др. В. Шамборов и Л. Гумилёв выдвинули «восточную гипотезу», известна концепция Г.В. Вернадского. Существует «славянская гипотеза», В.В. Кожин разработал «северянскую гипотезу», считая регионом формирования казачества Липецкую, Тамбовскую, Воронежскую, Волгоградскую и Ростовскую области. Возникновение казачьего народа относят к VIII–IX вв., а культурное начало — к XII в. Н.М. Карамзин подчеркивал духовные, а не этнические аспекты, указывая, что «казаки образовали воинскую Христианскую Республику».

Родоначальниками «казаковедения» многие называют П.П. Короленко, И.Д. Попко, В.А. Потто, Д.И. Ригельмана, М.А. Караулова, Е.П. Савельева, Е.Д. Фелицина Ф.А. Щербину. Среди наших современников отмечают труды В.Б. Виноградова, А.В. Венкова, В.Н. Ратушняка, Т.В. Таболиной, А.П. Трута, А.Г. Масалова И.А. Казарезова, С.А. Кислицына, А.И. Козлова, В.Н. Королева, А.П. Скорика, Р.Г. Тикиджияна, С.В. Черницына и др. За 1987–2000 гг. по казачьей тематике защищено около 70 диссертаций. Актуальные проблемы современного казачьего движения исследовали К.Н. Максимова, О.В. Матвеева, Т.А. Невская, В.П. Водолацкий. Историко-культурологические исследования вели А.А. Сазонов, Н.И. Суханова, Т.С. Ткаченко. Социолого-политологические и правовые аспекты возрождения казачества отражены в работах Е.И. Дулимова, И.И. Золотарева, А.И. Киблицкого, А.А. Озерова. Проблемы групповой интеграции и культурного самосознания казачества анализируют В.Г. Бондаренко, В. Колесова, А.В. Игонина.

Методы эмпирического исследования: а) опрос; б) формализованное интервью; в) экспертный опрос; г) анализ документов.

Проблемное поле: черты казачьей ментальности (особенности мировоззрения), идеология жизненного пути, смысложизненные ценности и идеалы, представления об исторической миссии казачества, предпочтительные социальные роли, социокультурная идентификация, особенности нравственного порядка жизни, в числе которых определяется:

а) верность миссии, казачьему слову и делу в жизненном самоосуществлении;

б) верховенство духовно-нравственного контроля в осуществлении жизненного пути;

в) направленность жизненных перспектив по критериям веры, идеологии державного служения, традициям семейной жизни и христианско-патриотического воспитания детей.

Ценностный мир, идеалы, понятия перспективы жизни фокусируются на представлениях людей о «счастье» как итоговой самореализации человека в мире. Проводя исследование, мы сравнили наши результаты с аналогичными региональными и общероссийскими исследованиями 30-летней давности, исследованиями ВЦИОМ (2011).

2. Расхождение процесса возрождения казачества с историческим социокультурным образцом

Проблема суверенности казачьего самоуправления. Несуверенность обозначается с самого верхнего уровня: атаманы войска — фигуры несамостоятельные, а подчинённые губернатору. Присутствует и разлагающий фактор чиновничества (латентного сословия), преследующего корыстные интересы [1, 15].

Проблема разрыва поколений и традиции. С.Н. Маркедонов пишет, что «казачество как интегрированный социум прекратил свое существование в 1920 г.» [Маркедонов, 2]. Потомственные казаки составляют 5–10% казачьего сообщества. Возникло новое казачество, представленное молодыми поколениями. При этом часть молодых поколений является носителями культурой традиции, другая часть почти утратила адекватную культурно-историческую память. Обе части молодых поколений — это неказачество.

Проблема утраты центральной структуры в укладе жизни. Как пишет С.Н. Маркедонов, «прекратила свое существование системообразующая для казачества структура — казачий юрт (единица местного самоуправления, социально-хозяйственная ячейка, организация военной службы казаков)... изменился демографический облик казачества, казаки в XX в. пережили несколько демографических катастроф... сходный социум оказался разбросанным по всем социальным группам» [Маркедонов, 2].

Проблема социальной эксклюзии. Д. Шульгатый утверждает, что главное разочарование «Стратегией развития казачества» — это не методика оценки количества людей, идентифицирующих себя с казачеством, а социальная эксклюзия ⁹/₁₀ казачьего сообщества. «По госконцепции, в реестр зачисляются только мужчины 18–60 лет, находящиеся на госслужбе, — пишет атаман Кубанского

казацкого войска В. Громов. — Около 90% казаков и членов их семей выпадают по полу, возрасту, роду занятий, а служилое казачество превращается во вспомогательную силовую структуру» [Историко-культурное наследие Кубани, 2013, 12].

Проблема инверсии главного и вторичного, высшего и низшего, внутреннего и внешнего. В 1922 г. председатель Донского правительства М.Н. Мельников сказал: «Сущность казачества не в лампасе и не в чубе, не в образе служения, а в казачьем духе, традициях и навыках, в казачьей психологии свободного человека, независимом характере и чувстве собственного достоинства, в безграничной любви казака к родному краю, в его широкой терпимости, в его предприимчивости, умении защищать свои права» [Хагуров, Щетнев, 1995, 4, с. 15–16]. Погром казачества, направляемый Л. Троцким, имел целью поголовное уничтожение казачества как народа, способного к самоорганизации. И нынешняя стратегия блокирует эти корни — народную основу казачества и его способность к самоорганизации. Основой возрождения казачества в 1990-е гг. была собственная инициатива казачества. Власть эту инициативу поддержала и повела к выхолащиванию. Дело сводится к социальной селекции «новых казаков», но этносы и народы не могут быть новыми, ибо традиция, их порождающая, требует тысячелетнего становления [Историко-культурное наследие Кубани, 2013, 12].

Проблема культурной ассимиляции и свертывания системы ценностей. Вне реестра оказывается закрепленный в традиции «Совет стариков». Атаманы и руководители служилого казачества ограничены нормой 60 лет — за бортом «реестра» авторитет и опыт [Историко-культурное наследие Кубани, 2013, 12]. Это существенно нарушает не только структурные принципы казацкого самоуправления, но и сам дух казачьей субкультуры. Другой пример — территории. Войско включало и военные подразделения, и семьи казаков, все гражданское и казачий хор. Дело не сводится к народным искусствам. Он был структурным подразделением войска. Ранее термин «войско» означал все казачье общество, все сложившиеся социальные институты казачьего народа. Ныне этот термин в административном понимании сведен к списочному составу казаков, находящихся на госслужбе. Коренные казаки, сохранившие традицию, считают, что Москва пошла по пути ущемления социально-исторической природы казачества, сужения народного начала и духовного ядра казачьей культуры. С одной стороны, игнорируется народный, исторический, культурный контекст; «культурно-исторический тип» сводится к

примитиву «этнографического материала» (термин Н.Я. Данилевского; напомним, Достоевский назвал его труд «Россия и Европа» «настойной книгой каждого русского») — это растворение уникальной культуры в повседневной обыденности. С другой стороны, проводится курс огосударствления части казацкого войска в новореестровости, в парадно-потемкинском привлечении казаков к работе в органах управления в статусах среднего чиновничьего звена («менеджеры по делам казачества»). Эта стратегия, считает В. Громов, усилит отток людей из казачества [Историко-культурное наследие Кубани, 2013, 12].

Проблема деформации традиции, социального положения, уклада и образа жизни. До революции также пытались урезать традиционные казачьи вольности, но царское правительство подчеркивало привилегированность казачества, его «близость к трону» (Гвардия, Казачий Конвой Его Императорского Величества, наследник престола был Войсковым атаманом всех казачьих войск). У казачества не отнимали его традицию, уклад, образ жизни, не отнималась свобода казачества как «вольного народа», оно реально было народом, а не просто «служилым сословием» [Историко-культурное наследие Кубани, 2013, 12].

Численность современного возрождающегося казачества. В конце 1980-х гг. началось возрождение традиций, культуры и быта казаков, сформировались казачьи организации. В 2002 г. численность организованного казачества в Российской Федерации уже составляла 140 тыс. человек, численность потомков казаков оценивалась в 5 млн человек. Общая численность казачества еще не точно установлена. Есть проблемы идентификации, противоборства разных политически ангажированных идеологов: атаманы преувеличивают, а чиновники — приуменьшают. Более реалистичные цифры 3–4 млн человек.

Председатель Совета по делам казачества при Президенте РФ утверждал, что в 2010 г. «по оценкам экспертов, в России около 7 миллионов человек причисляют себя к казакам. Общая численность войсковых казачьих обществ — около 700 тысяч человек, а нереестровых общественных казачьих организаций — более 600». Но эти цифры вызывают сомнение.

В настоящее время все казачество подразделяется на две большие группы: реестровое и общественное. В государственном реестре казачьих обществ более 400 тыс. человек (вместе с семьями) и 150 тыс. казаков готовы нести службу. На сайте Оренбургского войскового казачьего общества читаем: «Не секрет, что в каждой области, где есть казаки, еще действует немало самостийных бать-

ков, под началом которого якобы состоят целые отделы, станицы, а то и полки. Как правило, войско данных атаманов существует лишь на бумаге: круги проводятся нерегулярно, списки казаков устарели» [5].

Вопрос о численности современного казачества полемический: неясно соотношение между тремя группами казаков: а) потомственными, родовыми; б) новообращёнными казаками; в) спекулятивным слоем самозванных казаков, делающих личный капитал на казачьем движении. В.П. Громов пишет: «Казаков можно разделить на три группы:

1) потомственные казаки, идентифицирующие себя с казачьим народом;

2) казаки, сохранившие историческую память, но идентифицирующие себя не с народом, а со служилым сословием;

3) казаки, утратившие казачье самосознание. Последних — большинство» [12]. Этот вопрос стал предметом борьбы за электорат и социальную опору для политиков, предметом амбиций некоторых казачьих лидеров, предметом чиновничьих манипуляций (занижение — завышение по выгоде момента). Возникли противоречивые сведения.

По мониторингу 1992 г. на Кубани только потомственных казаков 1,2 млн человек, но это опровергает официальная статистика. Некоторые атаманы завысили данные до 9–12 млн казаков. Еще больше спекуляций у ангажированных политиков. В порядке защиты от спекуляций, с одной стороны, и во имя духовно-нравственной чистоты движения — с другой, Кубанское войско с 1992 г. запретило казакам членство в партиях.

Эмигрантское казачество. После гражданской войны из России эмигрировало множество донских, кубанских, терских и других казаков. Атаман А.П. Богаевский (1928) говорил, что в зарубежье только донских казаков 25 тыс. В Париже (1926) был создан «Казачий союз», объединивший десятки эмигрантских образований, более 100 станиц, хуторов донских казаков в 18 странах.

Слой людей, влившихся в казачество без казачьих корней, без патриотических убеждений, следующих моде и статусной выгоде. По политической моде на Кубани принималось решение довести численность реестрового казачества до 1 млн человек. На государственную службу идут люди не казачьего происхождения, но имеющие мотив заработать деньги. Иные атаманы на административные должности зачисляют сотрудников полиции и иных лиц, ищущих славы или денег. Еще историк А.И. Козлов писал: «Государство всегда подходило к решению казачьих проблем с точки зрения корыстных интересов, сиюминутной выгоды».

3. Проблемы социокультурной идентичности

«Казачество — феномен мировой и отечественной истории и культуры», — пишет В.П. Водолацкий [2007, 6, 11]. По исследованиям Минрегионразвития РФ, в 2008 г. к казакам себя относил 34% населения в компактных казачьих поселениях, 10,8% затруднились с идентификацией, 55,2% не считали себя казаками [Ефанова, Шишова, Соклаков, 11], $\frac{2}{3}$ казаков дали отрицательный ответ об абстрактной самоидентификации, когда в основе не происхождение, не традиция, не образ жизни, а лишь некое «самоощущение себя казаком». Ответ был получен в 2011 г., когда В.П. Водолацкий ввел комплексную модель [Водолацкий, 2007, 6, с. 18].

По субидентификационным элементам (правовым, географическим, языковым, религиозным, культурным, хозяйственным, социальным) $\frac{1}{5}$ казаков отнесла себя к гражданам России (22,8%), еще у стольких же на первом месте «я — казак» (20,1%), для 19,4% была характерна религиозная доминанта «я — христианин, для 13,3% первичной оказалась национальная атрибуция, для 10,1% — гендерная, для 9,8% ведущей оказалась профессиональная принадлежность, для 3,2% возобладали родственная субидентичность, а для 1,3% — географическая [Водолацкий, 2010, 7, с. 14]. В ментальности современных казаков доминирует идея «казаки — это часть русского народа, но с особой культурой и традициями» (71,7%), т.е. казаки — это субэтнос русского народа, для 9,8% более значим акцент на «сословии», а 6,3% считают современное казачество особым родом войск на службе у государства [Водолацкий, Волков, Барков, Сериков, 8, с. 16]. Водолацкий отметил, что по национальному признаку казаки разделились на *русскоцентричный и казакоцентричный социокультурные типы*. Далее, осознавая себя возрождающимся казачеством, 62,7% респондентов идентифицируют себя по миссии с возрождением патриотизма, 47% — по миссии с возрождением духовности, 45,5% — по миссии с самосохранением казачества, 22,6% — по миссии обороны и безопасности страны [Водолацкий, 2010, 7, с. 18]. Кроме того, Минрегионразвития исследовало казачество по административно-территориальной карте, а она сегодня не совпадает с расселением казачьих образований: донское казачество не совпадает ни с Ростовской областью, ни с ЮФО — это разделенная этносоциальная группа.

По главной идентификационной категории, в сопряжении с признаками казак / не казак; казак / атаман в 2008 г. картина была следующая (рис. 1). Большие различия по категории «народ», умеренные — по сословной категории, одинаковые — по категории «социокультурная общность людей»

[12]. Кроме субидентификационных элементов, существуют *социокультурные основания* (рис. 2). Картина идентификации усложняется [12].

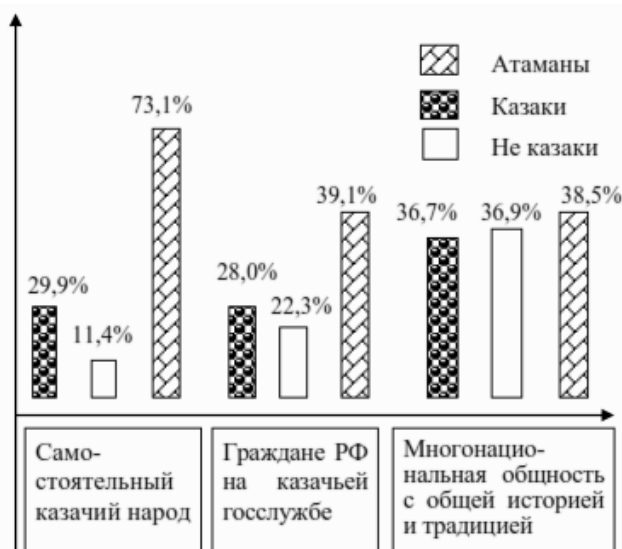

Рис. 1. Идентификационная категория

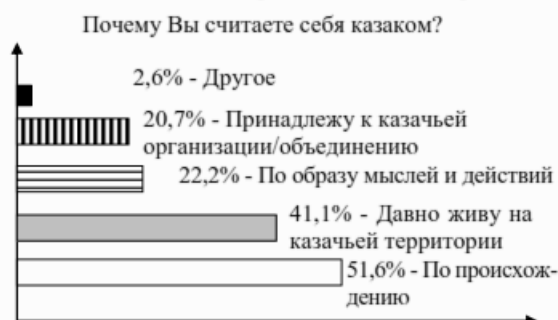

Рис. 2. Основание идентификации

У Водолацкого на первом месте *примордиальные основания* — 67,7% ориентированы на происхождение из потомственных казаков, на втором месте *инструменталистские основания* — 57,6% считают себя казаками по самоощущению. У 21,5% респондентов *конформистская самоидентификация*: важно, признают ли их казаками другие люди (казаки и не казаки) [Водолацкий, Волков, Барков, Сериков, 8, с. 18]. *Национальная ориентация*: 34,4% респондентов ответили, что казаком может быть человек неславянского происхождения, 49,7% это отрицали [там же, с. 19]. *Духовная ориентация*: для 66,3% респондентов казачья идентичность подтверждается христианской верой, а для 47% это самое значимое [там же, с. 21]. «Обобщая проблемы социокультурной и этносоциальной идентичности и самоидентификации казачества, приходим к выводу, что казачество — это *самостоятельный народ, субэтнос русского народа, сословие*» [Водолацкий, Волков, Барков, Сериков, 8, с. 13].

4. Основания и типология самоидентификации

Для 49,9% респондентов (57,4% у женщин) «быть казаком» значит: а) «знать казачьи традиции»; б) соблюдать традиции (46% казаков и 51,3% казачек); в) знать казачью историю (соответственно 44,1 и 54%). *Развивается ли культурная традиция сегодня?* По мнению 55,2%, развивается, 25,6% считают, что утрачивается, а 20,8% думают, что останется этнографической, музейной ценностью. *Кто является носителем этой традиции сегодня?* К знакам казачьей культуры относят себя «лишь 3,5% казаков, достаточно хорошо знают 42% (женщины — 28,7%), более 40% считают свои знания и представления отрывочными (53,9% женщин), а практически с ними не знакомы около 10%» [Водолацкий, Волков, Барков, Сериков, 8, с. 26]. При этом 66% стремятся к расширению знаний о традициях и истории казачества. *Кто соблюдает традиции?* Чтят и исполняют 25,1%, отчасти соблюдают — 32,4%, не соблюдают — 42,5%. *Востребованные каналы возрождения казачьей культуры и традиций* — это курсы: «по истории и культуре — 67,1%, по основам православной культуры — 59,7%, по военной подготовке — 48,8%, по семейному воспитанию и этикету — 38,1%, по обучению казачьим промыслам — 25,2%» [Водолацкий, Волков, Барков, Сериков, 8, с. 26]. *К барьерам развития казачьей культуры* респонденты относят «слабое финансирование (56,2%), отсутствие единства в понимании целей развития казачества и его культуры (43,8%)». *В отношении к массовой культуре казаки* разделились: 47,1% не разделяют и осуждают ее формы и ценности (57,1% в городах), остальные относятся достаточно терпимо, хотя полностью поддерживают ее всего 3,9% респондентов» [там же, с. 27].

Культурно-идентификационные аспекты в исследовании Д.В. Абросимова, К.А. Рыбакова и др. выявились в вопросе «Какое выражение наиболее соответствует роли казачества в Вашей личной жизни? Казачество для Вас — это ...». Ответы: «духовная традиция и образ жизни» — 72,4%, «заветы служения Родине» — 41,2%, «идеалы воспитания молодежи» — 38,7%, «боевые традиции» — 33,4%, «модель семейных отношений» — 14,6%, «экономическая модель ведения хозяйства» — 5,1% [Абросимов, Рыбаков, Черепанов, Хамидулин, 2011, 9].

Национальная идентичность. По исследованию Д.В. Абросимова, К.А. Рыбакова и др., подавляющее большинство (более 80%) казачьего населения определяет свою национальность как «казак», а «русскими» себя считают лишь 14%. В связке признаков «национальность» и «родной язык» оценки распределились так: «казак, родной язык

русский» — 65,5%; «русский, родной язык русский» — 14,9%; «казак, родной язык казачий (балачка, гутор)» — 13,9%; «другая национальность, другой язык» — 0,42% [Абросимов, Рыбаков, Черепанов, Хамидулин, 2011, 9]. Углубленный анализ позволил установить профили субэтнических категорий в разных казачьих регионах (табл. 1).

хозяйствования» на их родной земле [там же, 8, с. 59]. При этом «18,0% опрошенных ответили, что считают миграцию в свой районе недопустимой, а 43,4% — за ограничение потока мигрантов. Свыше 60% выражают негативное отношение к переселенцам».

Черты социокультурного типа казака. В ис-

Таблица 1

Субэтнические категории идентификации [9]

Как Вы считаете, казаки — это...	Войско Донское	Кубанское ВКО	Терское ВКО	Эксперты
Древний неславянский народ	9,73	14,5	5,6	12
Один из северокавказских этносов	1,78	7,4	3,8	5
Славянский народ, родственник русскому, как украинцы и белорусы	60,89	23,4	56,6	51
Часть русского народа особой субэтнической идентичности	11,71	42,00	57,1	36
Особое военное сословие	9,38	8,1	10,7	10
Потомки казаков, с казачьим национальным самосознанием	64,66	47,4	17,1	62
Православные люди, принятые в хуторские общины	5,7	4,30	22,3	5

Для этнического самосознания важна оценка роли, которую играет казачество в жизни региона, в жизни страны, ибо на ней строятся самоуважение и проект возрождения. Около 57% респондентов считают, что эта роль значительна, 4,1% — определяющая (суммарно — 61%). На среднем уровне значимости роль казачества оценили 27,6%. Итоговый показатель 87,6% — это очень высокое значение консолидации самосознания казаков. «При этом респонденты рассматривают последние пять лет преимущественно как период роста влияния казаков на ситуацию в регионе и на Юге России (52,9% и 49,3% соответственно)», — отмечают Д.В. Абросимов и К.А. Рыбаков [9].

Межнациональные отношения. Донские казаки «считают, что межнациональные отношения в Ростовской области спокойные (41,5%) и доброжелательные (15,1%)» [Водолацкий, Волков, Барков, Сериков, 8, с. 51]. Тем не менее «этноконфликтный потенциал в среде казачества достаточно высок: почти 33% опрошенных оценили ситуацию в межнациональных отношениях как напряженную... более 17% были свидетелями межнациональных конфликтов и 14% участниками» [там же, 8, с. 52].

Роль казачества в регулировании межнациональных отношений также высока: 32,4% ответили, что казаки «стабилизируют, сдерживают обострения», 15,1% — «способствуют налаживанию» (суммарно 47,5%). Это высокий «миротворческий потенциал». Но в связи с массовыми миграционными процессами позиция казаков сдвинулась: казаков возмущает навязывание мигрантами своего уклада жизни и системы «нового

следования Абросимова, Рыбакова и др. установлен следующий профиль социокультурного типа современного казака (табл. 2).

Таблица 2

Черты социокультурного типа казака [9]

Какие качества должны быть у современного казака?	Доля, %
Православная вера	69
Свободолюбие	56
Патриотизм	68
Желание нести государственную службу	24
Готовность защищать Россию от внешних врагов	42
«Легкость на подъем», готовность к передвижениям, мобильность	12
Готовность осваивать малообжитые территории России	5
Готовность отстаивать интересы своего Войска, Округа, Отдела	23
Умение подчиняться казачьему Кругу	17
Уважительное отношение к принципам казачьего самоуправления	34
Уважение семейных традиций	20
Уважение старейшин	18
У казаков не должно быть особых качеств	1

5. Социологическое исследование официально-нормативного статуса

Социологическое исследование Минрегионразвития РФ «Становление и развитие государственной службы российского казачества в 2008–2010 годах» носило официальный статус. Опрос населения в регионах компактного проживания каза-

чества охватил 1008 респондентов в пяти субъектах РФ (Краснодарский и Ставропольский края; Волгоградская, Ростовская и Читинская области; 16 городов и 21 сельский район) [Ефанова, Шишова, 11].

Общая численность казачества как субэтносов народов, населяющих Россию, более 2 млн человек. Такая же цифра в аналитике юристов. Историки утверждают, что численность казаков 4,5 млн человек, а антропологи говорят о 5 млн. Вовлеченность казаков в казачьи организации составила 41,7%, кроме того, 34,3% невовлеченных хотят вступить в реестровое казачество, а 11,2% намерены соединиться с нереестровыми казачьими обществами. Потенциал организационной интеграции приближается к 87% [Ефанова, Шишова, 11].

Реестровое/нереестровое казачество. Потенциально реестровое казачество стремится к величине 40%, а доля общественных объединений — к 60%. Это соотношение двукратно превосходит исторические пропорции служилого / неслужилого казачества [Ефанова, Шишова, 11].

По гендерной структуре: женщин, идентифицирующих себя с казачеством, в 1,5 раза меньше, чем мужчин [там же, 11]. Это можно понять как социально-психологический итог расказачивания, выселения казаков и массового заселения неказачьим населением казачьих областей, смешанных браков, вековой практики угнетения традиции, вялости властей в реабилитации и возрождении казачества.

По образовательному уровню: казаков с высшим образованием на 3% меньше, со среднепрофессиональным — на 2,9% больше общероссийской статистики, что объясняется значительной долей сельского казачьего населения [там же, 11].

По материальному положению различия между казаками и не казаками не выявлены, а оно должно было бы быть у казаков лучше, если бы государство всерьез заботилось о возрождении казачества как военно-служилого сословия.

По роду занятий казаки представлены во всех профессиональных группах, пропорционально остальному населению. Однако среди казаков работников сельского хозяйства на 6,3% больше, чем в России в целом, но в 1,7 раза меньше доля казаков-горожан [там же, 11].

Стаж пребывания в казачьих организациях: 46,2% атаманов вошло в казачье движение с начала 1990-х гг., 53,8% рядовых казаков имеют стаж 8–10 лет. Приток после 2006 г. (26,1%) равен притоку за 2001–2005 гг. (26,8%) [11].

Традиционалистская мотивация в самоидентификации по данным социологических исследова-

ований Минрегионразвития РФ. Причины вступления в казачьи организации: а) *по родовому мотиву* «потомственной принадлежности» — 52%; б) *по социокультурному мотиву* «участия в возрождении казачьих традиций» — 32,0%; в) *по военно-сословному и патриотическому мотиву казачьей службы* — 26,1% (схема ответов допускала выбор нескольких мотивов) [11].

Самоидентификация казачества как социальной общности. Главная проблема: казаки народ, сословие или внеэтническое сообщество? Казачество считают народом 73,1% атаманов и 25,9% рядовых казаков. Народная идентификация более характерна для групп селян и молодежи. Наиболее популярна эта идея в Краснодарском крае [11].

Казачество считают этнической общностью (многонациональное братство с общей историей и традицией) 36,7% рядовых казаков, такая же доля и во мнении неказачьего населения [11].

Около 25% опрошенных считают казачество профессиональной категорией граждан, находящихся на госслужбе.

Восприятие казачьего движения. Положительное отношение к казачьему движению высказали 75% населения. Одобрение форм, в которых сегодня происходит возрождение казачества, высказали 44% опрошенных, а 12% не осведомлены о сегодняшнем состоянии казачества [11].

Отношение к землепользованию. За крупную частную собственность казаков на землю — 58,5%. Процент был бы выше, но высока доля тех, кто имеет права на землю, но не обрабатывает ее (не востребованные казаками земли в целевых земельных фондах Ростовской области составляют 38%) [11].

Отношение к госреестру казачьих обществ и госслужбе казачества. Среди нереестровых казаков $\frac{2}{3}$ желают государственной казачьей службы [11]. Желание включиться в охрану общественного порядка выразили 42,9%, в военно-патриотическое воспитание и вневойсковую подготовку казаков — 41,9%, в охрану границы — 37,1%. В производство и закупку сельхозпродукции для государственной казачьей службы желают включиться 15,2% казаков [11].

6. Авторское социологическое исследование

Объектом социологического исследования (2013) стало казачество Ростовской области. «Всевеликое войско Донское» охватывает четыре административные области. Его можно назвать наиболее авторитетным в казачьем мире России (всего 11

казачьих войск). В нем более отчетливо сохранились культурно-исторические традиции казачества.

Исследованы социокультурные процессы в современном казачестве, процессы возрождения традиции, институционализации как народа, сословия и социального института, инкорпорированного в основные социальные институты государства и гражданского общества. Главным направлением исследования стали проблемы системы ценностей и идеалов, особенности мировоззрения в духовно-нравственном, этноисторическом, культурном и духовном аспектах, проблемы идентификации и самоидентификации, смысловые ориентации и образ жизни современного казачества.

Адресной аудиторией опроса стали казаки и казачки Всевеликого войска Донского. Опрос проводился в станице Кулешовка, в Азовском районе.

Генеральная совокупность донского казачества — 144 682 человека с учетом членов их семей. В ходе исследования удалось опросить 110 респондентов, что при заданной доверительной вероятности 95% (доверительный интервал 9,3) позволяет считать выборку достаточной

Выборка исследования: вероятностная серийная (гнездовая). Единицами отбора выступали не сами объекты, а группы. В связи с высокой однородностью внутри социальной общности группы отбирались случайным образом.

- *Гендерный состав:* 66 мужчин (60%), 44 женщины (40%).
- *Выборка для массового опроса* формировалась из респондентов в возрасте от 16 лет и старше.
- *Метод сбора информации:* групповое (до 20 человек) и индивидуальное анкетирование (очное и заочное).

Методы анализа данных: анализ частотных распределений, описательных статистик, таблиц сопряженности, корреляций и средних значений на базе программного обеспечения SPSS 20.0. Полученные данные представлены в отчете в абсолютных и относительных значениях. В качестве мер средних тенденций для номинальных шкал использовалось наиболее часто встречающееся значение признаков переменных — мода. Для порядковых шкал такими мерами наряду с модой служили значения рассматриваемых признаков, которые делили вариационные ряды пополам — медианы. Для интервальных шкал мерами средних тенденций выступали мода, медиана, среднее арифметическое; мерами разброса — дисперсия, стандартное отклонение. Выводы, полученные на основе сопряжения этих методов анализа с типом использованных шкал, удовлетворяют свойству

инвариантности, формальной и содержательной адекватности.

Для отражения близости формы распределений к нормальному виду использовались эксцесс и асимметрия. Для каждого вопроса анкеты значение асимметрии и эксцесса по модулю не превосходят 1, в редких случаях 2, что говорит о нормальной форме распределения признаков.

Жизненные интересы-ценности, определяющие направленность жизни и представления о счастье

В 1977–1980 гг. в Кишиневе, Туле, Омске проводились региональные исследования населения СССР по интересам и ценностям, на которых строится направленность жизни и идеалы (исследование Л.Ф. Самарцевой). Картина была следующей. Более 90% населения понятие счастья вообще не связывали с богатством. В число приоритетов входили: верные друзья (79%); 2) интересная, любимая работа (73%); взаимная любовь (64%); жизнь во имя счастья народа (61%); воспитание детей настоящими людьми (42%); создание хорошей семьи (26%); высшее образование (16%); путешествие в другие страны (15%); жизнь без волнений и тревог (15%); 10) материальное благополучие (7%); хорошие жилищные условия (6%); беззаботная жизнь (3%); автомашина (1%) (Самарцева; табл. 3).

В 2011 г. ВЦИОМ провел исследования в Москве, Санкт-Петербурге, городах ЦАО, назвав их «Российский индекс счастья». Динамика счастья / несчастья колеблется по годам и регионам. В 1993 г. в нестоличных городах России удовлетворенных жизнью было 3%, а 75% считали себя несчастными. Рост оптимизма и радости отмечается с 2006 г. Наибольшее благополучие испытывали столичные граждане. В 2011 г. 19% москвичей считали себя несчастными, а 78% — счастливыми. Показатели питерцев такие же (в пределах точности $\pm 2\%$) [Водолацкий, Волков, Барков, Сериков, 8]. Межрегиональный «индекс счастья» составил: 32% счастливых, 43% депрессивных, 25% несчастных. Представление о счастье прочно связано с уровнем материальных благ.

Что изменилось в менталитете россиян за треть века?

В оценке счастья: благополучие семьи (28%), здоровье (21%), материальное благополучие (14%), стабильная жизнь (12%), любовь (12%), дети и внуки (8%), благополучие близких (5%), хорошая работа (5%), свобода (4%), душевная гармония (4%), мир (4%), жилищный вопрос (2%), верные друзья (1%) [9].

Какое значение в Вашем представлении о счастье занимают данные ценности?
(ответить по всем пунктам вопроса)

Ценность	Высшее до 100%	Высокое до 80%	Большое до 60%	Среднее до 40%	Малое до 20%	Никакое 0%	Сумма от 100 до 60%
Верность Богу, христианская жизнь	61,8	17,3	18,2	2,7			97,3
Охрана Церкви и духовной традиции	47,3	11,8	22,7	15,5	2,7		81,8
Патриотизм, верность Родине	39,1	20,0	22,7	18,2			81,8
Верность казачьему братству	20,0	45,5	26,4	8,2			91,9
Казачья честь и верность долгу	25,5	48,2	26,4				100
Культурная традиция казачества	12,7	37,3	34,5	15,5	18,2		84,5
Достоинство казачества как народа	26,4	46,4	7,3	1,8			80,1
Честь казачества как сословия	21,8	15,5	44,5	7,3	10,9		81,8
Сословные привилегии казачества	4,5	17,3	31,8	32,7	4,5	9,1	53,6
Положение в казачьем мире	1,8	17,3	38,2	30,9	2,7	9,1	57,3
Статус в российском обществе	7,3	20,0	23,6	34,5	11,8	2,7	50,9
Душевная гармония	22,7	22,7	24,5	27,3	2,7		69,9
Свобода	9,1	23,6	30,9	10,9	13,6	11,8	63,6
Мир	27,3	28,2	30,0	7,3			85,5
Любовь	31,8	30,9	27,3	1,8	8,2		90
Дети	58,2	30,0	11,8				100
Воспитание детей настоящими людьми	58,2	33,6	4,5	3,6			96,3
Внуки	60,0	19,1	11,8	5,5		3,6	90,9
Верные друзья	23,6	16,4	27,3	25,5	5,5	1,8	67,3
Создание хорошей семьи	32,7	35,5	24,5	5,5		1,8	92,7
Жизнь во имя счастья народа	5,5	40,9	40,0	13,6	4,5		86,4
Высшее образование	33,6	49,1	10,9	1,8			93,6
Интересная работа	26,4	47,3	16,4	10,0			90,1
Благополучие семьи	21,8	44,5	22,7	10,9			89
Благополучие родных и близких	21,8	44,5	22,7	10,9			89
Здоровье	14,5	39,1	35,5	3,6	7,3		89,1
Жизнь без волнений и тревог	2,7	10,9	30,0	32,7	12,7	10,9	43,6
Материальное благополучие	10,9	39,1	24,5	21,8	13,6		74,5
Хорошие жилищные условия	6,4	55,5	24,5	13,6			86,4
Путешествие в другие страны	1,8	3,6	15,5	13,6	35,5	30,0	20,9
Беззаботная жизнь	1,8	1,8	15,5	16,4	16,4	48,2	19,1
Автомашина	3,6	1,8	12,7	20,0	30,9	30,9	18,1

В нижней части шкалы — любовь, дети, внуки. Почти полное охлаждение к близким и друзьям. В верхней части шкалы — материальные средства жизни.

Деградируют такие жизненные установки, как стать «настоящим человеком», воспитать детей «настоящими людьми», «создать хорошую семью». Почти не востребованы: «душевная гармония», «свобода», «мир» (табл. 4).

Мы решили провести лонгитюдное сравнение, сопоставив данные 30-летней давности с данными ВЦИОМ по России в 2011 г. [13] и данные, полученные в нашем исследовании по казачеству. Мы сохранили те же позиции опроса, но, учитывая специфику казачества, дополнили их 11 вопросами, принципиально важными для этой

аудитории, расположив их в верхней части таблицы. Сначала представим данные по казачеству (табл. 3).

Приоритет получили ценности «казачья честь и верность долгу», «дети», «верность Богу, христианская жизнь», «воспитание детей настоящими людьми», «высшее образование», «создание хорошей семьи», «верность казачьему братству», «внуки», «интересная работа», «любовь» (интервал по сумме высших значений от 90 до 100%).

На втором месте оказались ценности «здоровье», «благополучие семьи», «благополучие родных и близких», «жизнь во имя счастья народа», «хорошие жилищные условия», «культурная традиция казачества», «мир», «патриотизм, верность Родине», «охрана Церкви и духовной тра-

диции», «достоинство казачества как народа», «честь казачества как сословия» (интервал по сумме высших значений от 80 до 90%).

На третьем месте — ценности «материальное благополучие», «душевная гармония», «верные друзья», «свобода», «положение в казачьем мире», «сословные привилегии казачества», «статус в российском обществе» (интервал по сумме высших значений от 50 до 75%).

В низшую, четвертую группу входят «жизнь без волнений и тревог», «путешествие в другие страны», «беззаботная жизнь», «автомашина» (интервал по сумме высших значений от 18 до 45%).

Полученные данные разместим в табл. 4 по сопоставимым ценностям, опуская действительно высокие, но специфические ценности (относительно ранее проводившихся опросов и традиций казачества)

Другим аспектом исследования был анализ восприятия казаками социальной жизни. В ней

существуют острые противоречия, на которых проверяются и прочность мировоззрения, устойчивость духовно-нравственных установок, и действительность (недекларативность) ценностей и идеалов (табл. 5). Следует учитывать, что казаки испытывают весь объем общероссийских социальных проблем, но в актуальное поле их жизни входит еще такой же объем проблем, порождающих специфические для казачества социальные, экономические, социокультурные, этноисторические и нравственно-духовные проблемы, т.е. налицо удвоение проблем. Это должно формировать более высокие уровни социальной напряженности, но по результатам исследования тенденции более позитивные, более конструктивные, чем по России в целом.

В число наиболее острых проблем России, по мнению казачества, входят «моральная распущенность», «коррупция», «алкоголизм и наркомания», «рост смертности населения», «разрушение села»

Таблица 4

Индикаторы счастья по представлениям граждан, %

Ценность	СССР 1977	Россия 2011	Казаки 2013	Изменение (кратность), раз	
				Казаки – СССР (1977)	Казаки – Россия (2011)
Духовно-нравственная жизнь					
Душевная гармония	43	4	69,9	1,6	17,5
Свобода	20	6	63,6	3	10,5
Мир	15	3	85,5	5,7	28,5
Любовь	64	14	90	1,4	6,5
Дети	45	8	100	2,2	12,5
Воспитание детей настоящими людьми	42	—	96,3	2,3	абсолютно
Внуки	12	8	90,9	7,5	11,4
Верные друзья	79	2	67,3	одинаково	33,5
Создание хорошей семьи	26	—	92,7	3,6	абсолютно
Средняя по блоку	38,4	6,4	84	2,2	17
Социальная жизнь					
Жизнь во имя счастья народа	61	—	86,4	1,4	абсолютно
Высшее образование	16	24	93,6	5,7	3,9
Интересная работа	73	5	90,1	1,2	18
Средняя по блоку	50,0	14,5	90	1,8	6,2
Материальная жизнь					
Благополучие семьи	—	32	89	—	2,8
Благополучие родных и близких	—	—	89	—	—
Здоровье	—	14	89,1	—	6,4
Жизнь без волнений и тревог	15	18	43,6	2,9	2,4
Материальное благополучие	7	22	74,5	10,6	3,4
Хорошие жилищные условия	6	8	86,4	14,4	10,8
Средняя по блоку	9,3	18,8	78,6	8,5	4,2
Развлечения					
Путешествие в другие страны	15	20	20,9	1,4	одинаково
Беззаботная жизнь	3	24	19,1	6,3	одинаково
Автомашина	1	15	18,1	18	1,2
Средняя по блоку	6,3	19,7	19,4	3,1	одинаково

Таблица 5

Наиболее острые социальные проблемы

Какие социальные проблемы, по Вашему мнению, наиболее острые в России?	%
Коррупция	73,6
Рост преступности	56,4
Рост смертности населения	69,1
Моральная распушенность	90,0
Алкоголизм и наркомания	72,7
Разрушение института семьи и родственных связей	61,8
Деградация системы образования	55,5
Деградация системы здравоохранения	30,0
Забвение духовной традиции значительной частью общества	39,1
Обнищание населения	46,4
Недостойная забота государства о детях, женщинах, стариках	30,0
Подмена реальной экономики торгово-финансовой деятельностью	5,5
Разрушение села	68,2
Разрушение армии и уровня ее вооруженности	32,7
Отсутствие национальной политики	19,1
Нет национальной идеологии и программы развития общества	30,0
Отсутствие молодежной политики	7,3
Разлагающее влияние СМИ	40,0
Деградация системы управления на всех уровнях	15,5

и «разрушение института семьи и родственных связей». Среднее значение тяжести этих проблем — 77,6%.

В табл. 6 приведены данные исследования по оценке казаками смысла жизни с точки зрения пользы для их духовного развития.

Таблица 6

Смысл жизни в аспекте духовного развития

В чем смысл Вашей жизни в отношении к своей душе, к своему внутреннему миру?	%
Материальное благополучие в жизни	16,4
Успех, признание людей и властей	28,2
Преодолеть страсти и пристрастия	77,3
Обрести христианские добродетели	66,4
Развить интеллект	34,5
Развить таланты	10,9
Духовное развитие личности	70,0
Покаяние и добрые дела	82,7

Выбор казаков совпадает с ценностями, закрепленными в православной традиции. Акцент был сделан на «преодолении страсти и пристрастий», «обретении христианских добродетелей», «духовном развитии личности», «покаянии и добрых делах».

В табл. 7 представлены ответы казаков на вопрос об отношениях с близкими людьми.

Таблица 7

Смысл жизни в аспекте отношений с близкими людьми

В чем главные задачи Вашего жизненного пути, в отношении к близким?	в %
Вывести детей на путь успеха в жизни	12,7
Православное воспитание детей	81,8
Семейное благополучие	30,9
Хранить семью как малую церковь	77,3
Комфортная жизнь родителей	8,2
Духовная забота о родителях	82,7
Житейское счастье супругов	24,5
Христианское счастье в браке	66,4

Данные табл. 8 подтверждают приоритеты христианского образа жизни, исторически закрепленного в истории казачества, его традиционной культуре, укладе жизни, в центральности семейных ценностей: «духовная забота о родителях», «православное воспитание детей», «хранение семьи как малой церкви». Среднее выражение этих ценностей составило 80,6%.

Таблица 8

Смысл жизни в контексте отношений к казачьему сообществу

В чем главные задачи Вашего жизненного пути, в отношении к казачеству?	в %
Патриотическое воспитание детей	41,8
Обучение молодежи военному делу	40,9
Развитие культурной традиции	39,1
Политическое развитие казачества	42,7
Признание казачества народом	39,1
Признание казачества сословием	9,1
Развитие казачьего самоуправления	50,9
Развитие госслужбы казаков	32,7
Казачья автономия, республика	2,7
Развитие нашего казачьего региона	32,7
Развитие уклада казачьей жизни	40,0
Казачья семья и образ жизни	53,6

Наиболее приоритетными жизненными задачами, в отношении к казачеству, оказались «казачья семья и образ жизни», «развитие казачьего самоуправления», «патриотическое воспитание детей», «обучение молодежи военному делу», «развитие уклада казачьей жизни», «развитие культурной традиции», «признание казачества народом», «политическое развитие казачества». Среднее выражение этих ценностей составило 43,5%.

Наибольший интерес в державном служении казачество видит в «защите порядка и права в регионе», «охране государственных интересов», «культурной деятельности, СМИ», «педагогической работе» (см. табл. 9).

Таблица 9

Смысл жизни в контексте отношений к Отечеству

В чем главные задачи Вашего жизненного пути, в отношении к Отечеству?	%
Защита от военных угроз	18,2
Защита порядка и права в регионе	70,0
Защита от преступлений бизнеса	5,5
Борьба с коррупцией	5,5
Борьба с наркоманией	12,7
Борьба с преступностью	10,9
Борьба с браконьерством	8,2
Охрана государственных интересов	45,5
Охрана интересов граждан	26,4
Педагогическая работа	23,6
Культурная деятельность, СМИ	29,1
Научная, творческая деятельность	18,2

Таблица 10

Смысл жизни в аспекте культурной традиции

В чем главные задачи Вашего жизненного пути, в отношении к культурной традиции казачества?	%
Передача знаний истории казачества	60,9
Укрепление уклада жизни казаков	60,0
Привитие обычаев и традиций	73,6
Укрепление традиции «круга»	60,9
Укрепление казачьей демократии	16,4
Развитие казачьего землепользования	33,6
Развитие казачьего образования	59,1
Развитие казачьего искусства	23,6
Развитие казачьей службы	36,4
Развитие воинского мастерства	20,9
Развитие казачьих СМИ	21,8
Развитие института казачьей семьи	43,6

В контексте возрождения культурной традиции казаки особо выделили «передачу знаний истории казачества», «укрепление уклада жизни казаков», «привитие обычаев и традиций», «укрепление традиции круга», «развитие казачьего образования» (см. табл. 10).

Таким образом, мы видим, что в казачьей среде существенно выше ориентация на духовно-нрав-

ственные ценности, в сравнении с материальными, чем в целом по России. По ряду позиций эти преимущественные различия у казачества выше в несколько раз. Так, по блоку ценностей, «духовно-нравственная жизнь» — 17 раз, а по блоку «социальная жизнь» — в 6,2 раза.

Список литературы

1. Актуальные проблемы казачьего движения: Материалы круглого стола // Социологические исследования. 1992. № 9. С. 15.
2. Маркедонов С. Неказачество на Юге России как политический проект. URL: <http://www.polit.ru:8021/article/2005/05/27/cossack/>
3. Шулгатый Д.А. Куда ведет казаков Москва? URL: <http://nacsk.ru/?p=1212>
4. Хагуров А.А., Шетнев В.Е. Казачий менталитет: прошлое и настоящее // Возрождение казачества: Тезисы докладов, сообщений, выступлений на V Международной научной конференции. Ростов н/Д., 1995.
5. Сайт Оренбургского войскового казачьего общества. Реестровое казачество: проблемы и перспективы. <http://ataman-ovko.ru/historical/articles/1034/>
6. Водолацкий В.П. Социальная референтность казачества. Ростов н/Д.: Антей, 2007.
7. Водолацкий В.П. Идентификационная матрица донского казачества. Ростов н/Д.: Антей, 2010.
8. Водолацкий В.П., Волков Ю.Г., Барков Ф.А., Сериков А.В., Черноус В.В., Черных Е.Ю., Садко Д.О. Аналитический доклад по проекту современной России (на примере донского казачества). Ростов н/Д.: Южно-российский филиал Института социологии Российской академии наук, 2011. URL: <http://cossacks.klimovo.org/cossack-creativity/science-fiction/94.html>

References

1. Aktual'nye problemy kazach'ego dvizheniya [Actual problems of the Cossack movement]. *Materialy kruglogo stola. Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. 1992, I. 9, p. 15.
2. Markedonov S. *Neokazachestvo na Yuge Rossii kak politicheskiiy projekt* [Neokazachestvo in southern Russia as a political project]. Available at: <http://www.polit.ru:8021/article/2005/05/27/cossack/>.
3. Shul'gatyy D.A. *Kuda vedet kazakov Moskva?* [Where does the Cossacks Moscow?]. Available at: <http://nacsk.ru/?p=1212>.
4. Khagurov A.A., Shchetnev V.E. *Kazachiy mentalitet: proshloe i nastoyashchee* [Cossack mentality: Past and Present]. *Vozrozhdenie kazachestva: Tezisy dokladov, soobshcheniy, vystupleniy na V Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Revival of the Cossacks: Abstracts, reports, speeches at the V International scientific conference]. Rostov-on-Don, 1995, pp. 15–16.
5. *Sayt Orenburgskogo voyskovogo kazach'ego obshchestva. Reestrovoye kazachestvo: problemy i perspektivy* [Website of the Orenburg Cossack Army Society. Registered Cossacks: Problems and Prospects]. Available at: <http://ataman-ovko.ru/historical/articles/1034/>.
6. Vodolatskiy V.P. *Sotsial'naya referentnost' kazachestva* [Social referentiality of the Cossacks]. Rostov-on-Don, Antey Publ., 2007.

9. *Абросимов Д.В., Рыбаков К.А., Черепанов Е.В., Хамидулин Э.Г.* Особенности региональной специфики и самоидентификации современного казачества юга России в процессе модернизации гражданского общества. М.: МиК, 2011.
10. Современное российское казачество: политический, социальный, экономический портрет / Сборник материалов по результатам социологического исследования М., 2008. URL: http://www.minregion.ru/upload/04_dmo/kazaki/development/Kazaki_2008.pdf
11. *Ефанова О.А., Шишова Ж.А. и др.* Информационный бюллетень о ходе реализации аналитической программы Министерства регионального развития РФ «Становление и развитие государственной службы российского казачества в 2008–2010 годах». Вып 2. URL: <http://www.yaik.ru/forum/showthread.php?t=738>
12. Историко-культурное наследие Кубани, 2007–2013. «Специальность — казак?». URL: <http://www.gipanis.ru/?level=1338&type=page&lid=1336>
13. <http://www.wciom.ru>
7. *Vodolatskiy V.P.* *Identifikatsionnaya matritsa donskogo kazachestva* [Identity matrix of the Don Cossacks]. Rostov-on-Don, Antey Publ., 2010. 24 s.
8. *Vodolatskiy V.P., Volkov Yu.G., Barkov F.A., Serikov A.V., Chernous V.V., Chernykh E.Yu., Sadko D.O.* *Analiticheskiy doklad po proektu sovremennoy Rossii (na primere donskogo kazachestva)* [Analytical report on the project of modern Russia (for example, the Don Cossacks)]. Rostov-na-Donu: South Russia branch of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2011. Available at: <http://cossacks.klimovo.org/cossack-creativity/science-fiction/94.html>.
9. *Abrosimov D.V., Rybakov K.A., Cherepanov E.V., Khamidulin E.G.* *Osobennosti regional'noy spetsifiki i samoidentifikatsii sovremennoy kazachestva yuga Rossii v protsesse modernizatsii grazhdanskogo obshchestva* [Features regional specificity and identity of the modern Cossacks in southern Russia in the process of modernizing the civil society]. Moscow, Information-analytical agency Marketing and Consulting – MiK Publ., 2011.
10. *Sovremennoe rossiyskoe kazachestvo: politicheskiy, sotsial'nyy, ekonomicheskiy portret* [Modern Russian Cossacks: political, social, economic portrait]. *Sbornik materialov po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniya* [Collection of materials on the results of a sociological survey]. Moscow, 2008. Available at: http://www.minregion.ru/upload/04_dmo/kazaki/development/Kazaki_2008.pdf.
11. *Efanova O.A., Shishova Zh.A.* *Informatsionnyy byulleten' o khode realizatsii analiticheskoy programmy Ministerstva regional'nogo razvitiya RF «Stanovlenie i razvitie gosudarstvennoy sluzhby rossiyskogo kazachestva v 2008–2010 godakh»* [Newsletter on the implementation of the analytical program of the Ministry of Regional Development of the Russian Federation “Formation and development of the civil service of the Russian Cossacks in 2008-2010.”]. I. 2. Available at: <http://www.yaik.ru/forum/showthread.php?t=738>.
12. *Istoriko-kul'turnoe nasledie Kubani, 2007–2013. «Spetsial'nost' – kazak?»* [Historical and Cultural Heritage of the Kuban, 2007-2013. „Occupation - Cossack?“. Available at: <http://www.gipanis.ru/?level=1338&type=page&lid=1336>.
13. Available at: <http://www.wciom.ru>.

Законы и свойства системы: естественно-научная интерпретация новой методологии (продолжение)

Laws and Properties of the System and Scientific Interpretation of the New Methodology (continued)

Получено 22.05.2014 Одобрено 02.07.2014 Опубликовано 10.09.2014

УДК 167.7

DOI: 10.12737/5657

АРТАМОНОВ Г.Н.

канд. филос. наук, доц., заместитель главного редактора журнала «Уровень жизни населения регионов России», 105043, Москва 4-я Парковая улица, д. 29
E-mail: art.gn@mail.ru

ARTAMONOV G.N.

PhD, Associate Professor, Deputy Editor-in-Chief of the journal «Living Standards of the Population in the Regions of Russia» 29 4th Park St., Moscow, 105043, Russia
E-mail: art.gn@mail.ru

Аннотация

Объект. Структурные и функциональные характеристики системы.

Предмет исследования. Законы и свойства системы. Тип симметрии и топология системного пространства на примере периодической системы химических элементов. Модификационные преобразования системы для описания свойств и закономерностей системы элементов.

Цель. Построение целостной системы элементов для экспликации ее свойств и закономерностей.

Теоретическое описание статьи. В статье приводится обоснование модели системы, полученной в ходе логико-философских, топических и системно-аналитических исследований через ее интерпретацию на материалах естествознания. В качестве интерпретативной основы выбрана периодическая система химических элементов, поскольку это наиболее полная и надежная модель системы, известная современной науке. В статье показано, как из данных ячеек симметрии формируется целостная система. С одной стороны, это надежное подтверждение исходной модели топоса, с другой, – применение этой модели позволяет преобразовать современную периодическую таблицу в систему, преодолев ряд проблем, которые до сих пор не были решены. Таблица элементов – лучшее приближение к тому, что мы называем системой, но и она имеет известные несовершенства: это проблема выпадения из классификационного принципа трети элементов.

Принцип симметрии применительно к системе элементов. Модель и формула системной симметрии. Двухтороидальная гексагональная симметрия. Топология пространства системы: два зеркально отраженных тора, вписанных в сферу. Гексагональная ячейка симметрии в топологическом преобразовании на поверхности тора.

Конечный вывод: на основе топоса (ячейки симметрии) построена система с новой разновидностью гексагональной симметрии, имеющей вид двух торов, вписанных в окружность, и содержащей 120 элементов. Система сходится к 120 элементам и не может превышать этого предела в силу свойств замкнутой симметрии.

Ключевые слова: топика, топос, смысловая решетка, ячейка симметрии, тип симметрии, топология системы, системный анализ, системное моделирование, периодический закон, лантаноиды, актиноиды, таблица элементов.

Abstract

Object. Structural and functional characteristics of the system.

Subject of the Study. Laws and properties of the system. Type of symmetry and topology of the system space, the periodic system of chemical elements being an example. The modification conversion system for describing the properties and laws of the elements.

Purpose. Making an integrated system of elements for explicating its properties and laws.

Theoretical Description of the Article. The article gives proof of the model of the system, resulting in the logical-philosophical, topical and systemic analyzes through its interpretation in materials of science. The periodic system of chemical elements has been chosen as an interpretive basis as it is the most complete and reliable model system known to modern science. The paper shows how the symmetry of these cells formed an integral system. On the one hand, it is a reliable confirmation of the original topos model, on the other hand, the application of this model allows to convert the modern periodic table into a system overcoming a number of problems that still have not been resolved. The table of the elements is the best approximation to what we call the system, but it has certain imperfections: it is a problem of the falling of a third of elements out of the classification principle.

The Symmetry Principle As Applied to the Elements. Model and formula system symmetry. Bitoroidal hexagonal symmetry. The topology of the system: two mirrored torus inscribed in a sphere. The hexagonal cell symmetry in the topological transformation on the surface of the torus.

The Final Conclusion: a system has been built on the basis of a topos (cell of symmetry) with a new type of hexagonal symmetry (with two toruses inscribed in a circle containing 120 items). Moreover, the system converges to 120 items and may not exceed this limit due to the properties of closed symmetry.

Keywords: topics, topos, semantic lattice, a symmetry cell, a symmetry type, system topology, systems analysis, systems modelling, the periodic law, lanthanoids, actinoids, the table of elements, a toroid, a torus.

1. Исходные позиции системного моделирования

Системному анализу должен предшествовать выбор (построение) модели, которая отвечает требованиям топологии системного пространства

и принципу симметрии с учетом класса и типа сингонии [Ivanenko, Galiulin, 1995, p. 180]. В современной математике и физике учение о симметрии — достаточно развитая совокупность теорий. Одной из них является кристаллофизика [Галиулин, 2002, 10]. Рост кристалла обусловлен

регулярными, соответствующими типу его симметрии, переходами от отношений ближнего порядка к дальнему, и наоборот (рис. 1) [Галиулин, 1991, 11].

1. Нарастание очередного слоя (плоской кристаллической решетки) строго подчиняется типу слоевой симметрии (ближний порядок), но в конечных элементах, у границы слоя, происходит регулярный сбой симметрии — преобразование слоевой симметрии, во имя нового слоя (дальний порядок), где рост будет подчинен исходной симметрии, но осуществляться будет в обратном направлении (змейка). Пока слой растет, доминирует ближний порядок, а при переходе к новому слою доминирует дальний порядок [Галиулин, 1984, 9, с. 638–642]. Сама смена порядков подчиняется общему системообразующему фактору. Отклонения невозможны (рис. 1).

Рис. 1. Законы симметрии при росте кристалла

2. Второй тип преобразования симметрии происходит в каждом слое в точках, где одна слоевая грань кристаллической решетки встречается с другой. Эти точки ориентированы вдоль осей симметрии [International Tables for X-ray Crystallography, 1952, 4].

3. Третий тип преобразования симметрии происходит при свертывании слоев — в начале и конце кристаллического тела, когда слои развертываются (свертываются) в пирамидальные (в данном случае восьмигранные) вершины [Галиулин, 2003, 12].

Система как целостная группа симметрий

Известная теорема Эмми Нёттер (Amalie Emmy Noether) утверждает, что каждой непрерывной

симметрии физической системы соответствует некоторый закон сохранения. Например, однородности времени соответствует закон сохранения энергии, однородности пространства — закон сохранения импульса, изотропии пространства — закон сохранения момента импульса, калибровочной симметрии — закон сохранения электрического заряда.

Исследования, проводимые Нёттер, связаны с теорией инвариантов, теорией идеалов. Устоялись термины «нёттерово кольцо», «нёттеров модуль». Фундаментальное значение обрели также теорема о нормализации и теорема Ласкера—Нёттер о разложении идеала. Теорема Нёттер, связывающая симметрию и законы сохранения, формулировалась в контексте проблем квантовой теории поля и опубликована в 1918 г. Общий подход, на который опиралась Нёттер, был выработан гёттингенской математической школой в трудах Д. Гильберта и Ф. Клейна, а результат, полученный самой Нёттер, заслужил высокой оценки А. Эйнштейна. Труды Э. Нёттер высоко оценивали Л.С. Понтрягин и П.С. Александров. В 1932 г. Э. Нёттер стала лауреатом премии Аккермана—Тёбнера. Аналогом теоремы Нёттер в квантовой теории поля являются тождества Уорда—Такахаси, позволяющие получить дополнительные законы сохранения.

Теорема Нёттер первоначально формулировалась для систем, обладающих функционалом действия, и увязывалась с инвариантностью лагранжиана по отношению к некоторой непрерывной группе преобразований¹. Преобразования требуют неизменности лагранжиана и сохранения элементов симметрии. Элементом симметрии системы называется любое преобразование, переводящее систему саму в себя, т.е. не изменяющее ее [Арнольд, 2006, 7]. Таким образом, законы сохранения являются следствием симметрии и существуют в реальном пространстве — времени.

Из инвариантности пространства, как уже отмечалось, следует закон сохранения импульса. Закон сохранения момента импульса вытекает из симметрии относительно поворота системы ко-

¹ Более точным выражением теоремы является утверждение: «Для физической системы, уравнения движения которой имеют форму системы дифференциальных уравнений и могут быть получены из вариационного принципа механики, каждому непрерывно зависящему от одного параметра преобразованию, оставляющему инвариантным действие (S), соответствует закон сохранения. Из условия обращения в ноль вариации действия, $dS = 0$ (принцип наименьшего действия), получаются уравнения движения системы. Каждому преобразованию, при котором действие не меняется, соответствует дифференциальный закон сохранения. Интегрирование уравнения, выражающего такой закон, приводит к интегральному закону сохранения».

ординат в пространстве. Симметрии сохраняются при поворотных и переносных преобразованиях в пространстве (изотропность). Свойства физических процессов не изменятся, если сдвинуть начальную точку отсчета времени или непрерывно смещать и поворачивать пространственную систему координат. При таких преобразованиях физические законы симметричны (инвариантны) [Галиулин, 2002, 10].

Принципы симметрии делятся на внешние и внутренние (описывающие специфические свойства микрочастиц) симметрии. Внешние симметрии — это симметрии физических объектов в реальном пространстве – времени (законы сохранения энергии, импульса и момента импульса), т.е. симметрии, зависящие от космологии нашего мира. Внутренние симметрии — это симметрии относительно непрерывных преобразований, связанных со структурой пространства – времени (калибровочная симметрия для электромагнитного поля, закон сохранения электрического заряда и др.). Закон сохранения заряда — следствие симметрии, проявляющейся при замене комплексных параметров на их комплексно-сопряженные значения. Закон сохранения четности — следствие симметрии при инверсиях («отражения в зеркале», инверсия «правого» на «левого») [Дидык, 1973, 14, с. 37–62].

Существует три типа преобразования симметрии, которые являются ее системообразующим фактором. Эти типы исходно программируют весь ход развития системы, подразделяя ее на ярусы, различающиеся по трем типам периодов (короткие, средние, длинные) и по числу рядов в периоде (1, 2, 4) [Хорошавин, Щербатский, Якушина, 2005, 35, с. 60–67] и по трем ветвлениям системы.

Итак, как в приведенном нами примере, так и в универсальном законе симметрии, именуемой нами как (Sm8) — мультисимметрия 8, существует группа преобразований, которые взаимно предполагают друг друга, изначально предустановлены типом симметрии и законом системы. В универсальном законе симметрии, в контексте которого мы собираемся рассмотреть периодическую таблицу химических элементов, существуют следующие виды преобразования.

1) Преобразования начала (первые — H 1, He 2) и конца (последние — 119-й, 120-й элементы) системы в их связи с последующими (предыдущими) периодами таблицы [Галиулин, 2005, 8, с. 1331–1344].

2) Внутрипериодические (слоевые — в терминах кристаллофизики) преобразования в контексте дальнего–ближнего порядка, заданные базисным типом симметрии [Галиулин, 1984, 9, с. 638–642].

3) Межпериодические преобразования симметрии, связанные с глубиной разветвления периодов (необходимого и достаточного их количества для полноты и целостности системы), а также межпериодические преобразования симметрии, связанные с переходами от коротких периодов к средним и от средних к длинным периодам.

Каждому типу преобразования соответствуют структурные изменения. В данном примере они выражены так: 1) слои правильно-симметричным образом разветвляются в начале и свертываются в конце; 2) в каждом слое точки встречи граней точно совпадают с такими же точками предыдущего слоя; 3) слои правильно-симметричным образом, на точно заданную величину, наслаиваются друг на друга, образуя реальное тело кристалла. Все это делает кристаллы данного вещества типологичными друг другу и отличает от прочих [Delaunay, 1933, 3, p. 109–149].

В каждой поворотной точке, где симметрии преобразуются, встречаются две контрарные тенденции, которые в структурно-схематическом смысле выражаются как ветвление графа, где каждой ветви соответствует дихотомия процессов: основной и встречный.

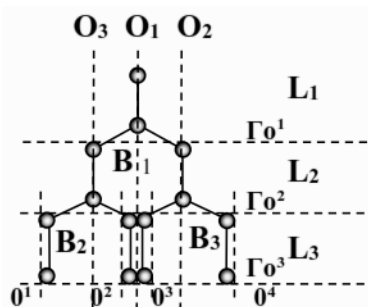

Рис. 2. Структурная схема ветвистой структуры, выражающей точки и линии преобразования симметрии — ячейка системной симметрии

В целом структурная схема, сочетающая триаду преобразований, получает следующую типологическую форму (рис. 2). Трём типам преобразований соответствуют три ветвления (B1-3). Но система состоит не только из ветвлений-преобразований, но и из самих тенденций, процессов, которые следуют за преобразованиями, ради целостности, правильности которых и существуют эти преобразования. В структурной схеме симметризирующие процессы отражены отрезками (до и после ветвления).

Ячейка симметрии имеет три уровня L1-3, расширения, три главные оси вертикальной симметрии O1-3 и четыре малые оси вертикальной симметрии (o1-4), три ветвления B1-3 и три

горизонтальные оси симметрии (Го1-3). Ячейка симметрии имеет, при данном типе симметрии, 14 узловых точек, фиксирующих типы преобразования симметрии по каждой оси, на каждом уровне [Шубников, Копцик, 1972, 20]. Данная структурная схема применима для задачи классификации химических элементов и оказывается более продуктивной. Все смыслы и отношения, выраженные в классической и современных таблицах, полностью сохраняются, но появляется возможность преодолеть проблему, которая связана с выпадением из классификационного принципа лантаноидов и актиноидов, а также иначе интерпретировать дуплеты элементов, которые присоединены к 8-й группе в первых рядах IV-VII периодов.

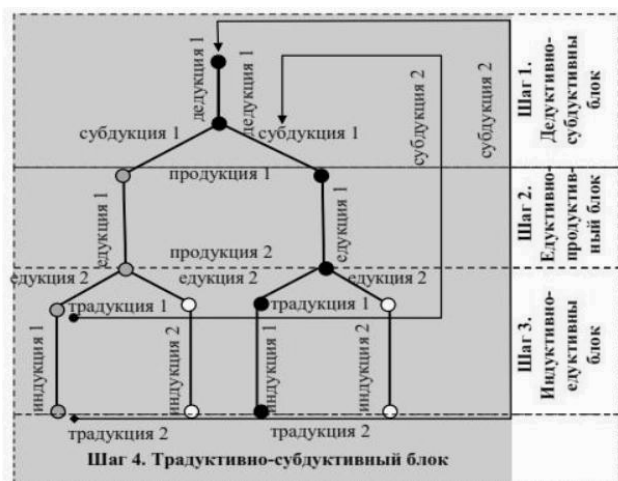

Рис. 3. Топос как соорганизация

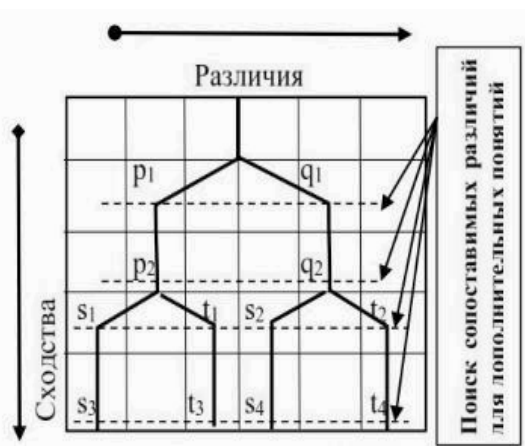

Рис. 4. Топос и его смысловая решетка

Напомним основные принципы, изложенные ранее (Уровень жизни... 2014, № 2 / (192)). В пер-

вой статье «Логика, топика и системный анализ» раскрыты принципы и подходы новой методологии. Во второй статье эта методология интерпретируется на проблеме таблицы Менделеева как форме доказательства через интерпретацию.

Жанр журнальной статьи не позволяет целостно изложить методологию — это лишь начальные построения. Новое — не нечто противоположное традиционному, а новые аспекты. Традиционно методология объединяла общие принципы логики и общепhilosophического категориального анализа. Мы вводим в научный оборот выпущенные звенья: топика и системный анализ.

Топосы — это мыслительные схемы, целостно охватывающие различные смысловые комплексы в структуре теории: доказательства и опровержения, объяснения и обоснования, классификации, системные группы, классы объектов теории. Формулировалась идея многомерного следования (см. рис. 3). Если в логике следование связывает соседние высказывания, то в топике выводы делаются от одной мыслительной схемы к другой, в метатеории — между соседствующими теориями.

Первичная формализация топоса (в форме ветвистой трехуровневой структуры, где каждый уровень имеет два подуровня по вертикали, и двоичность ветвления (2 ветви и 4 подветви) в горизонтальных рядах сравнения), позволила ввести понятие «ячейки симметрии» топоса [Шубников, Копцик, 1972, 20]. Из ячеек симметрии формируется система. В композиции системы мы учитывали общенаучные принципы: симметрии, соответствия, дополненности, из которых извлекли полуформализованные способы построения системы.

Критерием полноты топоса выступает понятие умственного цикла, последовательно осуществляющего цепочку способов мышления (логических — дедукция и индукция; топических — продукция и традукция; системно-аналитических — едукция и субдукция).

Критерием правильности выступает совокупность требований, связанных с понятием «смысловая решетка» (см. рис. 4), которая объединяет смысловые вертикали и горизонтали в системе и в ее подсистемах (ячейках симметрии — топосах). Справедливость, корректность, эвристическая продуктивность такого развертывания методологии не может быть доказана/опровергнута внутри самой методологии. В этих случаях используется общенаучная практика — теоретическая интерпретация на конкретной предметной области. Мера доказательности, однозначности, эффективности интерпретации естественно выше в таких областях, как математика и естествознание. Именно вторая статья посвящена интерпретации новой методологии на классической, почти

идеальной естественно-научной модели — таблице элементов Менделеева, которая пока не может называться системой, но максимально приближена к этому теоретическому статусу.

2. Структура топоса — ячейка симметрии

В нашей модели каждый системный ярус представлен двумя уровнями (принцип диадности). В.М. Таланов [2000, 1, с. 41–44] подчеркивает, что в осмыслении периодического закона удвоению периодов и стоящим за этим явлением системного смысла «не уделялось ранее сколько-нибудь серьезного внимания» [Королькова, 2007, с. 124–125]. Наше внимание привлекла его позиция, что в «короткой форме» таблицы значительно лучше отображен системный принцип, в отличие от «длиннопериодической» формы.

Таланов выражает принцип диадности (рис. 5) в структурной организации «группы» по периодам химических элементов с учетом квантовых чисел (s-, p-, d-, f-элементов), что близко к нашему толкованию топосных структур. «Их, — пишет Таланов, — можно представить двумя зеркально-симметричными подмножествами элементов, образованных элементами периодов-двойников — «дерево» ритмокаскадов» [Таланов, 2000, 1, с. 41–44].

В предыдущей статье построена трехмерная модель, целостно выражающая совокупность элементов как систему (рис. 6). При этом ячейки симметрии отражают все элементы, включая проблемный узел, связанный с лантаноидами и актиноидами, с диадами элементов, приписанных к 8-й группе и необоснованно расширяющих ее.

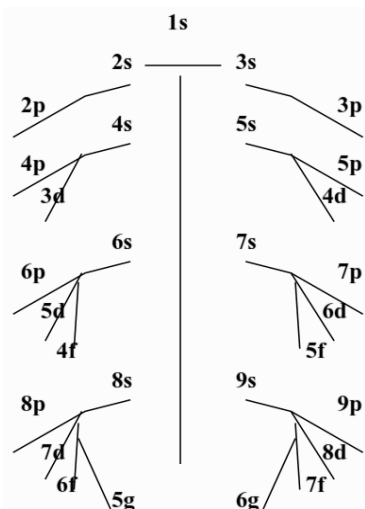

Рис. 5. Зеркальное «дерево» ритмокаскадов

Обсуждение типологии этой модели [Желудев, 1996, 16] требует ответов на ряд вопросов. Каким должен быть тип кривизны пространства: отрицательный, нулевой или положительный? Это сферическая модель или у нее иная топология? Какова топология системного пространства? С каким типом симметрии мы имеем дело? Какой класс и тип симметрии (сингонии) реализуется на избранной топологической модели для отображения в ней системы химических элементов?

3. Топологическая модель системы

При выборе топологической модели возникает вопрос о характере, типе кривизны пространства. Правильные системы точек могут быть только в пространствах постоянной кривизны: евклидовом (кривизна равна нулю), сферическом (кривизна положительная), гиперболическом (кривизна отрицательная). На рис. 7 представлены эти три типа. Целый ряд преимуществ остается за сферическим типом кривизны [Лившиц, Лозовик, 2002, 18, с. 214–223].

Очевидно, что рассматриваемая нами системная модель не может выполняться на сфере потому, что она не ограничивается поверхностью, а имеет внутренние структуры. Для физики и системы геометрия модели должна быть обоснована. На каком законном основании мы изображаем внутри сферы некие структуры [Лившиц,

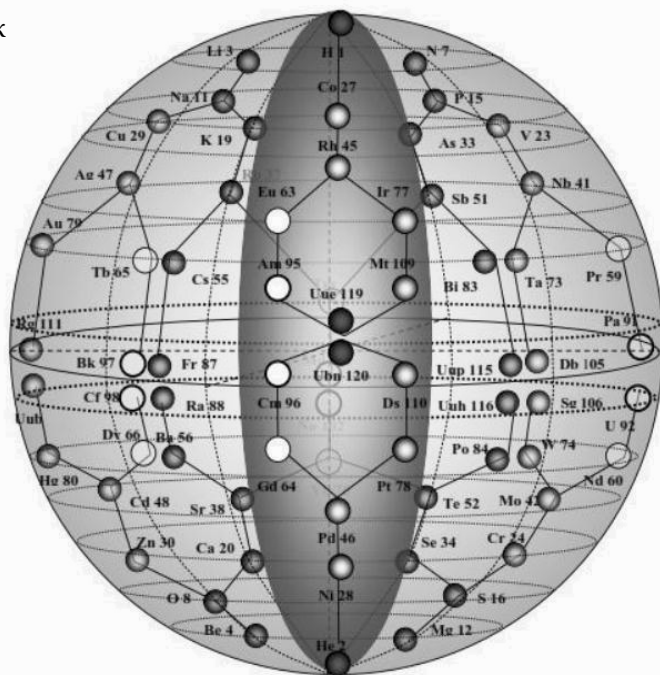

Рис. 6. Трехмерная системная модель химических элементов

Лозовик, 2002, 18, с. 214–223]? А основание может быть только одно — это не сфера, а тор (рис. 8–11). Кстати, на торе выполняется два типа искривления пространства — сферическое (внешняя сторона) и гиперболическое (внутренняя сторона) — положительная и отрицательная кривизна.

Итак, мы имеем дело с тором. Анализ показывает, что с двумя торами (см. рис. 11), ибо, как было показано в предыдущей статье, топосы четных и нечетных групп разделяются, образуя зеркальное взаимное отражение. Сфера и тор принципиально различны и не переходят друг в друга. В фундаментальных работах Ю.К. Дидыка [1973, 14, с. 37–62; 1988, 15, с. 244–266] система предполагает деление на радиально-четные и радиально-нечетные подгруппы, образуя два зеркально-симметричных подмножества по свойству четности/нечетности.

Далее, тор может иметь три модификации (рис. 9). Наиболее подходящим для системной модели является средний вариант (см. рис. 10). На вершине нечетного тора размещается элемент $1H$ — водород, а замыкает внутреннюю часть тора $119Uue$ (119-й элемент). На вершине четного тора размещается элемент $2He$ — гелий, а замыкает внутреннюю часть тора $120Ubn$ (120-й элемент).

Если системной моделью является сфера, то система закрытая. Если системной моделью является тор, то система открытая. А это значит, что такие системы устойчивы, стабильны и жизнеспособны, поскольку свойство открытости означает способность обмениваться с окружением веществом и энергией, т.е. это способность находиться в гомеостатическом равновесии. Закрытые системы исчерпывают свою энергию, в них нарастает энтропия.

4. Открытые тороидальные системы и их распространенность

Можно утверждать, что все биологические системы открытые. Какова структурно-системная особенность яйца — источника жизни многих биосистем? Эллипсоидные защитные внешние оболочки скорлупы, мембраны (что наводит на мысль о сферичности системы), но все главное содержание — внутреннее строение: белковая и желтковая область и меридиан, соединяющий всю систему от одной вершины до другой (что наводит на мысль о тороидальности системы). Этот пример соответствует системной модели химических элементов с ее внешней — сфероподобной — поверхностью и внутренними структурами, убеждающими нас в том, что мы имеем дело именно с тороидальной моделью [Желудев, 1996, 16].

Можно привести иные примеры. Яблоко, груша, вообще все овощи и фрукты — открытые системы: они развиваются изнутри вовне, их рост, развитие осуществляются через некую центральную ось — центральную структуру, обеспечивающую все метаболические процессы обмена со средой, развития и созревания. Многие топологи приводят пример: человеческий организм топологически эквивалентен не сферическим, а тороидальным системам. Вообще весь живой мир — это великое разнообразие организмов, в которых системное пространство организовано тороидально.

Большинство физиков утверждают, что Вселенная имеет форму тора. Большинство физиков и химиков считают систему химических элементов, как целое, аналогом строения своих элементов — атомов. Тогда и атомы — тороидальные системы, причем как в части электронных оболочек, так и в части строения ядра. С.А. Шукарев пишет: «Можно стать на ту точку зрения, что периодичность есть свойство, заложенное в самом ядре» [цит. по: Дидык, 1988, 15, с. 244–266]. В.М. Таланов делает вывод: «Под периодичностью атомных весов скрывалась регулярная ядерная периодичность, которая подобна химической периодичности и по числу периодов, и по порядку чередования двух типов периодов... в атомах существует не один, а два вида электронов, которые являются зеркальными антиподами» (принцип дуальности, дублетности. — Г.А.) [Дидык, 1973, 14, с. 37–62]. Как пишет Р.В. Галиулин, «Вселенная и атом топологически сходны» [Галиулин, 2002, 10, с. 39–57]. А значит, и атом, и система элементов, и вся Вселенная имеют одну и ту же топологию — топологию тора.

Когда мы формулируем утверждения о системной организации химических элементов, связывая систему со свойствами тороидальной топологии, со свойствами ячейки симметрии (топоса — ветвистой структуры особого вида), но и каждого атома, его электронных структур и строения его ядра. Если мы утверждаем, что ячейка симметрии всей системы имеет гексагональную решетку как особую тороидальную (топологически преобразованную) симметрию, то это касается общесистемных характеристик всей совокупности химических элементов. Но последняя закономерность (гексагональность) в полной мере соотносима с элементами, которые имеют гексагональную кристаллическую решетку [Шубников, Копчик, 1972, 20]. (Таких элементов — треть.) Общесистемная гексагональная симметрия не мешает остальным элементам проявлять присущие им виды сингоний. В категориально-методологическом плане «общее» на отменяет, не нарушает, более того, оно способ-

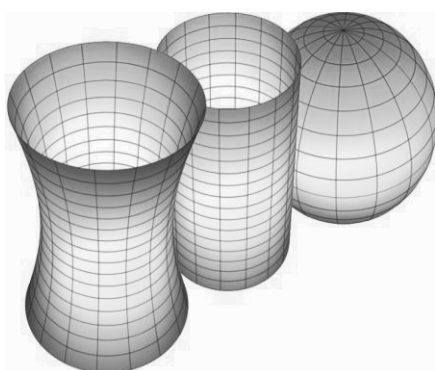

Рис. 7. Выбор модели по типу кривизны пространства

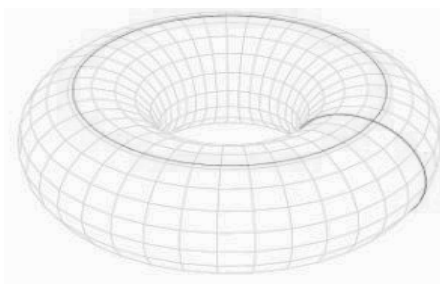

Рис. 8. Тор и его образующие

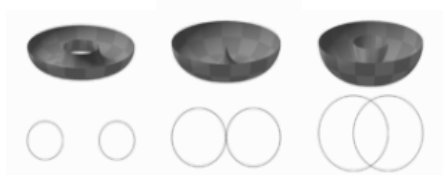

Рис. 9. Три типа модификации тора

Рис. 10. Одна из модификаций тора (в сечении), подходящая нам

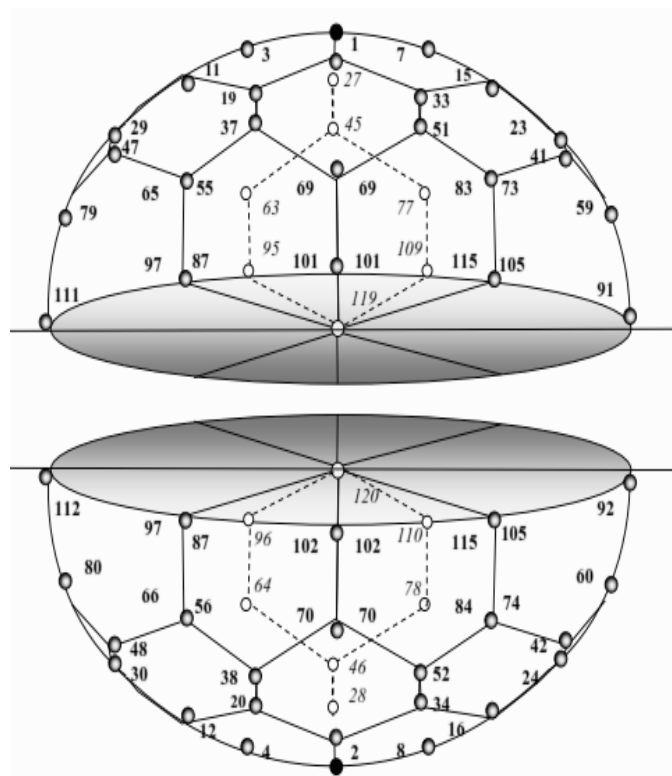

Рис. 11. Двухторидальная модель системы химических элементов

ствует проявлению многообразий в «особенном» и «единичном», поскольку «общее» есть инвариант «разного», разных классов элементов, разных видов и подвидов, но «общее» — не «одинаковое», а именно инвариант среди различий.

5. Симметрия системы

По мнению В.М. Таланова, система обладает симметрией, если в результате происходящих в ней изменений какая-то характеристика системы остается постоянной (инвариантной) [Таланов, 2000, 1, с. 41–44]. Прорыв в кристаллографии при определении типологии кристаллов по классам симметрии совершил Е.С. Федоров (1890) доказав, что есть 230 групп симметрии. По этим основаниям формируется все многообразие кристаллических решеток. Как установила физика, любое вещество кристаллизуется, а значит, обретает присущий ему тип симметрии. Достаточно взглянуть на фундаментальные свойства любого химического элемента, любого атома — среди этих свойств как базовый показатель указывается тип кристаллической решетки атома — тип его симметрии.

Классы симметрии получили название сингоний. Всего их семь: низшие классы (триклинная, моноклинная, ромбическая), средние классы (тригональная, тетрагональная, гексагональная) и высшие классы (кубическая, кубическая гранцентрированная, кубическая объемцентрированная) системы. Из 120 элементов низший уровень симметрии имеют 18 типов атомов, средний — 36 различных атомов (треть всей системы элементов), а к высшему классу симметрии относятся 66 элементов (больше половины). Сама система химических элементов характеризуется именно средним классом симметрии, опосредующим как низшие, так и высшие классы симметрии.

На рис. 11, 12 (а также на рис. 18) отображена двутороидальная (торы разделяются по экватору) модель, которая (левый рисунок) имеет гексагональную структуру симметрии (и на поверхности, и во внутреннем пространстве) [Meuier, Lambin, Lucas, 1998, 21, p. 1600–1603]. На правом рисунке каждая ветвистая структура (см. рис. 5, 6 в статье «Законы и свойства системы: естественно-научная интерпретация новой методологии — реконструкция таблицы Менделеева») включает всю совокупность элементов той или иной группы, все элементы, для которых соблюдается метрика периодов (8, 18, 32).

При системном моделировании ветвистые структуры являются ячейками симметрии. Ячей-

ки симметрии идеально вписываются в гексагональную сетку, без единого отклонения. На рис. 13 изображен простой вид гексагональной решетки $S6h$.

На рис. 14 более сложные формы той же симметрии (нанотрубки и фуллерены) $D6h$.

На рис. 15 изображен нанотор. Класс симметрии у нанотора тот же, но его уровень сложнее, чем у нанотрубки. Думается, что этому уровню сложности можно присвоить индекс $Torus6h$.

Еще более сложный уровень в гексагональной сингонии у разновидности биториальной системы, которая имеет гексагональные ячейки-полуструктуры во внутреннем пространстве тора. Эти биториальные системы имеют и внешнее, и внутреннее строение, внешние и внутренние элементы (см. рис. 6, 11, 18) [Meuier, Lambin, Lucas, 1998, 21, p. 1600–1603]. На внешней поверхности каждого тора располагаются 52 элемента (на двух торах — 104), к внутреннему пространству относятся полуструктуры (в нечетном торе 8 элементов — 1H, 27Co, 45Rh, 63Eu, 77Ir, 95Am, 109Mt, 119Uue; в четном торе тоже 8 — 2He, 28Ni, 46Pd, 64Gd, 78Pt, 96Cm, 110Ds, 120Ubn; всего в двух полуструктурах 16 элементов). В сумме — 120 (104+16).

Для целостной системной организации химических элементов (см. рис. 9, 16, 17, 18) можно

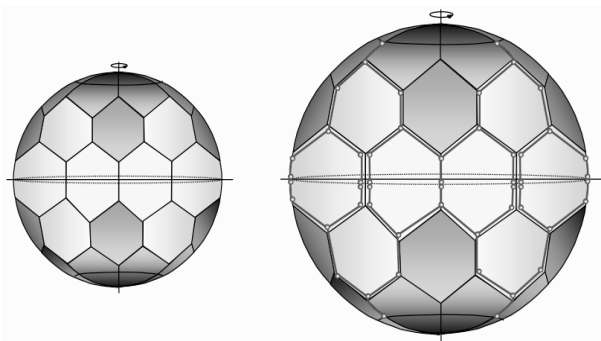

Рис. 12. Ячейки гексагональной симметрии, нанесенные на двутороидальную модель

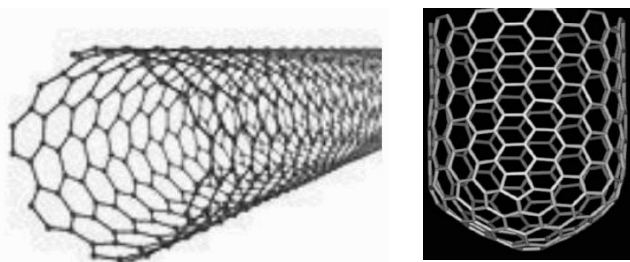

Рис. 14. Гексагональная симметрия нанотрубки и фуллерена, обозначаемая $D6h$

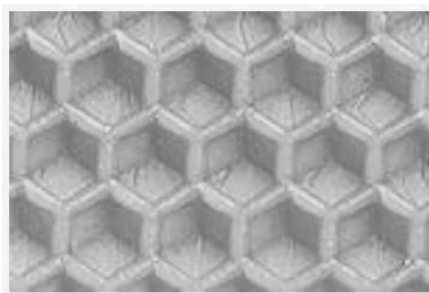

Рис. 13. Гексагональная симметрия сот, обозначаемая $S6h$

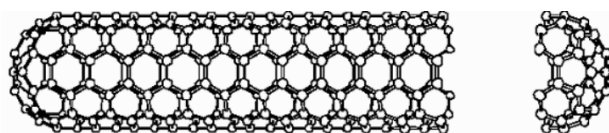

Рис. 15. Модель углеродных нано

предложить следующую сингоническую индексацию в классе гексагоний — $2\text{Torus}^*I/2s6h$. Это обозначение требует ряда уточнений. Мы имеем в виду под цифрой 2 символ двутороидальности системы, а под знаком звездочки — не уточненные пока свойства топологического преобразования ячеек симметрии «на полюсах» системы (см. рис. 17). Под второй частью верхнего индекса $I/2s$ мы имеем в виду указание на внутренние полуструктуры (I — internal, а вторая часть верхнего индекса $/2s$ — semilattice — две полурешетки во внутреннем пространстве торов). Формула симметрии — $2\text{Torus}^*I/2s6h$, несомненно, будет уточнена, а здесь мы даем пробную формулировку, отталкиваясь от совокупности указанных проблем. По каким признакам система химических элементов классифицируется как симметрия среднего класса, а именно гексагонального типа? Главное: ячейка симметрии (см. рис. 12 справа) имеет форму топоса, т.е. ветвистой структуры, идеально, без единого исключения совмещающейся с ячеистой структурой (см. рис. 13, 14), которая по классификации Шёнфлиса относится к гексагональной симметрии. Физико-топологическое объяснение нанотора (см. рис. 15) приведено: V. Mequier, Ph. Lambin, A. Lucas [1998, 23, p. 1600–1603].

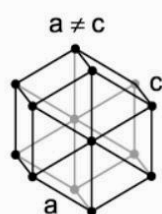

Рис. 16. Свойства гексагональной решетки

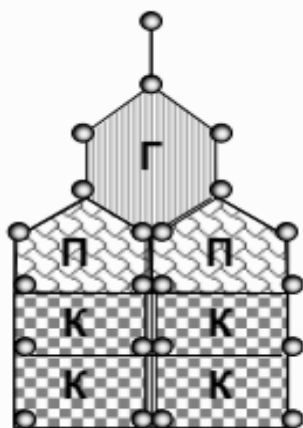

Рис. 17. Системный аргумент

6. Предел системы

В современной физике обсуждается вопрос о количестве химических элементов. В шестом и особенно седьмом периоде элементы утрачивают стабильность, время жизни атомов ничтожно мало. Многие ученые вдохновляются тем, что дальше появится «остров стабильности» — в новых периодах. Некоторые говорят о возможности существования 152 элементов, иные — даже о 184 элементах. По нашему мнению, это иллюзии. Для таких упований нет никаких обоснований — одни лишь романтические соображения. Но, во-первых, структура периодов двоичная и, включая последний период, переход от одной пары периодов к другой шел с расширением элементов в периодах: $2 \times 8 \rightarrow 2 \times 18 \rightarrow 2 \times 32$. В упованиях на остров стабильности нарушается это правило и предполагается, что 8-й период содержит 32 элемента и гипотетический 9-й содержит еще 32 элемента. Тогда если 8-й период большей, то формулой периодов системы будет выражение: $2 \times 8 \rightarrow 2 \times 18 \rightarrow 3 \times 32$. Почему же 3, а не 2 больших периода? Это противоречит принципу дублетности.

Кстати, тогда должны появляться и группы, аналогичные f-элементам — лантаноидам и актиноидам. Если 152 элемента, то должны уже существовать $3 \times 14 = 42$ элемента, которые уже третий раз, вслед за лантаноидами и актиноидами, не вписываются ни в группы, ни в периоды таблицы и будут стоять вне таблицы в форме «примечания». При гипотетическом большом 9-м периоде формулой периодов системы будет выражение: $2 \times 8 \rightarrow 2 \times 18 \rightarrow 4 \times 32$. Опять замечания по нарушению принципа дублетности. Если есть 9-й 32-элементный период, то в ряду «примечаний» должно быть 4×14 , т.е. 56 «не вписывающихся» в таблицу f-элементов [Нефедов, Тржасковская, Яржемский, 2006, 25, с. 488–490]. Не вписывающиеся в таблицу лантаноиды и актиноиды составляют 23,3%, а с гипотезой 9 периодов доля невписывающихся элементов составит 30,4% — почти треть. А если кто-то уповает на большее число периодов (некоторые говорят о бесконечном множестве элементов), то доля внесистемных элементов будет стремиться к 44%, а это почти половина. Системы так себя не ведут.

Кроме этих несоответствий имеется системный аргумент против гипотезы о новых периодах. На рис. 17 даны обозначения: Γ — гексагональная симметрия; Π — пентагональная симметрия; K — квадрогональная симметрия. Но таких симметрий нет в классификации Фёдорова, Шёнфлиса, в международных классификаторах. Кроме того, в исследуемой нами системе устанавливается сходимость элементов к 120. Существует и математическое доказательство сходимости таблицы Менделеева

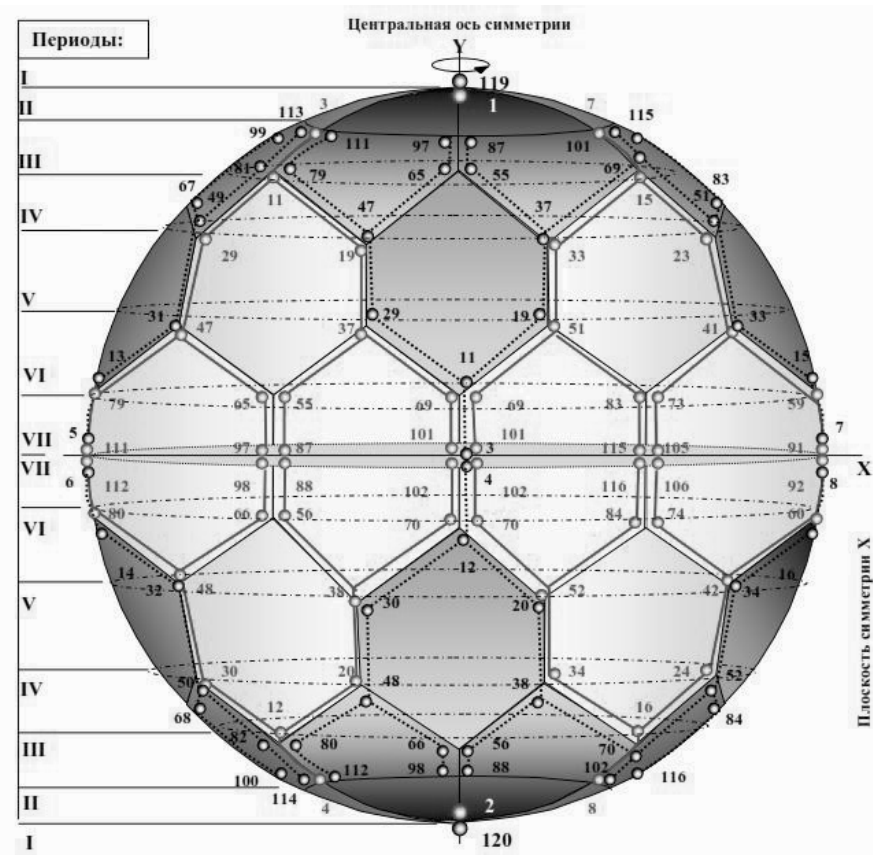

Рис. 18. Гексагональная симметрия системы элементов

к 120 (Ибрагимов, 1980). Но даже если отбросить эти аргументы — из схемы на рис. 15 видно, что если элементов больше 120, то происходил бы процесс активной диссимметризации, переход от среднего класса симметрий к низшим, тем более неклассическим, «неканоничным», спорным симметриям «пентагональным» и «квадрогональным». За 120-м элементом распадается гексагональная система, которая ранее без единого отступления удовлетворяла всему множеству элементов, а это значит, что системный принцип, системный закон не может выполняться за вышеуказанным пределом [Нефедов, Тржасковская, Яржемский, 2006, 25, с. 488-490].

Если предположить, что число элементов больше 120 и сохраняется установленный тип гексагональной симметрии, то каждый конечный элемент последнего яруса ветвистой структуры будет продолжать дихотомическое ветвление, значит, в 8-м периоде окажется не 32, а 72 элемента, а в 9-м периоде — 144 элемента. Но если ветвление будет продолжаться, то резко будут расширяться группы. Тогда нужно удваивать и учетверять число групп. Но это нонсенс. Если групп больше 8, то почему они не проявлялись раньше? Такой ход

рассуждений неприемлем, он ведет лишь к другой форме нарушения законов симметрии, а значит, к нарушению законов сохранения (Э. Нёттер).

Установленная нами гексагональная сферическая симметрия идеально сходится к 120 элементам. Невозможно ни меньшее число элементов, ни большее.

7. Ячейчатое шестиугольное строение системы

Отобразим систему элементов (обозначены только атомные номера элементов) на рис. 18. Здесь представлена двуроидальная модель, на которую нанесена гексагональная сетка симметрии и в нее вписаны ветвистые структуры химических элементов. Ветвистые структуры устроены таким образом, что каждая моделирует одну из восьми групп таблицы Менделеева целиком, полностью отражая все отношения периодичности, в которых состоят элементы. Обратим внимание, что в таблицах (коротко- и длиннопериодической), которые фигурируют в научной литературе, в группах фиксировались не все отношения периодичности. Если топос (ветвистая структура) состоит из 14 элементов, то в ака-

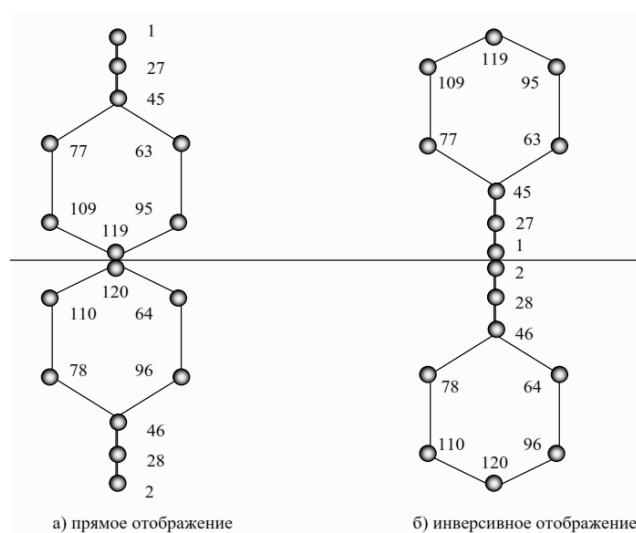
Рис. 19. Особенности поведения гексагональной решетки при топологическом искривлении тора в области полюсов

демических таблицах присутствовало лишь 12. Выпадали 2 элемента в каждой группе (лантаноиды и актиноиды), нарушая симметрию топоса, ломая симметрию и не позволяя таблице возвыситься до статуса «системы». На рис. 18 ветвистые структуры полностью отображают топос, полностью исчисляют все множество элементов, полностью включая все отношения периодичности, при этом они идеально вписываются в гексагональные ячейки симметрии.

По оси X можно провести «правильное сечение» так, что не будет пересекаться ни один элемент, ни один элемент не будет исключаться из множества и все множество строго разделится пополам. Свойство правильного сечения — один из математических критериев целостности системы и феномена системы как такового — этим сечением обнаруживается у системы как целого наличие правильных частей. В физико-математическом смысле данное правильное сечение делит систему на четную и нечетную подсистемы. В топологическом смысле это разделение на два тора без их внутреннего или внешнего повреждения. Ветвис-

тые структуры, классифицирующие химические элементы, являются ячейками симметрии. На ветвях и подветвях этих структур отражена метрика, точно соответствующая логике периодов таблицы Менделеева, размерности периодов, размерности электронных орбиталей атомов как элементов этой системы. Эта метрика имеет последовательную формулу $(2-2-8-8-18-18-32-32)$ [Одинокин, 2009, 24, с. 47-53]. Геометрия внешней поверхности тора — это три ряда по восемь шестиугольников. Трехуровневые ветвистые структуры (топосы) каждым своим уровнем вписываются в один из рядов этой поверхности. В верхней и нижней частях фигуры на полюсах тора возникают эффекты сжатия и трансформации шестиугольных форм (рис. 19).

В каждом торе по 24 шестиугольника на внешней поверхности, а внутреннем пространстве — 96 шестиугольников (учитывая, что во внутреннем пространстве тора — полуструктура, именуемая центральной группой симметрии (рис. 20), элементы которой находятся в сложных соотношениях и связях с элементами на поверхности тора).

Рис. 20. Два шестиугольника внутри сферы, представляющие элементы подгрупп центрации периодов: а) в прямом и б) инверсивном отображении таблицы Менделеева в гексагонально-сферической симметрии

Всего в одном торе 120 шестиугольников. В двух торах на внешней поверхности — 48 шестиугольников, а на внутреннем пространстве — 192 шестиугольника. Всего в двух торах 240 шестиугольников. Половина этого множества занята системой химических элементов, а другая половина свободна.

Как показано на рис. 18, в шестиугольники, изображенные светлым тоном, вписаны элементы системы Менделеева. Их представляют ветвистые структуры, расположенные вершинами к полюсам (с элементами 1H и 2He), а расширяющимся основанием — к экватору, где эти расширяющиеся основания топосов замыкаются на внутренние полуструктуры, т.е. на внутренние полюсы торов с вершинами 119Uue, 120Ubn. Внутренние полуструктуры изображены на рис. 20. В левой части рис. 20, а («прямое отображение») отображены полуструктуры, которые соответствуют системе химических элементов.

Однако, как видно на рис. 18, остается вакансия. Вся система элементов вписалась в двуториальную модель, заполнив половину пространства, и остается точно такое же свободное место. Вакансия в точности эквивалентна по числу и по форме ячейкам, заполненным химическими элементами. Причем эти вакантные соты расположены так, что если бы мы инвертировали всю систему элементов, расположив их обратным порядком, то в них в точности легла бы точно такая же система. Что это может означать? Значит, на каждом торе можно расположить $1/2$ часть системы

элементов и $1/2$ часть вакансий. В двух торах размещается вся система целиком и есть такое же место для другой системы — инверсивной, т.е. полностью обращенной системе во всех подробностях совпадения.

В инверсивной системе все наоборот: начальные элементы будут расположены в центре торов, а конечные на полюсах. Система элементов развертывается от полюсов к центру, а в инверсивной системе наоборот — от центра к полюсам. Поскольку вся система химических элементов вещества исчислена полностью в 120 элементах, значит, вакансия может заполниться элементами антивещества. Тогда все вакансии будут полностью закрыты. Более интересна другая гипотеза. Известное нам вещество — это лишь небольшая часть материи. В оборот современной физики введено понятие «темная материя». Причем обычная материя составляет 5%, а темная — 95% Вселенной. Как обычная, так и темная материя — это единое целое Вселенной. Если она есть, значит, без нее не может существовать форма материи, которая доступна нашему наблюдению и изучая которую человечество установило ее физику и химию. Именно к этой обычной, наблюдаемой нами материи и принадлежат все атомы вещества, которые мы пытаемся свести в систему. Но если мы установили законы системы для одной части Вселенной, то таковыми же эти законы должны быть и для всей Вселенной. Поэтому вакансии, столь неожиданно для нас проявившиеся на системной модели, по необходимости должны относиться к той части материи, без которой не существует Вселенной как единого целого, а система есть целое и отражает она не часть, а все совокупное целое Вселенной.

Вторая гипотеза: в двуториальную гексагональную систему равным (по числу и форме) образом включаются вся система химических элементов вещества и — в инверсивной (обращение «снизу вверх») форме — вся система элементов «темной материи».

8. Интерпретация топоса на классификационной схеме сингоний, являющейся основанием теории симметрии

В теории симметрии существует учение о семи классах сингоний. Они лежат в основе классификации кристаллических решеток. Приведем пример решеток Браве. На рис. 21 изображен топос (ветвистая структура особого вида), который полностью охватывает принципы классификации Браве. Если мы посмотрим список фундаменталь-

ных свойств атомов, то в канонической таблице этих свойств в числе важнейших всегда указываются свойство «кристаллическая решетка», ее тип (в тех же терминах, как у Браве, и на рис. 21) и размеры решетки.

Это очень важный факт. К его раскрытию мы вернемся в табл. 1, где будет показано, что типология симметрии химических элементов может быть целостно представлена в такой форме менделеевской таблицы, которая распределяет эти формы симметрии. Вся совокупность фёдоровских групп симметрии равняется 230 классам. В том числе: триклинная система (типы C1, C2; разновидностей — 3); моноклинная система (типы C2, Cs, C2h; разновидностей — 12); ромбическая система (типы D2, C2, D2h; разновидностей — 58); тетрагональная система (типы C4, S4, D4, C4v, D2d, D4h; разновидностей — 68); тригональная система (типы C3, C3i, D3d, C3v, D3; разновидностей — 25), гексагональная система (типы C6, C3h, C6h, C6t, D6, D3h, D6h; разновидностей — 27); кубическая система (типы T, Th, O, Oh, Td; разновидностей — 36).

9. Законы сохранения

1. Закон сохранения периода.

«Период» сохраняется не только как сумма входящих в него элементов, но и в системно-функциональном смысле. Он становится функциональной подсистемой (см. табл. 1). В узком смысле

каждый период выражает последовательность заполнения электронных оболочек, поэтому каждый элемент периода обретает свои свойства. Но в широком смысле можно рассматривать каждый период в аспекте абстрактно-функциональных общесистемных функций. Периоды соорганизованы друг с другом по законам системных отношений, в рамках этих отношений каждый период несет в себе специализированную системную функцию. Причем ярко и многообразно выражается закон дупериодичности. Не один, а два периода выполняют сходные системные функции (1 и 8, 2 и 3, 4 и 5, 6 и 7, лантаноиды как подпериод 6-го периода и актиноиды как подпериод 7-го периода). Кроме того, метрика периода не только распространяется на сам период, но и проявляется в контексте связи со следующим периодом, что отражается на ветвистой структуре — см. форму сохранения метрики периодов на структурной схеме топосов рис. 5, 6 (Уровень жизни... 2014, вып. 2). Наконец, структурный топос отражает все отношения периодичности каждой группы, причем инвариантным образом, так что не остается неучтенных отношений периодичности между элементами системы.

2. Закон квадратичности структурной организации системы.

В предыдущей статье (Уровень жизни... 2014, вып. 2) доказана инвариантность вертикальной организации системы по топосам для каждой группы (см. рис. 8, 9) и горизонтальной органи-

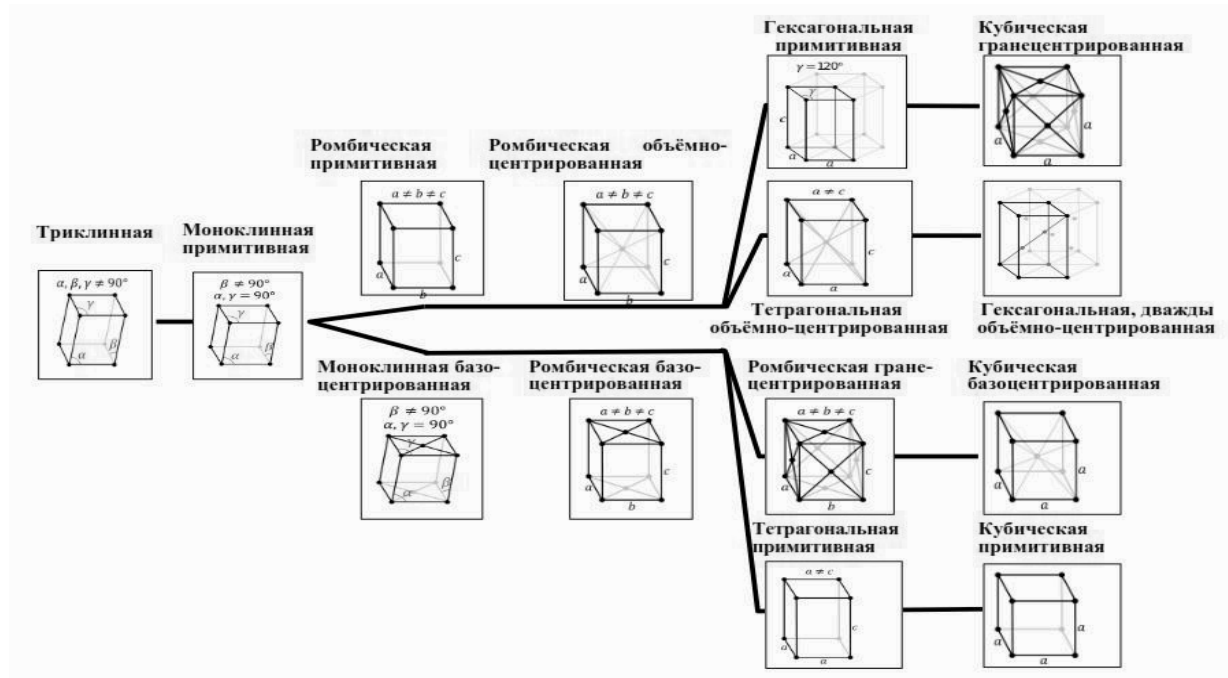

Рис. 21. Элементы топоса (14) представляют все типы решеток Браве, образуют целостную ветвистую структуру — топос сингоний

Функциональная дифференциация системы:
 принцип дополнительности, принцип соответствия, принцип системности

Периоды	Ряды	Принцип парного соответствия для групп: 1-5; 2-6; 3-7; 4-8				Принцип парного соответствия для групп: 1-5; 2-6; 3-7; 4-8				Центральные группы симметрии	
		Принцип дополнительности				Принцип дополнительности				Принцип дополн.	
		для гр. 1-2		для гр. 3-4		для гр. 5-6		для гр. 7-8		для гр. 8.1-8.2	
		1	2	3	4	5	6	7	8	8.1	8.2
I	1 ¹ H	I и II периоды — «типичные элементы» Горизонтальный системообразующий фактор системы						2 ² He			
II	3 ³ Li	4 ⁴ Be	5 ⁵ B	6 ⁶ C	7 ⁷ N	8 ⁸ O	9 ⁹ F	10 ¹⁰ Ne			
III	11 ¹¹ Na	12 ¹² Mg	13 ¹³ Al	14 ¹⁴ Si	15 ¹⁵ P	16 ¹⁶ S	17 ¹⁷ Cl	18 ¹⁸ Ar			
IV	19 ¹⁹ K	20 ²⁰ Ca	21 ²¹ Sc	22 ²² Ti	23 ²³ V	24 ²⁴ Cr	25 ²⁵ Mn	26 ²⁶ Fe	27 ²⁷ Co	28 ²⁸ Ni	
V	29 ²⁹ Cu	30 ³⁰ Zn	31 ³¹ Ga	32 ³² Ge	33 ³³ As	34 ³⁴ Se	35 ³⁵ Br	36 ³⁶ Kr			
	37 ³⁷ Rb	38 ³⁸ Sr	39 ³⁹ Y	40 ⁴⁰ Zr	41 ⁴¹ Nb	42 ⁴² Mo	43 ⁴³ Tc	44 ⁴⁴ Ru	45 ⁴⁵ Rh	46 ⁴⁶ Pd	
VI	47 ⁴⁷ Ag	48 ⁴⁸ Cd	49 ⁴⁹ In	50 ⁵⁰ Sn	51 ⁵¹ Sb	52 ⁵² Te	53 ⁵³ I	54 ⁵⁴ Xe			
	55 ⁵⁵ Cs	56 ⁵⁶ Ba	57 ⁵⁷ La	72 ⁷² Hf	73 ⁷³ Ta	74 ⁷⁴ W	75 ⁷⁵ Re	76 ⁷⁶ Os	77 ⁷⁷ Ir	78 ⁷⁸ Pt	
VII	79 ⁷⁹ Au	80 ⁸⁰ Hg	81 ⁸¹ Tl	82 ⁸² Pb	83 ⁸³ Bi	84 ⁸⁴ Po	85 ⁸⁵ At	86 ⁸⁶ Rn			
	87 ⁸⁷ Fr	88 ⁸⁸ Ra	89 ⁸⁹ Ac	104 ¹⁰⁴ Rf	105 ¹⁰⁵ Db	106 ¹⁰⁶ Sg	107 ¹⁰⁷ Bh	108 ¹⁰⁸ Hs	109 ¹⁰⁹ Mt	110 ¹¹⁰ Ds	
VIII	111 ¹¹¹ Rg	112 ¹¹² Cn	113 ¹¹³ Uut	114 ¹¹⁴ Fl	115 ¹¹⁵ Uup	116 ¹¹⁶ Lv	117 ¹¹⁷ Uus	118 ¹¹⁸ Uuo			
	119 ¹¹⁹ Uue	VII и VIII периоды — фактор горизонтального замыкания системы — групп						120 ¹²⁰ Ubn			
	VIII период — Фактор предельного замыкания в системном тороидальном пространстве										

7 и 8 группы — Фактор замыкания периодов с p-элементами

8.1 - 8.2 группы — Фактор центрации периодов в системном тороидальном пространстве

Принцип соответствия лантаноидов и актиноидов ветвистым структурам 1-8 и 8.1-8.2 групп																		
	1 группа		2 группа		3 группа		4 группа		5 группа		6 группа		7 группа		8 гр.		8.1 и 8.2	
Лан	⁶⁵ Tb	⁶⁹ Tm	⁶⁶ Dy	⁷⁰ Yb	⁶⁷ Ho	⁷¹ Lu	⁵⁸ Ce	⁶⁸ Er	⁵⁹ Pr	⁶⁹ Tm	⁷⁰ Yb	⁶⁰ Nd	⁶¹ Pm	⁷¹ Lu	⁶² Sm	⁶³ Eu	⁶⁴ Gd	
Акт	⁹⁷ Bk	¹⁰¹ Md	⁹⁸ Cf	¹⁰² No	⁹⁹ Es	¹⁰³ Lr	⁹⁰ Th	¹⁰⁰ Fm	⁹¹ Pa	¹⁰¹ Md	¹⁰² No	⁹² U	⁹³ Np	¹⁰³ Lr	⁹⁴ Pu	⁹⁵ Am	⁹⁶ Cm	
	Фактор расширения глубинных уровней системы в конечных (VI-VII) периодах через f-элементы																	

зации системы по топосам — для всех периодов (рис. 10). И по вертикали, и по горизонтали в системе элементов одинаковым образом действует системно-структурный принцип топоса. Это позволяет при рассмотрении различных проблем пользоваться системной таблицей не только в привычном для нас виде, но и как системной матрицей для разных аналитических задач. Если доказан закон квадратичности системы относительно топосного структурного принципа и по горизонталям, и по вертикалям, то можно, например, освободить таблицу от элементов, оставив лишь системные номера ячеек таблицы.

Каждый период имеет свои функциональные свойства по отношению к системе в целом. В ячейках периодов Менделеев расположил атомы по одному из их свойств. Но периоды и ячейки не следует жестко связывать именно с этим способом размещения элементов. Это размещение не оспаривается, но периодам и ячейкам может быть придано общесистемное обобщение — это периоды и ячейки системы. В них возможно и иное расположение элементов, для системного анализа свойств атомов. Понятая так таблица становится системной матрицей. Например, в строках системной таблицы можно располагать элементы, принадлежащие группам (переводить из вертикали в горизонталь): 1) если совокупность элементов этой группы и элементов родственных ей групп удовлетворяет системным требованиям периода; 2) если такая же операция применима к остальным группам, для аналогичного размещения в иных периодах (табл. 1–7). Способ, которым Менделеев размещал элементы, является структурным (атомы следуют друг за другом по изменению в строении ядра и электронных оболочек). А другие способы размещения исходят из других оснований — не структурных, а функциональных, и формируемые таким образом системы должны называться функциональными. Если нужно исследовать электроотрицательность или атомные радиусы, то для выявления закономерностей можно изменить группировку последовательностей, т.е. переупорядочить элементы по другому их свойству, зная, что таблица элементов в обычном виде — это лишь частный случай. В системной таблице могут и должны быть разновариантные ее представления не по одному-единственному свойству, а по всему их разнообразию.

3. Закон сохранения системы как целого.

Если совокупность элементов является системой, то в этой совокупности должны вычленяться группы, которые имеют системные назначения: а) системно-образующий фактор (горизонтального и вертикального упорядочения); б) фактор

замыкания групп и периодов; в) фактор центрации периодов в топологическом пространстве системной симметрии.

4. Функциональные системы и внутрисистемная дифференциация.

Таблица химических элементов может быть осмыслена как системная схема, системная матрица. В этом своем качестве она может использоваться как в физике, так и в любых других науках.

В клетках табл. 1 мы традиционно отобразили химические элементы и атомные числа элементов. В традиционном варианте атомный номер совпадает с индексом при химическом элементе, который указывает на число протонов в ядре. В таблице Менделеева химические элементы упорядочены по атомным весам (атомным номерам). По этим свойствам мы получили идеальную классификацию.

Но у атомов есть и другие фундаментальные свойства. Если мы намерены исследовать эти свойства, то необходимо изучать их в аналитически автономной форме. В учебниках и монографиях мы встречаем множество таблиц, демонстрирующих эффекты периодичности для атомных радиусов, электроотрицательности, степеней окисления и т.д. Мы встречаем сложные графики, в которых то или иное свойство меняется волнообразно и походит на стохастичный процесс с дисперсивным разбросом значений. Такие аналитические методы могут иметь место, но есть некоторое логическое возражение. В таблице, где элементы распределены по свойству А, исследуются закономерности по свойствам В, С, D, т.е. одно свойство создает помеху для аналитической чистоты исследования другого свойства. Это допустимо, но создает смешанную картину, в осмыслении которой мы должны делать постоянные поправки и упреждения в выводах, а это уже не очень хорошо.

Если установлен системный образ таблицы и уточнили характер специализированных общесистемных функций, то можно для анализа иных свойств (В, С, D, E, F, G...) использовать другие способы упорядочения элементов. Сохраним системную форму таблицы и номера ячеек, понимаемые при этом не как атомные номера, а как общесистемные номера ячеек, в которые для изучения свойства В элементы могут ставиться по логике именно этого свойства, а для изучения свойств С или D — по логике соответствующих свойств.

5. Закон сохранения структурно-функциональных систем: групп и подгрупп.

Каждая группа предстает в системе как целостный топос. Все топосы групп обладают системной

инвариантностью. В топосах однообразно разделяются ветви и подветви — это структурный закон группы.

Исходя из общесистемной формы (см. табл. 1) в каждой группе структурный топос реализуется целостно, т.е. структура: а) два типичных элемента; б) дихотомия на две ветви (основная и побочная группа элементов); в) дихотомия каждой ветви на две подветви (включая f-элементы — лантаноиды и актиноиды) — остается инвариантной для каждой группы. В каждой группе, как в структурно-функциональной составляющей системы, сохраняется полный набор s-, p-, d-, f-элементов в инвариантной структурной последовательности.

6. Двупериодический закон сохранения сингоний.

Используя законы и свойства системной матрицы таблицы и опираясь на принцип дуальности (дублетности) двух периодов (8-8, 18-18, 32-32), можно представить целый ряд таблиц — назовем их «функциональными системами», которые представляют главную, классическую систему химических элементов (сформированную по структурному принципу — последовательного изменения структуры ядра и структуры электронных орбиталей) по функциональным признакам (свойствам) ее элементов (табл. 2).

Первый тип таких функциональных систем — упорядочение элементов по типу кристаллической решетки. Все 120 элементов упорядочиваются так.

- В 1, 2 и 3-м периодах (2+8+8) целостно размещается класс низших симметрий (МК — моноклинная, РЭ — ромбоэдрическая, ОР — орторомбическая, ТриГ — тригональная, ТетГ — тетрагональная). Закончены периоды и закончен перечень элементов с низшими классами симметрии.
- В 4-м и 5-м периодах (18+18) целиком размещаются все элементы, характеризующиеся средним классом сложности симметрии (Гекс — гексагональной).
- В 6-м и 7-м периодах, включая 28 лантаноидов и актиноидов (32+32), и в 8-м периоде (2) целиком размещаются элементы, относящиеся к высшему классу сингоний (Куб — кубические, КОЦ — кубические объемноцентрические, КГЦ — кубические гранецентричные). Таким образом, в системной таблице, при парных и тернарных группировках периодов, строго в границах этих группировок точно размещаются элементы трех классов сингоний.

7. Двупериодический закон сохранения семейств химических элементов.

Семейства химических элементов разделяются на три типа: неметаллы, переходные элементы и

металлы. Первый тип включает неметаллы, галогены, инертные газы, полностью размещаясь в периодах 1–3. Второй тип (переходные элементы) объединяет 38 элементов — из них 36 элементов распределяются в периодах 4–5, а последние 2 (111Rg, 112Cn) соответствуют неполному 8-му периоду. Третий тип объединяет 36 элементов (полуметаллы, легкие, щелочные, щелочно-земельные металлы), а также по 14 лантаноидов и актиноидов, составляя в сумме (32+32) элемента и целиком распределяясь в периодах 6–7 (табл. 3).

8. Двупериодический закон сохранения степеней окисления.

В табл. 4 степени окисления представлены двумя показателями: диапазон степеней по каждому элементу и высшие степени окисления. Можно составить две разные таблицы. Здесь мы представляем таблицу по высшим степеням окисления, доступным для каждого элемента.

В первую категорию элементов (периоды 1–3) вошли все элементы, имеющие полярные характеристики: низшие (–1, 0, +1) и высшие степени окисления (+8).

Во вторую категорию вошли элементы с низшими средними степенями (+2, +3). Сумма этих элементов — 36, они целиком разместились в периодах 4–5.

В периодах 6 и 7 разместились остальные элементы — это категория высоких средних степеней (+4, +5), составляющая 36 элементов (18+18), а также 28 элементов, представляющих системную функцию, которую мы назвали «фактором расширения глубинных уровней системы в конечных периодах». Последним соответствует категория высших классов степеней окисления (+6, +7).

9. Двупериодический закон сохранения квантовых чисел.

В табл. 5 отражен закон сохранения квантовых чисел (s, p, d, f). В периодах 1–3 целиком распределяются s-элементы. В периодах 4–5 полностью перечисляются p-элементы. В периодах 6–7 размещаются все d- и f-элементы.

10. Двупериодический закон сохранения систем изотопов.

Изотопы — это разновидности атомов (ядер) химического элемента. Они имеют одинаковый атомный номер, но разные массовые числа. Все изотопы одного элемента имеют одинаковый заряд ядра, отличаясь лишь числом нейтронов.

Ширина диапазона изотопов изменяется нелинейным образом. От водорода 1H (дефицит — до 1 нейтрона; избыток нейтронов — до 4) до никеля 28Ni (деф. — до 8; изб. — до 22) много изотопов с дефицитом нейтронов. Затем тенденция меняется и у атома олова 50Sn (деф. — до 1; изб. —

до 37) только один изотоп с дефицитом нейтронов, но уже у сурьмы 51Sb (и далее) нейтронодефицитных изотопов нет, а изотопы с избыточными нейтронами доходят до 37. У ртути 80Hg диапазон избыточности в границах от 11 до 50. У франция 87Fr этот диапазон в пределах от 25 до 58, у хассия 108Hs — от 47 до 61, а у ливермория 116Lv — от 58 до 61. Область всех изотопов от 1H до 120Ubn выглядит замысловато изогнутой подковой и рассчитывается по дифференциальным уравнениям.

Возникает вопрос: сохраняется ли двутороидальная модель структурных топосов для изотопов? Элементы, представленные в современной таблице Менделеева, можно назвать «нормативными», т.е. они фиксируют реально существующие атомы в идеальной форме, но у каждого атома есть вполне реальное разнообразие. Сохраняются ли симметрии и двутороидальная модель системного пространства для всего этого разнообразия? Слишком много различных закономерностей влияет на широту разнообразия изотопов для тех или иных атомов, да и характер этих факторов меняется от атома к атому. Может быть, удастся найти хотя бы одну единственную цепочку изотопов для атомов от 1 до 120 элементов, где сохраняется построенная нами модель?

В результате мы установили такую цепочку — и не одну, а восемь, т.е. можно построить восемь правильных двутороидальных систем для изотопов. При различных допущениях, помимо указанных в табл. 6, это число может быть существенно расширено.

Второй и третий периоды в табл. 6 обозначены так: индекс внизу слева — число протонов, индекс внизу справа — это интервал изотопов, состоящий из последовательного ряда (например, в группе: $3\text{Li}2-9$; $11\text{Na}10-17$). Аналогично по всему периоду. С изменением числа протона на 1 при переходе от одного элемента к соседнему по периоду меняется и интервал изотопов на 1: $3\text{Li}2-9 \rightarrow 4\text{Be}3-10 \rightarrow 5\text{B}4-11 \rightarrow 6\text{C}5-12 \rightarrow \dots \rightarrow 10\text{Ne}9-16$. В правом нижнем индексе интервал содержит 8 изотопов. Если по всей табл. 6 мы выбираем первые члены указанных диапазонов, то они составляют правильную систему. Затем берем вторые члены интервалов — образуется вторая правильная система. Затем третья... восьмая. Однако возникает особенность: внутри каждого периода идеально сохраняется метрика между всеми элементами структурного топоса и между топосами, но между периодами есть разрывы. Например, между третьим и четвертым периодами разрыв равен 2.

Значит, к интервалам каждого атома данного периода нужно добавлять законный интервал 8 и дополнительный интервал (интервал расширения 2): $(8+2) 19\text{K}20-27, \dots, 29\text{Cu}30-37$. Между четвертым и пятым периодом дополнительный интервал равен 10. Добавляется $(+10) — 37\text{Rb}48-55, \dots 47\text{Ag}58-65$. При переходе от пятого периода к шестому добавляется $(+16) — 55\text{Cs}82-89, \dots 79\text{Au}106-113$. При переходе к седьмому периоду добавляется $(+24) — 87\text{Fr}138-145, \dots 111\text{Rg}162-169$. При переходе к восьмому периоду $(+\Delta) — 119 119\text{Uue} (170+\Delta) — (177+\Delta)$, поскольку элементы еще не установлены.

Обобщая сказанное, определяем, что таким образом закон сохраняется — образуется восемь изоморфных систем. Расширяются не периоды (что недопустимо), а интервалы между ними. Это говорит о том, что двутороидальная модель правильным образом растягивается в эллипсоид, сохраняя в неприкосновенности структурную модель топосов и системы в целом, сохраняя все периодические связи. Вся совокупность изотопов, приведенная в табл. 6, — это установленные изотопы. Среди последних 8 элементов системы сведения крайне малы, но часть из них совпадает, а часть — 40 изотопов — еще не установлена и мы называем их новыми, предсказанными законом.

Новые изотопы: 112-го элемента — Коперниция ($112\text{Cn}163, 112\text{Cn}164$), 113-го элемента ($113\text{Uut}164$), 114-го элемента — Флеровия ($114\text{Fl}165, 114\text{Fl}166, 114\text{Fl}167, 114\text{Fl}168, 114\text{Fl}169, 114\text{Fl}170, 114\text{Fl}171$), 115-го элемента ($115\text{Uup}166, 115\text{Uup}167, 115\text{Uup}168, 115\text{Uup}169, 115\text{Uup}170, 115\text{Uup}171, 115\text{Uup}172$), 116-го элемента — Ливермория ($116\text{Lv}167, 116\text{Lv}168, 116\text{Lv}169, 116\text{Lv}170, 116\text{Lv}171, 116\text{Lv}172, 116\text{Lv}173$), 117-го элемента ($117\text{Uus}168, 117\text{Uus}169, 117\text{Uus}170, 117\text{Uus}171, 117\text{Uus}172, 117\text{Uus}173, 117\text{Uus}174, 117\text{Uus}175$), 118-го элемента ($118\text{Uuo}169, 118\text{Uuo}170, 118\text{Uuo}171, 118\text{Uuo}172, 118\text{Uuo}173, 118\text{Uuo}174, 118\text{Uuo}175, 118\text{Uuo}176$).

11. Двупериодичный закон сохранения электроотрицательности.

В силу закона квадратичности (соответствия закону топоса периодов и групп) мы имеем право размещать в строках периодов элементы, состоящие в той или иной группе. Например, в периоде 2 мы отобрали s-элементы 1-й группы, а в периоде 3 — s-элементы 2-й группы. Значение электроотрицательности плавно понижается. В периодах 4–5 — p-элементы. В периодах VI–VIII — d-элементы. На своих местах остаются f-элементы.

Двупериодический закон сохранения СИНГОНИЙ

Таблица 2

Таблица кристаллических решеток с двупериодическим сохранением класса сингоний в порядке усложнения

	1	2	3	4	5	6	7	8
1							1 ⁸ O МК	2 ⁹⁴ Pu МК
2	3 ⁹ F МК	4 ⁵ B РЭ	5 ⁸³ Bi РЭ	6 ³³ As РЭ	7 ⁶² Sm РЭ	8 ⁸⁰ Hg РЭ	9 ¹⁶ S ОР	10 ¹⁷ Cl ОР
3	11 ³¹ Ga ОР	12 ³⁵ Br ОР	13 ⁵³ I ОР	14 ⁹³ Np ОР	15 ⁴⁹ In ТриГ	16 ⁵⁰ Sn ТриГ	17 ⁵¹ Sb ТриГ	18 ⁹¹ Pa ТриГ
4	19 ¹ H Гекс	20 ⁵² Te Гекс	21 ³⁴ Se Гекс	22 ⁵⁷ La Гекс	23 ⁵⁹ Pr Гекс	24 ⁶⁰ Nd Гекс	25 ⁶¹ Pm Гекс	26 ³⁹ Y Гекс
	29 ⁶⁷ Ho Гекс	30 ² He Гекс	31 ⁶⁸ Er Гекс	32 ⁶⁹ Tu Гекс	33 ⁷¹ Lu Гекс	34 ⁸¹ Tl Гекс	35 ⁴⁰ Zr Гекс	36 ¹² Mg Гекс
5	37 ⁷² Hf Гекс	38 ⁸⁵ At Гекс	39 ⁴⁸ Cd Гекс	40 ⁶ C Гекс	41 ²² Ti Гекс	42 ⁷⁵ Re Гекс	43 ⁴³ Tc Гекс	44 ⁷⁶ Os Гекс
	47 ²⁷ Co Гекс	48 ²¹ Sc Гекс	49 ⁴ Be Гекс	50 ⁹⁵ Am Гекс	51 ⁹⁶ Cm Гекс	52 ⁹⁷ Bk Гекс (n/a)	53 ⁹⁸ Cf Гекс	54 ⁹⁹ Es Гекс
6	55 ²⁵ Mn Куб	56 ¹⁵ P КОЦ	57 ⁵⁴ Xe КГЦ	72 ⁸⁹ Ac КГЦ	73 ¹⁸ Ar КГЦ	74 ¹⁹ K КОЦ	75 ⁵⁸ Ce КГЦ	76 ⁹⁰ Th КГЦ
	79 ⁶³ Eu КОЦ	80 ¹¹ Na КОЦ	81 ⁴⁷ Ag КГЦ	82 ⁷⁹ Au КГЦ	83 ¹³ Al КГЦ	84 ⁷⁸ Pt КГЦ	85 ⁴⁶ Pd КГЦ	86 ⁷⁷ Ir КГЦ
7	87 ⁴⁵ Rh КГЦ	88 ⁸⁸ Ra КОЦ	89 ²⁹ Cu КГЦ	104 ¹⁰⁴ Rf КОЦ	105 ¹⁰⁵ Db КОЦ	106 ¹⁰⁶ Sg КОЦ	107 ¹⁰⁷ Bh КОЦ	108 ¹⁰⁸ Hs КОЦ
	111 ¹¹¹ Rg КОЦ	112 ¹¹² Cn КОЦ	113 ¹¹³ Uut КГЦ	114 ¹¹⁴ Fl КГЦ	115 ¹¹⁵ Uup КГЦ	116 ¹¹⁶ Lv КГЦ	117 ¹¹⁷ Uus КГЦ	118 ¹¹⁸ Uuo КГЦ
8	119 ¹¹⁹ Uue КГЦ	120 ¹²⁰ Ubn КГЦ						

6	58 ³⁸ Sr КГЦ	59 ⁵⁵ Cs КОЦ	60 ³⁷ Rb КОЦ	61 ⁸⁶ Rn КГЦ	62 ⁸⁷ Fr КОЦ	63 ⁹² U КОЦ	64 ⁷ N Куб	65 ³² Ge Куб	66 ³⁶ Kr КГЦ	67 ¹⁰ Ne КГЦ	68 ⁶⁶ Dy КГЦ	69 ²⁰ Ca КГЦ	70 ⁷⁰ Yb КГЦ	71 ¹⁴ Si Куб
7	90 ²⁸ Ni КГЦ	91 ³ Li КОЦ	92 ⁸⁴ Po Куб	93 ⁷³ Ta КОЦ	94 ⁴¹ Nb КОЦ	95 ⁷⁴ W КОЦ	96 ⁴² Mo КОЦ	97 ²³ V КОЦ	98 ²⁴ Cr КОЦ	99 ²⁶ Fe КОЦ	100 ¹⁰⁰ Fm Куб	101 ¹⁰¹ Md Куб	102 ¹⁰² No Куб	103 ¹⁰³ Lr КОЦ

Двупериодический закон сохранения Семейств Химических Элементов

Таблица 3

Таблица семейств химических элементов

Период	1	2	3	4	5	6	7	8	
1									
Неметаллы									
2	3 ¹⁷ Cl	4 ³⁵ Br	5 ⁶ C	6 ⁷ N	7 ⁸ O	8 ¹⁵ P	9 ¹⁶ S	10 ³⁴ Se	
3	11 ⁵³ I	12 ⁸⁵ At	13 ² He	14 ¹⁰ Ne	15 ¹⁸ Ar	16 ³⁶ Kr	17 ⁵⁴ Xe	18 ⁸⁶ Rn	
Переходные элементы									
4	19 ²¹ Sc	20 ²² Ti	21 ²³ V	22 ²⁴ Cr	23 ²⁵ Mn	24 ²⁶ Fe	25 ²⁷ Co	26 ²⁸ Ni	27 ²⁹ Cu
	29 ³⁹ Y	30 ⁴⁰ Zr	31 ⁴¹ Nb	32 ⁴² Mo	33 ⁴³ Tc	34 ⁴⁴ Ru	35 ⁴⁵ Rh	36 ⁴⁶ Pd	
5	37 ⁴⁷ Ag	38 ⁴⁸ Cd	39 ⁷² Hf	40 ⁷³ Ta	41 ⁷⁴ W	42 ⁷⁵ Re	43 ⁷⁶ Os	44 ⁷⁷ Ir	45 ⁷⁸ Pt
	47 ⁸⁰ Hg	48 ¹⁰⁴ Rf	49 ¹⁰⁵ Db	50 ¹⁰⁶ Sg	51 ¹⁰⁷ Bh	52 ¹⁰⁸ Hs	53 ¹⁰⁹ Ds	54 ¹⁰⁹ Mt	46 ⁷⁹ Au
Металлы									
6	55 ⁵ B	56 ¹⁴ Si	57 ⁵⁷ La	72 ³² Ge	73 ³³ As	74 ⁵¹ Sb	75 ⁵² Te	76 ⁸⁴ Po	77 ¹³ Al
	79 ⁴⁹ In	80 ⁵⁰ Sn	81 ⁸¹ Tl	82 ⁸² Pb	83 ⁸³ Bi	84 ¹¹³ Uuf	85 ¹¹⁴ Uuq	86 ¹¹⁵ Uup	
7	87 ¹¹⁶ Uuh	88 ¹¹⁷ Uus	89 ⁸⁹ Ac	104 ¹¹⁸ Uuo	105 ³ Li	106 ¹¹ Na	107 ¹⁹ K	108 ³⁷ Rb	109 ⁵⁵ Cs
	111 ¹¹⁹ Uue	112 ⁴ Be	113 ¹² Mg	114 ²⁰ Ca	115 ³⁸ Sr	116 ⁵⁶ Ba	117 ⁸⁸ Ra	118 ¹²⁰ Ubn	
8	119 ¹¹¹ Rg	120 ¹¹² Cn							

Лантаноиды	58 ⁵⁸ Ce	59 ⁵⁹ Pr	60 ⁶⁰ Nd	61 ⁶¹ Pm	62 ⁶² Sm	63 ⁶³ Eu	64 ⁶⁴ Gd	65 ⁶⁵ Tb	66 ⁶⁶ Dy	67 ⁶⁷ Ho	68 ⁶⁸ Er	69 ⁶⁹ Tm	70 ⁷⁰ Yb	71 ⁷¹ Lu
Актиноиды	90 ⁹⁰ Th	91 ⁹¹ Pa	92 ⁹² U	93 ⁹³ Np	94 ⁹⁴ Pu	95 ⁹⁵ Am	96 ⁹⁶ Cm	97 ⁹⁷ Bk	98 ⁹⁸ Cf	99 ⁹⁹ Es	100 ¹⁰⁰ Fm	101 ¹⁰¹ Md	102 ¹⁰² No	103 ¹⁰³ Lr

Двуэриодический закон сохранения КВАНТОВЫХ ЧИСЕЛ

Таблица 5

Периодическая таблица по квантовым числам химических элементов

	1	2	3	4	5	6	7	8			
1	d						1 ²¹ Sc 3d ¹ 4s ²	2 ²² Ti 3d ² 4s ²			
2	s	4 ² He 1s	5 ³ Li 2s	6 ⁴ Be 2s	7 ¹¹ Na 3s	8 ¹² Mg 3s	9 ¹⁹ K 4s	10 ²⁰ Ca 4s			
3	s	11 ³⁷ Rb 5s	13 ⁵⁵ Cs 6s	14 ⁵⁶ Ba 6s	15 ⁸⁷ Fr 7s	16 ⁸⁸ Ra 7s	17 ¹¹⁹ Uue 8s	18 ¹²⁰ Ubn 8s			
4	p	19 ⁵ B 2s ² 2p ¹	20 ⁶ C 2s ² 2p ²	21 ⁷ N 2s ² 2p ³	22 ⁸ O 2s ² 2p ⁴	23 ⁹ F 2s ² 2p ⁵	24 ¹⁰ Ne 2s ² 2p ⁶	25 ¹³ Al 3s ² 3p ¹	26 ¹⁴ Si 3s ² 3p ²	27 ¹⁵ P 3s ² 3p ³	28 ¹⁶ S 3s ² 3p ⁴
5	p	29 ¹⁷ Cl 3s ² 3p ⁵	30 ¹⁸ Ar 3s ² 3p ⁶	31 ³¹ Ga 3d ¹⁰ 4s ² 4p ¹	32 ³² Ge 3d ¹⁰ 4s ² 4p ²	33 ³³ As 3d ¹⁰ 4s ² 4p ³	34 ³⁴ Se 3d ¹⁰ 4s ² 4p ⁴	35 ³⁵ Br 3d ¹⁰ 4s ² 4p ⁵	36 ³⁶ Kr 3d ¹⁰ 4s ² 4p ⁶	45 ⁸³ Bi 4f ¹⁴ 5d ¹⁰ 6s ² 6p ³	46 ⁸⁴ Po 4f ¹⁴ 5d ¹⁰ 6s ² 6p ⁴
	p	37 ⁴⁹ In 4d ¹⁰ 5s ² 5p ¹	38 ⁵⁰ Sn 4d ¹⁰ 5s ² 5p ²	39 ⁵¹ Sb 4d ¹⁰ 5s ² 5p ³	40 ⁵² Te 4d ¹⁰ 5s ² 5p ⁴	41 ⁵³ I 4d ¹⁰ 5s ² 5p ⁵	42 ⁵⁴ Xe 4d ¹⁰ 5s ² 5p ⁶	43 ⁸¹ Tl 4f ¹⁴ 5d ¹⁰ 6s ² 6p ¹	44 ⁸² Pb 4f ¹⁴ 5d ¹⁰ 6s ² 6p ²		
6	p	47 ⁸⁵ At 4f ¹⁴ 5d ¹⁰ 6s ² 6p ⁵	48 ⁸⁶ Rn 4f ¹⁴ 5d ¹⁰ 6s ² 6p ⁶	49 ¹¹³ Uut 5f ¹⁴ 6d ¹⁰ 7s ² 7p ¹	50 ¹¹⁴ Fl 5f ¹⁴ 6d ¹⁰ 7s ² 7p ²	51 ¹¹⁵ Uup 5f ¹⁴ 6d ¹⁰ 7s ² 7p ³	52 ¹¹⁶ Lv 5f ¹⁴ 6d ¹⁰ 7s ² 7p ⁴	53 ¹¹⁷ Uus 5f ¹⁴ 6d ¹⁰ 7s ² 7p ⁵	54 ¹¹⁸ Uuo 5f ¹⁴ 6d ¹⁰ 7s ² 7p ⁶	77 ³⁹ Y 4d ¹ 5s ²	78 ⁴⁰ Zr 4d ² 5s ²
	d	55 ²³ V 3d ³ 4s ²	56 ²⁴ Cr 3d ⁴ 4s ¹	57 ²⁵ Mn 3d ⁵ 4s ²	72 ²⁶ Fe 3d ⁶ 4s ²	73 ²⁷ Co 3d ⁷ 4s ²	74 ²⁸ Ni 3d ⁸ 4s ²	75 ²⁹ Cu 3d ¹⁰ 4s ¹	76 ³⁰ Zn 3d ¹⁰ 4s ²		
7	d	79 ⁴¹ Nb 4d ⁴ 5s ¹	80 ⁴² Mo 4d ⁵ 5s ¹	81 ⁴³ Tc 4d ⁶ 5s ¹	82 ⁴⁴ Ru 4d ⁷ 5s ¹	83 ⁴⁵ Rh 4d ⁸ 5s ¹	84 ⁴⁶ Pd 4d ¹⁰	85 ⁴⁷ Ag 4d ¹⁰ 5s ¹	86 ⁴⁸ Cd 4d ¹⁰ 5s ²	109 ⁷⁹ Au 4f ¹⁴ 5d ¹⁰ 6s ¹	110 ⁸⁰ Hg 4f ¹⁴ 5d ¹⁰ 6s ¹
	d	87 ⁵⁷ La 5d ¹ 6s ²	88 ⁷² Hf 4f ¹⁴ 5d ² 6s ²	89 ⁷³ Ta 4f ¹⁴ 5d ³ 6s ²	104 ⁷⁴ W 4f ¹⁴ 5d ⁴ 6s	105 ⁷⁵ Re 4f ¹⁴ 5d ⁵ 6s ²	106 ⁷⁶ Os 4f ¹⁴ 5d ⁶ 6s	107 ⁷⁷ Ir 4f ¹⁴ 5d ⁷ 6s ²	108 ⁷⁸ Pt 4f ¹⁴ 5d ⁹ 6s ¹		
8	d	111 ⁸⁹ Ac 6d ¹ 7s ²	112 ¹⁰⁴ Rf 5f ¹⁴ 6d ² 7s ²	113 ¹⁰⁵ Db 5f ¹⁴ 6d ³ 7s ²	114 ¹⁰⁶ Sg 5f ¹⁴ 6d ⁴ 7s ²	115 ¹⁰⁷ Bh 5f ¹⁴ 6d ⁵ 7s ²	116 ¹⁰⁸ Hs 5f ¹⁴ 6d ⁶ 7s ²	117 ¹⁰⁹ Mt 5f ¹⁴ 6d ⁷ 7s ²	118 ¹¹⁰ Ds 5f ¹⁴ 6d ⁹ 7s ¹		
	d	119 ¹¹¹ Rg 5f ¹⁴ 6d ¹⁰ 7s ¹	120 ¹¹² Cn 5f ¹⁴ 6d ¹⁰ 7s ²								

f	58 ⁵⁸ Ce 4f ¹ 5d ¹ 6s ²	59 ⁵⁹ Pr 4f ² 6s ²	60 ⁶⁰ Nd 4f ³ 6s ²	61 ⁶¹ Pm 4f ⁴ 6s ²	62 ⁶² Sm 4f ⁵ 6s ²	63 ⁶³ Eu 4f ⁶ 6s ²	64 ⁶⁴ Gd 4f ⁷ 5d ¹ 6s ²	65 ⁶⁵ Tb 4f ⁹ 6s ²	66 ⁶⁶ Dy 4f ¹⁰ 6s ²	67 ⁶⁷ Ho 4f ¹¹ 6s ²	68 ⁶⁸ Er 4f ¹² 6s ²	69 ⁶⁹ Tm 4f ¹³ 6s ²	70 ⁷⁰ Yb 4f ¹⁴ 6s	71 ⁷¹ Lu 4f ¹⁴ 5d ¹ 6s ²
f	90 ⁹⁰ Th 6d ² 7s ²	91 ⁹¹ Pa 5f ² 6d ¹ 7s ²	92 ⁹² U 5f ³ 6d ¹ 7s ²	93 ⁹³ Np 5f ⁴ 6d ¹ 7s ²	94 ⁹⁴ Pu 5f ⁶ 7s ²	95 ⁹⁵ Am 5f ⁷ 7s ²	96 ⁹⁶ Cm 5f ⁸ 6d ¹ 7s ²	97 ⁹⁷ Bk 5f ⁹ 6d ¹ 7s ²	98 ⁹⁸ Cf 5f ¹⁰ 7s ²	99 ⁹⁹ Es 5f ¹¹ 7s ²	100 ¹⁰⁰ Fm 5f ¹² 7s ²	101 ¹⁰¹ Md 5f ¹³ 7s ²	102 ¹⁰² No 5f ¹⁴ 7s ²	103 ¹⁰³ Lr 5f ¹⁴ 6d ¹ 7s ²

Список литературы

1. Таланов В.М. Система химических элементов. 1. Принципы ритмокаскадов // Циклы: Материалы II международной конференции. Часть 1. Ставрополь: СевКавГТУ, 2000. С. 41–44.
2. Quamm G., Quamm M. Types of the graphic representation of the elements // Chem. Educ. – 19– v. 11, 27–32; 217–223; 288–297.
3. Delaunay B.N. Neue Darstellung der geometrischen kristallographie. Zs.f.Kristallogr., 1933. Bd. 84. S. 109–149.
4. International Tables for X-ray Crystallography. Birmingham, 1952.
5. Ivanenko D.D., Galiulin R.V. Quasicrystal model of the universe. Protvino, 1995. P. 180.
6. Mamedov Kh.S. Crystallographic patterns. Comp&Math with Appl. V.12I. No 3–4. P. 511–529.
7. Арнольд В.И. Недооцененный Пуанкаре // Успехи математических наук. 2006. Т. 61, вып. 1 (367). С. 3–24.
8. Галиулин Р.В. Двумерные дискретные группы с конечной фундаментальной областью, их физический и гуманитарный смыслы // ЖВМ. 2005. Т. 45, С. 1331–1344.
9. Галиулин Р.В. Комбинаторно-симметричная классификация первых зон Бриллюэна // Кристаллография. 1984. Т. 29, в. С. 638–642.
10. Галиулин Р.В. Кристаллографическая картина мира // УФН. 2002. Т. 172, в.
11. Галиулин Р.В. Правильные системы. ПРИРОДА. 1991. С. 20–36.
12. Галиулин Р.В. Системы Делоне как основа геометрии дискретного мира // Журнал вычислительной математики и математической физики. 2003. Т. 43. № 6. С. 790–801.
13. Галиулин Р.В., Сигарев Р.В. Об устойчивости минералов с голоэдрическими федоровскими группами // Док. АН СССР. 1987. Т. 293. С. 99–100.
14. Дидык Ю.К. Вывод периодического закона на основе квантовой механики. Существование зеркально-симметричных множеств элементов // Сборник научных трудов № 15. Физико-технический выпуск. Красноярск, 1973. С. 37–62.
15. Дидык Ю.К. Периодические системы элементов, законы сохранения, симметрии и соответствующие группы подобия // Система. Симметрия. Гармония. М.: Мысль, 1988. С. 244–266.
16. Желудев И.С. Простая симметричная модель мироздания. М.: Наука, 1996.
17. Кузьменков Л.С. Рост структур с сохранением их подобия (Теория А.А. Власова) // Теория реального кристаллообразования. М.: Наука, 1977. С. 221–227.
18. Лившиц А.М., Лозовик Ю.Е. Квазидвумерные кристаллические кластеры на сфере: метод топологического описания // Кристаллография. 2002. Т. 47, С. 214–223.
19. Шубников А.В. К вопросу о строении кристаллов // Изв. Имп. АН. Сер. 6 т.– С. 755–779.
20. Шубников А.В., Коцник В.А. Симметрия в науке и искусстве. М., 1972.

References

1. Talanov V.M. Sistema khimicheskikh elementov. 1. Printsipy ritmokaskadov [System of chemical elements. 1: Principles ritmokaskadov]. Tsikly. Materialy II mezhdunarodnoy konferentsii. Chast' 1 [Cycles. Proceedings of the II International Conference. Part 1]. Stavropol', SevKavGTU Publ., 2000, pp. 41–44.
2. Quamm G., Quamm M. Types of the graphic representation of the elements. Chem.Educ. 19. V.11, pp. 27–32; 217–223; 288–297.
3. Delaunay B.N. Neue Darstellung der geometrischen kristallographie. Zs.f.Kristallogr., 1933, Bd. 84, pp. 109–149.
4. International Tables for X-ray Crystallography. Birmingham, 1952.
5. Ivanenko D.D., Galiulin R.V. Quasicrystal model of the universe. Protvino, 1995, p. 180.
6. Mamedov Kh.S. Crystallographic patterns. Comp&Math with Appl. V.12I, I. 3–4, pp. 511–529.
7. Arnol'd V.I. Nedootsenenny Puankare [Underrated Poincare]. Uspekhi matematicheskikh nauk [Advances Mathematical Sciences]. 2006, V. 61, I. 1(367), pp. 3–24.
8. Galiulin R.V. Dvumernye diskretnye gruppy s konechnoy fundamental'noy oblast'yu, ikh fizicheskii i gumanitarnyy smysly [Two-dimensional discrete groups with finite fundamental domain, their physical and human terms]. ZhVM. 2005. V. 45, I, pp. 1331–1344.
9. Galiulin R.V. Kombinatorno-simmetriynaya klassifikatsiya pervykh zon Brilliyuena [Combinatorial and symmetry classification of the first Brillouin zone]. Kristallografiya [Crystallography]. 1984, V.29, I. – S. 638–642.
10. Galiulin R.V. Kristallograficheskaya kartina mira [Crystallographic picture of the world]. UFN. 2002, V. 172, I. 229 p.
11. Galiulin R.V. Pravil'nye sistemy. PRIRODA [Regular systems. NATURE]. 1991, pp. 20–36.
12. Galiulin R.V. Sistemy Delone kak osnova geometrii diskretnogo mira [Delaunay system as the basis of the geometry of discrete world]. Zhurnal vychislitel'noy matematiki i matematicheskoy fiziki [Computational Mathematics and Mathematical Physics]. 2003, V. 43, I. 6, pp. 790–801.
13. Galiulin R.V., Sigarev R.V. Ob ustoychivosti mineralov s goloedricheskimi fedorovskimi gruppami [On the stability of minerals with goloedricheskimi space groups]. Dok. AN SSSR [Doc. USSR Academy of Sciences]. 1987. V. 293, pp. 99–100.
14. Didyk Yu.K. Vyvod periodicheskogo zakona na osnove kvantovoy mekhaniki. Sushchestvovanie zerkal'no-simmetrichnykh mnozhestv elementov [Conclusion on the basis of the periodic law of quantum mechanics. The existence of mirror-symmetric sets of elements]. Sbornik nauchnykh trudov № 15. Fiziko-tekhnicheskii vypusk [Collected scientific works № 15. Physico-Technical issue]. Krasnoyarsk, 1973, pp. 37–62.
15. Didyk Yu.K. Periodicheskie sistemy elementov, zakony sokhraneniya, simmetrii i sootvetstvuyushchie gruppy podobiya [Periodic Table of the Elements, conservation laws, and the corresponding symmetry group similarity]. Sistema. Simmetriya. Garmoniya [System. Symmetry. Harmony].

21. Meuier V., Lambin Ph., Lucas A.A. Atomic and electronic structures of large and small carbon tori // *Phys. Rev. B*. 1998. V. 57. № 3. P. 1600–1603.
22. Иваненко Д.Д., Галиулин Р.В. Квазикристаллическая модель Вселенной. Протвино, 1995.
23. Королькова Д.В. Теория периодической системы // *Вестн. МГТУ им. Н.Э. Баумана. Сер. Естеств. науки*. 2007. № 3 (26). С. 124–125.
24. Одинокин А.С. Структура атомов в табличной теории // *Физика сознания и жизни, космология и астрофизика*. 2009. Т. 9. № 4 (36). С. 47–53.
25. Нефедов В.И., Тржасковская М.Б., Яржемский В.Г. Электронные конфигурации и Периодическая таблица Д.И. Менделеева для сверхтяжелых элементов // *Докл. АН*. 2006. Т. 408. № 4. С. 488–490.
26. Потапов А.А. Оболочечная модель атомов и Периодическая система элементов // *Бутлеровские сообщения*. 2006. Т. 10. № 7. С. 1–23.
27. Просандеева Н.В., Сергиенко С.И. Магия знаменитой таблицы: размышления по философии науки. М.: Моск. пограничный ин-т ФСБ России, 2008.
28. Сергина М.Н., Зимняков А.М. Проблемы верхней границы Периодической системы Д.И. Менделеева // *Изв. Пензенск. гос. пед. ун-та им. В.Г. Белинского*. 2006. № 1 (5). С. 231–234.
29. Сайфуллин Р.С., Сайфуллин А.Р. Новая таблица Менделеева // *Химия и жизнь — XXI век*. 2003. № 12. С. 14–17.
30. Ситкарев Г.Т. Новый вариант таблицы Менделеева // *Естеств. и техн. науки*. 2005. № 1 (15). С. 68–69.
31. Соколов И.П. Пределы химической периодичности. М.: МГВМИ, 2010.
32. Спиринов Э.К., Спиринов К.Э. Периодический закон и проблема прогноза свойств новых элементов. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2003.
33. Спиринов Э.К., Торосян Е.С. Периодические системы химических элементов. Секториально-слоевая форма модели Бора–Томсена // *В мире научных открытий*. 2012. № 2–3 (26). С. 95–104.
34. Стрекалов С.Д. Физическая химия: полюсные модели элементов и систем. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград: ВолГУ, 2011.
35. Хорошавин Л.Б., Щербатский В.Б., Якушина Е.В. Октаидная и десятичная системы химических элементов // *Объедин. науч. журн.* 2005. № 30 (158). С. 60–67.
36. Хорошавин Л.Б., Щербатский В.Б., Якушина Е.В. Сопоставление различных систем химических элементов // *Объедин. науч. журн.* 2006. № 3 (163). С. 88–100.
37. Imyaninov N.S. New Basis for Describing Periodicity // *Russ. J. General Chem.* 2010. Vol. 80, Iss. 1. P. 69–72.
38. Scerri Eric R. The Periodic Table: Its Story and Its Significance. Oxford University Press, 2007.
39. Hauskroft K., Constable E. Modern Course of General Chemistry / Per. from English. New York: Wiley, 2002. T. 1.
40. Harmony]. Moscow, Mysl' Publ., 1988, pp. 244–266.
16. Zheludev I.S. *Prostaya simmetriynaya model' mirozdaniya* [Simple Symmetry model of the universe]. Moscow, Nauka Publ., 1996.
17. Kuz'menkov L.S. Rost struktur s sokhraneniem ikh podobiya (Teoriya A.A.Vlasova) [Growth structures preserving their similarity (Theory A.A.Vlasova)]. *Teoriya real'nogo kristalloobrazovaniya* [Theory real crystal formation]. Moscow, Nauka Publ., 1977. pp. 221–227.
18. Livshits A.M., Lozovik Yu.E. Kvazidvumernye kristallicheskie klasteri na sfere: metod topologicheskogo opisaniiya [Quasi-two crystal clusters on the sphere: the method of topological description]. *Kristallografiya* [Crystallography]. 2002. V. 47, I. pp. 214–223.
19. Shubnikov A.V. *K voprosu o stroenii kristallov* [On the structure of crystals]. *Izv. Imp. AN. Ser.6 t.*— pp. 755–779.
20. Shubnikov A.V., Koptsik V. A. *Simmetriya v nauke i iskusstve* [Symmetry in science and art]. Moscow, 1972.
21. Meuier V., Lambin Ph., Lucas A.A. *Atomic and electronic structures of large and small carbon tori* [Atomic and electronic structures of large and small carbon tori]. *Phys. Rev. B*. 1998, V.57, I. 3, pp. 1600–1603.
22. Ivanenko D.D., Galiulin R.V. *Kvazikristallicheskaya model' Vselennoy* [Quasicrystal model of the universe]. Protvino, 1995.
23. Korol'kova D.V. Teoriya periodicheskoy sistemy [The theory of the periodic system]. *Vestn. MGTU im. N.E. Bauman. Ser. Estestv. Nauki* [Herald of the Bauman Moscow State Technical University. Series Natural Sciences]. 2007, I. 3(26), pp. 124–125.
24. Odinokin A.S. Struktura atomov v tablichnoy teorii [Structure of atoms in tabular theory]. *Fizika soznaniya i zhizni, kosmologiya i astrofizika* [Physics of Consciousness and Life, Cosmology and Astrophysics]. 2009, V.9, I. 4(36), pp. 47–53.
25. Nefedov V.I., Trzhaskovskaya M.B., Yarzhemskiy V.G. Elektronnye konfiguratsii i Periodicheskaya tablitsa D.I. Mendeleeva dlya sverkhlyazhelykh elementov [Electronic configuration and the Periodic Table Mendeleev for superheavy elements]. *Dokl. AN* [Proceedings of the USSR Academy of Sciences]. 2006, V.408, I. 4, pp. 488–490.
26. Potapov A.A. Obolocheynaya model' atomov i Periodicheskaya sistema elementov [The shell model of atoms and the periodic system of elements]. *Butlerovskie soobshcheniya* [Butlerov Communications]. 2006, V.10, I. 7, pp. 1–23.
27. Prosandeeva N.V., Sergienko S.I. *Magiya znamenitoy tablitsy: razmyshleniya po filosofii nauki* [The magic of the famous table: Reflections on the Philosophy of Science]. Moscow, Moscow Border Institute of the Russian Federal Security Service, 2008.
28. Sergina M.N., Zimnyakov A.M. Problemy verkhney granitsy Periodicheskoy sistemy D.I. Mendeleeva [Problems upper limit of the Mendeleev Periodic System]. *Izv. Penzensk. gos. ped. un-ta im. V.G. Belinskogo* [News of Belinsky Penza State Pedagogical University]. 2006, I. 1(5), pp. 231–234.
29. Sayfullin R.S., Sayfullin A.R. Novaya tablitsa Mendeleeva [New periodic table]. *Khimiya i zhizn'-XXI vek* [Chemistry and Life-XXI century]. 2003, I. 12, pp. 14–17.
30. Sitkarev G.T. Novyy variant tablitsy Mendeleeva [A new variant of the periodic table]. *Estestv. i tekhn. Nauki* [Natural and Technical Sciences]. 2005, I. 1(15), pp. 68–69.

31. Sokolov I.P. *Predely khimicheskoy periodichnosti* [Limits chemical periodicity]. Moscow, Moscow State Evening Metallurgical Institute Publ., 2010.
32. Spirin E.K., Spirin K.E. *Periodicheskiy zakon i problema prognoza svoystv novykh elementov* [The periodic law and the problem of prediction of properties of new elements]. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University, 2003.
33. Spirin E.K., Torosyan E.S. Periodicheskie sistemy khimicheskikh elementov. Sektorial'no-sloevaya forma modeli Bora–Tomsena [Periodic table of chemical elements. Sector-layered form of the Bohr-Thomsen]. *V mire nauchnykh otkrytiy* [In the world of scientific discoveries]. 2012, I. 2.3(26), pp. 95-104.
34. Strekalov S.D. *Fizicheskaya khimiya: polyusnye modeli elementov i sistem* [Physical chemistry: pole model elements and systems]. Volgograd, Volgograd State University Publ., 2011.
35. Khoroshavin L.B., Shcherbatskiy V.B., Yakushina E.V. Oktaidnaya i desyatchnaya sistemy khimicheskikh elementov [Oktaidnaya and decimal system of chemical elements]. *Ob'edin. nauch. Zhurn.* [Joint scientific journal]. 2005, I. 30(158), pp. 60-67.
36. Khoroshavin L.B., Shcherbatskiy V.B., Yakushina E.V. Sopostavlenie razlichnykh sistem khimicheskikh elementov [A comparison of different systems of chemical elements]. *Ob'edin. nauch. Zhurn.* [Joint scientific journal]. 2006, I. 3(163), pp. 88-100.
37. Imyanitov N.S. New Basis for Describing Periodicity. *Russ. J. General Chem.* 2010. V.80, I.1, pp. 69-72.
38. Eric R. Scerri. *The Periodic Table: Its Story and Its Significance*. Oxford University Press, 2007.
39. Hauskroft K., Constable E. *Modern Course of General Chemistry*. New York: Wiley, 2002, V. 1.

Правила по комплектности рукописей и их оформлению для журнала «Уровень жизни населения регионов России»

Общими критериями материалов, принимаемых для публикации в журнале «Уровень жизни населения регионов России», являются актуальность, новизна материала и его ценность в теоретическом и/или прикладном аспектах. Статья должна быть оригинальной, нигде ранее не опубликованной, не нарушающей авторских прав третьих лиц. Текст статьи должен сопровождаться иллюстративными материалами (таблицами, схемами, графиками, диаграммами и т.п.). Объем статьи 0,8–1,2 а.л.

Аннотация

Аннотация должна обрисовывать общую направленность статьи и формулировать ее основные результаты. В аннотации следует использовать основные ключевые понятия, относящиеся к представляемой статье, имея в виду, что большинство современных информационных систем осуществляют контекстный поиск только по названиям и аннотациям научных публикаций. Объем аннотации — 150–250 слов.

Структура статьи

Статья должна быть разбита на разделы, а в случае надобности подразделы и более мелкие структурные единицы, имеющие многоуровневую (при наличии подразделов) нумерацию. Первым разделом статьи должно быть введение. В нем рекомендуется четко обрисовать объект исследования и привести краткий обзор опубликованных по данной теме работ (3–4 ссылки на литературу 2005–2013 гг.). Если статья имеет большой объем, то во введении следует ознакомить читателя с ее структурой

Требования к оформлению статьи

Текст статьи набирается в текстовом редакторе *Microsoft Word*, записывается с расширением *.doc*, *.docx* или *.rtf*. Название файла должно состоять из фамилии автора и названия статьи.

Статья должна содержать:

- УДК
- блок 1 — **на русском языке:** Ф.И.О. автора(-ов) (полностью); название статьи; аннотация; ключевые слова (7–10 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой);

- блок 2 — **на английском языке:** информация блока 1 в той же последовательности;
- блок 3 — данные об авторах на русском языке: фамилия, имя, отчество полностью; должность; ученая степень; ученое звание; адресные данные автора(-ов) (организация(-и), электронная почта всех или одного автора);
- блок 4 — информация блока 3 в той же последовательности на английском языке;
- блок 5 — полный текст статьи на русском языке с употреблением буквы «ё» (шрифт основного текста — *Times New Roman*; размер шрифта основного текста — 12 пт; поля: верхнее и нижнее — 2 см, правое и левое — 3 см; межстрочный интервал — полуторный; отступ первой строки абзаца — 1,25 см; выравнивание текста — по ширине; ссылки на формулы даются в круглых скобках; формулы набираются в редакторе формул; рисунки — средствами *Word*; растровые иллюстрации предоставляются отдельными файлами в формате *.jpg* с разрешением не менее 300 dpi);
- блок 6 — список литературы на русском языке (название «Литература»). Списки литературы оформляются по алфавиту в соответствии с библиографическими требованиями (ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления») в едином формате, установленном РУНЭБ. Отсылки к списку в основном тексте даются в квадратных скобках, например: [3, с. 25]. На все источники литературы должны быть ссылки в тексте работы. Список литературы должен состоять не менее чем из 15 источников с обязательным цитированием зарубежных авторов (с указанием при наличии DOI). Самоцитирование допускается в объеме не более 10%.
- блок 7 — транслитерированный список литературы (название «References»), пример транслитерации источника:

11. Shchedrin N.V. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu v Sibirskom regione* [Topical Issues of Fighting Crimes in Siberian Region]. Krasnoyarsk, 2006, pp. 16–20.

Для выделения в тексте допустимо **полуужирное** и **курсивное** написание. Примеры рекомендуется выделять **курсивом**, новые термины и понятия — **полуужирным** шрифтом.

Не рекомендуется использовать

такие выделения, как ПРОПИСНЫЕ БУКВЫ, р а з р я д к а через пробел и подчеркивание; подстрочные ссылки.

Перечень дополнительных материалов, прилагаемых к статье

- в связи с тем что публикуемая статья получает международный индекс научного цитирования DOI, необходимо представить данные для заключения договора с издательством ИНФРА-М на публикацию статьи в форматах *.doc* и *.docx* (фамилия, имя, отчество; дата рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан, код подразделения); адрес регистрации с почтовым индексом; адрес проживания с почтовым индексом (если отличается от адреса регистрации); ИНН; номер страхового свидетельства пенсионного страхования; адрес электронной почты (e-mail) для переписки; контактный телефон (мобильный); название статьи);
- две рецензии на статью от докторов наук.

Прочие условия публикации

Редакция оставляет за собой право тематического отбора и редактирования поступивших

материалов. Мнения авторов, изложенные в статьях, необязательно совпадают с мнением редакции. Поступившие в редакцию рукописи не возвращаются.

Авторы несут ответственность за содержание статей, сам факт их публикации, а также за ущерб, причиненный третьим лицам, если выяснится, что в процессе публикации статьи были нарушены чьи-либо права или общепринятые нормы научной этики.

Автору может быть отказано в публикации, если:

- его статья не оформлена в соответствии с данными правилами;
- автор отказался от доработки статьи согласно требованиям редакционной коллегии и рецензента;
- автор не выполнил в срок конструктивные замечания рецензента;
- текст статьи содержит более 10% заимствований.

Окончательное решение о публикации материалов принимает редакционная коллегия.

Адрес редакции: 105043 г. Москва, ул. 4-я Парковая, д. 29

Телефон редакции: 8-499-164-97-61

E-mail для авторов: nsmalikov@yandex.ru